ВНУТРЕННИЙ ПРЕДИКТОР СССР

Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными.

В пересказе Иоанна, 8:31, 32.

“Мастер и Маргарита”: гимн демонизму? либо Евангелие беззаветной веры

Вторая уточнённая и расширенная редакция

Санкт-Петербург

2004 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Неужто Михаил Афанасьевич Булгаков с 1929 по 1940 г. до конца своей жизни на протяжении 11 лет взвешивал каждое слово текста романа только для того, чтобы спустя чуть менее полувека после его смерти подъезд дома, куда он “поселил” Воланда, стал местом паломничества молодёжи, мечтающей о том, чтобы бытие каждого из них превратилось в сплошной бал беззаботности у Сатаны при жизни и дарованный им покой по смерти? или стал местом паломничества молодёжи, видящей идеал любви в слепящей и страстной привязанности друг к другу мастера[1] *и Маргариты, покорных Воланду?*

Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными.
В пересказе Иоанна, 8:31, 32.

1. Нелепая постановка вопроса?..

Ранним утром четырнадцатого числа осеннего месяца сентября 1999 года радиостанция «Свобода», ставшая протезом совести и интеллекта для многих российских интеллигентов, порадовала слушателей тем, что роман Михаила Афанасьевича Булгакова “Мастер и Маргарита” признан на Западе лучшим романом XX века.

И казалось бы “свободолюбцам” есть с чего радоваться: сцены посещения Москвы Воландом наиболее яркие, запоминающиеся, и Сатана в них наказует зло, не отказывая в удовольствии и читателям посмеяться и молча поиронизировать вместе с ним над недалёкими алчными москвичами и их пороками; поддерживает Маргариту в её “любви” к тихому мастеру, который сам «мухи не обидит» и пишет роман о гуманисте Христе и его ученике Пилате; и чуть ли не единственно у Сатаны творчество мастера находит признание; Сатана даёт мастеру и Маргарите посмертный покой, предоставляя им возможность полноты наслаждения друг другом и общения с друзьями, которого они не знали в жизни на Земле. Чего большинству надо в жизни и по смерти сверх того? И “сами собой” напрашиваются «очевидные выводы».

Короче: Воланд — «князь мира сего», и совсем не страшный, и даже в чём-то несчастный, вызывающий к себе жалость определённой неустроенностью его бытия: принципиальная неразделимость одинокой судьбы с кем бы то ни было; приходится постоянно общаться со всякой мразью, не вызывающей уважения; кроме того у него болит колено, которое выздоровеет лет через триста и т.п. И если его не гневить, подобно незадачливому барону Майгелю, по неведению хватившему через край и решившему настучать на Сатану в НКВД; или не путаться самонадеянно у него под ногами, как то делали Берлиоз и администрация театра “Варьете”; с уважением относиться к другим индивидам, включая и самого Воланда, соответственно их *иерархическому статусу, проистекающему из способностей и навыков оказать то или иное воздействие на окружающих и стечение обстоятельств,* то с ним вполне можно как гласно, так и на основе молчаливого взаимопонимания договориться о взаимовыгодном сотрудничестве. После этого якобы можно жить в своё удовольствие припеваючи под властью такого «князя мира сего», а по смерти обрести не возмущаемый никем покой подобно мастеру и Маргарите.

Бог же, как кажется на первый поверхностный взгляд, в отличие от Воланда, не только не присутствует в романе явно во всей полноте Его вседержительной мощи либо в образе одной из «ипостасей», но и неявного Его присутствия как-то незаметно. Бог в романе, как и в повседневно наблюдаемой каждым жизни, как бы не у дел: если Он и существует, то занят чем-то своим, а люди живут, как хотят, борются друг с другом и складывающимися вокруг них жизненными обстоятельствами, а Сатана творит, что желает, производя на многих впечатление, что он, если и не Вседержитель, — то держится со Всевышним и верными ему на равных, будучи легитимным и всевластным удельным «князем мира сего». Бога в романе, как и в реальной жизни, якобы то ли нет, то ли он якобы глух к мольбам людей. И соответственно никто не защищает ото зла творящегося на Земле не то, что обычных людей, каких много, например, мастера и Маргариту, но даже исключительного, необыкновенного человека — Иешуа, ко-

[1] В тексте романа “Мастер и Маргарита”, изданном в сборнике вместе с “Белой гвардией” издательством «Мастацкая літаратура» (Минск, 1988 г.), на который мы опираемся, пишется «мастер», а не «Мастер», что и отличает оригинальный текст романа от большинства публикаций о нём и о его авторе и тем самым характеризует и М.А.Булгакова, и большинство пишущих как о нём самом, так и о его произведениях.

торого почти всякий наш невоцерковленный современник легко отождествит с Иисусом Христом; воцерковленные же видят в образе булгаковского Иешуа, если и не злоумышленно глумливую карикатуру на Христа, то свидетельство глубокого заблуждения М.А.Булгакова в вопросах веры, поскольку на их взгляд Иешуа не производит впечатления ипостаси Всевышнего Бога, а также водительствуемого Богом праведного человека; на взгляд многих Иешуа, в лучшем случае, — «гуманист»-одиночка, которому место в «гражданском обществе».

А очевидно пятое[1] «Евангелие от Воланда», включённое в текст романа, казалось бы повторяет в основном то, что известно — по их мнению — большинству о содержании новозаветных канонических текстов. Есть, конечно, какие-то разночтения, но роман, сами понимаете, — не «Священное Писание», а автор его имеет право на художественное творчество: вымысел и воображение, рождающие своеобразное видение фактов жизни как прошлой, так и современной ему. Да к тому же большинству легче прочитать увлекающий роман, нежели читать до скукоты отталкивающую Библию.

Казалось бы всё так…

> И как ни опечалит это иерархов всех церквей имени Христа: по крайней мере в России, большинство молодёжи в наши дни узнаёт для себя что-то о Боге, о Сатане, об истории взаимоотношений людей с каждым из них, о Христе и данном через него учении не от иерархов церквей, не из школьного или вузовского курса «закон Божий», а из романа М.А.Булгакова “Мастер и Маргарита”. То есть историческая реальность в России такова, что представление многих об отношениях людей с Богом и Сатаной сформированы и формируются именно под воздействием этого романа, на основе чего каждый осознанно или бессознательно выбирает, с кем из двух он предпочитает быть в ладу.

Но если светские литературоведы упиваются своей “проницательностью” и “интеллектуальной мощью”, наставляя большей частью друг друга[2] в том, что имел в виду М.А.Булгаков, то богословы церквей, и прежде всего, русскоязычных православных церквей напрасно хранят молчание по вопросу о роли этого романа в формировании религиозных воззрений новых поколений. Рассуждения некоторых воцерковленных литературных критиков, подобные тому, что мы привели в Приложении 3, не входят в рассмотрение затронутой М.А.Булгаковым проблематики, а только показывают, что его воззрения не отвечают церковной традиции. Но это очевидно и без их рассуждений всякому, кто хоть поверхностно знаком с вероучением церкви и прочитал роман. Но сообразны ли Истине воззрения самой православной церкви и воззрения М.А.Булгакова? — это и есть тот вопрос, на который следует отвечать искренне по совести, чтобы не быть лицемерным перед Богом и людьми.

Поэтому русскоязычному православию уклоняться от рассмотрения самой проблематики, затронутой в романе М.А.Булгаковым, этически недопустимо тем более, что М.А.Булгаков — плоть от плоти иерархии церкви, и вскормлен был в её духе, и иерархия церкви — профессиональные богомольцы и богословы — несёт по крайней мере моральную ответственность за дела своих духовных «чад» и «внуков»: отец писателя, Афанасий Иванович, был профессором Киевской духовной академии, членом Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьёва[3]. Биографы характеризуют его как «ученого-священнослужителя, серьёзного историка религиозных теорий»[4]. И хотя он не пожелал дать сыну «духовного образования», но будучи ребёнком профессионального богослова невозможно не получить какого ни на есть домашнего богословского образования. Оно же, будучи полученным *вне формальной обстановки бурсы*[5]*, семинарии или духовной академии, где публичное богословие невзирая ни на что культивирует сложившуюся господствующую традицию, а* в реальной повседневной жизни семьи, может оказаться более содержательным и сообразным объективной истине, нежели образование официально признаваемых профессиональных богословов любой из церквей.

> Соответственно, нравится это профессиональным богословам церквей имени Христа либо нет, но к “Мастеру и Маргарите” им лучше относиться как к богословско-социологическому

---

[1] Канон Нового Завета христианской Библии включает в себя четыре Евангелия: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна.

[2] Широкая читательская аудитория предпочитает читать сами произведения, а не иссушающие комментарии к ним маститых литературоведов.

[3] А.Зеркалов “Лежащий во зле мир” (“Знание — сила”, № 5, 1991).

[4] Вступительная статья П.А.Николаева к роману “Мастер и Маргарита” в издании 1988: М.: «Художественная литература».

[5] Бурса — учебное заведение библейски “православной” церкви казарменного типа в Российской империи. См. Н.Г.Помяловский “Очерки бурсы” (1863).

трактату, написанному для широкой читательской аудитории в форме увлекательного художественного произведения.

Американский писатель Дж.Хеллер одного из персонажей своей “Уловки-22” охарактеризовал словами: «О литературе он знал всё кроме одного: как получать удовольствие от её чтения». Но не лучше и те, кто от чтения произведений художественной литературы не получают ничего кроме наслаждения, оставаясь глухими к смыслу текста и *к смыслу подтекста, извлекаемому ассоциативным мышлением на основе матрицы взаимосвязей как между различными фрагментами произведения, так и между произведением как таковым и самой жизнью*. То есть восприятие сказанного в романе требует размышлений о реальной жизни: одного прочтения романа с наслаждением или без такового или интеллектуального усердия литературных критиков, блуждающих в сюжетных линиях романа и в исторических мифах, относимых к эпохе его создания и описываемых в нём событий начала эры и второй четверти XX века, — недостаточно.

Поэтому начнём с самого простого в надежде отрезвить сладострастных поклонников мастера, Маргариты, Воланда. Вопреки тому, что думают многие, Маргарита никогда не любила мастера, но была привязана к нему страстно в вожделении «поиметь» его в жизни и «иметь» его нескончаемо по смерти, но Любви к кому бы то ни было она в себе не несла: *не взрастила.*

Несчастная женщина: как многие, она в 19 лет выскочила замуж. Муж был старше её. Был он человеком, занимавшим высокий пост, и дом их был, как говорится, «полная чаша». Единственно, чего семье не доставало: не было у них детей, но нам не сообщается, сами они избегали зачатия и рождения либо Свыше не дано было им зачать и родить. Но и муж её, в сюжете романа оставшийся «за кадром», — не её безвинная жертва: он растлевал долгие годы её нравственность, создав в семье условия для безделья Маргариты либо целенаправленно (что было бы невозможно, не будь Маргарита в чём-то изначально нравственно ущербна), либо подчинившись психологическому (возможно) бессознательному диктату самой Маргариты (что также свидетельствует о её нравственной ущербности). В таких условиях, живя за мужем и за прислугой на всём готовом, Маргарита дурела от безделья и не знала, куда себя деть, какому делу посвятить себя, и естественно, испытывала чувство неудовлетворённости жизненными обстоятельствами и была не прочь беззаботно и безответственно «поискать приключений» на своё «что придётся».

В таком нравственно обусловленном ущербном <u>настроении ума и сердца</u> она познакомилась с тем человеком, к которому у неё возникла психологическая привязанность, ложно отождествлённая ими обоими с любовью. После чего Маргарита длительное время жила ложью в своей семье, а ложь и Любовь *две сути несовместны.*

Внезапно привязавшись страстно к новому знакомому, она сама возвела его, так и оставшегося в романе безымянным, в ранг «мастера», какое название вне всякой профессиональной корпорации с её внутренним «гамбургским счётом» однозначно означает: носитель этого титула возглавляет масонскую ложу. В обычных обстоятельствах это было бы самочинством, но… как мы узнаём из дальнейшего: она — «прапрапраправнучка одной из французских королев, живших в XVI веке» (гл. 22), и потому её право на возведение в степень было признано Воландом, как неотъемлемо присущее ей по факту происхождения от определённых предков. Так изящно М.А.Булгаков показал, кто в действительности является верховным куратором масонства.

И всё свершаемое Маргаритой в романе говорит о том, что она принадлежит к тому типу людей, которые в искренней убеждённости, что творят исключительно благое, доведут до погибели всякого, кто доверит им свою судьбу. Это прямо показано в эпизоде, когда она представляет Сатане мастера, только что извлеченного властью Воланда по её просьбе из мест, где мастер перед этим оказался не без её же соучастия.

После опустошения второго стакана “благородного” спиртного, предложенного мастеру Воландом, дабы тот взбодрился, Воланд начал разговор с появившимся пришельцем:

«— Ну вот, это другое дело, — сказал Воланд, прищуриваясь, — теперь поговорим. Кто вы такой?

— Я теперь никто, — ответил мастер, и улыбка искривила его рот.

— Откуда вы сейчас?

— Из дома скорби. Я душевнобольной, — ответил пришелец.

Этих слов Маргарита не вынесла и заплакала вновь. Потом, вытерев глаза, она вскричала:

— Ужасные слова! Ужасные слова! Он мастер, мессир, я вас предупреждаю об этом. Вылечите его, он стоит этого.

— Вы знаете, с кем вы сейчас говорите, — спросил у пришедшего Воланд, — у кого вы находитесь?

— Знаю, — ответил мастер, — моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас.

— Как же, как же, — отозвался Воланд, — я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах. Он едва не свёл меня с ума, доказывая, что меня нету! Но вы-то верите, что это действительно я?

— Приходится верить, — сказал пришелец, — но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации. Извините меня, — спохватившись, прибавил мастер.

— Ну, что же, если спокойнее, то и считайте, — вежливо ответил Воланд.

— Нет, нет, — испугано говорила Маргарита и трясла мастера за плечо, — опомнись! Перед тобою действительно он!

Кот ввязался и тут:

— А я действительно похож на галлюцинацию».

То есть первое, что сделала Маргарита, обретя своего *любовника (её собственные слова)* — якобы «возлюбленного», — тут же «настучала» на него и «сдала» его Сатане: он, дескать, — не бесцветная серость из толпы простонародья, он — мастер, «ценный кадр»; в нашем общем деле пригодится, надо вылечить (для Сатаны прислушиваться к «стуку» имеет смысл, поскольку всеведением Бога он не обладает, а в «стуке» может быть сообщено что-то значимое для него).

Согласитесь: «настучать» на “любимого” и «сдать» его Сатане в угоду *вожделению иметь “любимого” (человека) для себя* **во что бы то ни стало** — это то, к чему воистину Любящий[1] никак не способен.

И мастер оказался в дурдоме действительно не без соучастия Маргариты. Сердце-вещун Маргарите не подсказало, что “возлюбленный” входит в нравственно-мировоззренческий кризис: она его покинула накануне самого критичного для судеб их обоих времени его жизни. Полезно вспомнить, что и последние деньги мастера перед этим оказались у неё. Хотя не деньги в их отношениях были главным, но всё же без тех 100.000 рублей их “идиллия” в подвальчике была бы невозможной; а как только деньги стали подходить к концу — так обстоятельства сложились “сами собой” так, что Маргарита исчезла со словами, что «ей легче было бы умереть, чем покидать мастера в таком состоянии одного». Но всё же ей оказалось легче покинуть мастера, хотя она чувствовала и знала, что до́лжно остаться, чтобы помочь ему своею Любовью, которую она так и не смогла в себе пробудить. Она, правда, обещала вернуться «завтра», но ситуация требовала её присутствия «прямо сейчас». С её же уходом ситуация, не дожидаясь наступления «завтра», немедленно разрешилась жизненной катастрофой мастера…

Такое “трагическое” стечение обстоятельств естественно для страстной взаимной привязанности людей друг к другу, но оно невозможно в жизни Любящих[2]. Если в душе есть хотя бы одна искорка изначально негасимой Любви, то Любящий человек не мог бы найти себе иного места, кроме как быть рядом с возлюбленным в трудное для того время; и любящий оказался бы рядом, если и не упреждающе заблаговременно, то, по крайней мере, не пришёл бы уже тогда, когда человеческими силами уже ничего невозможно исправить. И уж никак бы Любящий человек не смог уйти накануне трагической развязки ситуации: душа согласилась бы с сердцем-вещуном, но Маргарита не согласилась ни с сердцем, ни с разумом, которые подсказывали ей всё правильно.

Хотя к потере друг друга, необратимой силами *человека в обыденности*, пришли двое, но если говорить о вкладе Маргариты, то произошло это потому, что Маргарита самолюбовалась всегда и везде: самолюбовалась, когда была девочкой; самолюбовалась в девушках; самолюбовалась в безделье замужества; уйдя от мужа, самолюбовалась тем, что *она, как ей казалось,* а не кто-то другой, “сделала” из

---

[1] Коран, сура 19: «94(93). Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб; (94). Он перечислил их и сосчитал счётом. 95(95). И все они придут к Нему в день Воскресения поодиночке. 96(96). Поистине, те, кто уверовал и творил добрые дела, — им Милосердный дарует Любовь».

Как бы кто ни относился к Корану, но человек действительно не может обрести Любовь иначе, как отдав себя Богу без ужаса перед адом и без вожделения рая, а просто — с доверчивостью. Всё иное — страсти или привязанности, извращающие суть человека, его психику, и интеллект, в частности.

[2] «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте…» потому, что юноше и девушке, преисполненным бесхитростной благонамеренности, Свыше была предоставлена возможность примирить в своей Любви два издавна враждующих клана, а они спалили эту возможность в пламени страстей и погибли сами… и некому было им помочь свершить всё наилучшим образом: монах — будучи книжником, а не жрецом, — не смог объяснить им происходящее, и ступив на путь лжи (организация имитация смерти), он убил обоих.

Всё остальное, что сказано по поводу этого шекспировского сюжета за несколько веков, — высокопарно, но не по существу показанного Шекспиром.

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте…»

простого музейного работника, каких много, единственного и неповторимого «мастера»[1]; была опьянена собою в полёте на шабаш и мстила литературным критикам за то, что те не признали гениальности сотворённого ею, как ей казалось, мастера, т.е. не признали опосредованно гениальности её самой; самолюбовалась перед зеркалом; самолюбовалась на людях; несмотря на свой несчастливый брак жила в своё удовольствие: курила, выпивала, блудила.

> И всё же, есть не мало таких женщин, и Маргарита из их числа: *одари её эликсиром вечной красоты и юности, — она со временем станет старой дурой,* конечно, если внешние — не подвластные ей обстоятельства — не принудят её переосмыслить всё прожитое и намерения на будущее и изменить себя в соответствии с переосмыслением жизни.

Но и «мастер» — не пример для подражания: безвольный, бегущий от проблем реальной жизни “интеллектуал”, идеал бытия которого — проедать жизнь в своё удовольствие на всём готовом. От “новых русских” наших дней и тогдашних нэпманов он отличается только бóльшей образованностью и отёсанностью культурой, что и определяет характер желанных для него удовольствий. В своём же отношении к Жизни он не отличим от них: все они — невольники страсти к получению удовольствий.

Реально мастер — паразит, хотя и благообразный отчасти, но не *творец от щедрот души*. Роман «про Пилата», написанный им, возник как результат того, что он выиграл в лотерею 100.000 рублей. Если бы не выигрыш в лотерею 100.000 рублей, то никакого романа «про Пилата» не было бы.

Лотереи — разновидность азартных игр, хотя и не все испытывают азарт, покупая лотерейные билеты. Азартные игры — удел Сатаны, а не поприще для трудов праведных. Так, что гонорар в 100.000 рублей за ещё не написанный им роман мастеру подкинул никто иной, как сам Воланд, доступными ему средствами воздействия на исход тиража лотереи.

То что гонорар упредил написание романа, — это стечение обстоятельств, управляемых не мастером. Есть люди, не способные к “творческому” взлету без предоплаты, и мастер — один из них. Зная это, Воланд подтолкнул его к написанию романа, обеспечив выигрыш имевшегося у мастера лотерейного билета. Гонорар вручен изящно и юридически безупречно, в отличие от случая с А.Б.Чубайсом. Но нравственно-этически мастер даже хуже А.Б.Чубайса: тот всё таки сначала возглавил проворачивание грабительской приватизации в России, потом написал (либо заказал кому-то) книжку об этом, и только после этих трудов, хоть и неправедных, ему пытались выплатить гонорар, что вызвало скандал.

Будь мастер способен написать от души хоть что-то в свободное от работы как у всех время, то и начал бы он работать над романом прежде, чем выиграл в лотерею «грант». И был бы его роман содержательно несколько иным, поскольку выражал бы иную нравственность.

Из трудов праведных вошли в художественное творчество многие деятели русского искусства. Те кто не ступил на путь профессионального художественного творчества с юности изначально, прежде чем были признаны в качестве выдающихся художников-творцов, до того успели состояться в качестве профессионалов в иных областях деятельности. Композиторы: А.П.Бородин — химик, Ц.П.Кюи — инженер-генерал, фортификатор, Н.А.Римский-Корсаков — офицер флота; писатели: Л.Н.Толстой — успел стать хорошим артиллеристом, честно прошёл всю Севастопольскую оборону и не прятался от войны по тыловым частям и в ГУЛАГе, что отличает его от А.И.Солженицына[2], изолгавшего в своих

---

[1] «Тот, кто называл себя мастером, работал, а она, запустив в волосы тонкие с остро отточенными ногтями пальцы, перечитывала написанное, а перечитав, шила вот эту самую шапочку (у мастера была чёрная шапочка с жёлтой буквой «М»: наше пояснение при цитировании). Иногда она сидела на корточках у нижних полок или стояла на стуле у верхних и тряпкой вытирала сотни пыльных корешков. Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером. Она дождалась этих обещанных уже последних слов о пятом прокураторе Иудеи, нараспев и громко повторяла отдельные фразы, которые ей нравились, и говорила, что в этом романе есть жизнь» (гл. 13).

Если же снова вернуться к шапочке с некой буквой, сшитой Маргаритой, и посмотреть на неё с другой стороны, то это буква «W», а не «М». То есть так Маргарита, допустив двусмысленность, посвятила своего “возлюбленного” Воланду, у которого на визитке как раз и была буква «W».

В истории искусств XX века есть и реальная «мастерица». Галина Дьяконова в 1916 г. покинула Россию, чтобы выйти замуж за французского юношу — поэта Поля Элюара. В 1929 г. они развелись, после того как в их дом вошёл мало тогда кому известный застенчивый художник из Испании Сальвадор Дали. Вскорости она вышла замуж за Сальвадора Дали, который был гораздо моложе неё, и сделала С.Дали тем, кем он стал. Он звал её «Гала». Знавшие Галу характеризуют её как властную, честолюбивую, умную женщину, которая знала чего хочет и умела этого добиваться. С.Дали боготворил её, желая изобразить её в образе Мадонны. Их семейной страстью стали деньги, и их приносило художественное творчество С.Дали.

[2] Звукометрические батареи, в одной из которых проходил службу во время войны А.И.Солженицын, не имели на вооружении ни одной пушки. Это — инструментальная артиллерийская разведка, личный состав которой

→→→

произведениях историю до и после 1917 г.; А.П.Чехов, сам М.А.Булгаков — сначала состоялись как практикующие врачи, а только потом были признаны писателями; А.П.Платонов, уже в советскую эпоху, современник М.А.Булгакова и персонажей его романа, — инженер, автор многих изобретений, часть из которых не потеряли значимости и в наши дни; художник Н.А.Ярошенко (1846 — 1898), из группы «Передвижников» — кадровый военный, инженер, один из руководителей Петербургского патронного завода[1]; режиссёр К.С.Станиславский, давший начало целой эпохе в истории театра, — начинал как владелец завода и организатор производства электрических кабелей в России (передовая отрасль промышленности для конца XIX — начала XX века). И это — только некоторые примеры.

Мастер же из тех "творцов", что и Иосиф Бродский. Позиция такого рода художников может быть выражена примерно так:

"Работать как все, а тем более на совесть среди всех "этих" простолюдинов — мне в тягость. Обеспечьте мне комфортные условия для гениального художественного творчества. А если где-то гениальность моя для вас не очевидна, то "раскрутите" в обществе признание того, что я вам поставляю, при помощи профессиональных критиков и искусствоведов: всё равно они сами — такие же, как и я, нелюбители работать, но в отличие от меня, — творческие импотенты, которые сами не могут ничего создать и потому работают во вторичных "жанрах" критики и искусствоведения. Им от безделья всё равно какой дурью маяться, так пусть уж меня "раскручивают", коли от работы отлынивают".

Такие художники, искусствоведы и прочие "творческие" личности находят поддержку исключительно у Воланда на зависть менее талантливым дармоедам, ненасытные легионы которых показал М.А.Булгаков в составе «Массолита», и которые способны сожрать всё, не дав ни людям, ни Природе сами ничего…

> Паразит по нраву (т.е. по не осознанному им паразитическому убеждению) не способен Любить, будь он воплощён в теле хоть мужчины, хоть женщины, ибо Любовь — одаривает окружающих, а не требует от них чего-либо и не стоит перед ними немым, но ненасытно-алчным укором. Мастер и Маргарита — «два сапога пара», но никак не чета Любящих.

В приведённом эпизоде «явления мастера Воланду» показано и ещё одно принципиальное свойство демонизма вообще[2], только частным случаем которого является отъявленный сатанизм. Люди в их большинстве, и особенно в среде абстрактно-гуманистической интеллигенции, признают друг за другом «право» на какое угодно мировоззрение, на какие угодно мнения, при этом по умолчанию признавая и право уклоняться от ответа по существу на вопрос: «Что есть истина?»

Сатана ведёт себя точно также: «если спокойнее, то и считайте», что он не существует.

был вооружён только личным стрелковым оружием. Их берегли как зеницу ока от непосредственного боевого соприкосновения с противником, поскольку они были единственным средством, позволявшим выявить места расположения стреляющих артиллерийских батарей противника на основе анализа замеров распространения звука выстрелов. Поэтому они практически никогда не дислоцировались на передовой, а только в ближнем тылу. Но А.И.Солженицын спрятался от войны в ГУЛАГе, написав письмо, содержание которого гарантировало его удаление из действующей армии: он знал о том, что вся корреспонденция проходит военную цензуру, знал, что пишет в своих письмах и предвидел, какие это будет иметь последствия.

К сожалению, А.И.Солженицын не нашёл сил и пути к тому, чтобы преодолеть программу «Лгать», заложенную в его фамилии: Со-ЛЖЕ-ницын. Отчество «Исаиевич» — подчинение его психики ещё одной лживой программе, на сей раз культово-эгрегориальной библейской программе по воплощению в жизнь доктрины "Второзакония-Исаии", о которой речь пойдёт далее. Её суть — в построении глобального расового "элитарно"-невольничьего государства на основе иудейской корпоративной монополии на ростовщичество и терпеливой покорности якобы христианской паствы этому диктату как выражению якобы истинного Промысла Божиего: якобы «Христос терпел и нам велел».

[1] Покинул службу в 1893 г. в чине генерал-майора.

[2] Главное качество демонизма — мотивированное (умышленное) либо немотивированное (не умышленное) стремление индивида обособиться от Бога. То есть *демонизм вообще* — это более широкое явление, чем осатанелость, если под осатанелостью понимать осознанное вхождение в иерархию демонических сущностей, целенаправленно противоборствующих Божьему Промыслу, и подчинение индивида этой иерархии. А.С.Пушкин охарактеризовал демонизм так:

«Неистощимой клеветою / Он Провиденье искушал; / Он звал прекрасное мечтою; / Он вдохновенье презирал; / Не верил он любви, свободе; / На жизнь насмешливо глядел — / И ничего во всей природе / Благословить он не хотел» ("Демон").

Но именно в отношении к вопросу «Что есть Правда-Истина в конкретных общественно исторических обстоятельствах?» обнажается всякий демонизм, как бы он ни пёкся о «правах человека», отрицая за человеком право на знание Правды-Истины. В романе “Мастер и Маргарита” мастер не делает каких-либо деклараций по этому вопросу, однако реальная жизнь знает и крайне агрессивные и художественно сильные выражения позиции, требующей уходить от ответа на этот вопрос всегда и во всех обстоятельствах. Обратимся к воспоминаниям Н.И.Рыжкова, бывшего Председателем Совета Министров СССР в эпоху М.С.Горбачева:

«Ценю злую точность Галича: *«Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы, не бойтесь мора и глада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: “Я знаю, как надо!” Кто скажет: “Идите, люди, за мной, я вас научу, как надо!”* (…)[1] *Гоните его! не верьте ему! Он врёт! Он не знает, как надо!»* (Н.И.Рыжков “Десять лет великих потрясений”, Москва, «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995 г., стр. 29).

Действительно в эпохи кризисов в обществе активизируется множество людей, которые заявляют, что они знают «как надо». Многие из них заявляют это безосновательно, вследствие чего следовать их поучениям вредно. Тем не менее, их самих лучше не гнать, как то советует Галич, программируя возникновение новых инквизиций, гестапо, ГУЛАГа, а оставить наедине с их мнениями в реальной жизни. Но среди них могут быть и те, кто не ошибается в оценках открывшегося им знания. Однако, если окружающие, как бараны, как одержимые следуют рецепту А.Галича и гонят и травят их вместо того, чтобы подумать над их словами и принять их знание к руководству в жизни, то кризис будет обостряться. Если же очевидного кризиса, взявшего за горло общество, пока ещё нет, то он неизбежно возникнет в будущем как результат предлагаемого А.Галичем отношения к Правде-Истине и её выразителям в обществе — тем, кто заявляет о своём знании того, «как надо», а по существу — как дóлжно.

И реально жертвой приведённых *злых* разрушительно-самоубийственных поэтических строк стал и их автор — сам А.Галич: эмигрировав из СССР, он погиб в результате короткого замыкания в магнитофоне, с которым работал (для его самоликвидации хватило незнания им всего лишь мелкой бытовой проблематики, а не глобальной общечеловеческой, на знание которой он всё же претендовал вопреки своему же брошенному в общество кличу травить тех, кто знает «как надо»).

Жертвой своего коленопреклонённого согласия с А.Галичем стал и Н.И.Рыжков, который с таким разрушительно-самоубийственным отношением к жизни и людям оказался на посту главы правительства СССР вследствие чего, во-первых, нажил себе к январю 1991 г. инфаркт (в этом проявилась самоубийственность *нравственно обусловленного* мировоззрения), и во-вторых, он воспользовался инфарктом как благовидным предлогом для того, чтобы оставить этот пост и *трусливо* ***бежать*** **с поля боя за нашу Советскую Родину**, предав тем самым миллионы тех, кто оказался под властью извращённой партийно-советской государственности (в этом проявилась разрушительность этого мировоззрения по отношению к обществу и среде обитания).

Кто-то может возразить: *А что мог поделать один Н.И.Рыжков?* И на этот вопрос есть ответ: с таким мировоззрением и отношением к Жизни он ничего благодетельного действительно не мог и не может сделать, а кроме того такое мировоззрение обрекает общество на разобщение и потому каждый, кто его несёт в себе и не может от него освободиться, — обречён на одиночество, даже если он и член какой-либо корпорации.

Поэтому реально вопрос в другом: ***А что Н.И.Рыжков не сделал для того, чтобы мочь (в том числе и в одиночку)?*** **— однако этот вопрос не только к нему, но и к большинству наших современников.**

Жертвой выраженного А.Галичем отношения к вопросу об истине и ей сопричастных в обществе пал и весь «советский народ», который взрастил в себе целое поколение рвачей-карьеристов, к началу перестройки возглавивших правящую партию, государственность, науку, которые и сами не знали «как надо», и гнали тех, *кто знал хотя бы как не надо и думал над тем, как надо.* Это и привело не к десяти годам, а к длящейся и поныне[2] эпохе великих потрясений. И череда техногенных катастроф от Чернобыля 26 апреля 1986 г. до гибели АПЛ “Курск” 12 августа 2000 г. — результат того, что гнали тех, кто если ещё и не знал, «как надо», то уже *точно знал, как не надо,* и был способен дать безопасный для жизни общества ответ на вопрос «как надо?», удовлетворяющий требованиям времени.

[1] Опущены рассуждения Н.И.Рыжкова, разрывающие понравившуюся ему цитату из А.Галича.
[2] 5 ноября 2000 г.

А.Галич и солидарные с ним не желают знать ответы на вопрос «как надо». И потому они готовы без устали драть горло, чтобы уверить всех, что это — единственный вопрос, на который нет и не может быть ответа. **А не желают они знать ответ на этот вопрос единственно потому, что хотят, чтобы *"хорошо" было исключительно каждому из них за счёт угнетения других,* но не всем людям без исключения на основе взаимной щедрости каждого.** Именно "благодаря" господству в обществе мировоззренческой позиции, злобно-агрессивно и точно выраженной А.Галичем, к праведному образу жизни человечество переходит через эпоху катастроф (революций и контрреволюций), а не «эволюционно», т.е. без великих потрясений.

Но вне зависимости от того, позволяется ли по-воландовски снисходительно придерживаться всякого мнения безотносительно к тому, в чём оно ошибочно, либо по-галичевски открыто бросается клич без веры и без раздумий травить тех, кто прямо заявляет о своей сопричастности Правде-Истине, демонизм, включая и сатанизм, всегда по существу уклоняется от того, чтобы следовать в жизни *тому, что есть истина,* даже в тех случаях, когда истина неоспоримо известна.

Бог же не признаёт за человеком права уклоняться от этого вопроса или уходить от него ответом «не могу и не хочу знать».

Бог не признаёт за человеком права упиваться ложными мнениями, одной из разновидностей которых являются откровенно атеистические убеждения (материалистический атеизм), в которых выражается демонизм вообще, а не только *сатанизм — как целеустремлённая оппозиция Божьему Промыслу.* Но Бог не поддерживает и ложные вероучения о Нём самом (идеалистический атеизм), которые плодят в культуре разноликие системы подавления человека социальной магией, изображающей из себя истинное богослужение. Иными словами:

- материалистический атеизм прямо *провозглашает бытие Божие плодом вымыслов людей;*
- идеалистический атеизм, ***прямо провозглашая бытие Божие как объективную данность,*** однако *порождает вероучения, следуя которым человек оказывается не в ладу с Богом и в конфликте с Божьим Промыслом, тем более остром, чем более он убеждён в истинности вероучения и чем более непреклонно следует ему в жизни.*

И в том, что все исторически реальные культы, провозглашающие Библию в её исторически сложившихся редакциях «священным писанием», истинно передающим «слово Божие», являются по их существу системами социальной магии, порабощающими людей и уводящими их от Бога, состоит точка зрения богословия Русской цивилизации, подтверждаемая исторически: то есть единством религиозной и светской истории человечества.

Однако Бог признаёт за человеком право на ошибку[1], а признавая за человеком право ошибаться, Он приводит к истине всякого, кто не противится Его водительству на пути освобождения как личности, так и общества от заведомой лжи и ошибок[2]. Но на этом пути людям приходится отказываться от свойственных им прежде ошибочных и заведомо ложных мнений и от ошибочной и ложной этики, в которой повседневно выражаются их нравственно-мировоззренческие ошибки, в том числе и в вопросах веры и религии.

Тем не менее многие — *вследствие не осознаваемого ими (а равно и осознаваемого) свойственного им же демонизма* — воспринимают необходимость отказа от прежних и нравственно приятных им мнений как посягательство на их свободу, на свободу их самовыражения. И это особенно характерно для представителей интеллигенции как социальной корпорации, сложившейся на основе взаимной поддержки индивидуалистов — большей частью носителей демонического строя психики.

Соответственно гласно провозглашённое Сатаной разрешение пребывать при каких угодно мнениях *безотносительно к тому, истинны эти мнения либо ложны,* вызывает радостный отклик во всякой демонической душе, являющейся невольницей ставших её достоянием мнений и уклоняющейся на их

---

[1] «Нет на вас греха, в чём вы ошиблись, а только в том, что замышляли ваши сердца. Бог — прощающий, милосердный!» (Коран, 33:5).

[2] «Да, Мы поражаем истиной ложь, и она её раздробляет, и вот — та исчезает, и вам — горе от того, что вы приписываете <ложного к Откровениям: наше пояснение при цитировании>» (Коран, 21:18(18)).

основе от поисков истины и, как следствие, — от очищения культуры и коллективной психики общества от заведомой лжи и искренних заблуждений. **Это обстоятельство и объясняет как популярность романа “Мастер и Маргарита” в неправедном обществе, так и одну из причин того, почему “свободолюбцы” с радио «Свобода» провозгласили его «романом XX века».**

И хотя погибший в начале романа Михаил Александрович Берлиоз тоже придерживался тех мнений, каких ему хотелось по его нравам, однако его пример показывает, что такого рода демоническая этика и признание права на “свободомыслие” у Воланда предназначены для общих деклараций, а сам он придерживается их далеко не во всех конкретных случаях и по отношению не ко всем конкретным персонам. А накопившаяся статистика исключений из этого провозглашаемого во все века сатанистами абстрактно-общего “правила” объективно показывает, что сам Воланд руководствуется иным мировоззрением и придерживается иной этики.

Как можно понять из дальнейших событий романа, М.А.Берлиоз погиб под колёсами трамвая вследствие того, что при посещении Москвы Воланд принял решение остановиться в его комнатах коммунальной квартиры и при этом не желал “стеснять своим присутствием” её постоянных жильцов. Соседу Берлиоза по коммуналке — директору театра Варьете Степе Лиходееву — повезло больше, нежели Берлиозу (его вышвырнули в Ялту на всё время визита Воланда в Москву).

Однако, противодействуя Всеблагому, Сатана знает, что есть пределы дозволенного ему Свыше, и потому целенаправленно заботится о том, чтобы самому, когда он подталкивает к «генеральному наступлению на грабли» других, не наступить на те же или на рядом положенные «грабли». Прослушав изрядную часть беседы почти что уже погибшего М.А.Берлиоза с пока ещё литератором, а в перспективе профессором-историком, Иваном Николаевичем Бездомным-Понырëвым[1], Воланд, не обладающий всеведением Бога, вторгается в их разговор, чтобы уточнить важнейшее для всей его деятельности в обществе людей обстоятельство:

«Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? — спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зелёный глаз.

— Нет не ослышались, — учтиво ответил Берлиоз, — именно это я и говорил.

— Ах, как интересно! — воскликнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» — подумал Бездомный и нахмурился.

— А вы соглашались с вашим собеседником? — осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному <Воланд сел на скамейку между ними: наше пояснение при цитировании>.

— На все сто! — подтвердил тот, любя выражаться вычурно и фигурально.

— Изумительно! — воскликнул непрошеный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: — Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, ещё и не верите в Бога?[2] — Он сделал испуганные глаза и прибавил: — Клянусь, я никому не скажу.

— Да, мы не верим в Бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз, — но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

— Вы — атеисты?!

— Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

— Ох, какая прелесть! — вскричал удивлённый иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

— В нашей стране атеизм никого не удивляет, — дипломатично вежливо сказал Берлиоз, — большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге[3].

---

[1] Фамилия Понырев от слова «поныры», которое согласно “Словарю живого великорусского языка” В.И.Даля (т. 3, стр. 289) имеет смысл не только «ныряльщик», но и «пройдоха», «пролаз», т.е. проходимец.

[2] Вопросы Воланда показывают, что догмат о Троице его ни коими образом не беспокоит, и он в жизни находит более безопасным для себя руководствоваться иной догматикой: Иисус для него — не Бог, а человек, сын человеческий. Бог — один, Он — Творец и Вседержитель. Полезно заметить, что по свидетельствам канона Нового Завета у Христа не было каких-либо догматических разногласий с иудеями, которые исповедовали строгое единобожие. Христос не проповедовал догмата о Троице; он появился уже после его вознесения и после ухода знавших его при жизни апостолов в мир иной; догмат о Троице — измышление кураторов и отцов-основателей исторически реальных христианских церквей, возведённое ими в ранг Откровения.

[3] Орфография цитируемого издания принадлежит эпохе материалистического атеизма, соответственно в нём везде слово «бог» пишется со строчной буквы. В предыдущем случае слово «Бог» нами набрано с заглавной (прописной) буквы потому, что, если для Берлиоза «бог» пустое слово, то для Воланда «Бог» — Всемогущая надмирная реальность, с которой он персонально не в ладу. Памятуя о том, что Воланд — не атеист, в отличие от Бер-

→→→

Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумлённому редактору руку, произнеся при этом слова:

— Позвольте вас поблагодарить от всей души!

— За что это вы его благодарите? — заморгав, осведомился Бездомный.

— За очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно, — многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чудак».

Именно признавшись Сатане в своём неверии в Бога и неверии Богу в жизни и по смерти, М.А.Берлиоз сам утвердил смертный приговор, вынесенный ему даже не Сатаной, а стечением жизненных обстоятельств, в которых он оказался. Разница между ним и Воландом в одном: Воланд, обладая более мощной системой чувств, знал, что «Аннушка уже пролила масло», и видел один из многих вариантов алгоритма дальнейшего возможного течения событий, который он и намеревался осуществить; а М.А.Берлиоз, не только не знал сам, что «Аннушка уже пролила масло», но и не придал должного значения этому сообщению Воланда, когда тот уведомил его об уже свершившемся, как оказалось в последствии, — убийственном для него — пролитии масла. К сожалению, самонадеянность, какую явил в этом эпизоде М.А.Берлиоз, не редкостна, а типична для современного общества и в России, и на Западе.

В силу своего намерения остановиться без помех в квартире М.А.Берлиоза, о чём Воланд также уведомил ещё только будущего покойника (гл. 3), он стоял перед вопросом: сможет ли он реализовать эту возможность в отношении М.А.Берлиоза, либо при такого рода попытке с его стороны будет иметь место прямое адресное вмешательство Свыше, в результате чего М.А.Берлиоз благополучно разминётся с трамваем. М.А.Берлиоз успокоил Воланда своим заверением в приверженности атеизму, и Воланд поблагодарил его за эти сведения — действительно очень важные для осуществления его намерений.

При этом надо отдать должное: по житейским меркам современности Воланд — не крохобор подобно многим другим демоническим сущностям. Он даже проявил своего рода великодушие: оставшееся до встречи Берлиоза и трамвая время Воланд посвятил просвещению Берлиоза и Бездомного-Понырева в вопросах существа бытия и отношений человека и человечества с Богом, *что в принципе могло бы спасти Берлиоза и Бездомного ото всех постигших их в дальнейшем неприятностей, если бы они отнеслись к рассказанному им с должным пониманием*.

В частности, Воланд напомнил Берлиозу и довёл до сознания беспредельно невежественного ещё в то время Бездомного важнейшие богословские сведения:

«— Но, позвольте вас спросить, — после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, — как же быть с доказательствами бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять?

— Увы! — с сожалением ответил Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

— Браво! — вскричал иностранец, — браво! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила Канта по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

— Доказательство Канта, — тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, — также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус[1] просто смеялся над этим доказательством».

Здесь действительно сказано основное: **все интеллектуально-рассудочные доказательства, а равно опровержения бытия Божия — вздорны**.

Разум всякого индивида, включая и человека, и Воланда — ограничен, ограничены и их знания. Вследствие этого всегда есть то, что остаётся принимать на веру. Отказ от *составляющей веры* в мировоззрении и миропонимании влечёт за собой их ущербность, т.е. неполноту, ограниченность. Вера же позволяет расширить мировоззрение и миропонимание до границ Объективной реальности, будучи

лиоза и Бездомного-Понырева, такого разделения в написании этого слова при цитировании мы придерживаемся и далее.

[1] Давид Фридрих Штраус (1808 — 1874) немецкий теолог и философ-младогегельянец. В сочинении "Жизнь Иисуса" (т. 1, 2, 1835 — 36 гг.) отрицал достоверность новозаветных канонических евангелий, считал Иисуса исторической личностью. В дальнейшем склонялся к пантеизму (т.е. обожествлению Мироздания) ("Советский энциклопедический словарь", 1986 г., стр. 1531).

способной объять всё. Однако принятие чего-либо на веру обладает своей спецификой: принятие на веру, а равно и отказ принять на веру ту или иную определённую информацию, определённый смысл в конечном итоге обусловлены в психике индивида его истинной нравственностью, которая также определяет и алгоритмику его сознательной и бессознательной интеллектуально-рассудочной деятельности.

> То есть объективно порочная нравственность позволяет принять на веру в качестве истинных ошибочную и заведомо ложную информацию, а праведная нравственность исключает принятие лжи и ошибок на веру в качестве истины. Смысл религиозной жизни — приведение нравственности к объективной праведности, а веры к истине, что достижимо только с Божией помощью, поскольку Бог всемогущ и всеведущ.

Но вопреки тому, что многие думают, что доказательств бытия Божиего нет, они всё же есть и неоспоримы для тех, кто внимателен к жизни:

> Бог даёт доказательство Своего бытия на веру, а не на разум. Оно носит по его существу нравственно-этический характер и состоит в том, что Всевышний отвечает молитве верующего Ему тем, что обстоятельства его жизни изменяются соответственно смыслу его молитв тем более ярко и явственно, чем более он сам нравственно праведен и отзывчив Богу, когда Бог обращается к нему персонально через его совесть, через других людей, через памятники культуры или как-то иначе на языке жизненных знамений[1]. Бог всегда отвечает искренней осмысленной молитве: и даже если не происходит изменения жизненных обстоятельств в соответствии с её смыслом, то даётся тот или иной ответ на вопрос «почему?». В этом диалоге разум индивида только осмысляет даваемое Свыше, вводя его в систему миропонимания индивида, изменяя его нравственность и мировоззрение в направлении объективной праведности либо в направлении дальнейшего уклонения от неё.

Собственно седьмое — нравственно-этическое — доказательство бытия Божия и было предъявлено Берлиозу и Бездомному в форме смерти под колесами трамвая Берлиоза, отрекшегося от Бога и безнадёжного в своём неверии. Этот результат соответствовал «вере» Берлиоза в том стечении вокруг него жизненных обстоятельств, которые более знающий Воланд и описал ему в основных чертах:

«— Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?

— Сам человек и управляет, — поспешил сердито ответить Бездомный, на этот признаться, не очень ясный вопрос».

И Воланд, снизойдя к непониманию Бездомного, пояснил и принципиальные вопросы практики управления:

«— Виноват, — мягко отозвался неизвестный, — для того, чтобы управлять, нужно как-никак иметь точный план на некоторый сколько-нибудь приличный срок. Позвольте вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишён возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, — тут неизвестный повернулся к Берлиозу, — вообразите, что вы, например, начнёте управлять, распоряжаться и другими, и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас… кхе… кхе… саркома лёгкого… (…) А бывает ещё хуже: только человек соберётся съездить в Кисловодск, — тут иностранец прищурился на Берлиоза, — пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему возьмёт — поскользнется и попадёт под трамвай! Неужели вы скажите, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? — и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком.

Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его».

Но вместо того, чтобы постараться понять изложенные ему общие принципы управления и их практическое применение Воландом к детальному программированию психики самого Берлиоза на самоликвидацию его под колесами трамвая; вместо того, чтобы задуматься о своих взаимоотношениях с Тем, Кто действительно управляет бытием всех, включая и бытие его собеседника, занявшегося просвеще-

---

[1] «А когда спрашивают тебя рабы Мои обо Мне, то ведь Я — близок, отвечаю призыву зовущего, когда он позовет Меня. Пусть же они отвечают Мне и пусть уверуют в Меня, — может быть, они пойдут прямо!» (Коран, 2:182(186)).

нием их с Иваном в богословских и житейско-управленческих вопросах, он сосредоточил всё своё рассуждение на незнакомце:

«Он не иностранец! Он не иностранец! Он престранный субъект… но позвольте, кто же он такой?»

> Интерес к вопросу «А ты кто такой?» в сочетании с нежеланием *вникнуть в суть происходящего* свойственен как многим литературным героям, так и реальным людям. Как должны помнить читатели “Золотого теленка” И.Ильфа и Е.Петрова, М.С.Паниковский бросился с кулаками на О.И.Бендера с боевым кличем «А ты кто такой?!!» и тут же получил по морде. Хотя М.А.Берлиоз, в отличие от М.С.Паниковского, остался в рамках светского этикета, но аналогичная алгоритмика психической деятельности привела и его к куда бóльшим неприятностям. Это сосредоточение интересов на персоне (персонах), а не на сути происходящего, закономерно приводящее субъекта к бóльшим или меньшим неприятностям, можно назвать «синдромом Паниковского».

С позволения сказать, «интеллектуальные» усилия Берлиоза, охваченного «синдромом Паниковского», были бесполезны несмотря на данную ему Воландом подсказку: чтобы управлять — необходимо иметь план, причём не просто план, а *точный план* действий на весь период предполагаемого управления. Для составления плана, как можно догадаться самостоятельно, необходимо достаточно хорошо знать наличествующее стечение обстоятельств в настоящем, а кроме того — предвидеть их дальнейшее многовариантно-возможное течение в будущем, поскольку в противном случае невозможно даже сформировать хоть какое-то управляющее воздействие, а не то, чтобы *осознанно* осуществить успешное управление до достижения намеченных целей.

На необходимость предсказуемости последствий для осуществления управления Воланд также указал своим слушателям. Начав своё объяснение вхождением в поток мыслей самого Берлиоза, Воланд перехватил его мысль и довёл её до избранного им завершения:

«— Да, *человек смертен* (выделенное курсивом — начало мысли Берлиоза, которую он не успел развить до конца, поскольку его прервал Воланд: наше пояснение при цитировании), но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно[1] смертен, вот в чём фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

“Какая нелепая постановка вопроса…” — подумал Берлиоз и возразил…»

> А возражать по существу было нечего, поскольку вопрос о предсказуемости последствий с достаточной для осуществления управления точностью — основной вопрос всякой <u>практически полезной</u> философии, хотя в каждой *практической философии* определение полезности и оценок качества управления в мировоззрении индивидов остаётся субъективным и обусловлено их реальной нравственностью.

После всего рассказанного Воландом его собеседникам оставалось только самим догадаться:

- что план-сценарий иерархически наивысшего всеобъемлющего управления в отношении всего и вся в сотворённом Богом Мироздании называется Божье Предопределение;
- что Предопределение Божие многовариантно, иначе бы в нём не было свободы, но мера свободы (количество степеней свободы и доступный объём каждой из них) — у всех разная, соразмерная положению каждого индивида перед Богом;
- что знание многовариантности обстоятельств и предвидение Божие всеобъемлющи и не ограничены ничем и никем;
- что все остальные сотворённые Богом субъекты ограничены как в знаниях, так и в возможности предвидения, и потому они могут успешно действовать только в предопределённых для каждого из них Свыше границах, выход за которые неизбежно обрекает их управленческие действия на крах;
- что Сатана действует в соответствии с этими же принципами, из которых не делает тайны потому, что до них может своим умом дойти всякий внимательный к жизни человек;

[1] Т.е. непредсказуемо.

- что действуя так, Сатана не признáется в том, что в основе его деятельности в обществе людей лежит оценка им же самим — на его страх и риск — Божеского попущения[1] в отношении каждого. И если Сатана ошибается в своих оценках Божеского попущения, то он не достигает успеха в осуществлении своих намерений. Но поскольку связь души человека и Бога — по латыни она называется «религия»[2] — сокровенна, в силу чего Сатана не может перехватить абсолютно засекреченный от посторонних диалог верующего и Бога, а также и прямое обращение Бога к кому бы то ни было, то для предельно точной оценки попущения ему остаётся единственное средство: поговорить с самим объектом предполагаемого воздействия на религиозные темы, либо спровоцировать (или выслушать самопроизвольный) разговор между собой людей, которые стали объектом его интересов, или как-то иначе прояснить для себя этот вопрос. Потому-то Воланд и встрял в разговор двух собеседников, придав ему интересующую его направленность, и обрадовался, узнав, что он имеет дело с атеистами: ему можно действовать без каких-либо самоограничений в отношении обоих[3].

И всё рассказанное Воландом в беседе с двумя *самонадеянно спесивыми* интеллигентами на Патриарших прудах показывает, что он — по житейским меркам нашего общества — действительно не крохобор, да «корм» оказался «не в коней». Но это приводит к вопросу:

> Почему широкая читательская аудитория может узнать и понять всё это и многое другое из художественного произведения, которое оценивается многими в качестве гимна демонизму и сатанизму, но не могла узнать этого и другого на уроках «закона Божьего» до 1917 г., и не может узнать этого и ныне при возобновлении после краха безбожной идеологии в СССР беспрепятственной деятельности всевозможных вероучителей? — ведь механизм революци-

---

[1] Попущение Божие — это когда Богом открыта возможность одним субъектам оказать *непосредственное или опосредованное воздействие, не укладывающееся в нормы праведных взаимоотношений,* на других субъектов, которые сами уклонились от объективной праведности.

[2] По существу своему религия это не вера и совсем не обрядность церковной службы.

[3] Коран, сура 16: «101(99). Поистине, нет у него <Сатаны> власти над теми, которые уверовали и полагаются на своего Господа. 102(100). Власть его — только над теми, которые избирают его покровителем и которые *придают Богу сотоварищей»* (впадают в многобожие: наше пояснение по контексту. Догмат «о Троице» церквей имени Христа, которого не было во времена Христа и апостолов, расценивается в Коране как разновидность многобожия со всеми вытекающими из этого последствиями для верующих в него).

Как можно понять из приведённого коранического сообщения и по жизни, Сатана — вовсе не «князь мира сего», как то утверждают богословы христианских церквей, безнадёжно запутавшиеся в том, что в их трактатах следует понимать в прямом, а что в каком-то «переносном смысле».

онных потрясений начала века и потрясений перестройки и реформ конца XX века основан на принципах, показанных несостоявшимся богословом М.А.Булгаковым в романе, написанном и вышедшем в свет в годы мракобесия материалистического атеизма.

2. Патриаршие запруды

По возвращении же к сюжетным линиям романа, следует признать, что не Бог оставил М.А.Берлиоза, но прежде того сам М.А.Берлиоз отказался от Бога и сам счёл за благо для себя прибегнуть к Сатане:

«Напившись <тёплой абрикосовой газировки: наше пояснение при цитировании>, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновенье куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нём. Кроме того, Берлиоза охватил необоснованный[1], но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было… сердце шалит… я переутомился. Пожалуй, пора бросить всё к черту и в Кисловодск…»

И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый воздушный же пиджачок… Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая.

Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык. Ещё более побледнев, он вытаращил глаза и в смятении подумал: «Этого не может быть!…»

Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево, и вправо.

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что всё кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца.

— Фу ты чёрт! — воскликнул редактор, — ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было, — он попытался усмехнуться, но в глазах его ещё прыгала тревога, и руки дрожали».

«Фу ты, чёрт!» — в тексте публикации романа в этом восклицании запятой нет, хотя сие восклицание по существу его — призыв чёрта, и запятая в соответствии с нормами современной грамматики должна стоять как перед всяким обращением. Тем более приведённое восклицание однозначно является таковым призывом, а не порицанием чёрта, в устах неверующего Богу субъекта.

Ситуации, подобные этой, вымышленной М.А.Булгаковым и представленной им в романе на всеобщее обозрение и вразумление, если они возникают в чьей-либо реальной жизни по своей сути таковы, что следует вспоминать Бога и просить Его о помощи, о защите и о водительстве. В случае иного отношения к ним — они имеют свойство повлечь за собой последствия и похуже тех, что приключились с Берлиозом, поскольку могут затронуть и вовлечь в себя других людей.

Обычно так называемые «тонкие миры» сокрыты от осознанного восприятия подавляющего большинства индивидов, по крайней мере в состоянии бодрствования. Но людям, тем кого Бог не оставил наедине с их непреклонным злобствованием, Свыше заблаговременно даётся ощущение неприятности или опасности, по направлению к которой они движутся по жизни. Если индивид не окажется невнимательным к такого рода казалось бы беспричинному появлению ужаса или страха, остановится в той деятельности, которой был занят; переосмыслит то, что уже сделал и делает; переосмыслит свои намерения на будущее, а тем более осуществит это, призвав Бога в помощь, то беда, которую заблаговременно дано учуять его сердцу-вещуну, — не состоится: матрица-сценарий уже созревшей неприятности (вплоть до катастрофы, несущей погибель) рассыплется или он минует тот вход, через который вошёл бы в неё при ином своём поведении[2].

И подобные Берлиозу, в том числе и Маргарита, накануне *катастрофы жизни её мастера* отвергшая и сердце-вещун, и разум, не в праве роптать на Бога, что беда стряслась с ними внезапно; что Бог их не защитил, не проявил Своей благодетельности и т.п. Берлиозу было не только дано Свыше сильное ощущение перебоев сердца и тупой иглы в нём, у него не только возникло желание немедленно бе-

---

[1] Точнее было бы сказать «как ему показалось беспричинный страх», поскольку страх был обоснованный — обусловленный определённой причиной, что видно из всего дальнейшего повествования.

[2] «Бог не меняет того, что происходит с людьми, покуда люди сами не переменят своих помыслов» (Коран, 13:12).

жать с Патриарших без оглядки, но сверх того ему был показан и один из óбразов той реальной опасности, которая непосредственно угрожала ему и вела его к погибели. Дорогу под трамвай ему указал не кто иной, как заблаговременно продемонстрированный ему тип:

«Тут у самого выхода на Бронную со скамеечки навстречу редактору поднялся в точности тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылепился из жирного зноя. (…)

Михаил Александрович так и попятился, но утешил себя тем соображением, что это глупое совпадение и что вообще сейчас об этом некогда размышлять.

— Турникет ищете, гражданин? — треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, — сюда пожалуйста! Прямо, и выйдете куда надо <Сатане, которого вы призывали>».

В последней фразе клетчатого остались непроизнесёнными слова, помещенные нами в угловые скобки, но к таким умолчаниям подобные Берлиозу глухи, даже если это — *вопиющие умолчания*. Таким нравственно предпочтительнее не размышлять о том, почему реализуется Божеское попущение Сатане действовать беспрепятственно (или при минимуме ограничений) в отношении них самих, а успокаивать себя мнением, что происходящее — глупое, т.е. бессмысленное совпадение, от которого якобы лучше отмахнуться, а если и подумать о нём, — так потом, на досуге; либо свалить всё на «злой рок» — «судьбу-злодейку», от которых всё равно не уйдешь, как ни мудри.

То, что досужее «потом» может и не наступить, а судьба в большинстве случаев не однозначна, и потому лучше остановиться «прямо сейчас» вместо того, чтобы жить так, как катится жизнь «сама собой», — об этом они не желают догадываться. Им не впрок даже имеющаяся в наличии защита «от дурака», которую они обходят стороной: в случае Берлиоза такая защита *дурака от него же самого* это — турникет, преграждавший доступ на пешеходный переход через трамвайные пути во время прохождения трамваев, который Берлиоз миновал.

Так М.А.Берлиоз пал жертвой Божеского попущения Сатане в отношении него. Но при более широком взгляде попущение в отношении одних — милость Свыше по отношению к другим: в данном случае одним воинствующим атеистом, распространителем в обществе ложных мнений и безверия Богу стало меньше; окружающие обрели возможность подумать над его печальной судьбой, над смыслом вероучений и построением их *личностных* и исторически реальных общественных *религий* без давления на их психику авторитетного в данной социальной среде, но одуряющего мнения Берлиоза (всётаки редактор, председатель объединения литераторов, а как известно, в обществе не приученном думать[1], «печатный всякий лист быть кажется святым»). Иными словами, Сатана — орудие Промысла, а не сотворец Божий в Промысле; быть сотворцом в Промысле, наместником Божиим предопределено человеку как его *нормальный* образ жизни[2].

И соответственно сказанному об этой сюжетной линии романа, определённо специфическое «благополучие» Маргариты и мастера обусловлено не тем, что они по своим личностным качествам объективно лучше, т.е. *человечнее,* чем погибший М.А.Берлиоз, а просто тем, что их жизненные пути, обусловленные их демоническими интересами, пролегли так, что не мешали более могучему демону Воланду в осуществлении его намерений. Более того, Воланд был прямо заинтересован в соучастии Маргариты в организуемом им балу. Маргарита же, будучи влекомой страстью «иметь и иметь» мастера, без зазрения совести омылась кровью, приняв перед балом молодильную ванну в бассейне, наполненном кровью (хотя и это в пределах попущения Свыше, но всё же: сколько людей надо обескровить, чтобы наполнить бассейн?). Далее по ходу бала она также без зазрения совести опорожняет чашу, наполненную обратившейся в вино кровью убитого в её присутствии незадачливого стукача барона Майгеля. **То есть Маргарита — та ещё «штучка», вполне достойная того, чтобы в других обстоятельствах**

---

[1] Это не общество человеков, а толпа. По определению В.Г.Белинского: «толпа есть собрание людей, живущих по *преданию* и рассуждающих по авторитету… Такие люди в Германии называются *филистёрами*, и пока на русском языке не приищется для них учтивого выражения, будем называть их этим именем» (В.В.Одинцов, “Лингвистические парадоксы”, Москва, «Просвещение», 1988 г., стр. 33).

Если «филистера» именовать по-русски, то он — толпарь. Его основное качество — нежелание и неумение самостоятельно думать и приходить ко мнениям, соответствующим реальному положению дел и направленности течения событий. Поэтому “элита” — тоже толпа, но более информированная в некоторых вопросах, нежели простонародье. В толпо-“элитарном” обществе отчасти не-толпа — знахари, умеющие думать самостоятельно и внедрять не мытьём так катаньем своё мнение в психику окружающих под видом их собственного мнения, либо под видам мнения безукоризненных авторитетов, которых они сами же взрастили для того, чтобы их авторитетное мнение было воспринято толпой.

[2] «Он <Бог> — тот, кто сделал вас наместниками на земле; кто был неверным — против него его неверие; неверие увеличит для неверных у их Господа только ненависть; неверие увеличит для неверных только убыток!» (Коран, 35:37(39)).

пасть жертвой Божьего попущения в отношении неё самой подобно Берлиозу, Майгелю и прочим.

Ну, а мастеру, представляющему собой *нечто мягкотелое и безнравственное*[1], чьи намерения, формы и линия поведения определяются давлением внешних обстоятельств и других индивидов, но *не его миропониманием и целесообразно устремлённой волей,* просто «подфартило» (обо всем с ним происшедшим нельзя назвать повезло): в обладании им была заинтересована Маргарита, и это её желание не препятствовало осуществлению интересов Сатаны. В противном случае, Воланд нашёл бы способ истолковать умолчания в своём обещании ей исполнить всё, чего пожелает Маргарита, так, что она не смогла бы предъявить ему никаких формальных претензий. Как это делается он показал: обещал полное разоблачение чёрной магии в театре Варьете — поверившие ему самовлюбленные дурёхи в результате обещанного разоблачения оказались голыми или не вполне одетыми; спутник Воланда пообещал Берлиозу, что тот «попадёт куда надо», — тот попал под трамвай, как то и было запрограммировано Воландом в коллективной психике общества: не только Берлиоз под воздействием разговоров с Воландом поспешил к месту своей гибели, но ещё ранее Аннушка (по прозвищу «чума», данному ей соседями за её “ласковый” и “человеколюбивый” характер) в результате осуществления Божьего попущения в отношении неё самой понапрасну потратилась на пролитое ею масло, став при этом орудием осуществления попущения в отношении Берлиоза.

По отношению к Маргарите, если бы её желание ущемляло интересы Воланда, тот мог оставить её без обладания мастером, например, поймав её на сочетании двух обстоятельств: во-первых, своей договорённости с нею исполнить одно единственное её желание и, во-вторых, на её обещании Фриде ходатайствовать за неё о том, чтобы ей не подавали больше платок, которым Фрида удушила прижитого ею вне брака младенца[2]. Кроме того, нелишне обратить внимание и на то, что Воланд исполняет желание Маргариты после её недвусмысленного обещания служить ему, данного ею по завершении бала: «…если я ещё нужна вам, то я готова охотно исполнить всё, что вам будет угодно»[3].

Всё это говорит о том, что обвинения М.А.Булгакова в том, что в его романе властителем Мира является Сатана, представляют собой заведомую напраслину, возводимую на писателя либо злоумышленно, либо в результате слепоты, обусловленной подневольностью сторонников такого рода мнений иным представлениям о Боге и Его Промысле. Всё приведённое также показывает, что роман “Мастер и Маргарита” в его существе действительно — трактат об отношениях людей с Богом, с Сатаной, а не столько юмористическое произведение о самовлюбленных дурёхах, которые решили приукрасить себя модными шмотками, косметикой, бижутерией и парфюмерией на сеансе чёрной магии в театре Варьете, завершившемся, как и было обещано Воландом, буквально полным разоблачением некоторых из них[4] и крахом “кредитно-финансовой системы”, основанной на обращении «фантиков» от «Ессентуков» и «Абрау-Дюрсо»[5].

---

[1] Безнравственность — принципиальное желание не определяться во мнениях, что есть Добро, что есть Зло.

[2] В этом эпизоде значимо ещё и то, что Воланд в нём показывает, что не Сатана «князь мира сего», как тому учат библейские культы, возводя на Бога напраслину, поскольку в действительности наместник Бога на Земле — человек:

«— Так вы сделаете это (речь шла о прощении Фриды: наше пояснение при цитировании)? — тихо спросила Маргарита.

— Ни в коем случае, — ответил Воланд, — дело в том, дорогая королева, что тут маленькая путаница. Каждое ведомство должно заниматься своим делом. Не спорю, наши возможность довольно велики, они гораздо больше, чем полагают некоторые, не очень зоркие, люди… (…) — Но просто, какой смысл в том, чтобы сделать то, что **полагается делать другому** (выделено нами при цитировании), как я выразился, ведомству? Итак, я этого делать не буду, **а вы сделаете это сами** (выделено нами при цитировании).

— А разве по-моему исполнится?

Азазелло иронически скосил кривой глаз на Маргариту и незаметно покрутил рыжей головой и фыркнул.

— Да делайте же, вот мучение, — пробормотал Воланд…»

То есть всё дело в бессмысленности жизни не верующих Богу людей, а не в якобы передаче Богом власти Сатане над Землёй и над людьми…

[3] Этой готовностью служить Сатане Маргарита демонстрирует, что она действительно расфуфыренная дура, поскольку не вняла прозрачным намёкам Воланда на то, что никто иной, а человек — наместник Божий на Земле, но не Сатана «князь мира сего».

[4] «Облачение» в прямом смысле — «одежда», «покрытие одеждами тела». «Разоблачение» в прямом смысле — «устранение одежды».

[5] Следует заметить, что прежде, чем Воланд в театре Варьете продемонстрировал кредитно-финансовую систему, основанную на обращении «фантиков», на этих же принципах уже работали кредитно-финансовые системы всех капиталистических государств без исключения.

Но лежит этот трактат действительно не в русле библейских «богословских» традиций. И это приводит к вопросу о том, чьё «богословие» — М.А.Булгакова или церкви, доведшей за 1000 лет своего пребывания в народах Руси-России Русскую многонациональную цивилизацию до оголтелого атеизма, — ближе к истинно Божьему Предопределению бытия.

В связи с постановкой этого вопроса необходимо пояснить ещё одно обстоятельство: события романа имеют место в России. Россия-Русь — одна из региональных цивилизаций планеты, вбирающая в себя на протяжении всей истории многие народы. Как можно понять из истории, смысл бытия Руси не в том, чтобы «показывать другим народам, как не надо жить», что думают многие. Смысл бытия Русской региональной цивилизации в другом:

Русь — самозабвенное зеркало Мира в том смысле, что после гибели предшествующей неправедной глобальной цивилизации человечество почти полностью лишилось осознанной памяти о ней, утратив её культуру, а в становлении культуры новой глобальной цивилизации, которая объединит всё человечество в человечности, Русь вбирает в себя все другие культуры и несущие их народы по мере того, как непредвзято-самозабвенно решает в своей жизни вопрос *«что есть истина из всего того, с чем она имеет дело в своей жизни?»*

Иными словами мы — Русь — цивилизация меры — установления соразмерности:

- если мы не ошибаемся в ответе на указанный вопрос, то в границы Руси вливаются новые народы, а их культуры, освободившись от какой-то прежде свойственной им порочности, вливаются в культуру самой Руси, обогащая её свойственной им истиной;
- если мы ошибаемся в ответе на указанный вопрос, то к ошибочно решенному в прошлом вопросу Промысел возвращает нас снова и снова до тех пор, пока мы не придём к истинному ответу на него.

При этом земли и народы вливаются в Русскую многонациональную цивилизацию, становясь русскими. И этот процесс лежит, по нашему убеждению, в русле Промысла. Мы — Русь — задаём тот «общий аршин», о котором писал Ф.И.Тютчев, но *мы задаём его на будущее;* а во всякое настоящее другие пытаются измерить нас полученным от нас же некогда в прошлом[1] и обречённом к отмене стандартом.

Именно по этой причине, — *являющейся сутью региональной цивилизации Руси на этапе становления человечности после краха предшествующей глобальной цивилизации,* — мы безрассудно легковерны, доверчивы, и очертя головы бросаемся во всевозможные начинания, скоропостижно уверовав в нечто новое и полностью отрекшись от своего недавнего прошлого. Но скороспелая фанатичная вера во что-либо у нас краткосрочна и возникает только при выходе из кризисов развития, в которых выражаются наши же прошлые уходы от своевременных ответов на вопрос «что есть истина?» и наши же прошлые ошибки в такого рода ответах. Потом она также быстро, как и пришла, проходит, и мы начинаем сомневаться в том, что прежде успело стать неусомнительной фанатичной верой и начинаем испытывать её на истинность, в убеждённости, что *истина устоит во всяком испытании Жизнью, а ложь и ошибки рухнут*[2]. Это касается всего: как вероучений и богословских доктрин, заведомо не подтверждаемых в искусственно поставленных экспериментах (но истинность которых может подтвердить либо опровергнуть только сама Жизнь, текущая в русле Предопределения Божиего), так и научных гипотез и теорий, которые могут быть подвергнуты проверке экспериментом.

Единственное в чём большинство никогда на Руси не сомневалось, так это в том, что Всевышний Бог, предопределивший бытие Мироздания, есть и, что с Ним до́лжно че-

---

[1] «Маастрихтские соглашения», положившие начало строительству Европы, объединяющей в общей культуре все её народы, — конец XX века. Аналогичный процесс в Русской цивилизации, если считать *по минимуму* от взятия Казани Иваном Грозным, протекает более 500 лет.

[2] И это в общем-то соответствует приводившемуся ранее: «Да, Мы поражаем истиной ложь, и она её раздробляет, и вот — та исчезает, и вам — горе от того, что вы приписываете» (Коран, 21:18(18)).

Не является этот подход и нарушением заповеди о неискушении Бога (Второзаконие, 6:16; Матфей, 4:7; Лука, 4:12), поскольку заповедь относится не к течению событий Жизни в русле Промысла, а к попыткам поставить над Богом «научный эксперимент», в частности: «Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его, ибо Он обретается неискушающими Его и является не неверующим Ему. Ибо неправые умствования отдаляют от Бога, и испытание силы Его обличит безумных» (Премудрость Соломона, гл. 1:2, 3).

ловекам жить в ладу. Да и многие из тех, кто в эпоху государственной идеологии материалистического атеизма утверждали, что Бога нет, всё же в жизни вели себя по совести, которая чувствовала, что Бог есть и жить надо, воплощая в реальность ощутимый совестью Промысел.

При этом Русь не помнит в своей истории фактов, когда в ней рождались пророки — восприемники *откровений Свыше, которые бы становились основой господствующих на Руси вероучений.* Все вероучения, которые ныне господствуют, заместив собой языческие верования народов, живущих в границах Русской цивилизации, — привнесены извне. Они так или иначе были приняты народами, но и после этого русские разных национальностей спорили об образе Божием (т.е. о своде представлений обо всём Божественном как таковом) и о том, что представляет собой лад человеков и Всевышнего Бога по существу и по форме. Мы всегда спорили об этом среди себя, и многие вопреки господствующим традициям прямо оглашали то, что было у них на душе. Вопрос всегда состоял и состоит только в том, Бог ли положил это на душу, либо кто-то был одержим и истово шёл против Промысла, фанатично призывая при этом Бога себе в помощь. И эти споры наши всегда были непонятны иностранцам. Мы же — в стремлении обрести истину и воплотить её в жизнь — были беспощадны и к себе, и к окружающим в этой жизни, уповая на милостивый Суд Божий. И надо полагать, что именно за это неискоренимое стремление к выявлению и воплощению Правды-Истины в повседневную жизнь нам прощалось и прощается Богом многое из того, что не прощалось другим, ныне исчезнувшим культурам.

Всё это, относящееся к историческому периоду испытаний на истинность библейской культуры, нашло выражение в творчестве русских художников. И этот процесс, по нашему мнению, хорошо иллюстрирует следующий видеоряд:

В.Г.Перов “Спор о вере”

В.И.Суриков “Боярыня Морозова”

В.И.Суриков "Утро стрелецкой казни"

В.И.Суриков "Меншиков в ссылке в Березове"

В.Г.Перов "Суд Пугачева"

В.Г.Перов “Сельский крестный ход на Пасху”

В.Г.Перов “Монастырская трапеза”[1]

[1] Если кто думает, что картина В.Г.Перова “Монастырская трапеза” — клеветническая, то ему следует обратиться к книге академика Н.А.Крылова “Мои воспоминания” (одно из изданий: Ленинград, «Судостроение», 1979 г.), в которой рассказывается о том, как праздновала Александро-Невская лавра один из своих праздников.

В.Г.Перов “Чаепитие в Мытищах”

В.Г.Перов “В сельской церкви”

Из этого должно быть понятно, что так дальше жить было нельзя, вследствие чего библейская культура на Руси в 1917 г. рухнула. При этом было бы напраслиной возлагать на Советскую власть какую-то особую ответственность за искоренение из общества жизнеспособной веры. Как свидетельствует в

своих воспоминаниях один из вождей белого движения генерал А.И.Деникин, **в первую же неделю после отречения от престола императора Николая II в действующей армии 80 % солдат перестали ходить к исповеди к полковым священникам**. После Великой Октябрьской революции количество обращавшихся к полковым священникам **сразу же сократилось ещё в десять раз**. При этом в гражданской войне церковные иерархи в своём большинстве — вопреки *заповедям Христа по вопросам организации общественной жизни*[1] — выступили против преображения общества на принципах, исключающих паразитизм одних людей на труде других, к чему стремилось трудовое большинство простонародья, и поддержали прежнюю правящую "элиту" — сторонников возобновления одной из эксплуататорских формаций. Поэтому в прошлом и ныне все те, кто представляют государственное подавление деятельности церковных иерархов как политику искоренения веры в народе, — просто лгут, подменяя одно явлением другим (сдуру или по умыслу — значения для общества не имеет).

Последнее, что мы испытали на истинность, и отвергли как вздорную ложь — материалистический атеизм в формах марксизма-ленинизма, но и из него мы извлекли и вобрали в себя те зёрнышки здравого смысла, которые в нём всё же были[2], и на которые мы "купились" в прошлом, поверив, что и остальное в нём добротно, когда он появился в культуре человечества и пришёл в Россию.

Но к испытанию на истинность материалистического атеизма мы перешли только после того, как нас обмануло исторически реальное библейское христианство: обещали Царствие Божие на Земле, а что получилось? — сразу же после крещения Руси, произведённого *вопреки всем Христовым заповедям* огнём и мечом, началась феодальная раздробленность некогда единой славянской языческой цивилизации[3]; трёхсот лет не прошло — нашествие и иго; потом борьба за объединение Руси и возвращение отторгнутых от неё земель; потом смута; потом крепостное право; потом внутренние войны крестьянские; потом войны внешние начала XX века, в которых одуревшая толпа-"элита" пыталась осуществить свои цели, проливая реки крови людской.

> Если иерархи церкви *действительно научали тому, чему якобы они учили,* — это означает: то, чему они учили, — не истина, поскольку все эти и другие бедствия эпохи после 989 г. — результат того, что веропоучения, свойственные иерархии церкви, господствующей на протяжении последнего тысячелетия, были приняты за чистую истину, хотя содержали в себе ошибки и заведомую злонамеренную ложь. **В близкую к нулю эффективность церковного пастырства мы не верим**: научали народ надёжно, но не *чистой истине,* а почти что чисто демонической отсебятине, которую паства и воплощала в жизнь в пределах границ Божиего попущения[4].

Сказанное не означает, что Иисус вводил людей в заблуждение. Сказанное означает, что *оставленное им истинное* было изолгано, сокрыто и стало недоступно народам: в том числе, и разноплеменным русским народам Русской цивилизации, развивающейся в последние несколько столетий в границах единого общего всем её народам государства.

---

[1] «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей, 20:25 — 28).

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Матфей, 6:9, 10).

[2] Методологическую философию, как класс философий, альтернативных цитатно-догматическим философиям. В материалах Концепции общественной безопасности об этом обстоятельно см. работу "Диалектика и атеизм: две сути несовместны". Эта и другие упоминаемые далее в тексте работы представлены на сайте www.vodaspb.ru и распространяются на компакт-дисках в составе Информационной базы Внутреннего Предиктора СССР (ВП СССР).

[3] Памятник её неоспоримого единства — «Змиевы валы»: сохранившиеся доныне остатки стратегических крепостных сооружений, тянущиеся вдоль притоков Днепра южнее Киева. Датируются в диапазоне 1-е тысячелетие до нашей эры — 1-е тысячелетие нашей эры. Их построение в условиях племенной или феодальной раздробленности невозможно.

[4] Свидетельство современника, историка В.О.Ключевского, до Московского университета обучавшегося в одной из провинциальных семинарий и потому хорошо знакомого с вопросом: «Русское духовенство всегда учило паству свою не познавать и любить Бога, а только боятся чертей, которых оно же и расплодило со своими попадьями. Нивелировка русского рыхлого сердца этим жупельным страхом — единственное дело, удавшееся этому тунеядному сословию» (Собрание сочинений в 9 томах, т. 9, стр. 434).

Испытания на истинность материалистического атеизма и традиционного библейского православия также нашли своё выражение в романе М.А.Булгакова. Действие романа начинается в эпоху материалистического атеизма на Патриарших прудах.

Почему не в ЦПКиО им. А.М.Горького как символе расцвета именно этой эпохи? — а потому, что пруд это не обязательно вырытая большая яма, заполненная талыми, грунтовыми или дождевыми водами. Пруд может быть сделан и за запрудой[1], которой перегораживается овражек, где есть ручей или родниковый ключ. По существу действие в романе в переносном иносказательном смысле начинается на **Патриарших запрудах**, которые обратили в гнилое зловонное болото всё то, что проистекает из Родника воды живой истинно христианской веры:

«Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную. Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать» (Иоанн, 4:10 — 15).

Вода — издревле общепринятый в иносказаниях символ для обозначения знаний и в целом — культуры, их несущей в преемственности поколений. Так что М.А.Булгаков намекнул точно: в основе эпохи материалистического атеизма, в которую началось действие романа, лежат Патриаршие запруды. «Патриаршие пруды» — это не случайность: у М.А.Булгаквова был выбор: в Москве есть и Чистые пруды, но он предпочёл определить местом начала действия романа — Патриаршие запруды.

В отличие от М.А.Берлиоза, второму материалистическому атеисту — Ивану Бездомному удалось выжить в непосредственном общении с Сатаной. Но страху Иван натерпелся, опасность общественной в целом значимости осознал и в целях борьбы с нею решил прибегнуть к помощи не только НКВД[2], но и вернуться к исторически сложившейся на Руси религиозной традиции. Иван спёр в квартире, куда он зашёл, бумажную иконку и венчальную свечку и приступил к обороне столицы от Сатаны и воинства его под их, как ему казалось, надёжной защитой.

Хоть заповеди и предостерегают от воровства, но в данном случае можно признать, что Иван (под воздействием пробуждения в нём зачатков веры) мобилизовал, реквизировал эти культовые предметы в порядке личной инициативы для обороны всего народа от нагрянувшей в Москву нечистой силы, т.е. по существу это не было воровством. Но попытка обеспечить оборону населения от нагрянувшей в Москву нечистой силы на основе возврата к традиционному вероисповеданию оказалась неэффективной: идеалистический атеизм, провозглашающий бытие Божие, но проповедующий ложное вероучение, — не лучше многобожия и идолопоклонства, которое он сменил. В результате Иван, прибегнув к нему, попал в психиатрическую лечебницу в качестве пациента, на какую перспективу Воланд ему ранее и намекал.

Эта сюжетная линия — прогноз в иносказательной, художественно-образной форме о бесперспективности для России попытки вернуться к прошлым, изжившим себя системам мировоззрения и верований. Хотя с таким прогнозом библейски-"православно" верующие не согласятся, но раздувание кадила изжившего себя культа обрядоверия[3] — попытки вернуться в прошлое, и это удел сатанизма, на что прямо указано в романе:

«…мастер (…) сказал:

— Ах, не осуждайте бедную женщину, мессир. В этом подвале уже давно живёт другой человек, и вообще не бывает так, чтобы всё стало, как было. (…)

---

[1] «ЗАПРУДА, регуляционное сооружение для перекрытия второстепенных рукавов рек (в целях увеличения расхода воды в основном русле), создания искусственных водоемов, уменьшения размыва русла и т.д. Выполняют каменной или земляной наброской либо кладкой из фашин и габионов» ("Большой энциклопедический словарь", электронная версия на компакт-диске, 2000 г.).

[2] Об известном из произведений Г.П.Климова 13 отделе НКВД, ведавшем нечистой силой, он не знал ввиду его особой засекреченности. Сам же Г.П.Климов не даёт версии событий, описанных М.А.Булгаковым, который о 13 отделе, по всей видимости также ничего не ведал.

[3] К тому же не безопасное, что, в частности, проявилось в гибели освящённой по православному обряду АПЛ "Курск", происшедшей 12 августа 200 г. в дни архиерейского собора «россиянской» библейски-"православной" церкви. Обстоятельно об этом см. нашу работу "Российское общество и гибель АПЛ «Курск» 12 августа 2000 года" (первая редакция, выпущенная в 2000 г., называлась "Российское общество и гибель АПЛ «Курск»: история и перспективы").

— Не бывает, вы говорите? — сказал Воланд. — Это верно[1]. Но мы попробуем».

Конечно, изнасиловав настоящее, из него иногда удаётся вылепить вожделенное, в том числе и вожделенное прошлое, но — только на некоторое время: потом грядущее врывается в жизнь, разрывая изнутри окаменелость такой "лепнины" и развеивая её в прах, недостойный поклонения.

[1] Потому, что Божьему Промыслу свойственна целеустремлённость преобразований и его невозможно обратить вспять.

3. Злых людей нет на свете

В психиатрической лечебнице Иван, силою непреодолимых для него обстоятельств, был принуждён заняться делом наипервейшей полезности во всяких предкризисных и кризисных ситуациях: *переосмыслением своей прошлой жизни и намерений на будущее.* Таким образом, попадание в клинику для Ивана (как и для многих реальных людей, не способных вырваться своею осмысленной волей из влекущего их по жизни потока суеты) явилось промыслительным благом, поскольку в противном случае он до конца своих дней писал бы стихи — «чудовищные!» (по оценке его совести), от которых ему самому было тошно.

В романе эта психиатрическая лечебница — узел, в котором сплелись сюжетные линии, содержащие различные фрагменты истории «про Пилата». Эта сюжетная линия, представлена тремя фрагментами:

- первый (гл. 2) условно можно назвать «Евангелие от Воланда», — его, доходящее до явственной очевидности, повествование о событиях начала нашей эры, имевших место 14 числа весеннего месяца нисана в городе Ершалаиме, Берлиозу и Бездомному, пока они втроём сидели на скамейке на Патриарших запрудах и каждый по-своему “ожидали трамвая”;
- второй (гл. 16) — сон, приснившийся накачанному успокоительными Ивану Бездомному во время его пребывания в психиатрической лечебнице;
- третий (гл. 25) — вновь овеществлённый Воландом один из сожжённых экземпляров рукописи романа мастера о Пилате (при материализации рукописи, Маргарита, восхищаясь Воландом, сморозила глупость: «Всесилен, всесилен!» — хотя всесилен и всемогущ только Бог).

Большей частью именно этот сюжет «про Пилата» литературоведы и читатели, одинаково обладающие демоническим строем психики, и отождествляют с богословскими воззрениями самого М.А.Булгакова, не доводя до конца мысль о том, что он для выражения якобы своего мнения выбрал в общем-то неблаговидных «лирических героев». Это обстоятельство — неблаговидность «лирических героев» и мест действия, в которых открывается читателю этот сюжет, — и приводит нас ко мнению, что «Евангелие от Михаила» не замаскировано им под «Евангелие от Воланда» или «роман в романе», написанный мастером, по отношению к которому все прочие сюжетные линии являются несущей основой и обрамлением; а что «Евангелием от Михаила» является весь роман в переплетении всех его сюжетных линий без исключения или отдания избирательного предпочтения какой-то одной из них. При этом многое, в силу специфики вовлечённых в сюжет персонажей, просто недопустимо понимать прямо и буквально, поскольку в противном случае неизбежен логический приход к глупостям, подобным следующей:

«В мае 1939 года Булгаков внес коренные изменения в этот эпизод: перед Воландом появляется Левий Матвей с **просьбой** (выделено жирным В.Лосевым) Иешуа о том, чтобы сатана «взял с собой мастера и наградил его покоем». Таким образом, Булгаков в более поздней редакции отходит от концепции подчинённости «царства тьмы» «царству света» и делает их, по крайней мере, равноправными» (Виктор Лосев, Комментарии к публикации глав из ранних версий романа в журнале “Слово”, № 8, 1991, стр. 74).

Этот эпизод мы прокомментируем позднее, а теперь вернёмся к сюжету «про Пилата» в целом. Теми, кто знаком с новозаветными текстами, он воспринимается как ещё одна версия, повторяющая новозаветные сообщения, хотя и отличающаяся от них в некоторых деталях, которые — в зависимости от соотнесения их с другими обстоятельствами либо изолированного их рассмотрения — представляются либо незначительными, либо чрезвычайно важными. При этом с точки зрения большинства, не являющегося хранителями веры в безупречную точность канонических библейских повествований, каких-либо особых разночтений с каноническими текстами в этом сюжете нет. Всё едино при поверхностном взгляде: арестовали по доносу Иуды; синедрион приговорил к смерти и передал приговор на утверждение прокуратора; прокуратор не хотел утверждать смертный приговор, но под давлением угрозы доноса на него самого римскому императору Тиберию смалодушничал и утвердил приговор; распяли вместе с разбойниками; умер на кресте; погребли, правда не так и не там, как об этом повествуют канонические новозаветные тексты… Хотя в этом сюжете нет, во-первых, того, что делал Иешуа до ареста; во-вторых, того, что произошло после погребения тела, тем не менее всё узнаваемо, а не сказанное известно из общей всем библейской культуры. Чего тут особенного?

Для большинства не встаёт вопрос, насколько совпадет то, что оставил в умолчаниях М.А.Булгаков, с тем, что прямо сказано в новозаветных текстах. Тем более для них не встаёт и вопрос, проистекаю-

щий из первого: насколько совпадают и в *чём именно* расходятся умолчания с одной стороны М.А.Булгакова, а с другой стороны авторов, цензоров и редакторов новозаветных текстов?

Но, чтобы продолжать рассмотрение этой сюжетной линии и связанных с нею вопросов далее, необходимо вспомнить, что многие писатели утверждали, что их персонажи живут в их произведениях самостоятельной жизнью, независимо от воли и намерений автора произведения. Происходит это потому, что автор, задумав персонаж, воображает в своей психике некую личность, наделяя её по своему разумению нравственностью, знаниями, мировоззрением и всем прочим, что характеризует всякого индивида. После этого в психике автора образуется более или менее самостоятельный алгоритмический модуль, представляющий собой художественный образ-персонаж, который и действует в сюжете "автоматически", на основе всего того, чем снабдил его автор в «виртуальной реальности» измышленного им мира. Эта концепция художественного творчества и объясняет, почему зарождённая и вызванная к жизни в психике автора *личность персонажа действует в сюжете более или менее независимо от самого автора,* чья психика работает на основе иной нравственности, иных знаний, иной алгоритмики мышления.

Соответственно такому пониманию художественного творчества, не писатель, создав какую-то сюжетную линию, распределяет её «театральное разыгрывание» между персонажами, а воображённые им персонажи «живут реальной жизнью» в психике автора, слагая в воображаемом им мире эту сюжетную линию поочерёдно или параллельно, взаимно дополняя или опровергая друг друга, а внутреннее видение автора при сём только присутствует. При этом некоторые персонажи, обладая определённой самостоятельностью в психике автора, могут опираться на общие для них массивы информации, известной автору, и выделенных для какой-то группы персонажей в его психике; либо через психику автора иметь непосредственный доступ к информации эгрегоров[1], в которые вхож автор, даже если он не имеет осознанного доступа к этой информации или отрицает возможность её существования где-то кроме как в мире его произведения. В такой концепции и в жизненной практике художественного творчества на авторе остаётся задача обеспечения достаточного количества персонажей, коррекция их личностных качеств, а через это — настраивается алгоритмика их взаимодействия в сюжете произведения. Иногда произведение получается с первой попытки на одном дыхании, а иногда на настройку алгоритмики развития сюжета и его отдельных фрагментов уходят десятилетия[2].

Всё это подобно компьютерной игре, но создание которой и отработка её алгоритмики протекают в психике автора, а не в программной среде ЭВМ.

Только в таком режиме творчества художественное произведение получается «как живое». При конструировании сюжетной линии самим автором с последующим распределением её «театрального разыгрывания» между сконструированными им же куклами-марионетками, раскрашенными под персонажи, получается безжизненная «музыкальная шкатулка», которая приводится в движение энергетической "пружиной", разворачивающейся сначала из психики самого автора, а потом из психики читателя.

Примером такого рода психо-механических подвижных конструкций, вампирически работающих за счёт энергетики читателя, являются "Бесы" Ф.М.Достоевского, который и сам признавал, что этот его роман — результат конструирования сюжета с наперёд заданными итогами[3]. У М.А.Булгакова же в

---

[1] Эгрегор — коллективный дух, коллективное биополе; коллективная психика, в которой соучаствует каждая личность.

Слово «эгрегор» происходит от слова «агрегат», имеющего смысл «сборка в единое целое множества функционально различных элементов». То есть ближайший аналог слову «эгрегор» в русском языке — слово «соборность». Слово «индивид» означает «неделимый», т.е. «единичную особь». Латиноязычной паре «индивид — эгрегор» в русском языке соответствует пара «особь — соборность», при этом соборность по умолчанию подразумевает человечный тип строя психики её участников, что качественно отличает её от стадно-стайных и корпоративных эгрегоров, порождаемых носителями нечеловечных типов строя психики. Более обстоятельно об этом см. в материалах сайта www.vodaspb.ru работы "Диалектика и атеизм: две сути несовместны" и "От корпоративности под покровом идей к соборности в Богодержавии" (Сноска 2004 г.).

[2] Картину "Явление Христа народу" А.А.Ивáнов писал с 1837 по 1857 из своих лет жизни с 1806 по 1858 г., оставив после себя множество эскизов и, по крайней мере, два больших полотна, ныне хранящихся по одному в каждой из столиц России: одно в Русском музее в Петербурге, а другое в Третьяковской галерее в Москве.

[3] Христианское радио «Мария» процитировало как-то письмо Ф.М.Достоевского: «Если бы кто доказал мне, что Христос стоит вне истины, я бы предпочёл остаться со Христом, а не с истиной».

Христос — в истине. Но вот представления о Христе, *целенаправленно* культивируемые в обществе, могут быть и вне Правды-Истины. Но их — представления о Христе — многие отождествляют с *Христом в истине* и, заявляя о своей приверженности Христу по свойственным им представлениям, отвергают и Христа, и Правду-Истину, даже если им доказать, что их представления о Христе — ложь вне Правды-Истины.

→→→

“Мастере и Маргарите” получилось взаправду «как в жизни», но никак не мёртвая вампирическая психо-механическая конструкция.

Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению вложенного сюжета «про Пилата», надо перечислить основных персонажей всего романа, непосредственно соприкасающихся с этим сюжетом:

- прежде всего, это анонимный рассказчик, которому автором дано быть свидетелем развития всех сюжетных линий современности, просматривать сны других персонажей, читать их мысли, а потом рассказывать об этом, переплетая различные сюжетные линии между собой;
- Воланд, представляющий собой образ Сатаны, сложившийся в психике самого М.А.Булгакова на основе неформального богословского образования в семье и его собственных наблюдений за потоком событий в реальной жизни;
- мастер, суть которого ясна без особых пояснений: занимался наукой, впал в «кризис жанра», в результате чего от научных исследований отошёл и начал разрешать свои нравственно-мировоззренческие проблемы (осознаваемые и не осознаваемые им внутренние противоречия в психике) в художественном творчестве, что привело его ещё к одному кризису, в котором он и увяз безысходно;
- Маргарита, к интеллектуально-рассудочной разработке и обеспечению сюжета «про Пилата» сведениями о фактах религиозной истории человечества — отношения не имеет: по отношению к этому сюжету — она один из первых *увлечённых им* читателей и, возможно, — непосредственно вдохновлявшая мастера на творчество «муза», поскольку психологически, и прежде всего эмоционально, мастер был зависим от неё почти что полностью.
- Иван Понырев, носитель литературного псевдонима «Бездомный», которого можно было бы именовать параллельно его основному псевдониму и вторым псевдонимом: Дурдомный.

Но если это были персонажи, которых по отношению к сюжету «про Пилата» можно назвать первичными, то в самой этой сюжетной линии есть и вторичные персонажи, не в том смысле, что они обладают второстепенной значимостью, а в том смысле, что они сами — такие, как они предстают в романе, — порождение названных первичных персонажей: Воланда, Бездомного, мастера, от лиц которых в романе происходит изложение сюжетной линии «про Пилата». Вследствие этого вторичными персонажами оказались сам Пилат, Иешуа, Левий Матвей, глава санхедрина (синедриона — в другой транслитерации; в переводе на русский — верховный совет) первосвященник Каифа[1]. Поэтому следует различать, когда о ком-то из них говорит анонимный *рассказчик (свидетель всему им описываемому),* а когда о них же говорит кто-то другой из первичных персонажей. При этом все первичные персонажи, связанные с сюжетной линией «про Пилата», объединены некими общими для них массивами информации, свойственной как психике самого М.А.Булгакова, так и доступной через эгрегоры, на которые она была замкнута. На основе массивов этой информации действуют первичные персонажи, и из них они выбирают сведения о вторичных персонажах, сообразно приданным им М.А.Булгаковым нравственности, мировоззрению, алгоритмике психики и прочим личностным возможностям каждого из первичных персонажей. В основе этих массивов информации лежит как реальная история (большей частью памятная эгрегориально), так и её отображение в исторических мифах, свойственных культуре человечества, которые во многом отличаются от реальной истории, поскольку мифы выражают осмысление истории людьми, а не Божий Промысел, осуществляющийся в глобальном историческом процессе, в предопределении его смысла самим Богом.

В результате сюжетная линия «про Пилата» складывается как взаимоприемлемый компромисс между первичными персонажами, и в ней находит своё отображение — *неброское*, как и в реальной жиз-

---

Приведённый “парадокс” Ф.М.Достоевского — одно из наиболее ярких заявлений, во-первых, о холуйстве субъекта перед его же представлениями и, во-вторых, о готовности отрицать Правду-Истину по слепому, бездумному и бессовестному предубеждению.

Таким и должен быть *хороший раб “господ” иудеев:* за эту готовность тупо *служить вопреки Правде-Истине* культивируемым представлениям о чём бы то ни было раввинат не попрекнёт Ф.М.Достоевского и “Дневниками писателя”, в которых он мусолил «еврейский вопрос» и «еврейско-русские» отношения. Полезно также вспомнить, что Ф.М.Достоевский «русскость» отождествлял с библейски-“православной” верой, и это крайне дурно с его стороны; и тем более дурно со стороны “вдохновлённых” его творчеством наших современников.

Но эта же нравственно-мировоззренческая позиция отказа от выявления Истины в угоду служению предубеждению выражалась во всём творчестве Ф.М.Достоевского, и именно она объясняет и безжизненность “Бесов”, и угнетающее воздействие на психику читателей — а через неё и на жизнь общества — многих других его произведений.

[1] В русскоязычных библейских текстах имя главы синедриона Каиафа.

ни[1], — Промысел Божий; точнее не сам Промысел как таковой, а хара́ктерно-образное представление о Промысле, сложившееся в психике М.А.Булгакова, соответствующее сказанному в гл. 19 3-ей книги Царств и отображённое им в сюжет романа.

Ни Воланд, ни Дурдомный, ни мастер — не оспаривают фрагментов сюжета, представленных двумя другими рассказчиками, а стечение обстоятельств таково, что персональные авторские права на роман «про Пилата» достаются мастеру, который запечатлел на бумаге то, что витало в коллективном бессознательном измышленного Булгаковым мира, в котором протекала жизнь первичных персонажей. При этом из них только сознание Воланда было современником описываемых в истории «про Пилата» событий, вследствие чего всё остальное можно рассматривать частично как сатанинские наваждения в психику уклоняющихся от водительства Божиего. *Но поскольку и сам Воланд действовал в границах промыслительного попущения Свыше, то и его рассказ не бесполезен и не бессмысленен для тех, кто искренне целеустремлён обрести истину.*

Конечно, Воланд скрыл из того, что ему было известно, всё, ознакомление с чем людей считал вредным для осуществления своих намерений как в отношении своих собеседников персонально, так и в отношении всего человечества. Где-то он солгал или предоставил возможность обмануться другим; что-то выболтал вредное для себя по гордыне, исходя из предубеждения, что «эти тупицы» не поймут сообщаемого им так, как до́лжно, утвердиться в каком мнении очередной повод Воланду немедленно же предоставил Берлиоз, направив свои стопы под трамвай. Что-то Воланд выболтал по ограниченности его миропонимания и ограниченной способности предвидеть последствия. Ну а главное:

> **На протяжении всей своей истории отпадения от Бога Сатана сам неоднократно впадал в самообман[2], вследствие чего и его память и алгоритмика психики не могла не накопить изрядного груза ошибок и заблуждений, которые он не способен выявить и устранить, упорствуя в своём пребывании не в ладу с Богом.**
>
> Это означает, что по существу М.А.Булгаков, не будучи признанным дипломированным богословом, работал над проблемой: *рассмотрение по существу* возможности имитации Откровения Свыше Сатаной в пределах принципиально возможного попущения Сатане на такого рода действие. От всестороннего рассмотрения её уходят богословы всех без исключения вероучений как по отношению к тому, что проповедуют они сами, так и по отношению к тому, что исповедуют и проповедуют инаковерующие.
>
> Рассмотрение этой проблемы не может разрушить или искоренить истинную веру, но представляет опасность для порабощения общества культом всевозможных видов социальной магии. Соответственно, уклоняясь от рассмотрения этой проблематики, профессиональные богословы всех вероисповеданий тем самым свидетельствуют о своей несвободе, и как следствие — об отпадении от Истины: *«Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (в пересказе Иоанна, 8:31, 32).

Как отнёсся ко всему рассказанному и навеянному ему в мысли мастер, известно из самого же романа. Оказавшись в психиатрической лечебнице, он стащил ключи у санитарки Прасковьи Федоровны, что представляет собой одну из характеристик реальной вороватой нравственности мастера, и с их помощью проник в палату, где тяготился собой Иван Бездомный. После того, как Иван, впечатления которого ещё не успели стереться, надо полагать, *переживая*[3], слово в слово, пересказал мастеру «Евангелие от Воланда», мастер воскликнул: «О, как я угадал! О, как я угадал!» Этим он признал для себя полную истинность совпадающего с его романом «благовестия от Воланда» о событиях, происшедших в Ершалаиме в начале нынешней эры.

---

[1] «И сказал: выйди и стань на горе пред лицем Господним, и вот, Господь пройдёт, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (3-я книга Царств, гл. 19:11, 12).

Вопреки этому ясно сказанному обыватели пленяются зрелищными и шумными проявлениями, имеющими место при осуществлении Промысла. Это же — одна из причин, по которой многие воцерковленные, *не видя отображения Промысла в романе в форме шумных и зрелищных проявлений,* обвиняют М.А.Булгакова в популяризации сатанизма и в облагораживании образа дьяволослужения в общественном мнении.

[2] Того обманывать не надо, кто сам обманываться рад.

[3] О причинах выделения здесь этого слова курсивом будет сказано далее.

> В нашем понимании бытия, если человек интересуется вопросами отношений Бога и человечества и разрешает *вопросы, встающие с Божьей помощью*[1] перед ним в русле рассмотрения этой проблематики, искренне, не лукавя перед своей совестью, — то с Божией помощью эти проблемы будут разрешены праведно, и человек не может впасть в депрессию, бежать от людей, стать психически больным или одержимым: он будет становиться всё более жизнерадостным, охватывая всё больше сторон жизни своим укрепляющимся в праведности здравомыслием.

То есть всё, что произошло с мастером, говорит о том, что в его нравственности и, как следствие, в его психике, что-то ложно. Поэтому, как минимум, он не понял истинности того, что сам написал, продираясь через пелену лжи наваждений от Воланда[2] и лжи, накопившейся в сложившейся культуре, а как максимум — написанное им в чём-то ложно.

---

[1] То есть к вопросам человека приводит Бог: задача человека — не испугаться, выявить вопрос и дать ответ на него.

[2] В одной из ранних редакций романа есть такой эпизод:

«— А вы, почтеннейший Иван Николаевич, — сказал снова инженер, — здорово верите в Христа. Тон его стал суров, акцент уменьшился.

— Началась белая магия, — пробормотал Иванушка.

— Необходимо быть последовательным, — отозвался на это консультант. — Будьте добры, он говорил вкрадчиво, наступите ногой на этот портрет, — он указал острым пальцем на изображение Христа на песке.

— Просто странно, — сказал бледный Берлиоз.

— Да не желаю я! — взбунтовался Иванушка.

— Боитесь, — коротко сказал Воланд.

— И не думаю!

— Боитесь!

Иванушка, теряясь, посмотрел на своего патрона и приятеля.

Тот поддержал Иванушку:

— Помилуйте, доктор! Ни в какого Христа он не верит, но ведь это же детски нелепо доказывать своё неверие таким способом!

— Ну, тогда вот что! — сурово сказал инженер и сдвинул брови, — позвольте вам сказать, гражданин Бездомный, — что вы врун свинячий! Да, да! Да нечего на меня зенки таращить!

Тон инженера был так внезапно нагл, так странен, что у обоих приятелей на время отвалился язык. Иванушка вытаращил глаза. По теории нужно было сейчас же дать в ухо собеседнику, но русский человек не только нагловат, но и трусоват.

Да, да, да, нечего пялить, — продолжал Воланд, — и трепаться, братишка нечего было, — закричал он сердито, переходя абсолютно непонятным образом с немецкого на акцент черноморский, — трепло ты, братишка. Тоже богоборец, антибожник. Как же ты мужикам будешь проповедовать?! Мужик любит пропаганду резкую — раз, и в два счёта чтобы! Какой ты пропагандист! Интеллигент! У, глаза бы мои не смотрели!

Всё что угодно мог вынести Иванушка, за исключением последнего. Ярость заиграла на его лице.

— Я интеллигент?! — обеими руками он трахнул себя в грудь, — я — интеллигент? — захрипел он с таким видом, словно Воланд обозвал его, по меньшей мере, сукиным сыном. — Так смотри же!! — Иванушка метнулся к изображению.

— Стойте!! — громовым голосом воскликнул консультант, — стойте!

Иванушка застыл на месте.

— После моего евангелия, после того, что я рассказал об Иешуа, вы, Владимир Миронович (так звали Берлиоза в одной из ранних редакций: наше пояснение при цитировании), неужто вы не остановите юного безумца?! *А вы, — инженер обратился к небу, — вы слышали, что я честно рассказал?!* (выделено нами при цитировании). Да! — и острый палец вонзился в небо. Остановите его! Остановите!! Вы — старший!

— Это так глупо всё!! — в свою очередь закричал Берлиоз, — что у меня в голове мутится! Ни поощрять его, ни останавливать я, конечно, не стану!

И Иванушкин сапог вновь взвился, послышался топот, и Христос разлетелся по ветру серой пылью.

— Вот! — вскричал Иван злобно.

— Ах! — кокетливо прикрыв глаза ладонью, воскликнул Воланд, — а затем, сделавшись необыкновенно деловитым, успокоенно добавил:

— Ну вот, всё в порядке, и дочь ночи Мойра допряла свою нить» (цитировано по журналу "Слово", № 4, 1991, стр. 14).

Но в окончательной редакции выделенного нами при цитировании обращения Воланда к Небесам за подтверждением истинности его рассказа нет, как нет и всего этого эпизода.

Поясним ещё одно обстоятельство, упомянутое Воландом: Мойры в греческой и римской мифологии — три сестры-"богини", пряли нити судеб как людей, так и олимпийских "богов", включая и судьбу самого Зевса-Юпитера. Так, согласно одному из мифов, Зевс был бы свергнут с олимпийского престола новым верховным "богом", рождённым от Зевса морской "богиней" Фетидой. Эту тайну знал Прометей.

Будучи прикованным к скале в наказание за передачу людям божественного огня, Прометей получил освобождение от Зевса в обмен на эту тайну. В результате этой сделки Зевсу пришлось обуздать свои сексуальные домо-

→→→

Для ответа по существу на вопросы такого рода, необходимо рассмотреть две составляющие романа мастера:

- ту, что повторяет свидетельства канонических новозаветных Евангелий;
- ту, что им противоречит.

Начнём с того, что противоречит. На вопрос прокуратора:

«— Имя?

— Моё? — торопливо отозвался арестованный <Иешуа>, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывая более гнева <Перед этим кентурион[1] Марк Крысобой вывел Иешуа из колоннады, где Пилат проводил допрос, ударил его бичом, и объяснил, как требуется держать себя перед прокуратором>.

Прокуратор сказал негромко:

— Моё — мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

— Иешуа, — поспешно ответил арестант.

— Прозвище есть?

— Га-Ноцри[2].

— Откуда ты родом?

— Из города Гамалы, — ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

— Кто ты по крови?

— Я точно не знаю, — живо ответил арестованный, — я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец…»

> Ответ Иешуа на вопрос одинаково отрицает как библейские, так и коранические свидетельства о рождении и детстве Христа, согласно которым он знал своих родителей, знал о его зачатии праведной девственницей от Духа Святого, что противоестественно по понятиям обыденности.

В версии событий "Мастера и Маргариты" Иешуа — обычный человек, каких много, но который отличается от подавляющего большинства тем, что целенаправленно активно, радостно и бесстрашно познаёт и осмысляет Жизнь *с верой и доверием Богу, как показывают его дальнейшие ответы Пилату,* и щедро делится своими познаниями и пониманием происходящего и перспектив со всеми окружающими, кто готов его слушать, не делая исключений ни для кого.

После того, как Иешуа оказал Пилату помощь, исцелив того от приступа мигрени, Пилат приказал его развязать, и разговор продолжался:

«Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросил, очень оживившись, развязанный.

— Ну, хотя бы жизнью твоею, — ответил прокуратор, — ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

— Не думаешь ли ты, что ты её подвесил, игемон? — спросил арестант, — если это так, то ты очень ошибаешься.

Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

— Я могу перерезать этот волосок.

— И в этом ты ошибаешься, — светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, — согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

— Так, так, — улыбнувшись, сказал Пилат…»

Намёк-то сделан весьма прозрачный и по-русски выражается в пословице «все под Богом ходим», и без Его на то Святой воли не то, что ничья жизнь не оборвётся, но не упадёт и ни один волос с головы. И всё поведение Иешуа в этом диалоге показывает, что он с радостью доверял свою жизнь, смерть и посмертное бытие Богу.

— Так, так, — улыбнувшись, сказал Пилат, — теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобою по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подве-

---

гательства и выдать Фетиду за смертного земного царя Пелея, от которого и родился Ахилл (Ахиллес) — один из героев троянской войны. Но чтобы не ударить в грязь лицом отменой своего приговора «приковать навечно», Зевс обязал Прометея носить не снимая перстень, выкованный из звена прометеевых оков, с осколком той скалы, на которой титан был распят.

[1] При транслитерации с латыни ныне допускаются два варианта: латинская «С» огласовывается более часто как «Ц», а реже как «К». Центурия, — сотня, низшая структурная единица в составе легиона; две центурии образовывали собой манипулу. Численность и организация легиона в разные периоды истории Рима была разной.

[2] Иешуа Ганоцри — Иисус Назарянин по-еврейски. То есть М.А.Булгаков не придумал какого-то своего персонажа, а воспользовался еврейским именованием исторически реального Иисуса Христа, введя только написание «Га-Ноцри» через дефис (в произведениях Н.С.Лескова «Ганоцри» пишется слитно).

шен он хорошо. Кстати, скажи: верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как некому пророку? — тут прокуратор указал на свиток пергамента.

Арестант недоумённо поглядел на прокуратора.

— У меня и осла-то никакого нет, игемон, — сказал он. — Пришёл я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал».

Это — опровержение сцены торжественного въезда Христа в Иерусалим на молодом осле под радостные возгласы толпы «Осанна! Осанна!», на чём настаивает библейская вероисповедальная традиция церквей имени Христа.

Но разговор продолжается далее:

«— Не знаешь ли ты таких, — продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, — некоего Дисмаса, другого — Гестаса и третьего — Вар-раввана?

— Этих добрых людей я не знаю, — ответил арестант.

— Правда?

— Правда.

— А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете.

— Впервые слышу об этом, — сказал Пилат, усмехнувшись, — но, может быть, я мало знаю жизнь! Можете дальнейшее не записывать, — обратился он к секретарю, хотя тот и так ничего не записывал, и продолжал говорить арестанту: — В какой-нибудь из греческих книг ты прочёл об этом?

— Нет, я своим умом дошёл до этого.

— И ты проповедуешь это?

— Да».

Провозглашаемое Иешуа и открыто им проповедуемое учение о всеобщей доброте людей не знает исключений как по отношению ко всем людям в совокупности, так и по отношению персонально к каждому.

Не знает, в том числе, и по отношению к жестоко избившему его Марку Крысобою и Иуде из Кириафа (Искариоту), спровоцировавшему его по наущению хозяев синедриона на нарушение римского закона «об оскорблении величия». Это не слепота в вопросе о том, с кем реально Иешуа имеет дело (с искренним последователем, доброжелательным учеником либо с заведомым провокатором), как это понимается многими.

Это — ПРИНЦИП ЖИЗНИ, НЕ ЗНАЮЩИЙ ИСКЛЮЧЕНИЙ и предполагающий, что *Бог знает, к кому Он приводит Иешуа и кого приводит к нему; обязанность же Иешуа, прежде всего, перед Богом — донести своё понимание Правды-Истины до каждого, с кем Бог даёт ему встретиться.* **Этот принцип предназначен для того, чтобы ему следовал в своей жизни каждый человек во всех обстоятельствах без исключения.**

И по отношению к нему вопрос о том, зачат ли исторически реальный Христос как все люди в совокуплении мужчины и женщины, что сообщается в «Евангелии от Воланда», либо зачат о Духа Святого, как то утверждают новозаветные тексты и Коран, — значения не имеет. Кроме того, воплощение Христа, зачатого от Духа Святого, как можно понять из Библии, — не самое удивительное воплощение. Там описано ещё одно воплощение наместника Божиего на Земле не только без отца, но и без матери. В Послании к Евреям, апостол Павел в гл. 7 пишет следующее:

«1. Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, 2. которому и десятину отделил Авраам от всего (см. кн. Бытие, гл. 14:18 — 20), — во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, 3. *без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни* (выделено курсивом нами при цитировании: но всё равно Мелхиседека не возводили в ранг божества даже при всех этих чудесных его свойствах), уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда. 4. Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих».

То есть вопрос о способе воплощения — далеко не столь значим для жизни, как это представляют пастве церкви имени Христа. Вопрос о характере зачатия Христа лежит в иной области: если историче-

ски реально случилось так, что в эпоху первого пришествия не было ни одной четы мужчины и женщины, таких чтобы их наследственность (телесная и духовная)[1] позволила родиться и вырасти человеку, который был бы свободен от заблуждений эпохи и мог бы явить собой всем остальным тот идеал достоинства Человека, который предопределён Всевышним Богом, Творцом и Вседержителем, дабы все люди постигли этот неискажённый идеал и воплотили его каждый в себе, то Бог воплотил этот идеал в жизнь зачатием Иисуса Христа праведной Девой от Духа Святого[2].

Но церкви имени Христа, сосредоточив внимание воцерковленных на таинстве зачатия Иисуса, подменяют своими поучениями об этом событии, *повторить которое не в силах никто, кроме Бога,* понимание вопроса о жизненных принципах, которым Иисус следовал в жизни в общении со всеми людьми и следовать которым с Божией помощью в своей жизни способен каждый. И это — антихристианская сущность всякого якобы христианского культа. И в результате этой многовековой политики иерархов церквей и их закулисных хозяев одно из порицаний ближнего за свойственную тому душевную и материальную щедрость и бескорыстие в отношении других в обществе выливается в чеканно злобную форму**: «Христосик нашёлся…»** и ей подобные, в которых уподобление Христу человека за те или иные благие качества должно восприниматься им как оскорбление и порицание.

---

[1] Об отличиях наследственности человека от наследственности животных см. в нашей работе “О расовых доктринах: правдоподобны, но не состоятельны”.

[2] Коран, сура 19, названная “Мария”, о зачатии, рождении и первом обращении Христа к людям повествует так:

«16(16). И вспомни в писании Марйам (Марию). Вот она удалилась от своей семьи в место восточное

17(17). и устроила себе пред ними завесу. Мы отправили к ней Нашего духа, и принял он пред ней обличие совершенного человека.

18(18). Она сказала: “Я ищу защиты от тебя у Милосердного, если ты богобоязнен”.

19(19). Он сказал: “Я только посланник Господа твоего, чтобы даровать тебе мальчика чистого”.

20(20). Она сказала: “Как может быть у меня мальчик? Меня не касался человек, и не была я распутницей”.

21(21). Он сказал: “Так сказал твой Господь: «Это для Меня — легко. И сделаем Мы его знамением для людей и Нашим милосердием». Дело это решено”.

22(22). И понесла она его и удалилась с ним в далёкое место.

23(23). И привели её муки <родовые> к стволу пальмы. Сказала она: “О если бы я умерла раньше этого и была забытою, забвенною!”

24(24). И воззвал он <только что рождённый Христос> к ней из-под неё: “Не печалься: Господь твой сделал под тобой ручей.

25(25). И потряси над собой ствол пальмы, она уронит к тебе свежие, спелые <плоды>.

26(26). Ешь, и пей, и прохлади глаза! А если ты увидишь кого из людей,

27. то скажи: “Я дала Милостивому обет поста и не буду говорить сегодня с человеком”.

28(27). Она пришла с ним к своему народу, неся его. Они сказали: “О Марйам, ты совершила дело неслыханное!

29(28). О сестра Харуна, не был отец твой дурным человеком, и мать твоя не была распутницей”.

30(29). А она указала на него. Они сказали: “Как мы можем говорить с тем, кто ребёнок в колыбели?”

31(30). Он сказал: “Я — раб Бога, Он дал мне писание и сделал меня пророком.

32(31). И сделал меня благословенным, где бы я ни был, и заповедал мне молитву и милостыню, пока я живу,

33(32). и благость к моей родительнице и не сделал меня тираном, несчастным.

34(33). И мир мне в тот день, как я родился, и в день, что умру, и в день, когда буду воскрешён живым!” (То есть первое чудо в пришествие Христа состояло не в обращении воды в алкогольный дурман, а в том, что Иисус защитил свою мать от возводимой на неё напраслины — обвинения в блуде: наше пояснение при цитировании).

35(34). Это — Иса, сын Марйам <Иисус Христос>, по слову истины, в котором они сомневаются.

36(35). Не подобает Богу брать Себе детей, хвала Ему! Когда Он решит какое-нибудь дело, то лишь скажет ему: “Будь!” — и оно обретает бытие.

37(36). И поистине, Бог — мой Господь и ваш Господь: поклоняйтесь же Ему, это — прямой путь!»

Кроме того обвинения М.А.Булгакова в кощунственном (с точки зрения называющих себя «христианами») отказе признать факт зачатия Христа от Духа Святого беспочвенны, что бы ни говорили по этому поводу воцерковленные литературоведы. Следует обратить внимание на то, что версию зачатия Христа от Духа Святого в сюжете романа прямо оспаривает материалистический атеист М.А.Берлиоз в своей лекции по мифологии для Ивана Бездомного, а кроме того она же выражена одной фразой в «Евангелии от Воланда». Разница между версией Берлиоза и Воланда только в том, что Берлиоз Христа при жизни не знал и потому оспаривает сам факт его бытия в прошлом; а Воланд рассказывает об Иешуа, которого видел в жизни, как об оставленном Богом обычном человеке-праведнике, преследуя в своём рассказе, как минимум, две цели:

- во-первых, предать забвению один из неприятных для него фактов прямого вмешательства Божиего в дела земные, в результате чего пречистая дева Мария родила сверхъестественным образом *Человека во всей полноте его достоинства;*
- а во-вторых, чтобы другим неповадно было в земной жизни доверяться Богу и возлагать на Него надежды, — возвести на Бога напраслиной *Иудин грех предательства доверившегося ему праведника*.

Но эту же напраслину **измены Бога** доверившемуся Ему праведнику, **начиная со стадии Предопределения бытия Мироздания**, возводят на Бога и церкви имени Христа. *Своего же мнения по вопросу зачатия Христа М.А.Булгаков, выступая в лице анонимного рассказчика, ведущего повествование романа-притчи, не высказал,* предоставив ответить на него каждому из читателей романа искренне, по его совести, но как видно из комментариев к роману, большинство литературных критиков при ответе на этот вопрос отождествляют себя либо с Берлиозом, либо с Воландом, приписывая свойственные им воззрения М.А.Булгакову.

И ещё: возведение в ранг *непорочного* исключительно зачатия Христа Марией Девой от Духа Святого — действительно одно из кощунственных, сатанинских положений церковного вероучения, богохульно в умолчании предполагающее, что все остальные зачатия людей обречены самим Богом быть порочными. Зачатие Христа от Духа Святого чудесно и действительно *непорочно*. Но также *непорочно* (хотя и лишено ореола сверхъестественного чуда) всякое зачатие *естественным образом*[1] человека супругами, которым Бог даровал Свою Любовь. И такое зачатие должно стать нормой в жизни общества. Порочно же всякое зачатие, осуществившееся без дарованной Богом Любви, происшедшее всего лишь на основе отработки алгоритмики совокупления мужчины и женщины под водительством исключительно животных инстинктов или переизбытка энергии со скуки вне зависимости от того, произошло такое зачатие в ритуально освящённом церковью браке либо же произошло оно в блуде супругов или холостяков[2].

Обоснование утверждения «злых людей нет на свете» в романе также просто:

«Эти добрые люди (…) ничему не учились…»

Иными словами:

> Зло — *в порочной культуре, где не выработано праведного воспитания и, где люди учатся истине ошибками жизни образуемого ими ВСЕМИ общества,* — объективно неизбежно, вследствие чего возлагать за него ответственность на кого бы то ни было из них объективно неуместно, т.е. такого рода обвинения несправедливы и сами неправедны, что бы ни сотворил кто-либо из людей и кто бы его в этом ни обвинял.
>
> **Такой взгляд при кажущейся его простоте, однако не снимает с человека обязанности стремиться к праведности, и не является провозглашением в качестве нормы попустительства к порочному образу жизни и культу порока, как это кажется на первый по-**

---

[1] Вопрос о “зачатии” в пробирке и прочих технологических подходах к воспроизводству живых существ, включая и людей, — вопрос особый, поскольку такие действия принадлежат области Божьего попущения. Промысел, как можно понять из сообщаемого о Мелхиседеке, в общем случае способен обойтись и без пробирки и “биотехнологий” прямым воплощением души по животворящему слову Бога.

[2] Подробнее в материалах Концепции общественной безопасности см. работе “О расовых доктринах: правдоподобны, но несостоятельны”, “От матриархата к человечности” (в 2001 г. переименована: “От человекообразия к человечности”, что более соответствует Жизни), “Почему, призывая к Богодержавию, Внутренний Предиктор не приемлет Последний Завет?”.

Здесь же отметим, что в нынешней цивилизации «любовью» большей частью называют всевозможные привязанности, а *Любовь, будучи совокупностью совершенства* (Послание Колоссянам апостола Павла, 3:14), от привязанностей освобождает, придавая отношениям, успевшим сложиться на основе привязанностей, новое качество.

верхностный взгляд: сам-то Иешуа искренне живёт в согласии со своею совестью, а деятельность его направлена на преображение нравственности и психики всех, с кем бы он ни общался, вне зависимости от того, как бы низко ни пали окружающие его люди, и какое бы зло они ни творили.

Подавляющее большинство тех, кто не согласен с вероучениями христианских церквей и кому известен новозаветный эпизод «Христос и грешница» (Иоанн, гл. 8), считают себя свободными от миссии обретения истины и просвещения окружающих, и потому такое всепрощение расценивают как осуществляемое по умолчанию растление общества и молодёжи “очевидной” (для них) безнаказанностью порока. В христианских же церквях учение о всепрощении действительно превращается в средство растления общества безнаказанностью неоспоримого порока, вследствие того, что церкви увязли в болоте мертвящих догм, в которое обратили живое учение Христа Патриаршие запруды.

Утверждение «злых людей нет на свете» — просто констатация *факта, сокрытого в глубинах бытия Мироздания,* осознание которого обязывает каждого, кто понял это, выработать и дать людям истинное учение о жизни, на основе которого неискоренимо проявится свойственная всем им доброта. Но это только внутриобщественная сторона сказанного Иешуа — его социологическая доктрина, которую он проводит в жизнь всею свою деятельностью во всех без исключения обстоятельствах:

«А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоем, — он — добрый?

— Да, — ответил арестант, — он, правда, несчастливый человек. С тех пор, как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и чёрств. (…) Если бы с ним поговорить, — вдруг мечтательно сказал арестант, — я уверен, что он резко изменился бы. (…)

— Я вижу, что свершилась какая-то беда из-за того, что говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль[1].

— Я думаю, — странно усмехнувшись, ответил прокуратор, — что есть ещё кое-кто на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа, и кому придётся гораздо хуже чем Иуде! Итак, Марк Крысобой, холодный и убеждённый палач, люди, которые, как я вижу, — прокуратор показал на изуродованное лицо Иешуа, — тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырёх солдат, и наконец, грязный предатель Иуда — все они добрые люди?

— Да, ответил арестант.

— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон, — убеждённо ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! — вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. (…) он ещё повысил командный голос, выкликивая слова так, чтобы слышали в саду: — Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один, — ответил Иешуа, — в Него я верю <верю и доверяю Ему, добавим мы при цитировании>.

— Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, — тут голос Пилата сел, — это не поможет…»

[1] Деятельность Иешуа протекает в русле Промысла, а Иуда пошёл против Промысла, отказавшись от возможности поддержать Промысел, поэтому Иешуа чувствует несчастье, которое случится с Иудой, но спокоен в отношении своего будущего. Это вовсе не слепота в отношении дальнейшей своей судьбы, как понимают этот эпизод некоторые из читателей и воцерковленных литературоведов.

В бесстрашной вере Богу, на одном “полюсе”, и в безверии Богу, *проистекающем из разнородных страхов,* вне зависимости от веры в Бога или безверия в Него же, на другом “полюсе”, — пределы различий между всеми *добрыми людьми*. Злых людей нет на свете.

4. Богословие Русской цивилизации

Внесоциальная сторона провозглашённого Иешуа утверждения о всеобщей доброте людей состоит в том, что оно отрицает все без исключения вероучительные традиции, которым свойственно учение об аде, геенне огненной, как о месте, изначально предопределённо предназначенном для нескончаемого заключения и <u>нескончаемых мучений без освобождения когда-либо</u> не прощённых Богом грешников. Если все люди — добрые, то геенна, предназначенная для злых, в Предопределении бытия Мироздания — никчёмна. В частности, слова булгаковского Иешуа Га-Ноцри отрицают все вероучения, основанные на Библии и на Коране, а также и все кастовые социологические толпо-“элитарные” доктрины разнообразных (знахарских) ведических традиций.

Сура 5, хронологически последняя в истории обретения культурой человечества Корана, завершается эпизодом из событий Судного дня:

«116(116). И вот сказал Бог: “О Иса, сын Марйам! Разве ты сказал людям: “Примите меня и мою мать двумя богами кроме Бога?” Он сказал: “Хвала Тебе! Как можно мне говорить, что мне не по праву? Если я говорил, Ты это знаешь. Ты знаешь то, что у меня в душе, а я не знаю того, что у Тебя в душе: ведь Ты — ведающий скрытое”.

117(117). Я не говорил им ничего, кроме того, о чём Ты мне приказал: “Поклоняйтесь Богу, Господу моему и Господу вашему!” Я был свидетелем о них, пока пребывал среди них, а когда Ты меня упокоил, Ты был наблюдателем за ними, и Ты — свидетель всякой вещи.

118(118). Если Ты их накажешь, то ведь они — рабы Твои, а если Ты простишь им, то ведь Ты — великий, мудрый!”

119(119). Сказал Бог: “Это — день, когда поможет правдивым их правдивость. Им — сады, где внизу текут реки, — вечно пребывающими они будут там”. Бог доволен ими, и они довольны Богом. Это — великая прибыль!

120(120). Богу принадлежит власть над небесами и землёй и тем, что в них, и Он мощен над всякой вещью!» (в переводе И.Ю.Крачковского).

Образ Иешуа из “Мастера и Маргариты” и образ Исы из Корана формируют у читателя взаимно исключающие представления о нравственно-этическом облике Христа. И всякий читатель обеих книг может вообразить, что Иешуа попал в ситуацию, описанную в приведённом кораническом фрагменте. Ответы и речи его, совпадающие с приведёнными в Коране, невозможны. Вся ситуация развивалась бы совершенно иначе:

И вот сказал Судия: “О Иса, сын Марйам! Разве ты сказал людям: “Примите меня и мою мать двумя богами кроме Бога?”

Он ответил, улыбаясь просто и радостно: “Конечно, нет. Я никому не говорил таких глупостей: эти добрые люди придумали их сами. Но, как я понимаю, ты, добрый Судия, подумываешь о том, не послать ли многих из этих добрых людей в геенну на нескончаемые времена? Так ты бы, добрый Судия, опамятовался и одумался, прежде чем тебя охватит стыд: эти добрые люди учились только жизнью, их разумением на их же ошибках потому, что среди них мало кто может научить обрести истину и жить по ней. Согласись, ведь, если бы ты был Всевышним Всемогущим Богом, Творцом и Вседержителем, то изначально было бы крайне немилостиво с твоей стороны по отношению ко многим предопределить нескончаемые муки в геенне. Неправедно это, чтоб многие, совершив *ошибки, неизбежность которых предопределена тобою же*, нескончаемо мучились в ней по твоему же предопределению. Милостивый и Всемогущий даже и не помыслил бы так предопределить бытие Мироздания, а не то, что воплотить такое предопределение в жизнь. Согласись, что нельзя добродетельному Творцу быть хотя бы отчасти мстительным по отношению к творению, как бы эту мстительность ни называли другими именами, чтобы придать ей благообразность и соблюсти приличия”.

Возможно, что М.А.Булгаков, если бы он обратился к затронутому нами кораническому описанию Судного дня, описал бы эту ситуацию в каких-то других словах, но никак невозможен в устах Иешуа из “Мастера и Маргариты” канонический коранический ответ:

«Если ты их накажешь, то ведь они — рабы Твои, а если Ты простишь им, то ведь Ты — великий, мудрый!»

> Отождествление ниспославшего Коран в его исторически реальном виде, а также и авторов библейских “откровений” (на лживость которых многократно указует Коран), с Богом Истинным для булгаковского Иешуа невозможно.

Но придя к этому выводу, необходимо продолжить рассмотрение сюжета, завершающего хронологически последнюю суру Корана: что последует за такого рода возражением и упрёком в немилостивом

для многих предопределении бытия? — основных, предельных вариантов развития ситуации представляется три:

- “**Милостивый**”: «И даже тебе, Иса, не понять истинной праведности Моего наилучшего предопределения необходимости предусмотреть нескончаемо существующий ад как составную часть поистине благоустроенного Мироздания: но Я всех прощаю, Я, поистине, — великий, мудрый»;
- “**Воздаятельный**”: “«И ты, Иса?.. — и это после всего, чем Я облагодетельствовал тебя в жизни?.. ты — такой же раб мой, как и все, о чём Я говорил в Откровениях, однако и ты оказался никчёмным и неблагодарным, как и многие другие, с кем ты будешь пребывать в геенне нескончаемо»;
- **РУССКИЙ**: Наваждение суда под воздействием Правды-Истины, изречённой *праведником,* начнёт трепетать подобно воздуху над горячей землёй и развеется как кошмарный сон, потерявший власть над пробуждающимися людьми. Все узрят Бога Истинного, Который действительно не предопределял нескончаемого воздаяния муками в геенне за неправедную жизнь в сотворённом Им по Своему Предопределению Мироздании. Но… одни узрят Бога с окрыляющей радостью, освобождающей их от прежде свойственных им искренних заблуждений, а у других к освобождающей радости добавится ещё и <u>нестерпимый стыд</u>[1] за умышленно совершённое ими разнородное зло, и от охватившего их стыда им будет некуда деться, но Бог сам обратится к ним и поможет выдержать это последнее испытание — очищение стыдом, — после чего свершится преображение всех и вся, не выразимое ныне словами и далеко выходящее за пределы возможного ныне для людей понимания, а бытие Мироздания обретёт новое качество.

Но и это не все разногласия “Мастера и Маргариты” с Кораном, библейскими и ведическими священными писаниями[2].

* * *

Иешуа живёт в мире, где Бог, будучи всемогущим, никогда не оставляет никого из людей и обращается сокровенно к каждому, соответственно его пониманию Жизни, предоставив всем без исключения возможность свободы выбора ими ответа на вопрос «что есть истина?». И потому в этом мире **все без исключения по их сути — посланники Всевышнего к их окружающим**, в чём-то праведные, в чём-то ошибающиеся искренне, а в чём-то, возможно, и лицемерящие либо из алчности, либо из страха. Вследствие этого *Бог не избирает никогда и никого для того, чтобы исключительно избранный Им вещал истину всем остальным*, кому Бог якобы отказал в Своём непосредственном обращении к ним. Бог не отказывает никому, но не каждый выросший в неправедной культуре способен принять и донести до других Его обращение; а из способных принять и донести — далеко не каждый согласен принять и донести, вследствие пороков в развитии своих нравственности и этики.

Но, не получив праведного воспитания в не вызревшей пока ещё культуре человечности, многие под воздействием гнёта культурной среды, культивирующей в их психике всевозможные страхи, предубеждения и ущербность, под воздействием разнородных привязанностей, сами уклоняются от *сокровенных (от других)* обращений к ним Бога непосредственно через их совесть; они не внемлют опосредованным обращениям к ним Бога через других людей, через памятники культуры и жизненные обстоятельства. И по этим же причинам они отмахиваются от даваемых Свыше непосредственно им крупиц истины как от назойливо лезущих в глаза мошек, давят их, и не видят необходимости поделиться доставшимися им крупинками с окружающими. Либо они трусят внятно согласиться с известными им истинами даже в своём внутреннем мире, а не то что бы огласить их открыто в обществе, когда они противоречат сложившейся или только формирущейся[3] общественной традиции, поддерживаемой всеми средствами неправедной культуры, поддерживаемой так или иначе всеми и каждым в обществе (за редкими исключениями), поскольку, — по их мнению, — выступить против культового мнения или

[1] В этой связи для справки:

- В переводе Корана И.Ю.Крачковского слово «стыд» и однокоренные с ним встречаются всего три раза, а слово «геенна» встречается более шестидесяти раз (далее мы сбились со счёта).
- В синодальном переводе Библии слово «геенна» встречается около 20 раз, хотя Библия раза в три толще переводов Корана, а слово «стыд» и однокоренные с ним содержатся в гораздо большем количестве, чем в Коране слово «геенна»: мы прервали счёт слова «стыд» в синодальном переводе примерно на 70-ти в Ветхом Завете, а кроме того слово «стыд» и однокоренные с ним встречаются около 20 раз в Новом Завете.

[2] Этот вопрос настолько значим, что его рассмотрение мы выделим в небольшой, хотя и не озаглавленный самостоятельный подраздел.

[3] Либо целенаправленно формируемой.

господствующей традиции — возможно обречь себя на жестокую смерть или на длительную жизнь отверженного и гонимого всеми. Поэтому в ныне длящуюся историческую эпоху у одних (и таких подавляющее большинство) миссия наместничества Божиего и посланничества Его к другим людям исчезает из их смысла жизни либо извращается до неузнаваемости; другие же смогли её выполнить более или менее успешно, придав *определённую направленность к лучшему* течению локальных и глобального исторического процесса на многие века (таких единицы, и о некоторых из них человечество помнит как о пророках — якобы монополистах на оглашение истины; и многие из их числа сами были искренне убеждены в таковом своём исключительном значении *монополистов в обладании истиной — по крайней мере в современном им обществе*).

Но Богу принадлежит вечность, и потому Он может ждать до тех пор, пока культура цивилизации вызреет до человечности, пока все освободятся от страхов, и настанет царство Правды-Истины вследствие того, что каждый будет без страха с Любовью и по совести наместником Божиим на Земле. Об этом Пилату и другим персонажам романа толковал Иешуа, но все были напуганы и озлоблены и даже, если не отвергали без рассмотрения, то не могли принять этого, не извратив сказанного им для того, чтобы приспособить к *страхам, привычным для образа жизни каждого из них*.

* * *

И соответственно “Мастер и Маргарита” — не Откровение в форме литературного художественного произведения, и не праздный вымысел, выдаваемый за Откровение, а богословие Русского человека, ищущего истину с беззаветной верой и доверием Богу своей жизни и посмертного бытия; богословие, выраженное в иносказательно-притчевой форме. Это истинное богословие Русской культуры в целом в XX веке, определившее во многом дальнейшую судьбу региональной цивилизации России и всего остального человечества.

Но нет принуждения в выборе веры и *религии, которую каждый человек осознанно и бессознательно строит на основе выбранной им веры, выражающей его реальную нравственность*. И почитающим себя истинными мусульманами следует не вскипать злобой в возмущении от сказанного здесь всего того, что по существу отрицает ниспослание Корана Богом, Милостивым, Милосердным в той форме, как об этом учит мусульманская вероучительная традиция. Как должно быть им известно, всё предопределено Богом, в том числе и написание “Мастера и Маргариты” М.А.Булгаковым и настоящий комментарий к этому роману, выражающий самоосознание Русской цивилизации, частью которой стала и культура народов, исповедующих исторически реальный ислам. И все мы ответим перед Богом за уклонение от ответа на вопрос «что есть истина?», либо так как об этом повествует Коран, либо как-то иначе, возможно что и так, как подразумевается в “Мастере и Маргарите”: ответим так, как то предопределил Всемилостивый Творец. И дóлжно проявить терпение, чтобы Бог рассудил между нами по истине, и чтобы никто не посягнул подменить своей отсебятиной Его святую волю, чтобы не выкосить друг друга в порыве возмущения, проистекающего из предубеждений, унаследованных вместе с культурой от предков, некогда сделавших тот либо иной выбор вероучения.

Есть ещё один вариант продолжения коранической сцены судного дня: «По вере вашей, да будет вам». Но это утверждение, будучи промыслительным средством приведения людей к Правде-Истине в течение их жизни, с Русской точки зрения по отношению к посмертному бытию — выражение *цинизма* в наихудшем смысле этого слова. И, как показано в романе “Мастер и Маргарита”, именно эту наиболее циничную позицию избрал Сатана, который посягнул отправить в небытие М.А.Берлиоза, поговорив в завершение первой части бытия Берлиоза о фактах жизни с его отрезанной головой на балу, каков итог был бы совсем бессмысленным предопределением бытия для заблудшего М.А.Берлиоза, а Бог не творит бессмыслиц (но поскольку дальнейшее посмертное бытиё М.А.Берлиоза — вне сюжетных линий романа, многие его читатели решили, что отправить бессмертную душу в небытие — в компетенции Воланда).

Однако Русский ответ на причину отрицания Корана и других вероучений про нескончаемый ад после судного дня требует мотивировки. И она нравственно-этически необходима, прежде всего, по отношению к тому, кто ниспослал Коран, поскольку в самом Коране сказано:

«Если Коран ниспослан Богом, а вы отвергаете его, то понимаете ли, что те, которые отвергают его, в большем заблуждении, нежели те, которые в крайних разногласиях в каких-либо иных мнениях?» — вариация редакции перевода Г.С.Саблукова.

Или ещё один вариант перевода:

«Видите ли, если Коран от Бога, а вы его отвергаете, то как вы оправдаетесь в этом перед его Ниспославшим?» (Коран, сура 41, её название — “Разъяснены”, аят 52).

Начнём с практического инженерного подхода к экспертизе всевозможных проектов, понятного ныне, по-видимому, большинству. Предположим, мы рассматриваем два проекта некоего устройства, предназначенного для осуществления некоего процесса. При прочих равных:

- один проект разработан так, что отходов производства и брака нет: 100-процентный выход продукции, отвечающей заданному стандарту в нём гарантирован; методы разработки и сам проект — безошибочны;
- другой проект разработан так, что в нём возникают отходы производства и некоторая доля принципиально неисправимого брака, и эти отходы и некондиционная продукция таковы, что не только представляют опасность для окружающих, но и неуничтожимы, не поддаются дальнейшей переработке, в силу чего возникает необходимость где-то и как-то их содержать нескончаемо долго изолированно ото всего прочего.

Понятно, что с инженерной точки зрения первый проект неоспоримо предпочтительней, а второй в сопоставлении с первым — неоспоримо ущербный, дефективный, возможно потому, что были неграмотно применены методы проектирования такого рода систем; а возможно, и потому, что порочны и сами методологические походы к решению такого рода задач.

По отношению к рассмотрению вариантов Предопределения бытия Мироздания, ад представляется именно как склад, предназначенный для нескончаемого хранения отходов процесса и производственного брака, представляющих реальную опасность для окружающих и не поддающихся переработке. То есть с инженерной точки зрения такое дефективное, порочное, ущербное Предопределение недостойно *всемогущества* и *мудрости* Всевышнего. Оно во многом напоминает затею человечества достичь процветания на основе ядерной энергетики: *хранение жизненно опасных продуктов распада ядерных топлив и заражённых ими конструкций энергетического оборудования — технически неразрешимая задача, по какой причине подавляющим большинством здраво мыслящих людей ядерная энергетика, оставляющая после себя продукты распада, во всех её видах квалифицируется как сатанинское наваждение, которому отдалась цивилизация*[1].

К тому же выводу о дефективности и порочности Предопределения Мироустройства, в котором есть место нескончаемым мукам в геенне, приводит и нравственно-этическое рассмотрение двух вариантов предопределения Свыше бытия Мироздания, хотя и на основе другой логики.

Безусловно, простить всех грешников в судный день — значит явить великую милость. Но кроме намёка на это, в Коране сказано и другое, но уже о людях, а не о судном дне: «Богу они приписывают то, чем и сами тяготятся» <в смысле: те качества, которыми тяготятся в себе самих, они придают Богу> (Коран, 16:64). Чем люди сами тяготятся, и что вызывает их уважение? — Понимание этого доступно всем и каждому, даже если это не свойственно поведению их самих, — вот это и необходимо рассмотреть конкретно.

Люди в своём обществе всегда с уважением относились к скромности и порицали честолюбие. Предопределение бытия Мироздания, в котором есть место геенне, но от которой все избавлены всеобщим прощением в судный день, порождает двусмысленность: геенна предопределена для того, чтобы даровав прощение, Бог потом принимал нескончаемую хвалу избавленных от нескончаемых мук грешников и всех прочих, кого Он ещё при жизни вёл так, что вопрос об их помещении в геенну не вставал, и упивался этой хвалой?

Что Бог — честолюбец? — Не напраслина ли это, возводимая на Бога Истинного *Его имиджмейкерами,* которые лепят Его образ в культуре так же, как лепят на потребу толпе образы эстрадных, спортивных и прочих «Суперзвёзд»[2]? Может всё же Бог не корчит из Себя «Су-

---

[1] Хотя с этой оценкой не согласятся все те, кто только и умеет, что проектировать и строить различные ядерные установки, и кормится от этого вида злодейства; те, кому слабо порвать с ним, выступить против него и освоить какую-либо иную полезную (или хотя бы менее вредную) для окружающих и потомков профессию.

[2] Рок-опера “Иисус Христос — суперзвезда” — наиболее ошалелое выражение такого рода имиджмейкерства — западная альтернатива “Мастеру и Маргарите”.

перзвезду», а деятельность такого рода имиджмейкеров, узурпаторов богословия и заблудших из паствы, протекает в пределах Божьего попущения в отношении них самих?

Но именно эта напраслина или двусмысленность, неотъемлемо свойственны ви́дению Предопределения бытия Мироздания, в котором есть место геенне, пусть даже и пустой. Что: Бог поддерживает двусмысленность ситуаций, в которых возможно превратное представление о Нём и Его Промысле? — либо Он освобождает людей от такого рода двусмысленностей, раскрывая перед ними многогранность и глуби́ны Своего Предопределения бытия?

Если же геенна после судного дня остаётся не пустой, то получается не лучше: Бог — честолюбец, упивающийся хвалой праведников и Им прощённых, всех тех, кто удостоен Им рая. Какой смысл существования не пустой геенны при этом? — быть пугалом для всей твари во всём дальнейшем бытии Мироздания, поскольку для удостоенных геенны нескончаемые муки не имеют никакого иного смысла, кроме как помучиться[1]. И в сопоставлении с этим, небытие, в которое отправил Воланд Берлиоза, для грешников предпочтительнее, нежели геенна, конечно, если грешники не обратятся в мазохистов, для которых геенна покажется местом получше рая.

Либо геенна предназначена для осуществления каких-то других неведомых и невообразимых нами целей, но люди сами залезают в неё вследствие уклонения от праведного образа жизни, в результате чего геенна употребляется вопреки её истинному предназначению? — Но тогда творение несовершенно, в том смысле, что геенна не снабжена «защитой от дураков», бытию которых в Предопределении также есть место.

Но так или иначе при наличии геенны в Предопределении бытия Мироздания возникает ещё не одна двусмысленность: имеет место предостережение людей Богом в Откровениях от Самого себя[2]? либо принуждение к добродетельности культом страха перед Богом и наказанием отступников нескончаемой геенной — один из инструментов построения Царствия Божиего во всём Мироздании[3]? Что такое геенна: воздаяние тем, кто действительно избрал для себя злодейство или мстительность неумелого творца по отношению к его же несовершенному творению?

И если людям так или иначе свойственна скромность и люди почитают милосердие от щедрот души, то не знаменуют ли все эти и прочие, не названные нами, двусмысленности:

- что непоказная скромность и щедрость души, свойственные добрым людям, — «слабый отблеск» непоказных скромности и щедрости Божией, и соответственно Богу ни в малейшей степени не свойственно честолюбие и жажда похвал и славословий? — и потому 3-я книга Царств (гл. 19:12) и указывает на явление Себя Богом Илии в веянии тихого ветра.
- что Ему чуждо являть Себя в двусмысленных ситуациях и поддерживать двусмысленные ситуации, в которых кто-то способен ошибиться и бросить Ему напраслиной упрёк в нескромности и честолюбии?
- что Ему не нужны культы славословия и просьб, а тем более и обряды, жертвоприношения “умилостивления” или самоистязания — физического или морального, отождествись Он с которыми, Он бы предстал нескромным честолюбцем, к тому же не всегда и справедливым по отношению к другим (например в ситуации расплаты за свои грехи жертвоприношением праведников)?

---

[1] А что, если в истинном Предопределении есть место и пришествию «товарища Сухова», который возжелает “помучиться”, после чего геенне и её обслуживающему персоналу мало не покажется, и вопрос о бытии геенны будет закрыт раз и навсегда?

[2] «“Пусть верующие не берут себе близкими неверных помимо верующих. А кто сделает это, у того с Богом нет ничего общего, если вы только не будете опасаться их страхом. Бог предостерегает вас от самого Себя, и к Богу — возвращение”. (29). Скажи: “Если вы скроете то, что в душах, или откроете это, узнает Бог: ведь Он знает то, что в небесах и что на земле. Бог над всякой вещью мощен!”» (Коран, сура 3:27(28)).

[3] «17(15). Поклоняйтесь же, чему желаете, помимо Него! Скажи: “Поистине, потерпевшие убыток — те, которые нанесли убыток самим себе и своим семьям в день воскресения. О, вот это — явный убыток! 18(16). Для них над ними навесы из огня и под ними навесы”. Этим страшит Бог Своих рабов; о рабы Мои, бойтесь Меня!» (Коран, сура 39).

«Это только Сатана, который делает страшными своих близких. Но не бойтесь их, а бойтесь Меня, если вы верующие!» (Коран, 3: 169(175)), — последнее предложение человеку избрать один из двух видов страха. И спрашивается: есть ли разница в таком подходе к людям между Богом и Сатаной?

«Мы низвели Тору, в которой руководство и свет; судят по ней пророки, которые предались, тех, кто исповедует иудейство, а раввины и книжники — сообразно с тем, что им дано на хранение из писания Бога, и они — об этом исповедники. Не бойтесь же людей, а бойтесь Меня! И не покупайте за Мои знамения малую цену! А кто не судит по тому, что низвел Бог, то это — неверные» (Коран, 3:48(44)).

И подобное в Коране встречается многократно.

- что в душе человека всегда должно быть место явлению Божиему, а нравственные мерила (нравственные стандарты) человека должны быть в ладу с Промыслом?
- что Богу неприемлемы рабское холуйство людей из страха перед Ним так же, как противны и рабское холуйство людей перед другими людьми и иными сотворёнными Им сущностями?
- что Бог просто входит в непосредственное общение с каждым по жизни сообразно обстоятельствам, не забывая никого и не отступаясь ни от кого, как бы тот ни заблудился, как бы ни упорствовал в заблуждениях и ни извратился от безверия Ему, под воздействием страхов и вожделений, недостойных человека?
- что — в конце концов и начале начал — Богу свойственно Предопределение бытия, в котором *все без исключения, так или иначе, но неизбежно придут к пониманию Его Правды-Истины и будут пребывать в ладу с Ним свободно и без страха,* не унижая в своих представлениях о Боге Его истинное достоинство возводимой на Него напраслиной?
- что, если в Предопределении бытия и есть некий особый день, то это будет никак не «Судный день» в общеизвестном из учений про рай и ад смысле, а *Постыдный день для грешников,* в который последует преображение Мироздания к новому качеству всеобщего бытия.

Иными словами Единственному Всевышнему Богу — Русскому Богу всех людей, Всемогущему Творцу всего и вся, Вседержителю — свойственна <u>всеобъемлющая совокупность совершенства — Любовь</u> — и Милость к Своему творению, исходящая изначально от стадии Предопределения Им бытия всего сотворённого. И эта Милость распространяется на всех, и особая милость, не предназначенная растлевать общество безнаказанностью, — падшим.

И это Высшее Предопределение исключает какие-либо нравственно-этические двусмысленности, которых через край во всех *культовых вероучениях* без исключения, вследствие того, что всем им свойственно какое-то дефективное и ущербное ви́дение чего-то, что они называют «Предопределением бытия», в котором якобы есть место пустой (вследствие возможного прощения всех) или заполненной грешниками геенне.

И люди в Предопределении бытия — в его Русском понимании — не рабы даже Богу, они — по Предопределению — свободные добровольные сотрудники и помощники Ему.

Кто-то может настаивать, что искупление себя самого стыдом — слишком лёгкое воздаяние всевозможным злодеям за всё то, что они творили и творят на Земле. Многие жаждут увидеть жестокое воздаяние злодеям, а по существу жаждут — окончательного добивания падших и изгнания их в абсолютное небытие.

Но тема милости к падшим — неотъемлемо свойственна всей памятной Русской культуре:

- Это и пушкинские слова «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»;
- душу Тамары в лермонтовском "Демоне", действительно соблазнённой демоном, ангел Божий всё равно не отдаёт демону, а уносит с собою[1];
- лесковский попик-забулдыга, который — вопреки догматическому запрету — молится о душах самоубийц, и как явствует из рассказа, Бог принимает его молитвы;
- и опера Н.А.Римского-Корсакова и В.И.Бельского "Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии", в которой Феврония возится как с несмышлёным малым ребёнком с Гришкой Кутерьмой — средоточием почти всех возможных пороков: пьяницей, похабником, трусом, измен-

---

[1] Демон столкнулся с отпором своим притязаниям на душу Тамары:

«Исчезни, мрачный дух сомненья! / — Посланник Неба отвечал: — / Довольно ты торжествовал; / Но час суда теперь настал — / И благо Божие решенье! / Дни испытания прошли; / С одеждой бренною земли / Оковы зла с неё ниспали. / Узнай! Давно мы её ждали…».

Но в этом провозглашении милости к падшим нет и тени покорности демоническим притязаниям на власть над людьми, что можно понять из лермонтовской же "Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова". Русский человек принимает на себя обязанность пресечь демонизм своею волей вопреки всей практике действующих социальных институтов и отвечать за это только непосредственно перед Богом:

«Как возго́ворил православный царь: / "Отвечай мне по правде, по совести, / Вольной волею или нехотя / Ты убил насмерть мово верного слугу, / Мово лучшего бойца Кирибеевича?" // "Я скажу тебе, православный царь: / Я убил его вольной волею, / А за что, про что — не скажу тебе, / Скажу только Богу единому…"».

И без принятия на себя такого рода обязанности перед Богом нет места русскости в душе человека.

ником и предателем — наводчиком завоевателей на город, оклеветавшем и её саму в совершении этого преступления.

*   *   *

Причём эта опера занимает особое место и в истории Русской культуры, и в истории России. Феврония в либретто оперы В.И.Бельского[1] — единобожница-язычница, стоящая вне официальной церкви (это будет видно далее из приводимого ниже фрагмента либретто). И она уверяет ставшего одержимым после предательства Гришку Кутерьму в том, что и он — не пропащая душа, даже после всего, что совершил, только бы тот искренне покаялся Богу. И это её неизменная позиция, выражаемая сквозь всё действие оперы вплоть до финала:

Князь Всеволод.
Ай-же ты невеста верная!
Время нам во церковь Божию,
Во церковь Божио, ко злату́ венцу.

Феврония *(с ласковой просьбой).*
Милый мой, жених желанный!
Там в лесу остался Гришенька;
Он душой и телом немощен,
Что ребёнок стал он разумом...
Как бы Гришеньку в сей град ввести?

Князь Юрий.
Не приспело время Гришино:
Сердце к свету в нём не просится.

Феврония.
Ах, хотя бы грамотку послать,
Утешенье Грише малое,
Меньшей братии благую весть!

Князь Юрий.
Что же? Фёдор грамоту напишет,
Отрок малый Грише донесёт:
Пусть по всей Руси поведает
Чудеса велики Божии.

Феврония *(Поярку).*
Ну, пиши. Чего же не сумею,
Люди добрые доскажут.

Поярок кладёт на точеные перила княжья крыльца длинный свиток и готовится писать. Феврония и князья около неё.

Феврония *(подсказывая Поярку, что писать).*
Гришенька, хоть слаб ты разумом.
А пишу тебе сердечному.

Поярок пишет.

Написал аль нет?

---

[1] Фрагменты либретто включены в состав второй редакции настоящей работы в 2004 г. Полный текст либретто “Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии” помещён на сайте http://www.vodaspb.ru и представлен в составе Информационной базы ВП СССР на компакт-дисках. Это одно из наиболее глубокомысленных и добрых произведений русской литературы, вследствие чего от момента времени создания его не включают в общеобразовательный курс литературы.

Поярок.
Написано.

Феврония.
В мёртвых не вменяй ты нас, мы живы:
Китеж град не пал, но токмо скрылся.
Мы живём в толико злачном месте,
Что и ум вместить никак не может.
Процветаем аки финики,
Аки крины благовонные;
Пенье слушаем сладчайшее
Сириново, Алконостово...

(князю Юрию)

Кто-же в град сей внидет, государь мой?

Князь Юрий *(подсказывая писцу).*
Всяк, кто ум не раздвоён имея,
Паче жизни в граде быть восхощет.

Феврония *(продолжая послание).*
Ну, прощай, не поминай нас лихом,
Дай Господь тебе покаяться!
Вот и знак: в ночи взгляни на небо,
Как столпы огнистые пылают.
Скажут: пáзори[1] играют… нет,
То восходит[2] праведных молитва.

(ко всем)

Так ли говорю я?

Народ.
Так, княгиня.

Феврония *(снова Поярку).*
Ино же к земли приникни ухом:
Звон услышишь благостный и чудный,
Словно свод небесный зазвенел
То во Китеже к заутрени звонят.
Написал, Феодор?

Поярок.
Написал.

Феврония *(княжичу).*
Ну, идём теперь, идём, мой милый!

Княжич Всеволод берёт Февронию за руку и ведёт в собор.

Народ *(провожая их).*
Здесь ни плача,
Ни болезни,
Сладость, сладость
Бесконечна,

[1] Северное сияние.
[2] В цитируемом издании текста либретто «восходи».

Радость
Вечна...

Двери Успенского собора распахиваются, являя неизреченный свет.

На этом опера завершается. Но нравственно-мировоззренческий пролог к такому её завершению показан был ещё в первом действии:

Княжич Всеволод
....
Ты скажи-ка, красна девица, —
Ходишь ли молиться в церковь Божию?

Феврония.
Нет, ходить-то мне далёко, милый…
А и то: ведь Бог-то не везде ли?
Ты вот мыслишь: здесь пустое место,
Ан же нет — великая здесь церковь, —
Оглянися умными очами

(благоговейно, как бы видя себя в церкви).

День и ночь у нас служба воскресная,
Днём и ночью темьяны да ладаны;
Днём сияет нам солнышко (, солнышко)[1] ясное,
Ночью звёзды, как свечки, затеплятся.
День и ночь у нас пенье умильное,
Что на все голоса ликование, —
Птицы, звери, дыхание всякое
Воспевают прекрасен Господень свет.
“Тебе слава во век, небо светлое,
Богу Господу чуден высок престол!
Та же слава тебе, земля-матушка,
Ты для Бога подножие крепкое!”

Княжич Всеволод *(смотрит на Февронию с изумлением).*
Ай же ты, прекрасная девица!
Дивны мне твои простые речи,
Всё о радости, весельи красном.
Люди старые иначе молвят:
“Не зарись на радости земные,
На земле-то нам скорбеть, да плакать”.
И уйти бы мне в пустыню вовсе, —
Эх, да удаль-молодость помеха:
Просит молодецкого веселья.

Феврония *(очень ласково и проникновенно, взяв его за руку и глядя в очи).*
Милый, как без радости прожить,
Без веселья красного пробыть?
Посмотри: играют пташки все,
Веселится, скачет зверь рыскучий.
Верь, не та спасёная слеза,
Что с тоски-кручинушки течёт,
Только та спасёная слеза,
Что от Божьей радости росится, [2]

[1] Текст в скобках добавлен по аудиозаписи постановки оперы.
[2] Далее текст выделен курсивом нами при цитировании. Это — концентрированное выражение богословия Русской цивилизации.

И греха мой, милый, ты не бойсь:
Всякого возлюбим, как он есть,
Тяжкий грешник, праведник-ли он;
В каждой душеньке краса Господня.
Всяк, кто стрелся[1]*, того Бог прислал;*
В скорби он, так нам ещё нужнее.
Приласкай, хотя был лиходей,
Радостью небесною обрадуй,

(уносясь мыслью).

А и сбудется небывалое:
Красотою всё разукрасится,
Словно дивный сад процветёт земля,
И распустятся крины райские.
Прилетят сюда птицы чудные, —
Птицы радости, птицы милости, —
Воспоют в древах гласом ангельским,
А с небес святых звон малиновый,
Из за облаков несказанный свет…

В приведённом диалоге через княжича Веволода выразилось официальное церковное мировоззрение, а через Февронию — живая внеритуальная вера человека Богу по совести.

Благодаря открытому выражению обеих позиций опера обрела особую значимость в Русской культуре и оказалась знаменательной в истории России. Но российский правящий класс — основной потребитель оперного искусства — тогда оказался самонадеянно глуп и счёл оперу после её первых постановок «вялой», «чрезмерно серьёзной по содержанию», «холодно-рассудочной» или «елейно-мистичной», «недостаточно строгой по отношению к предателю Гришке-Кутерьме»[2].

В.О.Ключевский в одном из афоризмов охарактеризовал своих "элитарных" современников — российский правящий класс — так:

«Он так изолгался, что не верит сам себе даже тогда, когда говорит правду. Кого он не предаст, когда ежеминутно предаёт самого себя: это — самоиуда» (т. 9, стр. 377)[3]. «У них нет совестливости, но страшно много обидчивости: они не стыдятся пакостить, но не выносят упрёка в пакости» (т. 9, стр. 398).

И те «самоиуды», кто не был удовлетворён милостью сюжета по отношению к падшему Гришке Кутерьме и желал жестокого воздаяния ему, — сами получили жесточайшее воздаяние в ходе революции и гражданской войны. Что знаменует: *отказ и неумение осуществить милость к падшим, тем более после того, как на это указано прямо и неоднократно, не поддерживаются Свыше.*

*   *
*

Мнение же о лёгкости воздаяния стыдом выражает некую мстительность и по сути своей — ошибочно и ложно. В живом Русском языке понятие стыда связано не с судом, имеющим место после свершения чего-либо, а с предосудительностью недостойного человека поведения. Предосудительность — одна из составляющих Божьего акта Предопределения бытия, и потому упреждает недостойное. Одно из значений слова «стыд», «студ» в Словаре В.И.Даля определяется так:

«Стыд (…) чувство или внутреннее сознание ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОГО (выделено нами при цитировании), уничижение, самоосужденье, раскаянье и смиренье, нутреная[4] исповедь перед совестью».

---

[1] «Стрелся» — это диалектное простонародное слово, эквивалентное «встретился».

Кроме того, «стрел м. вост. пострел, нечистый, диавол. Стрел тебя возьми! Стрел всё побери! <...> Стрелить, сев. ринуться, кинуться опрометью, побежать» ("Словарь живого великорусского языка" В.И.Даля). Это значение в контексте либретто не главное, но допускает возможность того, что тот, «кто стрелся» не только встречный, но и заблудший.

[2] Реплики из рецензий того времени (1907 г.).

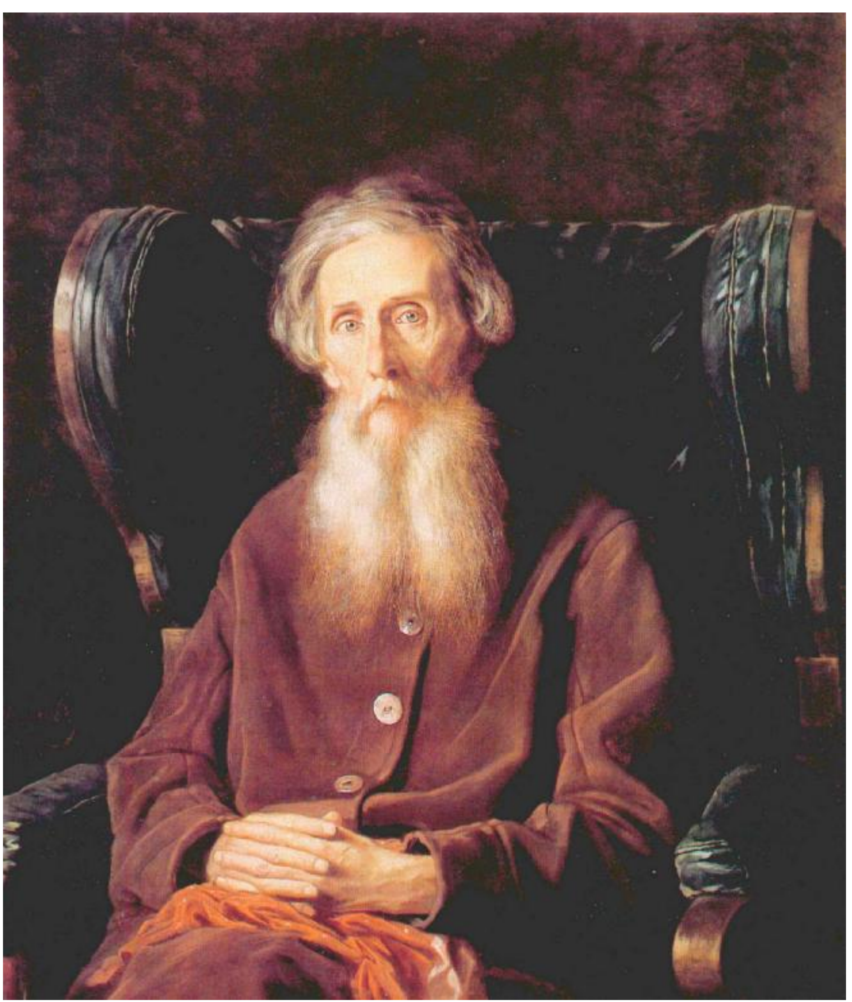
[3] Здесь и далее В.О.Ключевский цитируется по собранию сочинений в 9 томах (Москва, «Мысль», 1990 г.).

[4] Слово «нутреная» — производное от «нутро».

→→→

Среди пословиц и народных поговорок, приводимых В.И.Далем в этой статье, есть и такая:

> «Людской стыд (т.е. чужой стыд: наше пояснение при цитировании) — смех, а свой — смерть». А по сути свой стыд для многих оказывается страшнее смерти, вследствие чего не вытерпев стыда в жизни, они избирают смерть и кончают собой в безосновательной надежде уйти от стыда по смерти, даже в тех культурах, где вероучение обещает нескончаемый ад в качестве воздаяния за самоубийство. Стыд представляется им более нестерпимым чем ад.

В.И.Даль — портрет работы В.Г.Перова

Мнение же о якобы незначительности и лёгкости искупления грехов, тем более совершённых по злому умыслу, познанием *стыда* — выражение некой мстительности и нравственно-этического беспамятства: те, кто думает так, забыли свои ощущения при первой волне стыда, которая накатила на них (скорее всего) в раннем детстве, когда они впервые почувствовали, что совершили что-то недостойное человека. Потом все мы научились уходить от стыда и подавлять его в себе. Но стыд “судного дня” — Постыдного дня, — на который обрекает сам себя каждый злоупотребляющий Божьим милостивым Предопределением, — подавить не сможет никто, и деться от него будет некуда. Поэтому, даже зная, что в Божьем Предопределении бытия нет места нескончаемому аду, не следует злоупотреблять милостью Божией даже в попускаемых Им пределах (для каждого своих). Причём следует знать и понимать, соотносить со своею жизнью, что тем, кто совершает недостойное человека по искренней ошибке, — позволено то, что пресекается в отношении тех, кому сообщено, что делаемое ими — **ПРЕДОСУЖДЁННОЕ зло;** и в пресечении их деятельности в жизни выражается один из видов защиты их же от нестерпимого стыда в Постыдный день.

«НУТРО ср. нутр м. нутрина, нутреносоть, нутрь ж. внутренность, внутренняя часть чего; внутри либо в глубине находящийся; недро, полость в чём-либо, простор, пространство, в чём-либо заключенное; противоп. наружное, наружность, внешность (…) *Нутро человека*, душа его, духовный человек, невидимая сущность его. *Это дело мне по нутру*, нравно, нравится, по вкусу, приятно. *Возрожденный нутром своим*, обновленный, духовный свет познавший» (“Словарь живого великорусского языка” В.И.Даля).

И название «Постыдный день» — вызывает в душе куда более неприятные ощущения нежели привычные названия «Судный день», «Страшный суд», именно потому, что мы в жизни хотя и не боимся стыда так, как боимся какой-то опасности, но его невыразимого воздействия всегда стараемся избежать. Самый лучший способ избежать стыда — искренне стремиться к праведности, и тогда Бог поможет избежать неприятного, невыразимого, но облагораживающего, преображающего воздействия стыда.

Но ад, геенна всё же может существовать — как эгрегор (коллективный дух определённо-связанных между собою людей), который пленяет души грешников в силу принципов своего построения. Однако создан он и подпитывается энергией и информацией страхов, ужасов и злобных помыслов самих же людей. Рай, как антипод ада, — место нескончаемого услаждения чувств всевозможными "приятностями" может существовать на таких же принципах энергоинформационного обеспечения. Полезно знать, что система языческих верований Руси в докрещенские времена не включала в себя учений о вечном аде и рае, и русские были свободны от морального террора и морального подкупа такого рода; террора не анонимного, а осуществляемого духовными полицаями оккупантов — иерархами "православной" церкви.

Однако мы живём в эпоху, когда сказанное — одно из многих, не совместимых друг с другом мнений о Боге, о Его Предопределении и о Его Промысле, а не повседневная реальность нескончаемого благостного во всех отношениях и смыслах бытия всех и каждого без исключений. Но нет принуждения к вере и к религии.

5. Трусость — худший из пороков…

И Русское богословие подразумевает концепцию религиозной истории человечества, отличную от той, что изложена в наших работах “Мёртвая вода” в редакции 1998 г., “Троцкизм — это «вчера», но никак не «завтра»”, “Приди на помощь моему неверью” и всех прочих, последние редакции которых были завершены ранее 10 июня 2000 г.

Принципиальная особенность богословия романа “Мастер и Маргарита” состоит в том, что не было в истории ни одного Откровения в том смысле, как этому учат все религиозные культы. Но это не атеизм, не отрицание Божиего участия в судьбах всего человечества, народов и каждого из людей, а иной взгляд на водительство Божие в отношении человечества в целом, составляющих его народов и персонально каждого человека. Бог вёл в прошлом и ведёт ныне всех и каждого по жизни, но ведёт каждого по-своему, соответственно нравственности, мировосприятию, миропониманию, которых достигло общество и каждый из людей.

Возможно, что при разрушении глобальной цивилизации, предшествующей нашей, в которой восторжествовал демонический строй психики[1], Бог сказал её «не проявленным» (в терминологии ведической, знахарской культуры) хозяевам и наставникам что-то по смыслу близкое к следующему:

«Действуйте вопреки Моему Промыслу по вашей способности, а Я буду действовать по Своей способности. И что бы вы ни делали, — человек, все люди без исключения придут к пониманию Моей Правды-Истины и будут пребывать в ладу со Мной неизбывно».

А возможно, что и ничего не говорил, поскольку это само собой разумелось.

После того, как астрофизическая катастрофа, вызвавшая геофизическую катастрофу, уничтожившую прежнюю цивилизацию утихла, началось восстановление желательного для её «не проявленных» хозяев и наставников образа жизни. Были достигнуты определённые успехи. Снова расцвели магия, «многобожные» эгрегориальные религиозные культы (основа социальной магии), Египет стал интеллектуальной столицей древнего мира. Казалось, что можно переходить к распространению в глобальных масштабах этого образа жизни и созданию единой глобальной цивилизации, объединяющей всё человечество под верховенством Египта. И вдруг, 14-летний мальчик, взойдя на египетский престол под именем Аменхотеп IV, заявляет *«все ваши “боги” — выдумка, нет Бога, кроме Единого Всевышнего Бога, Милостивого Творца и Вседержителя»,* принимает новое имя Эхнатон и приступает к строительству в Египте культуры, основываемой под его руководством на иной нравственности и мировоззрении Жизни, а не посмертного бытия, как то было в Египте до и после него. Удар был столь силён, что Эхнатон достиг успеха, на некоторое время.

Потом противники Эхнатона оправились от ошеломления и приступили к противодействию: Эхнатон был отравлен медленно действующими ядами, извратившими физиологический строй его организма (в этом причина возникновения с возрастом женоподобия его тела). После его смерти приступили к уничтожению его наследия, имя его было обречено забвению, с какой целью все упоминания о нём были выскоблены со всех папирусов, находившихся в обращении, изглажены с каменных изваяний и настенных росписей. И он действительно был забыт на тысячи лет до тех пор, пока археологи не установили, что был в истории фараон-единобожник, проповедовавший мир и радость в ладу с Богом на всей Земле, отказавшийся вести войны.

Но после случившегося «не проявленные» хозяева и наставники цивилизации решили, что если они не смогли предотвратить оглашение в обществе *идеи Единобожия и лада людей с Богом*, то впредь миссию проповеди “единобожия” им следует взять на себя, что позволит придать ей направленность, отвечающую их интересам. Так возникло “Откровение” Моисею и все последующие “Откровения”, данные через так называемых пророков, посланников и т.п.

Кто из «пророков» сам ошибочно или заведомо ложно заявлял, что исключительно через него Бог вещает другим людям Свою истину, а все остальные люди обделены непосредственным вразумлением Свыше, или кому из «пророков» такое воззрение было приписано самими людьми — сподвижниками и потомками, — значения для культуры человечества не имеет, хотя многим из «пророков» нелегко пережить Постыдный день. То же касается и возведения в ранг богов или Бога тех или иных людей персонально.

---

[1] Смотри Приложение 1. “Свет мой, зеркальце, скажи…”

Значение имеет то, что культы единобожия, восходящие к "Откровению" Моисею, основанные на Библии и Коране, едины в запугивании нескончаемым адом всех, кто не признаёт их Божественного происхождения или проявляет свою волю, переступая бессознательно, а *тем более осознанно целеустремлённо* через их заповеди — предписанные ими нормы жизни индивидов и общества.

Кроме того, все они замалчивают крайне неприятный для их «не проявленных» хозяев факт: 14-летний мальчик Аменхотеп, за плечами которого не было жизненного опыта, свойственного зрелости, окрылённый истиной Свыше, вырвался из их плена, не побоявшись ни суда Осириса, ни иерархии культодержцев Египта, традиционно именуемых «жречеством» вопреки сути того, что они делали.

И все культовые вероучения "единобожия" без исключения, так или иначе, прямо или косвенно ограничивают и подавляют познавательное и творческое начало в человеке как догматами, так и культивируемыми страхами.

И все они отрицают истинность того:

- что все люди, при всём различии в их физическом, интеллектуальном, психическом развитии, в их образовании, знаниях, навыках, всегда и везде по их предназначению в Предопределении Свыше на нынешнем этапе истории, когда происходит становление культуры будущей человечности, — Посланники Всевышнего Бога один к другому и наместники Божии на Земле;
- что люди уклоняются от миссий наместничества и посланничества только под воздействием разнородных страхов, включая и ничем не оправданный страх перед Богом; но не эти наваждения страхов, а собственная трусость глушит в людях совесть и стыд, вследствие чего они и не приемлют Правды-Истины, которую Бог даёт каждому непосредственно в его внутренний мир через совесть, через обращения к ним других людей, через произведения и памятники общей всем культуры;
- что Бог ни от кого не отступился и не отступится, и никого и никогда не обделяет Своим вниманием, заботой и милостью, но из трусости, подчинившись наваждениям страхов, люди предпочитают отказываться от Его внимания и заботы в отношении них.

И тезис о трусости как о худшем пороке многократно провозглашается в романе М.А.Булгакова:

«…и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок.

Вот, например, не трусил теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в Долине Дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-Великана. Но, помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

— Да, да, — стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы ещё не погубил, а теперь, ночью, взвесив всё, согласен погубить. Он пойдёт на всё, чтобы спасти от казни решительно ни в чём не виноватого мечтателя и врача!

— Мы теперь будем всегда вместе, — говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом ставший на дороге всадника с золотым копьём».

Пилат во сне прошёл сквозь стыд, переосмыслил всё. И если в дальнейшем он жил в соответствии с истиной, пришедшей к нему во сне, и смог освободиться ото всего того, что помешало ему утром 14 числа весеннего месяца нисана поддержать Промысел, то сбылось и сказанное ему Иешуа во сне: «Мы теперь всегда будем вместе».

Это — освобождение: Пилат пришёл в царство истины, в приход которого не верил утром 14 числа весеннего месяца нисана, а придя в царство истины, он стал неподсудным[1].

Все дальнейшие россказни в истории «про Пилата» про сидящую в кресле на скале под луной две тысячи лет фигуру, про освобождение Пилата мастером, про видéние Пилата и Иешуа, идущих к Луне, во сне профессором Поныревым — наваждения от Воланда.

В связи с темой наваждений полезно отметить, что прежде, чем стать профессором Иван Николаевич Понырев успел омасониться: *«Прощай ученик, сказал мастер и стал таять в воздухе»* (гл. 30, сце-

[1] Вопрос только в том, насколько булгаковский Пилат соответствует исторически реальному; но роман — богословие в притчевой форме, и его персонажи живут своею жизнью, обретая истину в мире притчи. От живых людей они отличаются тем, что их души — не потёмки, благодаря стараниям авторов произведений.

на в сумасшедшем доме перед смертью мастера). «Ученик» — низший ранг в масонской ложе. Так глава ложи, учреждённой Маргаритой и легитимность которой Воланд признал лично, совершил посвящение следующего поколения прямо с «того света». Как показывала практика советского периода истории, приобщение к “элитарному” масонскому “братанству” упрощало продвижение к высшим степеням и в науке, и в политике. И как можно понять, Иван Николаевич избрал самый простой путь делания формальной карьеры при поддержке международного “братанства” интеллигенции в законе. Но это не путь Правды-Истины: в противном случае Иван Николаевич не бредил бы во снах каждое полнолуние не разрешимыми в масонстве проблемами: что есть истина в отношениях людей с Богом? что произошло в Иерусалиме в начале эры?

Но изложенная концепция религиозной истории нынешней глобальной цивилизации приводит к вопросу:

> Как относиться к информации, содержащейся в имитациях “Откровений Свыше”, зафиксированных в исторически реальных «священных писаниях», если она хотя бы отчасти проистекает от противников Промысла Божиего?

Ответ на него — самый простой из всех, связанных с романом:

> ***Относиться ко всему без трусости по совести,*** **поскольку всё, к чему человека приводит Бог, а равно и всё, что Бог приводит к человеку милостью или попущением, — даётся человеку в поучение, и этим не дóлжно пренебрегать.**

> И это действительно так, поскольку трусость — худший из пороков. Трусость вызывает к жизни безволие; безволие — одержимость; одержимость — отчаяние, которое, в свою очередь усугубляет трусость, всё более и более уводя человека от Бога.

Кроме того, «2×2=4» — вне зависимости от того: дошёл ли человек до этого своим умом; сообщил ли это ему Всевышний в Откровении; научил ли его этому знанию дьявол, преследуя свои интересы; либо поведал ангел Божий, исполняя Промысел. Иными словами, информация в русле Предопределения милостью Божией *объективна, т.е. обладает самодостаточной свойственной ей сутью,* и не несёт на себе «печати» ретранслятора. Хотя ретранслятор способен добавить к ней что-то или скрыть из неё что-то, но в результате такого действия возникнет уже иной информационный модуль. Поэтому, что истинно — то истинно, а что ложно — то ложно, вне зависимости от ретранслятора.

> Есть только одно исключение: Бог не лжёт ни при каких обстоятельствах, а всегда говорит человеку Правду-Истину на всех языках всеобъемлющего Языка Жизни.

Человек же сам должен искренне отвечать в ладу ума и сердца во всех жизненных обстоятельствах на вопрос конкретно «что есть истина?», исправляя на ошибках свои нравственно-этические стандарты, в чём ему Бог и помогает.

Руси, Русской культуре свойственно и специфическое отношение к нечистой силе, которое так же отличает нас от Запада. В культуре Запада по тематике «отношения человека с нечистой силой» большей частью преобладают произведения о сделках с дьяволом, основанных на продаже или закладе нечистой силе собственной или чужой души.

В Русской культуре просто нет выдающихся художественных произведений, где такие эпизоды были бы основой сюжета. У нас нет ничего, сюжетно подобного “Фаусту” И.В.Гёте, которого русскому *скучно* читать и в школе, и будучи взрослым. У нас на протяжении всей истории совершенно иные отношения и с Богом, и с нечистой силой.

Что касается нечистой силы, то, конечно, и у нас были те, кто пытались вступить в сделку с дьяволом подобно Фаусту или безо всякой сделки сдуру сдавали себя или других нечистой силе, подобно тому как Маргарита сдаёт Воланду мастера по извлечении того из психиатрической лечебницы. Были и есть и те, кто живёт по принципу «и Богу молись, и чёрта не гневи: хоть нечистая, а всё же сила». Но не эти подходы к нечистой силе определяют русскость в этом вопросе.

В народном творчестве Руси живут умельцы иного рода: новгородские летописи повествуют, как на чёрте на моление в Иерусалим летал один из новгородских богомольцев; кузнец Вакула у Гоголя на чёрте летает в Петербург по хозяйственным надобностям при подготовке к свадьбе; сказка Пушкина “Поп и работник его Балда” — о том же.

Это всё иносказательное утверждение мнения свойственного Русской цивилизации: коли нечистая сила есть, и она навязывает человеку общение с собою, то человек, — пребывая в ладу с Богом или

стремясь к таковому, — в праве употреблять по своему усмотрению и нечистую силу, не подчинясь ей и не вступая с нею в сделки.

В Русском миропонимании всякая нечистая сила — от мелкого беса до Сатаны — в определённых обстоятельствах сама может стать объектом Божьего попущения в отношении неё *праведнику*. И такое отношение к нечистой силе в Русской культуре основано на том, что:

- Бог — Творец и Вседержитель,
- информация милостью Божией объективна, неизменна по своей сути,
- человек — наместник Божий на Земле по Божьему Предопределению.

Но отношения с Воландом мастера и Маргариты лежат вне русла Русской традиции по безверию Богу и безволию[1] каждого из них.

10 — 22 июня 2000 г.
Уточнения: 10 июля — 14 октября,
5, 18 ноября 2000 г.;
7 октября 2004 г.

[1] Страстная напористость Маргариты — это не осознанно целеустремлённая воля человека, проистекающая из осознания различия Добра и Зла в ладу сердца и разума.

6. Не в силе Бог, а в Правде

С этим высказыванием, возводимым к Александру Невскому и повторяемым в последние годы достаточно часто, большинство выражают согласие на словах, но *не следуют этому принципу безукоризненно в своей повседневной жизни, начиная с того, что сами они почитают незначительными мелочами*. Однако есть в этих словах и более глубокий смысл, чем чудесное сокрушение превосходящих военных сил противника малочисленным войском, и он, к сожалению, остаётся скрытым для многих.

> В Русском миропонимании *изначально* Правда — она же и Истина, и Справедливость, что подразумевает: Истину невозможно обрести вне праведной нравственности и этики, вне лада с Богом, ибо Бог у русских, если упоминается с эпитетами, то прежде всего — Боже правый; все остальные эпитеты — следствия и выражения этого, указующего на всеобъемлющую безукоризненность Правды Божией.

Знак этого единства справедливости, праведности и истины сохранился до наших дней: законоуложение, предназначенное для поддержания в жизни общества норм *справедливости (пусть и субъективно понимаемой соответственно нравственности социальных групп в каждую эпоху)*, издревле на Руси называли «Правдой»: «Русская правда», «Ярославова правда». В более поздние времена, чтобы слово «правда» в значении **«справедливость, обусловленная праведностью»** не давило на психику неправедных судейских и не мешало им творить *государственно организованную несправедливость*, законоуложения стали называть иначе: «законоуложениями», «сводами законов», «кодексами».

> Но изначально в русском миропонимании Истина не может быть неправедной, а справедливость не может быть обретена вне Правды-Истины, и соответственно — всякая ложь — несправедлива и неправедна. В этом единении Правды-Истины-Справедливости-Праведности — *изначальное* своеобразие Русского ви́дения жизни и Русской речи[1].

Но мы живём на рубеже XX, XXI веков, и к этой эпохе изначальная само собой разумеющаяся взаимообусловленность этих жизненных явлений и выражающих их понятий утрачена в сознании многих. Так, “Виссариону” (Сергею Анатольевичу Торопу), провозгласившему себя в 1991 году Христом во втором пришествии, — основателю церкви Последнего Завета — принадлежит красивый на первый взгляд афоризм: «Кто ищет правды после истины[2], тот ищет ложь».

Но это — не по-русски: в Русском миропонимании Правда — всеобъемлющее явление и понятие, а Истина — один из аспектов Правды в случаях:

- когда обусловленная реальной нравственностью этика не играет какой-либо роли (например, 2×2=4 всегда, вне зависимости от нравственности и этики), либо,
- когда сложилась единая нравственно-этическая основа, объединяющая многих и порождающая субъективное понимание Правды-Истины, общее более или менее широкому кругу людей.

И это субъективное, общее многим понимание, обусловленное нравственно-этической общностью, часто называют «истиной», хотя по существу это не объективная истина-правда, а одно из многих возможных приближений к ней, возможно содержащее и ложь, и ошибки, с которыми все, разделяющие эту «истину», свыклись. Соответственно, Сергей Анатольевич “Виссарион” своим красивым, но не праведным и антирусским каламбуром путает у людей мысли и вводит их тем самым в заблуждение точно также, как столетием раньше своим парадоксом[3] удерживал в заблуждении людей Ф.М.Достоевский.

Если же названные два условия отсутствуют, то встаёт вопрос о Правде-Истине, а не об *истине, безотносительно нравственности и этики,* поскольку Предопределение бытия Мироздания — выражение Высшей нравственности и этики Бога — Творца и Вседержителя.

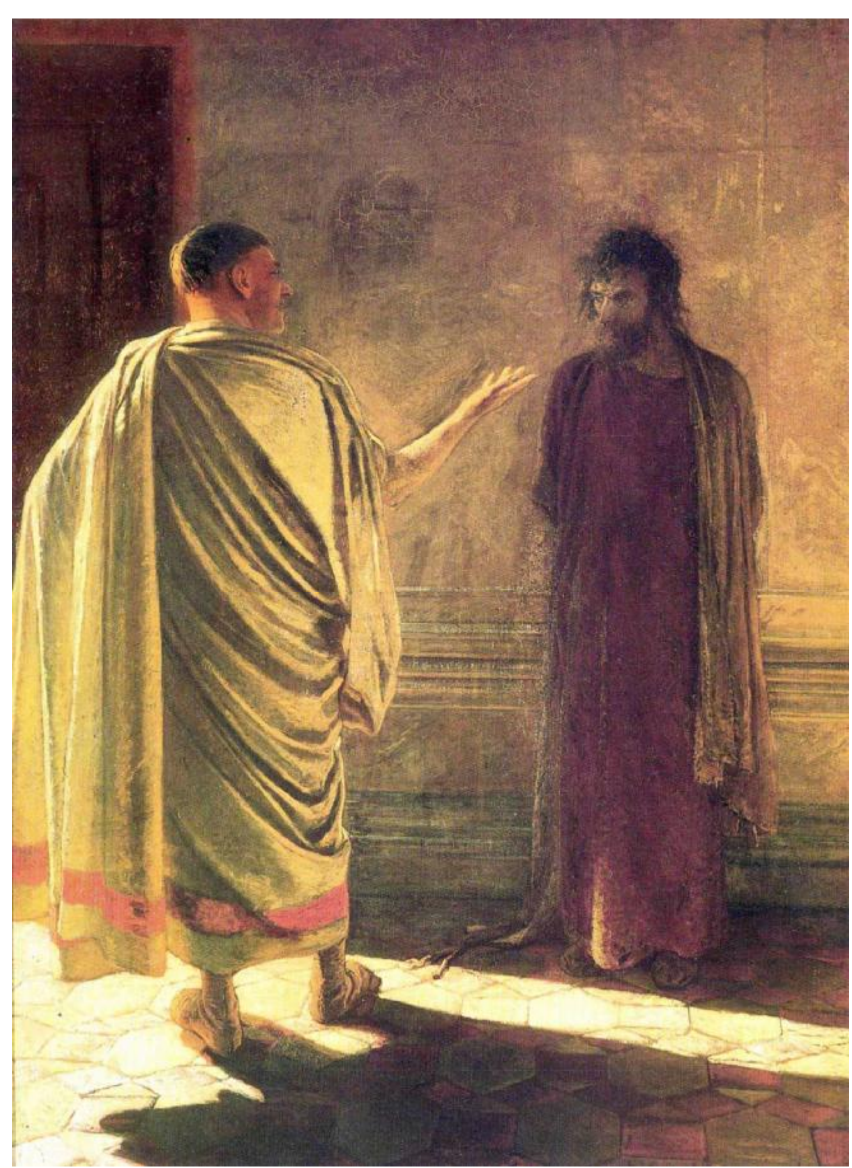
[1] Для сопоставления: в англоязычном описании жизни «truth» — и «истина», и «правда»; «justice» — «справедливость», «правосудие», «оправдание»; «righteousness» — «праведность». То есть грамматически это не однокоренные слова, вследствие чего справедливость, праведность и правда связываются друг с другом дополнительными языковыми средствами, а сам язык допускает возможность некой «справедливости» помимо Правды-Истины.

[2] В смысле: после того, как дана истина.

[3] Уже упоминавшееся: «Если бы кто доказал мне, что Христос стоит вне истины, я бы предпочёл остаться со Христом, а не с истиной».

Соответственно, поиски Правды-Истины всегда правомерны, поскольку человеку всегда можно выйти за пределы *ограничивающих его субъективных истин,* но невозможно выйти за пределы Правды-Истины, хотя и возможно уклониться от неё в какой-то ошибочный субъективизм. Поэтому, кто ищет ложь, тот найдёт её как Неправду, обусловленную его реальной нравственностью и уводящую его от Правды-Истины; а кто ищет правду «после истины» — истины субъективной, найдёт истину в Правде *как новое субъективное нравственно обусловленное понимание объективной Истины, открывающее его сознанию новые грани Правды-Истины, новые меры, и как следствие, прежде неведомое для него восприятие Всего*[1]. А Бог — Всемилостивый Вседержитель — покажет стечением жизненных обстоятельств, кто нашёл Правду после «истины», а кто нашёл ложь, уклонившись от Правды-Истины: «По вере вашей да будет вам».

«Что есть истина?» — этот вопрос поднимается неоднократно на протяжении истории цивилизации: и в застольных спорах о «смысле жизни», и в научных и в богословских трактатах, и в реальных жизненных ситуациях повседневности. К этому же вопросу пришёл и Пилат (Иоанн, 18:38 и далее) разбирая навязанное ему хозяевами синедриона (санхедрина) дело Христа, о чём говорят канонические новозаветные тексты.

Н.Н.Ге. Что есть истина?

Не обошёл этого вопроса и М.А.Булгаков в “Мастере и Маргарите”:

[1] «Всё» — это слово, привычно понимается в смысле каких-либо мелочей житейской обыденности, хотя в предельно общем смысле оно обозначает то, что на языке философии именуется «объективная реальность».

«— Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И тут прокуратор подумал: “О, боги мои! Я спрашиваю его о чём-то ненужном на суде… Мой ум не служит мне больше…” и опять померещилась ему чаша с тёмной жидкостью. “Яду мне, яду!”

И вновь он услышал голос:

— Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чём-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся и голова пройдёт[1].

Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал сло́ва.

Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипподромом, что луч пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца.

Тут прокуратор поднялся с кресла, сжал голову руками, и на желтоватом его бритом лице выразился ужас. Но он тотчас же подавил его своею волею и вновь опустился в кресло.

Арестант же тем временем продолжал свою речь, но секретарь ничего более не записывал, а только вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова.

— Ну вот, всё кончилось, — говорил арестованный, благожелательно поглядывая на Пилата, — и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком в окрестностях, ну хотя бы на Елеонской горе. Гроза начнётся, — арестант повернулся, прищурился на солнце, — позже, к вечеру. Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол.

— Беда в том, — продолжал никем не останавливаемый связанный, — что ты потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон, — и тут говорящий позволил себе улыбнуться.

Секретарь думал теперь только об одном, верить ли ему ушам своим или не верить. Приходилось верить. Тогда он постарался представить себе, в какую именно причудливую форму выльется гнев вспыльчивого прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованного. И этого секретарь представить себе не мог, хотя и хорошо знал прокуратора.

Тогда раздался сорванный, хрипловатый голос прокуратора, по-латыни сказавшего:

— Развяжите ему руки» (гл. 2, текст выделен нами жирным при цитировании).

Как видно из этого евангельского диалога, противоречащего учению церквей[2]; как показал Иешуа простым жизненным примером Пилату:

> **Явление Правды-Истины в обществе людей всегда определённо и обусловлено стечением вполне определённых обстоятельств, характерных для исторического времени и места действия**. Истина в обществе всегда жизненно конкретна. *Стоящих вне жизни конкретно не определённых “истин вообще” не бывает,* поэтому их бессмысленно искать, но именно “истину вообще” ищет и спорит о ней большинство “обеспокоенных” этим вопросом. И некоторые из них настаивают на том, что она существует в какой-то абстрактной, непостижимой форме, но никак не в определённой форме бытия Всего во всём его много- и разнообразии.

О ней же — об “истине вообще” — спрашивает Иешуа Пилат, и получает убедительный ответ, возвращающий его к определённости, царящей во Всём (в объективной реальности). И это явление истины своею простотой и обыденностью производит шоковое впечатление и на Пилата, и на его секретаря[3].

---

[1] В одной из ранних редакций:

«И он услышал голос, говоривший по-гречески:

— Истина в том, что у тебя болит голова и болит так, что ты уже думаешь не обо мне, а о яде. Потому что, если она не перестанет болеть, ты обезумеешь. Тебе даже и смотреть на меня не хочется, а хочется, чтобы пришла твоя собака. Но день сегодня такой, что находиться в состоянии безумия тебе никак нельзя, и твоя голова сейчас пройдёт» (Журнал “Слово”, № 6, 1991, стр. 55).

[2] Церковная традиция исходит из того, что Иисус молчал перед Пилатом: «не отвечал ни на одно его слово», — Матфей, 27:14; аналогично Марк, 15:5.

[3] А кроме того этот простой ответ возмущает и воцерковленных литературоведов, порицающих М.А.Булгакова за демонизм и сатанизм. См. Приложение 3. “Истина о том, что болит голова?”.

Правда-Истина многогранна в своих явлениях, но не бывает двух или более взаимоисключающих друг друга "истин" в одних и тех же обстоятельствах. Соответственно повествования, содержащие две взаимоисключающие "истины" по одному и тому же вопросу, обрекают тех, кто с ними сталкивается:

- либо на безумие или шизофрению (расщепление личности и интеллекта), в случае согласия с ними в их полноте,
- либо на обязанность дать определённый ответ на вопрос «что есть истина?» по затронутым в них проблемам, в случае несогласия с ними, хотя бы отчасти[1].

Такого рода *не разрешённые неопределённости во мнениях* приобретают особую остроту и значимость в богословии, поскольку в нём, *в лучшем случае,* уклонения от Правды-Истины представляют собой выражение незрелости человечества, а *в худшем случае* — возводимый напраслиной навет на Бога. И этот навет включает в себя не только учение о нескончаемом аде для грешников, но и лживое учение о реальных фактах жизни и о нормах жизни глобальной цивилизации, народов и, наконец, — персонально каждого из людей.

[1] Собственно этим мы и занимаемся, развивая настоящую работу.

7. Почему Мухаммад не записал Коран собственноручно?

Коран (по крайней мере в его известных переводах на русский[1]) пугает адом и предписывает бояться Бога, вследствие чего в богословии Русской цивилизации он не может быть признан в качестве записи Откровения или богословского трактата, свободного *от наваждений и искажений, которые обусловлены реальной нравственностью самого Мухаммада или редакторов,* сформировавших канонический текст Корана спустя 20 лет после ухода Мухаммада в мир иной.

И к такому отношению к тексту Корана есть основания в самой истории становления цивилизации исторически реального ислама. Вот что сообщает И.Л.Климович в своей монографии “Книга о Коране, его происхождении и мифологии” (Москва, «Политиздат», 1988 г., стр. 63 — 66 с незначительными сокращениями с соблюдением написания цитируемого источника):

Первый халиф[2] Абу-Бекр, возглавивший мусульман после ухода Мухаммада в мир иной в 632 г., поручил составить канонический текст, в дальнейшем получивший название «Коран», «22-летнему мединцу Зейду ибн Сабиту, в последние годы жизни пророка Мухаммеда состоявшему при нём в качестве писца.

Выполняя поручение халифа, Зейд, судя по преданию, собрал и сличил разрозненные записи, делавшиеся им и другими лицами на плоских костях, камнях, коже, пальмовых листьях, на всём, что использовалось тогда для письма. Кроме того, он стал записывать рассказы современников Мухаммеда, тех, кто помнил, сохранил в своей памяти «откровения Аллаха»[3]. Всё это, заново просмотренное Зейдом и переписанное на отдельных листах — ас-сухуф, составило первую редакцию Корана, которая поступила в распоряжение руководства Халифата при халифах Абу Бекре[4] и Омаре[5], но не переписывалась, не размножалась.

В условиях проходившей в Халифате политической борьбы слух о составлении Зейдом по поручению халифа Абу-Бекра некоего «чтения»[6], Корана, в основу которых кладутся записи «откровений Аллаха», вызвал, очевидно, появление и других подобных записей и списков. Однако тексты этих записей, как оказалось, не всегда совпадали. Они расходились между собой и с собранными Зейдом как по составу, числу и последовательности глав, так и по существу, по смыслу и полноте входящих в них сообщений. Поскольку распространение среди мусульман, живших на обширной территории, разноречивых списков — «чтений», которым придавалось религиозное и законодательное значение, могло быть чревато не малыми неприятностями, в политических интересах Халифата решено было заменить их одним списком, устраивавшим господствующие круги.

(…) С этим предложением (создать общепризнанный текст: наше пояснение при цитировании) Осман[7], происходивший из богатого и влиятельного курейшитского (название племени: наше пояснение при цитировании) рода Омейя, обратился к тому же Зейду ибн Сабиту. Ему и работавшим под его началом помощникам из числа бывших сохабов — соратников

---

[1] По определению А.С.Пушкина: «Переводчики суть ПОДСТАВНЫЕ лошади просвещения», — фраза приводится по 10-ти томному полному собранию сочинений издания А.С.Суворина 1887 года (том 9: Дневники. Записки. Исторические статьи и разные заметки. Статья называется “Заметки при чтении книг (1825 год)”, раздел 1. “Мелкие заметки”, стр. 30). В современных собраниях сочинений А.С.Пушкина в заметках и афоризмах разных годов эта фраза приводится в “улучшенной” редакции: «Переводчики почтовые лошади просвещения» (1830), в которой в результате «синонимического преобразования текста» уничтожен один из оттенков смысла: у «подставных лошадей» есть ещё и хозяева, которые решают кому из них можно доверить перевозку (перевод) ценного груза (определённого смысла), а кому нельзя; конечно в каждую эпоху есть и независимые самодеятельные переводчики, но и из них можно выбрать — подходящих “иноходцев” для того, чтобы их перевод был наиболее употребителен после проведённой рекламной кампании…

[2] Халиф — в буквальном переводе «идущий по стопам Пророка» (из книги Т.Ю.Ирмияевой “История мусульманского мира от Халифата до Блистательной Порты”). Т.е. по-русски «халиф» — не властитель, а последователь.

[3] В контексте цитируемой книги, написанной атеистом-материалистом, под «откровениями Аллаха» понимается всё из того, что изрёк Мухаммад, и что он почитал ниспосланным ему Свыше для передачи другим людям. Записи изречённого им осуществлялись при его жизни разными людьми, и их новые экземпляры воспроизводились в инициативном порядке. При этом неизбежно возникали искажения как вследствие ошибок памяти слушателей и ошибок переписчиков, так и вследствие различия разных людей в отдании предпочтения темам, освещение которых в Откровении они хотели зафиксировать для себя.

[4] Первый халиф, занимавший этот пост с 632 по 634 г.

[5] Второй халиф, занимавший этот пост с 634 по 644 г.

[6] «Коран» в переводе с арабского — «чтение».

[7] Третий халиф, возглавлявший Халифат после убийства Омара в 644 г. рабом-персом до 656 г., пока он сам не был убит в ходе начавшегося против него в Медине восстания.

пророка Мухаммеда — было поручено подготовить требовавшийся единый текст. Для этого прежде всего были отобраны все записи «откровений Аллаха», имевшиеся у отдельных лиц. Сличив конфискованные тексты с первой редакцией Корана, подготовленной Зейдом, и приняв или отвергнув ту или другую вновь полученную запись, составители Корана по приказу халифа уничтожили все оригиналы насильно или добровольно собранных текстов.

Полученная в результате этого новая редакция теперь уже зейдовско-османовского текста Корана, переписанная в четырёх экземплярах, была разослана в важнейшие центры Халифата — Мекку, Дамаск, Куфу и Басру. Этот текст стал считаться каноническим. (…) Зейд ибн Сабит был отмечен ими (Османом и его родственниками, возглавлявшими государственность) весьма щедрым подарком: получил из казны Халифата 100000 дирхемов.

Вскоре, однако, обнаружилось, что утверждённый халифом Османом (было это в 652 г.: наше пояснение при цитировании) текст Корана принимался верующими за подлинный текст далеко не везде, не сразу и отнюдь не всеми[1]. Сожжение же по приказу халифа записей также не нашло общей поддержки[2]. Напротив, немалую огласку получили тексты, которые, как оказалось, удалось сохранить нескольким бывшим соратникам пророка. Теперь, после сожжения собранных, многие стали проявлять повышенный интерес к этим текстам. Характерно при этом, что критика разосланной зейдовско-османовской версии шла, если прибегнуть к современной терминологии, снизу, из демократических слоёв[3].

Заметной фигурой среди подготовивших свой текст Корана и критиковавших зейдовско-османовский список был Абдаллах ибн Мас'уд (ум. ок. 653), человек незаурядной судьбы и несгибаемой воли. В юные годы он был рабом, пасшим стадо курейшитов, затем стал мухаджиром[4] и в битве при Бедре снес саблей голову одному из наиболее ярых противников Мухаммеда — курейшиту Абу Джахлю. Он же ценился как тонкий знаток «откровений Аллаха» и умелый передатчик хадисов[5], от которого пошло 848 преданий. И не случайно, что этот человек оказался неугодным в Медине, впрочем так же как и его современник, тоже сподвижник пророка, Абу Зарр аль-Гифари, высланный из Сирии, а затем и из Медины за открытое возмущение произволом халифа Османа и его наместника, присвоением ими податей и военной добычи, ростовщичеством[6], приобретением богатых домов и доходных садов и стад, раздариванием казны Халифата своим родственникам. Обвиняя приспешников халифа, Абу Зарр, ссылаясь на «откровения Аллаха», обещал им как и их господам, вечное пребывание в адском пламени.

Характерно, что не только тексты, расходившиеся с официальной зейдовско-османовской редакцией Корана, сохранялись века, но и потомки тех, кто сделал эти записи, даже спустя столетия приоткрывали социальные язвы, разъедавшие Халифат в первые десятилетия его существования. Так потомок Ибн Мас'уда, арабский историк Абу-ль-Хасан Али аль-Мас'уди (конец IX в. — 956 или 957), которого называют «Геродотом арабов», писал, что в день убийства халифа Османа (656 г.) только в его личной казне насчитали 150 тысяч динаров и миллион дирхемов. И это как мы уже отмечали, при нищете большинства населения столицы, города пророка!»

Конечно, те, кто поддерживает мусульманскую традицию вероучения, снимают все такого рода упрёки в адрес Зейда и первых халифов по Османа включительно, под руководством которых был создан канонический текст Корана. Тем не менее есть одно обстоятельство, которое не находит освещения в мусульманской традиции и которое позволяет взглянуть с точки зрения, не свойственной мусульманской традиции, на канонический текст Корана в его исторически сложившемся виде:

> Сам Мухаммад, искренне убеждённый в том, что он — Посланник Всевышнего Бога ко всем людям, проповедовал среди своих соотечественников с 610 по 632 г. Он знал, что то, что он проповедует и характеризует как Откровение, ниспосланное ему от Бога, фиксируется пись-

---

[1] С чего бы это, если многие из верующих помнили проповеди самого Мухаммада и были согласны с ними?

[2] Рукописи не горят…

[3] То есть не из "элиты" Халифата, а из его простонародья.

[4] «Мухаджир» в переводе с арабского — «переселенец». Так называли сподвижников Мухаммада, которые переселились из Мекки в Йасриб (ныне Медина, что в переводе с арабского означает Город Пророка) в период гонений против исповедующих ислам в Мекке, сопутствуя Мухаммаду. Мухаммад покинул Мекку и обосновался в Медине в 632 г.

[5] Высказывания Мухаммада по разным жизненным обстоятельствам, которые запомнились современникам, но которые не принадлежали к той информации, которую Мухаммад характеризовал как Откровение, ниспосланное через него Свыше всем людям. Собрание хадисов называется «Сунна». Полный перевод Сунны на русский не издавался.

[6] Многократно порицается в Коране и характеризуется как грех, за который виновные подлежат геенне, если они продолжают заниматься ростовщичеством и после уведомления о запрете Богом ростовщичества.

менно другими людьми, среди которых могут быть как его искренние сподвижники, так и затаившиеся противники нового вероучения. Он знал из ниспосылаемого ему, что прежние Откровения единобожия были изолганы людьми, как вследствие недопонимания их смысла, так и по злому умыслу (Коран многократно настаивает на том, что были изолганы вероучения, унаследованные и от Моисея, и от Христа). *Он знал, что настанет день, когда он покинет этот мир, вследствие чего не сможет лично изъяснять людям по Правде-Истине смысл обретённого им Откровения.*

Однако за 22 года проповеди Мухаммад сам не предпринял никаких действий к тому, чтобы создать хотя бы один эталонный экземпляр Корана, который бы он перед уходом в мир иной вручил бы людям, чтобы после него этот экземпляр послужил бы неоспоримо авторитетной основой для тиражирования «священного писания» мусульманской цивилизации.

Изначально, будучи не обученным письму и чтению, он не предпринял усилий к тому, чтобы лично записать ниспосланное ему Откровение, хотя срок в 22 года вполне позволял это сделать.

Мухаммад, как явствует из всего, что о нём известно, был добрым и умным человеком, что исключает мнение о том, что он сам не мог догадаться о якобы имеющейся необходимости создания эталонного экземпляра «священного писания». Но даже если и предположить, что Мухаммад всё же сам не догадался, то Ниспославший откровение Мухаммаду, лёгшее в основу Корана, также не посчитал необходимым надоумить “недогадливого” своего посланника к тому, чтобы тот озаботился созданием неоспоримо авторитетных эталонных экземпляров «священного писания».

Более того, слушавшие проповеди Мухаммада домогались, чтобы хартия, содержащая Откровение, была ниспослана с Небес в готовом виде. Удовлетворение их просьбы, казалось бы обеспечивало неоспоримую аутентичность эталонного экземпляра писания, но им в этом было отказано, с объяснением, что и в этом случае они не уверуют, но объявят «материализацию» книги колдовством[1].

Всё это говорит о том, что не в «священном Писании» суть религии как обоюдосторонне направленного осмысленного диалога живого человека и Бога живого.

Если же посмотреть, чем был озабочен Мухаммад при жизни, так это тем, чтобы все люди были в искреннем ладу с Богом по совести, что обеспечило бы и лад между всеми ними в обществе. Он был обеспокоен тем, чтобы каждый поддерживал в себе самом осознанную сокровенную обоюдосторонне направленную связь, диалог с Богом. Он учил своих современников этому так, как это имело место в его собственной жизни.

И поскольку все мы посланники Божии друг к другу, поэтому *Вероучение из уст Мухаммада — действительно Откровение,* о ниспослании которого он молил Бога прежде, чем начал свою проповедническую миссию. Но оно настолько свободно от наваждений и искажений — насколько свободна была от них нравственно обусловленная психическая деятельность самого Мухаммада, искренне стремившегося быть в ладу с Богом и привести в лад с Богом остальных людей, но остававшегося при этом сыном своей эпохи, и потому бывшего в чём-то ограниченным её спецификой.

И Бог отвечал Мухаммаду в соответствии со смыслом его молитв, как и всякому, кто обращается к Богу. И он был водительствуем Богом сообразно его реальной нравственности и *подчинённости* помыслов и поведения его *совести*. Но в свою эпоху, в своём народе Мухаммад оказался единственным, кто смог принять и осуществить миссию наместничества Божиего на Земле и посланничества Божиего ко всем другими людям, дав тем самым начало развитию одной из региональных цивилизаций Земли. И это — сокровенное между Богом и Мухаммадом точно так же, как оно сокровенно между Богом и каждым человеком.

[1] Коран, сура 6:7(7): «А если бы Мы ниспослали тебе книгу в хартии, и они ощупали бы её руками, то те, которые не веровали, сказали бы: “Это — только очевидное колдовство!”»

Но эта же возможность к осмысленному диалогу по совести и жизни с Богом открыта перед всеми без исключения людьми: об этом сообщает Коран каждому, кто читает его как послание, обращённое лично к нему.

Однако не все мы готовимся к тому, чтобы быть способными сказать окружающим что-либо полезное для них самих и их потомков: большинству — вследствие того образа жизни, которому они подчинились, — сказать нечего; то же, что изрёк Мухаммад, дало начало и определяет судьбу одной из региональных цивилизаций планеты уже более 1300 лет, и если в унаследованном через него есть ошибки, обусловленные тем, что Мухаммад был не свободен от духа его эпохи, то вина за тиражирование и воспроизведение этих ошибок во многих поколениях, лежит на тех, кто почитает себя мусульманами. Мухаммад сделал всё, что было в пределах его возможностей для того, чтоб люди стали человеками.

И если все мы по предопределению Свыше — посланники Божии одни к другими, то человечество не имеет необходимости в «священных писаниях», но имеет необходимость в безбоязненной жизни по совести с доверием и верой Богу.

Соответственно этому о «священных писаниях» религиозных культов в Коране сообщается:

«Для всякого предела — своё Писание. Стирает Бог, что желает, и утверждает; у Него — мать книги» (Коран, 13:38, 39). И сам Коран неоднократно характеризуется как напоминание (в частности, суры 15:9; 38:1; 43:4; 73:19; 74:34, 50, 54; 80:11).

Из чего можно понять, что «священные писания», на которых основаны исторически реальные религиозные культы, в истории человечества подобны записной книжке с адресами и телефонами в кармане человека, к которой человек обращается только тогда, когда ему следует вспомнить то, что он забыл. Если его память легкодоступна, то он вполне может обойтись без записной книжки, не превращая её в предмет своей особой заботы. Но для многих потерять записную книжку — значит потерять себя в этом мире, поскольку с её потерей оборвутся многие связи с другими людьми, и многие связи оборвутся необратимо.

Так же и в культуре всякого национального общества и многонационального человечества: живая религия — двустороннее осмысленное общение живых людей и Бога живого по совести. «Священное писание» в этом общении людей и Бога — далеко не главное, ибо оно, прежде всего, — напоминание о необходимости пребывать в *живой религии* для тех, кто не вошёл в неё по каким-то их личностным причинам. Но если писания, возведённые в ранг священных, изолганы, как об этом предупреждает Коран многократно, то, приняв и придерживаясь их в качестве неусомнительной основы вероучения, заглушая голос совести в угоду записанному в них, невозможно обрести религию — общение с Богом живым в единстве эмоционального и смыслового строя души человека.

Возглавившие Халифат воспреемники наследия Мухаммада не поняли этого смысла веры и религии, вследствие чего и были обеспокоены созданием эталонного экземпляра «священного писания», на основе которого они сами, а потом и их преемники могли бы программировать психику подданных[1]. Им было чуждо и противно дело распространения живой веры людей Богу живому по совести, в которой все люди без исключения — посланники Божии один к другим, а слова каждого к другим должны быть сообразны миропониманию этих «других» и сообразны обстоятельствам.

Создание же «эталонного экземпляра» писания, возведённого в ранг священного, не разрешает проблемы единообразного понимания смысла жизни людьми и обществами в целом, поскольку одни и те же слова даже в одно и то же время разные люди понимают по-разному, что обусловлено их нравственностью, знаниями и навыками, личностной культурой психической деятельности (прежде всего, культурой чувств и культурой интеллектуально-рассудочной деятельности); и соответственно один и тот же человек, по мере своего развития (а также и деградации, если он идёт по этому пути) уходит от прежнего своего понимания одних и тех же слов. И об одном и том же один и тот же человек разным людям говорит несколько по-разному, соотносясь с их миропониманием и настроением, и свои мысли для себя самого в разные периоды своей жизни он выражает по-разному, исходя из своей реально меняющихся с течением жизни нравственности, освоенных им знаний и неформализованных навыков. Соответственно этим особенностям выражения смысла в членораздельной речи и извлечения смысла из

[1] В этой связи следует обратить внимание на то, что многие из властителей в мусульманском мире титуловали себя «повелитель правоверных», хотя каждому из них из Корана должно было быть известно, что единственный повелитель правоверных — Всевышний Бог, по-арабски — Аллах.

неё, хадис, гласящий: *«Для того, чтобы стать лжецом, человеку достаточно только передать дальше всё то, что он услышит»,* — обладает более широким и глубоким смыслом, нежели смысл того контекста, в котором он приведён в цитированном источнике[1].

> И если по существу, то создатели канонического текста Корана стали первыми извратителями той веры и религии, которым учил богослов-Мухаммад делами своей жизни искренне, возможно в чём-то и ошибаясь[2]. Это так, даже в том случае, если бы воспроизведённая ими редакция представляла бы собой исключительно полное собрание стенограмм всего *того, что было произнесено Мухаммадом и охарактеризовано им как Откровение,* без каких-либо изъятий и посторонних добавлений, обусловленных желанием удовлетворить политическим потребностям нарождающейся “элиты” мусульманской цивилизации.

> И в одном аспекте обвинения, выдвигаемые против создателей зейдовско-османовской редакции Корана неоспоримы: *суры-главы Корана приведены ими не в той последовательности, в которой они открывались Мухаммаду.* Возьмите любую книгу и переставьте местами её главы: вы получите повествование либо с совершенно иным смыслом, либо затрудните читателю, который не знает истинной последовательности глав, постижение её смысла.

Мы считаем необходимым сопроводить сказанное словами Имама Хомейни, поскольку, как заметил в своих записных книжках историк В.О.Ключевский, «мы гораздо более научаемся истории наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот»[3].

Свое завещание — напутствие не лицемерно верующим мусульманам — имам Рухолла Мусави Хомейни завершает словами:

«1. Сейчас, когда я жив, мне приписываются некоторые заявления, которых не было в действительности. И, возможно, что после мой смерти их количество будет возрастать. Поэтому я заявляю, что всё, что приписывалось или будет приписываться мне, не является достоверным, за исключением того, что сказано моим голосом или записано моим почерком, или заверено моей подписью, или сказанное мною удостоверено специалистами по телевидению Исламской Республики.

2. Некоторые ещё при моей жизни утверждают, что они писали мои выступления и заявления. Я категорически отрицаю эти утверждения. До сих пор никто кроме меня не готовил моих выступлений.

3. (…)[4]

4. Во время борьбы и революции я хвалил некоторых лиц, которые лицемерием и притворством выдавали себя сторонниками Ислама[5]. Но потом я понял, что они своею хитростью обманули меня. Эти похвалы были сделаны тогда, когда они выдавали себя преданными сторонниками Исламской Республики. И не следует неправильно истолковывать это. О Каждом человеке надо судить по тому, каков он сейчас» (Завещание, стр. 56. По тексту издания Независимого Информационного Центра «Тавхид», Москва, без года издания, ISBN 5-87298-127-9).

И надо понимать, что и во времена Мухаммада были люди, которые при его жизни приписывали ему те высказывания и поступки, которых он не совершал; а тем более были и такие, кто стал на этот путь после его ухода в мир иной. И были те, кто утверждал, что Мухаммад проповедует с чужих слов, и отрицание такого рода утверждений зафиксированы в Коране. И раскол после ухода Мухаммада в мир иной среди его сподвижников, которых он хвалил при жизни, это не вымыслы, а реальность, зафиксированная в исторических хрониках мусульманской региональной цивилизации, и только некоторые сведения об этом расколе привёл И.Л.Климович в цитированной нами книге.

---

[1] Цитировано по книге профессора Мухаммада Али аль-Хашими “Личность мусульманина в том виде, который стремится придать ей ислам с помощью Корана и Сунны” (Перевод на русский В.А.Нирша, Москва, 1999, стр. 256).

[2] В нашем понимании учение о геенне и предписания бояться Бога — это не от Бога, а ошибка нравственности (возможно свойственная всем в ту эпоху ошибка), которая выразилась в неспособности отличить истину ниспосылаемого ему Откровения от наваждений напраслины.

[3] В.О.Ключевский, “Собрание сочинений в 9 томах”, Москва, «Мысль», т. 9, стр. 384.

[4] При цитировании опущен пункт завещания, который касается пребывания Хомейни в Париже, где он был вынужден жить вследствие того, что государства, традиционно почитаемые в качестве исламских, были под влиянием шаха и отказывались принять Хомейни, противником которого стал шахский режим.

[5] Смысл слова «Ислам» по-русски полнее всего передают слова «Царствие Божие на Земле».

И как показывает завещание Хомейни, история повторяется. Но не эти заключительные слова — главное в его завещании. Вот, что пишет Хомейни в предисловии к своему завещанию, *подводя в истории человечества итог эпохе веры, обусловленной текстуально, а не совестью всех и каждого:*

«Себялюбцы и деспотические правители использовали священную книгу (Коран) для антикоранических властей[1]. Под разными предлогами и путём заранее спланированных заговоров они убрали истинных толкователей Корана, тех, кто познакомился с истиной, почерпнутой в Коране от Пророка… (…) Они заложили основы для искажения Книги, Божественной Сунны и религии[2]. И дело дошло до того, что становится стыдно от одного упоминания всего этого. И чем больше ширились эти основы, тем больше становилось всяких извращений и искажений, пока Священный Коран, который был ниспослан Господом Богом Мухаммеду в его полном прозрении для улучшения человечества и объединения не только мусульман, но и всей людской семьи, с тем, чтобы привести человечество в состояние, которое оно должно достичь, спасти этого носителя божественных качеств от сатаны и деспотичных правителей, установить справедливость в мире и передать власть в руки безгрешных духовных правителей, чтобы те передали её достойным людям; был вытеснен из жизни, как будто он и не имел предназначения Наставления.

Дело дошло до того, что в руках продажных властей и порочных ахундов, которые были хуже деспотичных правителей, Священный Коран использовался как инструмент для насаждения насилия, жестокости и коррупции и оправдания угнетателей и врагов Господа.

К сожалению, в руках врагов, готовящих заговоры, и в руках неискушенных друзей, Коран, книга, призванная определять судьбы, не использовалась и не используется нигде, кроме как на кладбищах и поминках. То, что призвано быть средством объединения мусульман и всего человечества и должно стать Книгой нашей жизни, превратилось в орудие раскола или вообще ушло из повседневной жизни» (Завещание. Предисловие, стр. 4, 5. По тексту издания Независимого Информационного Центра «Тавхид», Москва, без года издания, ISBN 5-87298-127-9).

> Это свидетельство одного из наиболее чистосердечных руководителей мусульман о том, что мусульманская цивилизации более чем за 1300 лет не осуществила и того минимума благодетельности, что зафиксирован в каноническом тексте Корана.
>
> Но сверх того, это и признание факта, что под руководством Хомейни в течение срока отпущенной ему жизни мусульманская культура в Иране не смогла сойти с пути деградации и выйти из тупика на путь бескризисного развития в Богодержавии.

И как показало течение событий в жизни Ирана после смерти Хомейни, этот кризис не может быть преодолён на основе попытки утверждения какой-либо одной традиции толкования писания, признаваемого священным, и споров о том, какие его толкователи и толкования являются истинными, а какие ложными.

Дело в том, что в писании более или менее достоверно выражено <u>богословие по совести</u> давней эпохи, с её проблемами и задачами, разрешение которых было начато под руководством Мухаммада на основе беззаветной веры по совести его самого и его ближайших сподвижников. С уходом же Мухаммада в мир иной беззаветную веру Богу утратила сначала правящая верхушка, вследствие чего у неё возникла потребность в «священном тексте», и они породили зейдовско-османовскую редакцию Корана. Потом веру по совести Богу постепенно, по мере того как в ней возобладала вера в писание и ритуал, утратила и мусульманская цивилизация в целом, за исключением немногих личностей.

---

[1] В переводе, по-видимому, ошибка: по смыслу более подходит завершение фразы словами «… антикоранических целей».

[2] Если последовательность упоминаний выражает приоритеты значимости, то религия — на третьем месте. В нашем понимании последовательность приоритетов должна быть иной — в порядке убывания значимости: Религии, Книги (Корана), Сунны, поскольку:

- религиозное чувство (т.е. ощущение бытия Бога и Божиего Предопределения бытия Мира) — врождённое чувство человека, впоследствии подавляемое и извращаемое культурой общества и взаимоотношениями людей;
- Коран (как он характеризуется в себе самом) — только напоминание людям о естественной необходимости для каждого человека жить в религии — в осмысленном диалоге с Богом по жизни, чтобы человек был человеком, а не животным, зомби или демоном;
- Сунна — сборник свидетельств о том, как жил и чему учил людей Мухаммад, будучи носителем религиозного чувства и знания Коранического Откровения.

В догматизации Правды-Истины имеют потребность богоотступники, ибо *истина, став бессовестно неусомнительной верой, вводит в заблуждение.* Подтверждение этой причинно-следственной обусловленности, имеющей место на протяжении всей истории цивилизации, но уже в современности, также находим в завещании Хомейни:

«В последнее время сатанинские великие державы, через отошедшие от исламского учения режимы, которые лгут, причисляя себя к Исламу, занялись изданием Корана, используя это в своих дьявольских целях и для уничтожения Корана[1].

Такие Кораны печатают красивым шрифтом и распространяют по всему свету. И такой дьявольской уловкой вытесняют Коран из нашей жизни. Все мы видели Коран, который издал Мохамед Реза-Хан Пехлеви. Кое-кто обманулся на этот счёт и даже некоторые из числа духовенства, не понимая целей Ислама[2], стали возносить ему хвалу.

Мы видим, что король Фахад[3] каждый год расходует большую часть народного достояния на печатание Священного Корана и финансирование пропаганды антикоранических целей. Как он распространяет полное предрассудков учение ваххабитов, склоняет несведущие народы на сторону сверхдержав и использует Ислам и священный Коран для уничтожения того же Ислама и Корана[4]» (Завещание. Предисловие, стр. 5. По тексту издания Независимого Информационного Центра «Тавхид», Москва, без года издания, ISBN 5-87298-127-9).

И время, прошедшее после ухода Хомейни в мир иной, показало, что иранское общество не может преодолеть неопределённость: строить ли своё будущее по образцу западного «гражданского общества», либо на основе канонической письменно зафиксированной мусульманской традиции, не отступая от неё ни в чём.

И оба варианта пути не ведут к исчерпанию кризиса, ибо оба варианта исключают переход к господству человечного строя психики, как то предусмотрено Откровением Мухаммаду, нашедшем ограниченное культурой того времени выражение в исторически реальном тексте Корана.

В завещании Хомейни есть обеспокоенность будущим и надежда на то, что потомки смогут последовать Правде-Истине и преодолеют кризис. И хотя в конце своего завещания Хомейни — один из наиболее достойных доброй памяти людей XX века — пишет: **«Мой завет всем: помня о Боге, встаньте на путь самопознания, самообеспеченности и независимости во всём»**, — но нет у него понимания того, что:

- затяжной многовековой кризис мусульманской региональной цивилизации (частично взаимно вложенной в Русскую региональную цивилизацию) обусловлен принятием в 652 году канонического текста Корана, культ которого более 1300 лет подменяет собой **живую веру Богу** в осмысленном обоюдосторонне направленном диалоге верующего человека и Бога, **которую Мухаммад нёс в себе и которой учил при жизни своих современников**;
- что завет самого Хомейни: **«помня о Боге, встать на путь самопознания»**, — означает предложение всем и каждому:
  - во-первых, обратиться к Богу по совести;
  - во-вторых, перестать отгораживаться от Бога 114-тью сурами суннитской (зейдовско-османовской) редакции Корана, а равно и 115-тью сурами шиитской редакции;
  - в-третьих, не делать из Корана своего рода «танк», **уединившись за бронёй которого с собственной трусостью**, можно “смело” ехать по жизни, подавляя всё вокруг его действительно *изумительной мощью, предназначение которой, однако, не подавлять и порабощать, а раскрепощать и преображать.*

Последние три утверждения — не предложение вычеркнуть Коран из культуры, уничтожить или предать забвению все его экземпляры; и тем более не предложение отбросить всё то доброе, что призывает воплотить в повседневную жизнь Бог в Откровении Мухаммаду, лёгшем в основу Корана. Это

[1] Точнее было бы сказать: для уничтожения в обществе понимания смысла Откровения, лёгшего в основу Корана.

[2] Некоторая часть духовенства, и судя по реальной истории — подавляющее большинство, профессионально изучавшее Коран и традиции его толкования, — не понимает целей Ислама как такового.

[3] Саудовская Аравия.

[4] Точнее было бы сказать: и использует обрядность Ислама и текст Корана для уничтожения в обществе веры Богу по совести, как ей учит Откровение Мухаммаду.

предложение понять смысл сказанного в самом Коране и последовать этому смыслу без страхов по совести:

> **«Если бы море сделалось чернилами для написания слов Господа моего, то иссякло бы море раньше, чем иссякли бы слова Господа моего, даже если бы Мы добавили ещё одно подобное ему море»** (Коран, 18:109, на основе переводов И.Ю.Крачковского и М.-Н.О. Османова).

> Иными словами, никакое писание, никакой текст не может вместить в себя буквально всеобъемлюще Жизнь во всей её полноте, детальности и разнообразии. Но восприятие полноты, детальности и разнообразия Жизни доступно человеку непосредственно, если он по совести устремлён к тому, чтобы пребывать в ладу с Богом непрестанно. И в наши дни, как и всегда, преодоление всякого кризиса возможно только на основе обретения свободной от страхов беззаветной веры Богу по совести. Собственно об этом слова Христа, передаваемые новозаветными текстами: «Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете? **Зачем же вы и ПО САМИМ СЕБЕ не судите, чему быть до́лжно?**» (Лука, 12:56, 57). И у него же даётся объяснение: «Ибо Царствие Божие внутрь вас есть» (Лука, 17:21).

Однако следует признать, что несмотря на все сложные перипетии при создании эталонной редакции Корана в период первого двадцатилетия после ухода Мухаммада в мир иной; несмотря на несогласие с канонической редакцией в том числе и сподвижников Мухаммада: *в Коране в его исторически сложившемся виде в вопросах вероучения, на котором строится религия как сокровенная связь души человека с Богом, всё определённо и нет взаимно исключающих утверждений и взаимоисключающих двусмысленностей[1], как это имеет место в Библии.*

Несмотря на то, что канонический текст Корана был отредактирован по заказу уклонившейся от праведности верхушки Халифата, и некоторые сподвижники Мухаммада сразу же выступили против этого канона, социологическая доктрина, выраженная в нём, всё же ориентирована на построение внутренне бесконфликтной системы отношений в глобальном многонациональном обществе.

> Основа этого — уход всех и каждого от животного строя психики во всех его разновидностях к иному строю психики. Но эта доктрина может быть воплощена в жизнь только на основе беззаветной веры Богу, а не в результате *культового поклонения молитвенному коврику множества зомби, чем стал Ислам для большинства мусульман.*

Строй психики, на который целеустремляет Коран каждого, кто читает его по совести как послание, адресованное ему лично, если и не является вполне человечным, *вследствие искажения сокровенной религии человека и Бога культивируемым страхом перед Богом и геенной,* то всё же он — наиболее близкий к человечному строю психики[2]. Во вполне человечном строе психики — и это отличает его от человечного в понимании на основе Корана — нет и не может быть места каким бы то ни было страхам; а тем более человек должен быть свободен от страхов перед Богом, дарующим Любовь всем и каждому, кто искренне отдаёт себя Ему в *устремлении к ладу с Ним* в помыслах и в делах своих:

> **Но в тех аспектах жизни, где властвуют страхи, — нет места полноте и целостности Любви. Страхи, если и не устраняют Любовь из жизни полностью, то не дают места проявлению её полноты, делая её проявления ущербными, прерывистыми во времени или извращая их.**

---

[1] Многое из того, что воспринимается в Коране как его логическая внутренняя противоречивость, представляет собой следствие разрыва диалога с Богом. Например: «Это <Коран> — поистине, напоминание, и кто пожелает, избирает к своему Господу путь, но не пожелаете вы, если не пожелает Бог, — поистине, Бог — мудрый, знающий!» (сура 76:29, 30).

Это, на первый взгляд, — полное отрицание свободы выбора человеком путей своей дальнейшей жизни. Но проистекает такое понимание из осознанного или бессознательного отказа от сокровенного диалога с Богом:

— Боже правый, желаю прийти к Тебе и быть в ладу с Тобой.

— И Я желаю того же… Поэтому иди, а Я иду навстречу тебе и освещаю тебе путь…

Но вместо этого большинство или прячется от Бога, либо изображает бег на месте Ему навстречу.

[2] Об этом смотри работы ВП СССР "Вопросы митрополиту Иоанну и иерархии Русской православной церкви", "К Богодержавию…", "От матриархата к человечности…" (в 2001 г. переименована: "От человекообразия к человечности", что более соответствует Жизни), "Приди на помощь моему неверью…", "О расовых доктринах: несостоятельны, но правдоподобны".

Эта стратегия перехода общества к господству человечного строя психики, воспринятая Мухаммадом в Откровении, выходила за пределы понимания заказчиков канонической редакции Корана; выходила и выходит за пределы понимания большинства, почитающих себя простыми правоверным мусульманами; тем более выходит она за пределы понимания наиболее крутых «исламских фундаменталистов»; выходит она и за пределы понимания большинства порицающих Откровение, лёгшее в основу Корана.

Но эта стратегия и есть то, что обладает непреходящей значимостью для нынешней глобальной цивилизации, и потому она не может быть отвергнута вне зависимости от того, как религиозно-исторически реально возник текст, известный ныне как Коран.

8. Люди и слово: слово живое и мёртвое

С Библией же дело обстоит куда хуже, чем с Кораном. Но прежде, чем обратиться к освещению этой же проблематики в сюжетных линиях “Мастера и Маргариты”, обратимся к литературной критике, которая претендует изъяснить скрытый смысл этого романа:

«У нас нет дневников писателя[1], но есть роман о Воланде, Мастере и Иешуа Га-Ноцри. Там всё сказано, только надо уметь это «всё» прочитать, ибо роман — огромная криптограмма, зашифрованный текст, адресованный будущему читателю. Или — я часто об этом думаю — ушедшему читателю, тем истинно образованным людям, среди которых протекала счастливая половина жизни Булгакова[2]. Тем, кому не приходилось заново открывать для себя классиков русской философии, — они были членами Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьёва, как и отец писателя Афанасий Иванович… Они-то сразу и безошибочно объявили бы автора романа учеником Соловьёва[3]. Не заглядывая даже в собрание сочинений этого удивительного философа и социолога, они связали бы кощунственный — с точки зрения ортодоксальной церкви — образ Иешуа Га-Ноцри с размышлениями Владимира Соловьёва о Христе и Слове, которое, как известно, было вначале начал[4]» (А.Зеркалов. “Лежащий во зле мир…”. Журнал “Знание — сила”, № 5, 1991, стр. 34, 35).

Но чтобы расшифровывать «криптограммы», надо прежде определиться в том, кому адресовано зашифрованное послание и что оно несёт в себе: иначе многое расшифровать просто не удастся. Тем более ничего не удастся расшифровать, если *никакой «криптограммы» в романе нет…*

Бессмысленная трата времени и сил писать роман-криптограмму для современников, очевидцев описываемой в нём эпохи, которые и сами в силах подумать над смыслом происходящего в жизни каждого из них и в жизни образуемого ими всеми общества, *если заранее известно, что роман не может быть опубликован в эпоху его написания.* Тем более бессмысленно писать роман, адресуя текст предкам. Бессмысленно и «криптографировать» свою эпоху для потомков, поскольку она неизбежно станет известной им из документов и воспоминаний, где всё будет названо своими именами без каких-либо намёков, двусмысленностей и иносказаний, к которым вынужденно прибегают в общении между собой современники, если они опасаются называть вещи их именами в силу свойственных эпохе обстоятельств.

Но отказывая писателю в такого рода здравомыслии, многие потомки, которых угораздило стать литературоведами, выражают овладевшие ими по их же трусости страхи в разнородных “расшифровках” иносказаний и намёков на обстоятельства прошедшей эпохи, которые они реально или мнимо находят в романе, и которые им мерещатся в жизни нынешних поколений. Конечно, есть и непреходящие обстоятельства, но они в их большинстве не требуют «криптографирования»; и если в чём и нуждаются — так в переосмыслении, что не требует расшифровки старых текстов как таковой, хотя тексты былых времён могут быть свидетелями древности проблем в жизни общества, не разрешённых и в наши дни.

Имеет смысл писать для потомков только о том, что не утратит своей значимости для них к тому времени, когда обстоятельства изменятся и позволят опубликовать написанное. Тем не менее большинство критиков-расшифровщиков не видят именно эту сторону романа, в котором им померещилась «криптограмма», когда он представляет собой прямое повествование в художественных образах о про-

---

[1] В цитируемом источнике ранее шла речь о жизни в эпоху сталинизма, и в такой форме его автор высказывает предположение, что М.А.Булгаков в своих дневниках давал свои оценки заинтересовавшим его событиям той эпохи. Дневники М.А.Булгакова были изъяты у него в конце 1920-х гг. НКВД, после чего о них нет сведений. После этого он не вёл дневников.

[2] Цитируемая статья начинается абзацем:

«Жизнь Михаила Булгакова — а длилась она не полные сорок девять лет — делится на счастливую и несчастливую половины. Он родился 3(15) мая 1891 года; счастливых лет в его жизни было 23 — до начала мировой бойни, до 1 августа 1914 года, когда Германская империя объявила войну Российской империи».

[3] Среди произведений В.С.Соловьёва есть книга “Магомет. Его жизнь и религиозное учение”. Одно из её переизданий вышло в 1992 г. в С.-Петербурге в издательстве «Строитель» и воспроизводит издание, выпущенное в 1896 г. в серии «Жизнь замечательных людей» биографической библиотеки Ф.Павленкова. Соответственно, то внимание, которое мы уделяем исторически реальному исламу, не является вторжением в сюжетные линии романа чего-то чуждого. Вопреки тому, что пишет А.Зеркалов, М.А.Булгаков учеником В.С.Соловьёва не был: в своём творчестве он преодолел воззрения В.С.Соловьёва.

[4] Есть точка зрения, что *животворящему слову,* давшему бытие Мирозданию, предшествовало Предопределение бытия: иными словами *в начале было Предопределение Божие.*

блемах, которые в эпоху его написания были объявлены успешно разрешёнными раз и навсегда: «большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге».

Вследствие этого роман в эпоху его написания представлялся одним — не актуальным, а для других он виделся крамольным[1]. Но крамольным он виделся не потому, что в нём комично выглядели сотрудники НКВД и советская действительность тех лет (комичной она выглядела и в “Двенадцати стульях”, и в “Золотом теленке” И.Ильфа и Е.Петрова, которые были изданы), а потому, что возможная публикация “Мастера и Маргариты” ставила под сомнение правильность уже данного и широко пропагандируемого ответа и подталкивала к поиску ответа на другой вопрос, который оставался в умолчаниях на протяжении всей эпохи борьбы с религиозным мракобесием:

> Большинство населения сказкам о боге — наветам на Бога — действительно верить перестало. **А верить Богу и жить по Его Правде-Истине в Его Промысле перестало или ещё и не начинало?**

«Крамольность» романа по отношению к культивировавшемуся в обществе материалистическому атеизму и его хозяевам состояла именно в этом обнажении умолчания, скрываемого в официальной пропаганде. Но затрагивая проблематику «крамольности» “Мастера и Маргариты”, преисполненные собственной трусости и взращённых на её почве “элитарных” страхов, литературные критики тут же обращаются к обстоятельствам той эпохи, которые куда менее значимы для определения будущих судеб, нежели то, что они задели мимоходом и от рассмотрения чего сами же отказались.

«Фантастическая мысль: если бы Иешуа не был абсолютом отваги и правдивости, он принял бы намёки Пилата и заявил бы, что не говорил крамолу Иуде из Кириафа или, как ему прямо предлагалось, что он забыл свои слова. И тогда он остался бы жить, стал хранителем «большой библиотеки» Пилата, и его мысли пришли бы к потомкам неискажёнными[2]. Но он отказался. И теперь его историю приходится восстанавливать Мастеру при той помощи дьявола, которой Иешуа не захотел.

Тягостная дилемма: чтобы выжить, чтобы создать нетленные вещи и способствовать делу истины, писатель вынужден спознаться с дьяволом власти, сделать то, что запрещает ему совесть. Вопрос отнюдь не теоретический: сам Булгаков так и поступил, чтобы иметь возможность создать “Мастера и Маргариту”. Известные биографические факты: он написал письмо Сталину с просьбой о спасении, когда нищета и угроза физической гибели придвинулась вплотную. Сталин позволил служить ему в театре, и Булгаков сумел вернуться к своему сожжённому ранее роману. Поэтому и вышло: «рукописи не горят»…

Думаю, писатель не простил себе обращения за помощью к сатане, но, даже сознавая себя аморальным человеком, он знал, что поступил правильно: выполнил свой творческий долг так, как это возможно под прессом идеологической тирании» (А.Зеркалов. “Лежащий во зле мир…”. “Знание — сила”, № 5, 1991, стр. 40, 41).

И до этого фрагмента, и после него А.Зеркалов пускается в обширные рассуждения “вообще” о добре и зле, об истине, и об отступничестве от них в каждую историческую эпоху. Однако отступничество от *истины “вообще”,* отступничество от *Добра “вообще”* в таком миропонимании (которому привержен А.Зеркалов) всё же конкретны, поскольку обусловлены обстоятельствами и их осмыслением, а истина и добро — абстрактны и неопределённы, лежат вне мира, вследствие чего и кажется, что мир лежит во зле, и нет в нём места преображающему его к Добру Промыслу[3].

Это беспросветно мрачное мировоззрение, препятствующее и пониманию смысла жизнерадостного романа, возведённого в извращённом мировоззрении в ранг *«криптограммы» об ушедшем кошмарном прошлом*, которое изменить невозможно; а также препятствующее пониманию и воплощению Правды-Истины в повседневную жизнь.

Начнём с того, что:

> Если бы Иешуа считал необходимым зафиксировать на пергаменте свои мысли, то он не проповедовал бы на улицах всем и каждому, кто готов был его слушать.

---

[1] «КРАМОЛА ж. возмущение, мятеж, смута, восстание; измена, ковы, лукавые замыслы. *Крамольный*, к крамоле относящийся. *Крамольник* м. крамольница ж. крамольщик, крамольщица, мятежник, заговорщик, изменник» (“Словарь живого великорусского языка” В.И.Даля).

[2] Кому и для чего потребна эталонная запись Откровения было показано в предыдущем разделе.

[3] Отсюда и извращённое понимание роли тех или иных деятелей той эпохи, и прежде всего, — отнесение Сталина к воинству Сатаны. В материалах Концепции общественной безопасности о роли И.В.Сталина в истории см. в работах: “Оглянись во гневе”, “Время: начинаю про Сталина рассказ”, “Краткий курс…”, “Форд и Сталин: О том, как жить по-человечески”.

Он бы где-то работал; добросовестно относясь к делу, — имел бы некоторый достаток; а будучи весьма сдержанным в потребностях человеком, — мог бы позволить себе покупать не дешёвые по тому времени пергамент и письменные принадлежности; в свободное от работы время он бы записывал приходившие ему в голову мысли. И если бы он и познакомился с Пилатом, то совершенно в иных обстоятельствах. Возможно, что его деятельность поддержал бы какой-нибудь меценат, а возможно и нет.

Люди такого склада были во все времена: так жил Иосиф Дицген (1828 — 1888), рабочий-кожевенник, один из выдающихся «социал-демократических философов Германии»[1]; так жил К.Э.Циолковский (1859 — 1935), — это только наиболее известные примеры людей такого склада. Некоторые из них стали известны потому, что их домашние труды были востребованы теми или иными социальными группами. А многие, чьи труды не были востребованы современниками или ближайшими потомками, — остались неизвестными.

> Всё дело как раз в том и состоит, что Иешуа считал необходимым проповедовать *исключительно изустно* в народе всё то, что он понял сам и что является его жизненной сутью.

Даже, если бы Пилат нашёл способ отказать синедриону в требовании утвердить смертный приговор и освободил Иешуа, например, обыграв двусмысленность имени освобождённого разбойника: Вар-равван (в романе), Варавва, Барабас[2] (в новозаветных текстах в транслитерации разных языков); даже если бы после этого Пилат стал бы искренним другом и единомышленником Иешуа, и Иешуа с радостью посещал бы дом Пилата, — то Иешуа по-прежнему проповедовал бы изустно в народе, но не стал бы хранителем ни Пилатовой, ни чьей-либо ещё библиотеки; тем более не стал бы он библиотекарем для того, чтобы собственноручно записать в качестве наставления для других то, что понял сам. В его деле такая писанина была бы пустой тратой драгоценного времени жизни.

> Причина этого в том, что в ту эпоху смысл изустной проповеди становился в непродолжительное время достоянием многих и многих по принципу «слухом земля полнится» тем более, если проповедь затрагивала интересы многих и открывала им какой-то новый взгляд на жизнь и на пути к разрешению угнетавших их проблем.

Изложение же всего сказанного изустно в письменной форме требовало гораздо большего времени: человек пишет медленнее, чем говорит. Кроме того изустное объяснение какого-либо вопроса короче и доходчивее вследствие того, что говорящий подстраивает стиль своего изложения к аудитории: к её настроению, к уровню образования, к пониманию и т.п., а главное — в изустной речи (особенно глаза в

---

[1] “Философский словарь” под редакцией академика И.Т.Фролова, изд. 4, Москва, «Политиздат», 1981 г., стр. 100.

[2] «Бар-Абас», «Вар-Авва» — различные транслитерации одного и того же, в переводе на русский означающего — «Сын Отца».

И общедоступных текстов достаточно, чтобы “вычислить” из них это, не зная иврита.

Прозвище руководителя восстания против римского владычества в Иудее в 132 — 135 гг. Бар-Кохба в переводе с иврита означает «Сын Звезды» (Б.Альтшулер. “Последняя тайна России”, Москва, «Ной», 1996 г.).

«Авва, Отче» — многократно в Новом Завете (Марк, 14:36; Римлянам, 8:15; К Галатам, 4:6).

Соответственно: «Бар-Абас», «Вар-Авва» в переводе на русский — «Сын Отца».

Как известно, в новозаветном каноне встречаются обороты речи, такие как: «Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Матфей 11:27). Это отражение того, что Иисус называл себя прилюдно и неоднократно именно «Сыном Отца». Согласившись отпустить «Вар-раввана», Пилат имел полную возможность освободить Иешуа и казнить разбойника Вар-раввана (он же Варавва, он же Барабас, он же Карабас Барабас), а впоследствии обвинить самого же Каиафу в том, что первосвященник совсем заморочил ему голову двумя «Вар-Аввами — Бар-Абасами», одновременно оказавшимися под следствием: тихо помешанного “душевнобольного” Пилат де выпустил из соображений гуманизма, а подстрекателя к бунту казнил, тоже из соображений гуманизма. Какие к нему после этого могут быть претензии? — не надо ставить иностранца перед необходимостью разрешать двусмысленности местной речи…

И когда толпа просила Пилата отпустить ей Варавву (Бар-Абаса), как о том повествует Новый Завет (Матфей, 27:17 — 26), это особый вопрос, кого из двух она просила отпустить, и что из этой просьбы понял исторически реальный Пилат. Конечно, если в те времена действительно был обычай отпускать одного осуждённого ради праздника, а не был этот обычай придуман задним числом, чтобы упростить продвижение исторически реального христианства в среду населения Римской империи, сняв с римлян ответственность за казнь культовой личности и переложив её на толпу иудеев, когда, якобы отвечая церемониально умывавшему руки Пилату, якобы «весь народ сказал: кровь Его на нас и детях наших» (Матфей, 27:25).

Эту особенность перевода древнего прозвища Бар-Абас, которую обязаны знать все профессиональные богословы, владеющие языками оригиналов библейских текстов, они оставляют в умолчаниях без объяснения причин.

глаза) умолчания оратора несут информацию, и она воспринимается слушателями легче, нежели умолчания из текста стенограммы той же самой речи.

Вследствие этой особенности восприятия людьми изустной речи и текста, письменное повествование вынужденно длиннее, поскольку для обеспечения сообразного понимания читателем смысла написанного требует раскрытия тех умолчаний, которые допустимы в изустной речи и *не ведут к непониманию (а тем более к извращённому “пониманию”) во всякой конкретной аудитории*. Поэтому один и тот же смысл — в подавляющем большинстве случаев — для того, чтобы его поняли наилучшим возможным образом максимум читателей и слушателей, в письменном изложении и в изустном должен выражаться в разных словах, разных оборотах речи, а в ряде случаев и в разной последовательности смысловых фрагментов, в которых передаётся читателям и слушателям общее понимание рассматриваемых проблем.

При этом следует также иметь в виду, что к ранее прочитанному в тексте — в случае трудностей понимания текущего фрагмента — каждый может вернуться, дабы переосмыслить его сызнова; а к ранее услышанному в изустной речи — в господствующей культуре в форме *переживаний услышанного* вернуться могут только немногие, тем более *пережить и переосмыслить ранее услышанное*, на фоне восприятия продолжающейся речи. Поэтому, если при слушании изустной речи человек утратил понимание, но всё же хочет понять обращённую к нему речь, то ему следует не «напрягать интеллект»[1], отвлекаясь от обращённых к нему слов, а продолжать слушать всё, дабы потом услышанное можно было пережить заново в своём внутреннем мире и переосмыслить.

Но кроме этих обстоятельств, обусловленных психикой людей, есть и обстоятельства, обусловленные социально. Наиболее значимое из них состоит в том, что во времена дороговизны книг[2] и рукописного тиражирования ступить на путь собственноручного изложения в письменной форме *религиозно-социологической доктрины перехода человечества от разнородного рабовладения к Царствию Божиему на Земле* означало — быть услышанным только в кругу правящей “элиты”, которая исторически реально была возмущена смыслом ставших ей известными изустных проповедей. Желая прекратить распространение противного ей мировоззрения в обществе, она и организовала провокацию, в результате которой Иешуа и оказался перед Пилатом.

Смысл проповеди: *«Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовествуется и всякий усилием входит в него»* (Лука, 16:16), — правящая “элита” поняла вполне, поняла однозначно, не забыла по сию пору, не забывает и ныне; но **“элите” Царствия Божиего на Земле не надо: ей вожделенно её безраздельное царствование**. И соответственно, уже потом, в эпоху становления исторически реального христианства, именно правящая “элита” — в лице её орденов посвящения — заболтала этот смысл в церковном ритуале «богослужения», подменив Благовестие[3] Царствия Божиего “благовестиями” жертвоприношения-казни и чудесно-сверхъестественного воскресения праведника.

«Хилиазм (от греч. chiliás — тысяча), милленаризм (от лат. mille — тысяча), религиозное учение, согласно которому концу мира будет предшествовать тысячелетнее “царство божье” на земле» (Большая Советская энциклопедия, изд. 3, т. 28, стр. 252).

Хилиастические идеи изначально рассматриваются “элитарными” и холопствующими иерархами господствующих христианских церквей как ересь, вопреки словам молитвы Христовой:

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твоё есть Царство и сила, и слава во веки!» (Матфей, 6:9 — 13). «Не придет Царствие Божие приметным образом (...) ибо вот Царствие Божие внутри вас есть» (Лука, 17:20, 21).

> Именно вследствие подмены *Благовестия достижения Царствия Божиего целеустремлёнными усилиями самих людей* доктриной об искуплении грехов всех жертвоприношением-казнью и воскресением Праведника все церкви имени Христа выражают анти-Христианство с

[1] «Напрягать интеллект» — невозможное занятие, поскольку при такой попытке он «заклинивается» и исчезает, утратив работоспособность.

[2] На выделку пергамента для книги необходимы кожи нескольких десятков животных; труд пастухов, кожевенников должен быть оплачен; многодневный труд переписчиков также должен быть оплачен. Минимальная стоимость производства экземпляра книги обусловлена жизненным уровнем (потребления) работников названных отраслей и производительностью труда в них.

[3] По-гречески — Евангелие.

момента этой подмены. **И против этого обвинения <u>возразить от души</u> ни одной из них нечего.**

И будь учение о преображении Земли в Царствие Божие в действительности записано руками самого Христа, то рукопись (даже если бы она не была целенаправленно уничтожена) — не была бы востребована реальной читательской аудиторией того времени и потому неизбежно затерялась бы в веках, повторив судьбу Моисеевых скрижалей и многих, многих апокрифов[1] — богословских трактатов и записей слов праведников, не признанных официальными иерархиями в качестве вдохновенных Богом.

Как известно, Библия ответственность за уничтожение экземпляра скрижалей, полученного непосредственно от Бога, возлагает на самого Моисея, который якобы вспылил и разбил их по возвращении с горы Синай, когда увидел в стойбище оргию своих подопечных вокруг идола золотого тельца (Исход, 32:19). Второй экземпляр скрижалей, как сообщает Библия, Моисей вытесал сам и вознёс их на гору, где на них был сызнова воспроизведён текст (Исход, 34:28) то ли Богом, то ли Моисеем «под диктовку Свыше».

На наш взгляд это было не так: избавились и от Моисея[2], и от оригинальных скрижалей; потом сами вытесали новодел, устранив из него первую заповедь (доводящую их общее число до 11), о которой в шутку *вспоминал* А.Эйнштейн: «Не бойся!»[3], — и задним числом приписали происхождение макета-новодела Моисею, отредактировав устные предания об уничтожении оригинального экземпляра скрижалей, возложив ответственность за это святотатство на самого же Моисея вопреки тому, что книга Числа (стих 12:3) характеризует его: «Моисей был человек кротчайший из всех людей на всей Земле».

Но и этот макет-новодел, если он и не утрачен безвозвратно, то ныне доступен весьма узкому кругу его высокопосвящённых затаившихся хранителей, которые, посвятив себя его сохранению, вряд ли знают, как им распорядиться с большей пользой для всего остального человечества[4].

> Так что изустное слово в качестве средства просвещения в те времена дороговизны книг и безграмотности большинства населения, занятого каждодневным трудом, было многократно эффективнее слова писаного. Живое изустное слово было востребовано простонародьем: «сеятель слово сеет» (Марк, 4:14), и посев неизбежно приносит урожай, чему свидетельством вся последующая история. И в отличие от текста скрижалей изустное слово — не воробей: вылетит в широкой аудитории — не поймаешь, и «никакое богатство не может перекупить влияния обнародованной мысли» (А.С.Пушкин).

И в реальной истории сама письменная традиция того или иного образа мысли, того или иного мировоззрения, отрицающего прежний порядок общественного устройства, возникала только под давлением распространения этого учения в изустной форме, когда правящей “элите” деваться уж было некуда, и она вынужденно становилась на путь канонизации, дабы насадив бессовестно неусомнительную веру в письменно запечатлённую “<u>священную” Догму с большой буквы</u>, закрыть людям дорогу к пре-

---

[1] Один из апокрифов прямо называется “Учение Мира Иисуса Христа от ученика Иоанна” и представляет собой не краткую биографическую справку о жизни и деятельности Иисуса из Назарета, а последовательное изложение Учения о нисхождении Царствия Божиего на Землю так, как его понял и записал Иоанн (по всей видимости другой Иоанн, а не автор одной из канонических новозаветных биографических справок). Русские издания: Ростов-на-Дону, «Товарищество», 1991 г.; Москва, «Саттва», 1995 (книга 1), 1997 (книги 2 и 3) под названием “Евангелие мира от ессеев”. В основе обоих изданий — публикации перевода с арамейского и старославянского Э.Шекли на английский и французский, вышедшие в свет в 1937 г. В связи с выходом этих изданий следует обратить внимание, что авторскими правами на тексты некоего Иоанна в переводе Э.Шекли с арамейского и старославянского обладают наши современники в Канаде и России, вследствие чего тиражирование древнего Откровения без санкции владельцев “авторских” прав подсудно. Поистине, посягательство на присвоение себе прав на истину, тем более *открытую людям другими как дар*, — омерзительны, и их дóлжно игнорировать.

Текст этого апокрифа содержится в Информационной базе ВП СССР, распространяемой на компакт-дисках.

[2] Моисей не вышел живым из 40-летнего “турпохода” по Синайскому полуострову, в котором исторически реальное еврейство было выведено методами животноводческой селекции как порода биороботов — носителей и распространителей доктрины скупки мира на основе ростовщической монополии с целью установления безраздельного мирового господства. Обстоятельно библейские сообщения об этих событиях рассматриваются в наше работе “Синайский «турпоход»”.

[3] Это перекликается с “Мастером и Маргаритой”: страх — наихудший из пороков, вытесняющий из психики все добродетели, включая способность любить Бога, Мироздание и *людей, в частности*. Поэтому заповедь «Не бойся!» — действительно первая в исторических обстоятельствах той и нынешней эпох.

[4] Если вообще текст на них не подложный, приписанный Моисею и Откровению задним числом, когда Моисея уже не было в живых.

ображению их Жизни по Правде-Истине, приходящей свободно в общество через совесть каждого, кто, во-первых, совесть не глушит и, во-вторых, осознанно целеустремлённо следует её зову.

Но в наши дни, когда всеобщая грамотность — норма, ситуация изменилась. Изустная проповедь на рынке или площади, — если и не прямой путь в сумасшедший дом или в отделение милиции за «нарушение общественного порядка», то она не может конкурировать по охвату аудитории с электронными средствами массовой информации, владельцы которых имеют (во всех смыслах) наиболее широкую аудиторию и оглушают её тем, что в теории информации называется: «шум»[1], — из которого далеко не каждый может выделить полезный сигнал, несущий судьбоносную для него информацию — жизненный смысл.

Но в то же самое время письменно выраженное мнение, распространяемое адресно соответственно заинтересованности конкретных людей в разрешении тех или иных проблем, обрело ту эффективность воздействия, которая была невозможна для письменного слова во времена исключительно “элитарной” грамотности и образованности и высоко-“элитарной” библиотечной культуры, недоступной простонародью, занятому большей частью трудом от зари до зари.

О безвозвратном уходе тех времён и той культуры сетовал в приведённых отрывках своей статьи А.Зеркалов, сожалея о том, что исчезли «истинно образованные люди», но не замечая, что именно они довели Россию до катастрофы государственности в 1917 г.; сожалея о том, что Иешуа не записал открытого им изустно учения собственноручно, но не понимая того, что посвяти он свою жизнь созданию письменного наследия, то ныне не было бы предмета для обсуждения, поскольку рукопись затерялась бы в веках, не будучи востребованной многими поколениями тогдашних грамотных сословий, чьи интересы формировали заказы на рукописное же тиражирование более ранних рукописей.

Конечно, «рукописи не горят…», а «что написано пером, не вырубить топором», даже если это топор палача или «топор войны», но всё же живого изустного слова, несущего живую мысль живым людям, мёртвые слова текстов заменить не могут *ни в одну эпоху;* не говоря о том, что понимание одних и тех же слов с течением времени в обществе изменяется вплоть до отрицания исходного смысла: так, слово «наверное» некогда означало (и буквально означает) максимально достижимую точность, истинность, а теперь означает что-то близкое к «может быт так, а может быть и нет».

Лучшее, что могут сделать тексты, — пробудить человека к творчеству, возбудив в нём праведные мысли. И это касается даже самых мерзких по их явному и скрытому смыслу текстов.

Худшее, чем может стать текст, — так это превратиться в клетку, в которой живая мысль разбивается о догмы, закрывающие от неё Жизнь, томится и увядает.

Но и тот, и другой вариант воздействия текста обусловлен не текстом как таковым, а реальной нравственностью и порождённой ею этикой, свойственными читателю во время работы с текстом, что и определяет его отношение к написанному и в мыслях, и в повседневной жизни; то же касается и отношения к текстам общества в целом, где некоторая часть людей имеет представление о многих текстах понаслышке, а не на основе собственных впечатлений от прочтения, и эти представления о содержании текстов понаслышке могут отличаться от самих текстов как в лучшую, так и в худшую сторону, что также обусловлено реальной нравственностью и порождённой ею этикой слушателей.

Так в России наших дней Библия — её текст и подтекст — *в представлении многих о ней понаслышке* оказывается куда добрее, нежели она есть на самом деле, а Коран в представлении большинства — если и не справочник и наставление по злодейству, то выражение невежест-

[1] Яркий пример из 2000 — 2003 гг. — «освещение» в средствах массовой информации трагедии АПЛ “Курск”: что произошло на самом деле, а что заведомая ложь — каждый вынужден решать сам по своему нраву и способностям получать информацию и анализировать её.

венности и мракобесия. И потому, чтобы не обманываться понаслышке, выслушав речи, следует обращаться к оригинальным текстам, сохраняя способность соображать прочитанное и пребывая в ладу с собственными памятью и чувствами.

9. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал

С Библией же дело обстоит куда хуже, чем с Кораном. Она не только сеет страх перед адом в души верующих, принуждая людей страхом к какой-то благодетельности, что есть одно из выражений демонизма. Но она сеет и зёрна, из которых вырастают конфликты как во многонациональном, так и в этнически однородном обществе, а также и конфликты человека с Богом в реальном богоборчестве людей в жизни.

Кроме того, она обрекает человека, спутанного культивируемыми ею страхами и извращениями, на растрату многих жизненных сил во *мнимом богоборчестве, когда человек борется в себе самом против ложного образа Божиего, принимая его за истинный,* вследствие того, что в его душе праведный образ Божий затмила ложь, накопившаяся в культуре общества, где он вырос.

История формирования канонического текста Библии как в иудейской традиции, включающей в себя *канонические книги* Ветхого Завета, так и в христианской традиции, включающей в себя и Ветхий, и Новый Заветы, в отличие от истории становления канонической редакции Корана, охватывает многие столетия и недоступна большинству. А традиции, сообщающие эти сведения для посвящённых (иерархов церквей, масонства и т.п. орденов) и описывающие процесс канонизации тех или иных текстов, свойственные каждому из библейских культов, не только разногласят об этом, но и непримиримо враждебны друг другу.

И занимаясь богословием в художественно-литературной — иносказательно-притчевой форме, М.А.Булгаков просто не мог обойти стороной проблематики соотношения Правды-Истины и канонических текстов. Хотя он рассматривал эту проблематику в сюжетной композиции, непосредственно соотносимой с Библией в её исторически сложившемся виде, но показанное им касается всех без исключения культовых вероучений: от самых древних практик шаманизма и знаний, унаследованных от погибших в прошлом глобальных цивилизаций, до новейших доктрин саентологической церкви, а равно и начавшихся попыток создать "церковь" или партию "демократического централизма" на основе возведения работ Внутреннего Предиктора СССР в ранг бессовестно неусомнительных догм вопреки тому, что ещё в "Мёртвой воде" в редакции 1991 г. было сказано, что она — не священное писание; и во многих других наших работах говорилось прямо, что они выражают наше *текущее, развивающееся* ви́дение и понимание жизни, и каждый, кто видит, знает и понимает лучше, пусть исправит допущенные нами ошибки.

М.А.Булгаков не мог дать истинную хронологически обширную справку о том, кто лично на протяжении всей истории был в ладу с Богом и учил по совести своих современников <u>жизни в вере Богу по Правде-Истине</u> (да в такой справке нет и потребности), а кто только изображал вероучительство, в действительности будучи одержим собственными фантазиями и наваждениями извне; кого из них *общество в целом* признало в качестве праведных вероучителей правильно, а в ком ошиблось; кого признали «низы» и отвергли «верхи», а кого наоборот — признали «верхи» и отвергли «низы»; что именно говорили истинные и мнимые праведники, и как были записаны и отредактированы их речи; что из этого попало в канон Библии, а что не было признано «боговдохновенным» писанием или, что попало в канон с ярлыком «боговдохновенного», будучи наваждением из других источников и т.п.

Как было показано в двух предыдущих разделах, эта проблематика не выдумана, а непрестанно существует на протяжении многих веков, приводя каждое поколение к вопросу «что есть истина?», ответить на который — нравственно-этический долг перед Богом и другими людьми всякого человека. И М.А.Булгаков отобразил её во взаимодействии персонажей своего романа.

«— Множество разных людей стекается в этот город к празднику. Бывают среди них маги, астрологи, предсказатели и убийцы, — говорил монотонно прокуратор, — а попадаются и лгуны. Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди.

— Эти добрые люди, — заговорил арестант и, торопливо прибавив: — игемон, — продолжал: — ничему не учились и всё перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что **путаница эта будет продолжаться очень долгое время** (выделено нами при цитировании[1]). И всё из-за того, что он неверно записывает за мной.

---

[1] В одной из ранних версий ответ Иешуа дан в иной редакции:

→→→

Наступило молчание. Теперь уже оба больные глаза тяжело глядели на арестанта.

— Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, — произнёс Пилат мягко и монотонно, — за тобою записано немного, но записано достаточно, чтобы тебя повесить.

— Нет, нет, игемон, — весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный, — ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.

— Кто такой? — брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой.

— Левий Матвей, — охотно объяснил арестант…"

Новый Завет, как известно, начинает Евангелие от Матфея, который, как и булгаковский Левий Матвей, был сборщиком податей. Комментаторы романа сообщают:

«Епископ гиерапольский Папий (умер около 165 г.) в своей работе "Изъяснение речей Господа" отмечал, что при жизни Иисуса Христа за ним записывал лишь апостол Матфей. Записи же эти с арамейского языка переводил кто как мог» ("Слово", № 6, 1991, стр. 58).

То есть по существу в художественной форме М.А.Булгаковым высказано мнение о недостоверности канонического текста Нового Завета, о неидентичности его текстов и ПОДТЕКСТОВ (о них тоже не следует забывать) и построенного на них церковного вероучения *учению Христа, исторически реально имевшему место.*

"Путаница", о которой говорит Иешуа, действительно имеет место в истории христианской цивилизации уже две тысячи лет. И эта мировоззренческая "путаница" не так безобидна, какой она могла показаться Пилату и его секретарю две тысячи лет назад в Ершалаиме четырнадцатого числа весеннего месяца нисана. Именно эта "путаница" принесла народам Земли неисчислимые беды и страдания, множество бессмысленных войн и, в довершение — угрозу гибели человечества и биосферы в целом: химическое оружие, атомная и водородная бомбы созданы наукой библейской цивилизации и плюс к этому глобальный биосферно-экологический кризис мирного времени; это — многовековой итог в деле защиты «христианских ценностей» и десяти ветхозаветных заповедей. Первопричиной же всех бедствий нынешней цивилизации является господство в ней разнородного атеизма.

Казалось бы, какой атеизм, когда вся памятная история — сплошная череда споров о вере и религиозных, в их основе, войн? и если уж мы и живём в атеизме, — то менее столетия, когда в России ушли из жизни верующие поколения, личностно сформировавшиеся до 1917 года, а на Западе осуществился идеал (для многих) гражданского общества, в котором вопросы веры обществом не регламентируются, если обусловленная верованиями деятельность не наносит предусмотренного законом ущерба здоровью и собственности других граждан?

Но атеизм действительно разнолик. Самый простой — обнажённый атеизм, исповедуя который, люди прямо заявляют «Бога нет» и ведут себя в жизни соответственно своему разумению, соответственно традициям культуры, инстинктам — в зависимости от стечения обстоятельств и своей внутрисоциальной нравственности. Одни ведут себя по принципу, высказанному Ф.М.Достоевским: «если Бога нет, то всё позволено»[1]; другие не считают, что всё позволено, и в меру своего понимания стараются благоустроить жизнь на Земле. Таков материалистический атеизм.

Но существует и другой, куда более изощрённый атеизм, а также и воспроизводящие его культуры: это идеалистический атеизм, который прямо провозглашает:

> «Бог есть! Каждый человек и все люди должны вести себя по отношению к Нему так-то, и это «так-то» выражается в перечне заповедей «символа веры» и развивающих его богословских трактатах и устных преданиях; а между собой люди должны быть в отношениях, тоже определяемых в перечне заповедей и развивающих их социологических трактатах, ссылающихся

«— Добрые люди, — ответил, оживляясь, молодой человек и прибавил торопливо, — игемон, ничему не учились, поэтому перепутали всё, что я говорил.

Потом помолчал и добавил задумчиво:

— Я полагаю, что две тысячи лет пройдёт ранее… (он подумал ещё) да, именно две тысячи, пока люди разберутся в том, насколько напутали, записывая за мной.

Тут на балконе наступило полное молчание» (Журнал "Слово", № 6, 1991, стр. 55).

[1] «Русский образованный человек не может не быть неверующим в душе: Бог нужен ему дома, как городовой на улице, и он не может прожить без благодати божией, как без царского жалования» (В.О.Ключевский, "Собрание сочинений в 9 томах", Москва, «Мысль», 1990 г., т. 9, стр. 413), — это к тому, что если «мне всё позволено» (на уровне сознания атеиста), то когда в отношении него самого всё позволено другим, то (на бессознательных уровнях психики атеиста) Бог уже нужен ему в качестве «всевышнего полицейского».

на богословские. А кто не согласен со сказанным, — те враги *нашего бога и нас — ему преданных*, и начнём мы против них войну и будем биться с ними беспощадно до тех пор, пока они либо не уверуют, как мы, либо пока мы их не истребим всех поголовно во “славу божию”».

Это — общее определение формы идеалистического атеизма, который по существу выражает потребность бессовестных в том, чтобы за всеми приглядывал «всевышний полицейский», которому они предписали бы права и обязанности и которого они бы могли призвать в любой момент для наведения угодного им порядка или действовать от его имени в качестве своего рода «добровольно-принудительной народной дружины», опять же поддерживая угодный им самим порядок.

И в своём тупом усердии в наведении полицейского «порядка» идеалистического атеизма люди в поклонении придуманному ими богу, которого нет, препятствуют воплощению в жизнь Промысла **Бога, который есть**, до тех пор, пока сами не свернут себе же шею: печальное зрелище.

Идеалистический атеизм формально очень похож на вероучение истины, но отличается от него содержанием представлений о Боге, содержанием заповедей как религиозного, так и внутрисоциального характера, и развивающих их богословских и социологических трактатов, устных преданий, традиций общественной жизни и законодательства. На его основе может развиться очень цветистая культура, светская и церковная, которой *при всём её великолепии* единственно, чего будет непрестанно не доставать, так это лада между людьми в обществе и лада между людьми и Природой. И это обличает все такого рода формально разнородные культуры в атеизме по сути, «потому что Бог не есть *бог* неустройства, но мира. Так *бывает* во всех церквах у святых» (1-е Послание Коринфянам апостола Павла, 14:33).

Соответственно есть культуры, которые в преемственности многих поколений умышленно-фанатично либо бездумно воспроизводят веру в бога, которого нет, поскольку их вероучение представляет собой либо чудесные небылицы, либо наветы на **Бога, который есть**, либо сочетание того и другого, возможно, несколько приправленное какими-то крупицами Правды-Истины. А **Бог, который есть**, — он не «всевышний полицейский», но они Его не только не знают, но и знать не хотят, прячась от Него в построенных ими же темницах своих собственных и прежних вымыслов общества или злобствуя в ответ, даже тогда, когда Он сам обращается к ним через их совесть или других людей.

А есть культуры, которым свойственно освобождаться от небылиц и наветов на Бога, вследствие чего они всё более и более воплощают в жизнь Правду-Истину, как то и предопределено Промыслом. В них люди веруют **Богу, который есть**, в бытии которого у них нет причин сомневаться потому, что они ведут с Ним сокровенный молитвенный диалог по совести и воспринимают Жизнь как *священный Язык*, на котором **Бог-Язычник, который есть**, говорит с каждым, кто хочет понять Его и Его Промысел.

Как было сказано ранее, жизнь без веры в принципе невозможна потому, что ограниченность своих знаний человек дополняет до полноты бытия Объективной реальности какими-то верованиями, хочет он того либо же нет. И всякий атеизм — разновидность верований.

Имея дело с другими людьми, общаясь с ними, человек способен:

- и вообразить в своём внутреннем мире образы и их взаимосвязи, в которых другой видит, соображает Объективную реальность (Объективная реальность это — Бог и сотворённое Богом Мироздание);
- и изобразить из себя в своих образах и их взаимосвязях, то что ему в каких-то формах представляют другие.

В первом случае человек познаёт Жизнь посредством понимания других людей, посредством понимания ви́дения Жизни ими; во втором случае он ничего не познаёт, но только перенимает новые формы, через которые выражает своё прежнее ви́дение, соображение Объективной реальности.

Это — два базисных варианта, а в большинстве случаев имеет место отчасти то, отчасти другое в некой смеси, обусловленной реальной нравственностью, а также производными от нравственности навыками чувствования, распознавания и мышления — всего того, что представляет собой личностную культуру психической деятельности.

Как уже говорилось, и принятие на веру той или иной определённой информации обусловлено нравственностью. Т.е. и вера, будь она освобождающей от заблуждений либо крайним заблуждением идеалистического атеизма, — следствие нравственности.

Соответственно этому в приведённом разговоре об идентичности записей Левия Матвея словам Иешуа М.А.Булгаков и показал, что Левий не веровал тому Богу, которому веровал Иешуа и от которого Иешуа научался Правде-Истине и Чью Правду-Истину он проповедовал другим людям. Поэтому Левий и интерпретировал себя, через затронувшие что-то в его душе и поразившие его воображение слова Иешуа, вследствие чего Иешуа, прочитав его записи не узнал в них своих речей. Но Левий действительно был ими изначально поражён:

«— Кто такой? — брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой.

— Левий Матвей, — охотно объяснил арестант, — он был сборщиком податей, и я с ним встретился впервые на дороге в Виффагии, там, где углом выходит фиговый сад, и разговорился с ним. Первоначально он отнёсся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой, — тут арестант усмехнулся, — я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово…

Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивлённый взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора.

— …однако, послушав меня, он стал смягчаться, — продолжал Иешуа, — наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдёт со мною путешествовать…

Пилат усмехнулся одной щекой, оскалив жёлтые зубы, и промолвил, повернувшись всем туловищем к секретарю:

— О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нём. Сборщик податей, вы слышите[1], бросил деньги на дорогу!

Не зная, как отвечать на это, секретарь счёл нужным повторить улыбку Пилата.

— А он сказал, что деньги ему отныне стали ненавистны, — объяснил Иешуа странные действия Левия Матвея и добавил: — С тех пор он стал моим спутником».

Здесь важно обратить внимание на ряд обстоятельств.

- Левий бросил прибыльное занятие в порыве чувств, а не в результате обретения *эмоционально-рассудочного* *<u>смыслового единства своей души</u>*, сообразного смыслу слов, услышанных им от Иешуа. Как до этого он был озлобленным человеком, так и не перестал быть таковым, что показывает всё его дальнейшее поведение в сюжете романа. А когда он несколько смягчился под воздействием слов Иешуа[2], то просто переориентировал свою ненависть с Иешуа на деньги. Он уже не мог вести привычный ему образ жизни, но и не изменил себя так, чтобы самостоятельно вести иной образ жизни.
- Иешуа не называет Левия своим учеником, что соответствует нормам знахарской (ведической) культуры посвящений, одной из ветвей которой является масонство, а другой — иерархия посвящения в священство в церквях имени Христа. Так М.А.Булгаков ещё раз показывает свободу Иешуа от дисциплины посвящений какой-либо иерархии и чуждость учения Христа как масонству, так и правящим церквям его имени.

Иешуа называет Левия просто «спутником», что говорит об их идейной разобщённости, которая влечёт за собой и их религиозную разобщённость: они веруют разным богам. *Вследствие этого Левий не способен ни ощущать Объективную реальность сообразно тому, как её ощущает Иешуа, ни принять в себя ви́дение Объективной реальности, свойственное Иешуа, и может только интерпретировать себя, выражать свои мысли, включая и верования, через факты жизни Иешуа, свидетелем которых он стал.*

Как можно понять из слов Иешуа, Левий не был стенографом, а записывал по памяти, даже на ходу. Есть два явления, которые люди не всегда различают, и часто одинаково называют «воспоминаниями», «памятью»:

- в одном случае человек способен произвольно вызвать в сознание все ощущения прошлого (свое настроение и приходящие извне звуки, запахи, осязательные и прочие ощущения), в результате чего недавние, а равно и очень давние события проходят перед его внутренним взором, слухом и всеми чувствами *в точности*, как они свершились некогда наяву, и эту достоверность он может переосмыслить иначе. Хотя некоторые ощущения могут быть не столь сильными как в прошлой

---

[1] Сарказм Пилата понятен: в те времена не было кассовых аппаратов, и такие, как Левий, мытари собирали деньги, не выдавая квитанций, имея открытую возможность постоянно присваивать себе некоторую долю от сбора без контроля. В ряде случаев сбор, просто отдавался на откуп: мытарь оплачивал своё право взимать подать, и всё, что он собирал, шло ему в доход.

[2] На основании того, как показано поведение Левия в романе после того, как он по словам Иешуа «смягчился», можно вообразить, что он представлял собой до этого.

реальности (особенно это касается болевых ощущений, если они имели место), но их интенсивность всегда достаточна для того, чтобы поднять в сознание всю необходимую информацию из прошлого. Этот способ вспоминания по-русски издревле называется «переживание»[1].

- в другом случае человек, *ощущая себя в настоящем,* воображает якобы прошлое на основе ныне свойственных ему образов и представлений о мире, пребывая в том настроении, какое сложилось к началу "воспоминаний". Что получается из такого рода "воспоминаний", простая мудрость следователей с большой практикой описывает словами: «врёт как очевидец».

В жизни оба способа "воспоминаний" у большинства налагаются друг на друга: воспоминанием большинства людей изначальный импульс даёт переживание, которое будит воображение; потом воображение охватывает и подавляет всё, и именно оно воспроизводит перед внутренним взором и слухом события, якобы имевшие место в прошлом.

Поэтому если человеку необходима истинная информация о событиях прошлого, то ему необходимо *остановить воображение* и пережить события заново, вызвав в сознание как можно больше ощущений из тех, что имели место в прошлом, чтобы в своём внутреннем мире пережить интересующие его события сызнова и переосмыслить их и своё отношение к ним уже с позиций себя сегодняшнего, а не прошлого.

Но как можно понять из слов Иешуа: «Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил», — Левий Матвей не умел переживать и потому не переживал заново события, о которых писал, а был «воображалой», вследствие чего он просто не мог не врать (как очевидец, сам того не осознавая)[2] бессознательно. Но кроме этого Левий без зазрения совести лгал осознанно, о чём речь пойдёт далее.

Теперь вернёмся к верованиями Левия. Какому богу верует Левий М.А.Булгаков показывает в романе прямо:

«Когда осуждённых повели на гору, Левий Матвей бежал рядом с цепью в толпе любопытных, стараясь каким-нибудь образом незаметно дать знать Иешуа хотя бы уж то, что он, Левий, здесь, с ним, что он не бросил его на последнем пути и что он молится о том, чтобы **смерть Иешуа постигла как можно скорее** (выделено жирным нами при цитировании: в своём желании убить Иешуа Левий превзошёл даже посвящённых в нечто членов синедриона во главе с Каифой). Но Иешуа, смотрящий вдаль, куда его увозили, конечно, Левия не видел.

---

[1] Саентологи называют его «риколом» (от английского «recall» — повторный вызов). Хотя не они его первыми открыли, и не они одни им пользуются, но они его культивируют, и он лежит в основе многих их практик, давая владеющим им преимущество над не умеющими им пользоваться.

[2] Этот «эффект Левия Матвея» имеет место и по отношению к слову писаному. Нам неоднократно на протяжении многих лет приходится иметь дело с возражениями, подчас в форме истерики:

"А вот, там у вас, в "Мёртвой воде" (либо какой-то другой работе) сказано то-то и то-то…"

— Вот "Мёртвая вода". Покажите, где здесь то, что Вы говорите.

— ??? …

— Видите? — здесь — по затронутому Вами вопросу — написано совсем не то, что вы говорите…

— А мне так показалось, я так понял (поняла).

Ну что скажешь на это? — Овладело человеком воображение после того, как он прочитал текст без соображения, и он, приняв на себя функции обвинителя, — со ссылками на воображаемый им соответственно его нравственности текст — самоуверенно говорит то, чего в реальном тексте нет, не было и быть не могло. Но хорошо, что есть не воображаемый каждым по-своему, а общий всем овеществлённый текст: что написано пером — не вырубишь топором. А если были бы только изустные слова? — Всё бы протекало иначе:

— А вот, там-то Вы говорили то-то и то-то…

— Нет, я такого не говорил.

— А я помню! Говорил!! Что, я совсем дурак (дура), ничего не помню, ничего не пониманию?!!

И что ответить на это? — Читать лекцию о внелексических составляющих личностной культуры психической деятельности и, в частности, процесса мышления и выражении одного и того же смысла в лексике разных «языков»? — Так и об этом написано, в той же "Мёртвой воде" (во втором томе в разделе "Проблема описаний", начиная с редакции 1998 г.), в статье "Суфизм и масонство: в чём разница?" и в других работах.

Причина же возникновения «эффекта Левия Матвея» по отношению к текстам в том, что смысл текста и подтекста нравственно неприемлем некоторой части читателей, и в форме возведения напраслины они пытаются оправдать свою нравственную позицию, прежде всего перед свою совестью; а при оглашении своего мнения — перед другими людьми, не замечая, что при этом становятся клеветниками.

Но также неоднократно говорилось и было написано, что различие нравственности людей исключает единообразие понимания умолчаний, без которых не может обойтись ни один текст, ни одна изустная речь. Но есть речи изустные и письменные, в которых умолчания (подтекст) отрицают оглашения, а есть речи, в которых оглашения только раскрывают умолчания и потому опираются на них, а не маскируют смысл умолчаний для того, чтобы обмануть или ввести в заблуждение. И мы осознанно придерживаемся принципа единства смысла умолчаний и оглашений.

И вот, когда процессия прошла около полуверсты по дороге, Матвея, которого толкали в толпе у самой цепи, осенила простая и гениальная мысль, и тотчас же, по своей горячности, он осыпал себя проклятиями за то, что она не пришла ему раньше. Солдаты шли не тесною цепью, между ними были промежутки. При большой ловкости и очень точном расчёте можно было, согнувшись, проскочить между двумя легионерами, дорваться до повозки и вскочить на неё. Тогда Иешуа спасен от мучений.

Одного мгновения достаточно, чтобы ударить Иешуа ножом в спину, крикнув ему: «Иешуа! Я спасаю тебя и ухожу вместе с тобой! Я, Матвей, твой верный и единственный ученик!»

К кому была обращена “молитва” Левия Матвея, если он молился не об избавлении Иешуа от казни (Богу всё возможно), а о том, чтобы **«смерть его постигла как можно скорее»**? И почему при всём кажущемся при взгляде со стороны безумии Левия Матвея, он думает о «ловкости и точном расчёте при исполнении замысла»?

После этого, Левий оставил процессию, направлявшуюся к месту казни, бегом вернулся в город, в хлебной лавке у городских ворот украл нож, побежал обратно, но опоздал сам убить Иешуа из “лучших”, как ему казалось побуждений. Казнь уже началась, кресты были водружены, на них висели приговорённые к смерти люди. «Когда истёк четвёртый час казни, мучения Левия достигли наивысшей степени, и он впал в ярость», после чего начал изрыгать проклятия, сначала в свой адрес, потом в адрес родителей, потом в адрес того бога, в которого он верил (но веря в этого бога, Левий в жизни, как показывает М.А.Булгаков, не верил никому; а утрачивая самообладание, не верил даже себе):

«— Проклинаю тебя, бог!

Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости бога и верить ему более не намерен.

— Ты глух! — рычал Левий. — Если бы ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же!

Зажмуриваясь, Левий ждал огня[1], который упадёт на него с неба и поразит его самого. Этого не случилось и, не разжимая век, Левий продолжал выкрикивать язвительные и обидные речи небу. Он кричал о полном своём разочаровании и о том, что существуют другие боги и религии. **Да, другой бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе** (выделено жирным нами при цитировании).

— Я ошибался! — кричал совсем охрипший Левий. — Ты — бог зла! Или твои глаза совсем закрыл дым из курильниц храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кроме трубных звуков священников? Ты — не всемогущий бог! Ты — чёрный бог! Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!»

В этом эпизоде показано, что Левию до этого момента некий бог был нужен в качестве «всевышнего полицейского», который обязан насаждать в мире *«порядок» в том смысле, как его понимает Левий.* И он проклинает бога, которого нет, точно так же, как обыватель проклинает полицейского, которого не оказалось на месте в момент свершения преступления другими обывателями, которых первый не смеет остановить либо не имеет к тому сил. Но как показывает этот эпизод, в психике Левия есть образы двух богов:

- того, в которого он верит, который предопределил крестную смерть Иешуа и, *как воочию видит Левий,* довёл Иешуа в потоке событий жизни до неё;
- «другого Бога», которого Левий не знает и, как видно из всего, знать не хочет и которому Левий не верит, хотя убеждён, что «другой Бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе».

> Спрашивается, который из этих двух богов есть Бог истинный, Творец и Вседержитель, а который — только лишь олицетворение в психике Левия собрания небылиц и злобных наветов, возводимых на Бога, накопившихся в культуре, в которой свершилось его личностное становление?

К рассмотрению этого вопроса мы вернёмся позднее, а пока продолжим рассмотрение дела Левия, как оно показано в романе.

Полезно обратить внимание на то, что во всех эпизодах, относящихся к описанию казни, в которых участвует Левий, он пребывает в крайней степени эмоциональной взвинченности, и чем дальше — тем он более не владеет собой и ведёт себя как одержимый. По существу он и есть одержимый, поскольку

[1] Вернитесь к цитате из 3-й книги Царств, гл. 19:12: следовало не ждать, будучи оглушённым и ослеплённым собственной озлобленностью, огня, а вслушиваться в «веяние тихого ветра»: там Бог — Творец и Вседержитель.

когда он владеет собой он, мягко говоря, не склонен к героизму, а тем более к самопожертвованию. Когда он не буйствует, исходя из своей озлобленности на жизнь и на Бога, и не одержим, то он — трус и лжец, каких много.

И это разительное отличие в поведении Левия и Иешуа — выражение того, что веруют они разным богам; что к моменту описываемых событий Левий ещё весьма далёк от той веры, которою веровал Иешуа, и от той религии, в которой Иешуа жил.

Сцены беседы Левия с Пилатом, к которому он был доставлен после погребения тел казнённых, ярко показывают, что Иешуа вовсе не по ошибке назвал Левия всего лишь «спутником».

«Пришедший человек, лет под сорок, был чёрен, оборван, покрыт засохшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья (**это и всё дальнейшее в действиях Левия разительно контрастирует с поведением Иешуа перед Пилатом**: наше замечание при цитировании). Словом, он был очень непригляден и скорее всего походил на городского нищего, каких много толчётся на террасах храма или на базарах шумного и грязного Нижнего Города.

Молчание продолжалось долго, и нарушено оно было странным поведением приведённого к Пилату. Он изменился в лице, шатнулся и, если бы не ухватился грязной рукой за край стола, упал бы.

— Что с тобой? — спросил Пилат.

— Ничего, — ответил Левий Матвей и сделал такое движение, как будто что-то проглотил. Тощая, голая, грязная шея его взбухла и опять опала.

— Что с тобою, отвечай, — повторил Пилат.

— Я устал, — ответил Левий и мрачно поглядел в пол[1].

— Сядь, — молвил Пилат и указал на кресло.

Левий недоверчиво поглядел (**Иешуа глядел доброжелательно даже после болезненного для него общения с Марком Крысобоем**: наше замечание при цитировании) на прокуратора, двинулся к креслу, испуганно покосился на золотые ручки и сел не в кресло, а рядом с ним, на пол.

— Объясни, почему не сел в кресло? — спросил Пилат.

— Я грязный, я его запачкаю, — сказал Левий, глядя в землю.

Зачем же лгать? — спросил тихо Пилат, — ты ведь не ел целый день, а может быть, и больше. Ну, хорошо, не ешь. Я призвал тебя, чтобы ты показал мне нож, который был у тебя.

— Солдаты отняли его у меня, когда вводили сюда, — ответил Левий и добавил мрачно: — Вы мне его верните, мне его надо отдать хозяину, я его украл.

— Зачем?

— Чтобы верёвки перерезать, — ответил Левий».

Кроме того, что Левий по-прежнему озлоблен на весь белый свет, он непрестанно трусит и непрестанно лжёт: если первые его лживые заявления ещё как-то можно списать на формальное соблюдение норм этикета простолюдином перед аристократом и оккупантом, то последняя — прямая ложь, вследствие того, что он боится ответственности по римскому закону, если заявит о своём намерении убить Иешуа с целью воспрепятствовать осуществлению законной казни. Между тем мудрость земная состоит не в том, чтобы вовремя прибегнуть ко **«лжи во спасение»**: такой лжи **в Жизни не бывает**. Соответственно и слова Иешуа естественны для состоявшегося человека: “Правду говорить легко и приятно”.

> Мудрость земная для человека состоит в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не лгать и не делать неправды (осознанной лжи), а найти ту правду, которую должно сказать и сделать; **и найти в себе силы, чтобы в любых обстоятельствах начать творить правду**. Если человек не способен вести себя так *во всех без исключения обстоятельствах,* то он **объективно** делает не то дело, о приверженности к которому заявляет открыто, а какое-то другое.

Всякая ложь — дань Сатане и прямой путь к одержимости, ибо Бог оставляет в области Своего попущения тех, кто *<u>порочит Его тем, что</u> осознанно лжёт, поддерживает заблуждения и вводит в заблуждение других.* Людям дано чувствовать это.

Потом Марк Крысобой принёс нож, Пилат осмотрел его и продолжил:

---

[1] Чтобы не глядеть в глаза Пилату: «Фотографии генерала Пиночета в темных очках обошли весь мир сразу после военного переворота 11 сентября 1973 года. Из книги, только что вышедшей в Сантьяго, выясняется, почему Пиночет не расставался с этими очками весь начальный период своего правления. Её автор, чилийская журналистка Мария Эухения Оярзун, опубликовала серию своих интервью с диктатором под названием “Аугусто Пиночет: диалоги с его историей”. **“По глазам можно определить, что человек говорит неправду, а мне тогда часто приходилось лгать”**, — признался Пиночет» (Журнал “Итоги”, 30 ноября 1999 г., стр. 5).

— Насчёт ножа не беспокойся, нож вернут в лавку. А теперь мне нужно второе — покажи хартию, которую ты носишь с собою, и **где записаны слова Иешуа** (выделено нами при цитировании: после того, как Левий бросил свою работу сборщиком податей, он считал главным делом своей жизни записывать произнесённое Иешуа).

Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно.

— Всё хотите отнять? И последнее, что имею? — спросил он.

— Я не сказал тебе — отдай, — ответил Пилат, — я сказал — покажи.

Левий порылся за пазухой и вынул свиток пергамента. (…) … Пилат морщился, и склоняясь к самому пергаменту, водил пальцем по строчкам. Ему удалось всё-таки разобрать, что записанное представляет собой несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков (беспорядочность записей показывает, что и к «делу всей жизни», Левий относился кое-как, спустя рукава: наше замечание при цитировании). Кое-что Пилат прочёл: «Смерти нет… Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты…»

Гримасничая от напряжения, Пилат щурился, читал: «Мы увидим чистую реку воды жизни… Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл…»

Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «…бóльшего порока… трусость».

Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию. Возьми, — сказал он и, помолчав, прибавил: — Ты, как я вижу, книжный человек, и незачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде без пристанища. У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сыт и одет.

Левий встал и ответил:

— Нет, я не хочу.

— Почему? — темнея лицом, спросил прокуратор, — я тебе неприятен, ты меня боишься?

Та же плохая улыбка исказила лицо Левия, и он сказал:

— Нет, потому что ты будешь меня бояться. Тебе не очень-то легко будет смотреть мне в глаза после того, как ты его убил».

Последние строчки текста Левия задели Пилата за живое, и, откликаясь на их правду, чтобы хоть отчасти восполнить потерю, часть вины за которую лежала на нём по его трусости, Пилат предложил Левию условия, в которых тот мог бы запечатлеть в писании всё, что услышал от Иешуа. Но Левий горделиво отказался и при этом солгал снова. Он хотел войти в историю как один-единственный верный ученик Иешуа, что однозначно ясно из его мечтаний о том, как он убил бы Иешуа, упреждая мучительную казнь, если бы у него своевременно оказался нож. Левий знал, что Пилат и Иешуа разговаривали, но не знал, что именно сказал Иешуа Пилату, и как Пилат воспринял сказанное и переданное ему в обоюдно понятом их взаимном молчании[1]; он по своему личному опыту знал, что слова и умолчания Иешуа производят на людей неизгладимое впечатление, и видел, что Пилату уже не безразлично то учение, что нёс Иешуа. А поскольку Левий писал и не только то, что говорил Иешуа, и знал об этом хотя бы на бессознательных уровнях своей психики, то прими он предложение Пилата стать его книгохранителем — он не смог бы впредь бесконтрольно вкладывать своё понимание жизни в уста ушедшего в мир иной Иешуа: Пилат бы был ему как минимум укором, а как максимум — мог бы и воспрепятствовать его графоманству от имени Иешуа.

Левий боялся Пилата не как римского наместника — в этом качестве он ему сдерзил, пообещав зарезать Иуду, но и то сдерзил только после того, как понял, что находится в безопасности, что Пилат его отпускает. Предложение стать книгохранителем Пилата Левий отверг потому, что боялся Пилата в качестве возможного истинного последователя Иешуа.

Во что бы то ни стало желая войти в историю в качестве единственного, преданнейшего и вернейшего ученика Иешуа, Левий воспользовался поводом неблаговидной причастности Пилата к судьбе Иешуа и, чтобы выглядеть лучше, чем был на самом деле, отвергнув предложение Пилата, приписал тому напраслиной страхи в отношении себя самого.

Для Пилата это тоже был не лёгкий разговор:

«— Молчи — ответил Пилат, — возьми денег.

Левий отрицательно покачал головой, а прокуратор продолжал:

---

[1] Был греческий философ Аполлоний Тианский (I в. н.э.). «Во время путешествия на восток спутник его Дамид был поражён способностью Апполония общаться с представителями разных народов и племен, встречавшихся на пути. Аполлоний на это заметил:

— Я, друг мой, хоть никогда никаким языкам не учился, а понимаю всё. Не дивись, что ведомы мне людские наречия, ибо внятно мне также и человеческое молчание» (Журнал "НЛО", № 29 (142) 17 июля 2000 г., стр. 26).

— Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил. Ибо если б это было так, ты обязательно взял бы у меня что-нибудь. Имей в виду, что он перед смертью сказал, что он никого не винит, — Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось. — И сам он непременно взял бы что-нибудь. Ты жесток, а тот жестоким не был. (…)»

Левию возразить было нечего: правда-истина в этом разговоре осталась за Пилатом, который всё же воспринял нечто значимое для себя из беседы с Иешуа, в которую превратилось разбирательство дела бродячего философа.

В “Мастере и Маргарите” есть ещё одно явление “Левия”, которое вызывает недоумение некоторых комментаторов романа:

«— Ба! — воскликнул Воланд, с насмешкой глядя на вошедшего. — Менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, незваный гость?

— Я к тебе, дух зла и повелитель теней, — ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

— Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? — заговорил Воланд сурово.

— Потому что я не хочу, чтобы ты здравствовал, — ответил дерзко вошедший.

— Но тебе придётся примириться с этим, — возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, — не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу в чём она — в твоих интонациях. Ты произнёс свои слова так, как будто ты не признаёшь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало **твоё добро, если бы не существовало зла** (выделено нами при цитировании: ни Воланд, ни “Левий” не видят самодостаточного Добра, которое не нуждается во зле, чтобы проявляться на его фоне), и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от животных. **Не хочешь ли ты ободрать весь Земной шар, снеся с него все деревья и всё живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?** (выделено нами при цитировании: это продолжение темы самодостаточности Добра, и Воланд показывает, что есть злодеи покруче самого Сатаны).

— Я не буду спорить с тобой, старый софист, — ответил Левий Матвей.

— Ты и не можешь со мной спорить по той причине, о которой я уже упомянул: ты глуп, — ответил Воланд и спросил: — Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачем появился?

— Он прислал меня.

— Что ж он велел передать тебе, раб?

— Я не раб, — всё более озлобляясь, ответил Левий Матфей, — я его ученик.

— Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, — отозвался Воланд, — но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются. Итак…

— Он прочитал сочинение мастера, — заговорил Левий Матвей, — и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели тебе трудно это сделать, дух зла?

— Мне ничего не трудно сделать, — ответил Воланд, — и тебе это хорошо известно. — Он помолчал и добавил: — А что же вы не берёте его к себе, в свет?

— Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий.

— Передай, что будет сделано, — ответил Воланд и прибавил, причём глаз его вспыхнул: — И покинь меня немедленно.

— Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже, — первый раз **моляще** (выделено нами при цитировании) обратился Левий к Воланду.

— Без тебя бы мы никак не догадались об этом. Уходи.

Левий Матвей после этого исчез, а Воланд подозвал к себе Азазелло и приказал ему:

— Лети к ним и всё устрой» (гл. 29).

Ранее был приведён пример вздора, который высказывают комментаторы по поводу цитированного:

«В мае 1939 года Булгаков внёс коренные изменения в этот эпизод: перед Воландом появляется Левий Матвей с **просьбой** (выделено жирным В.Лосевым) Иешуа о том, чтобы сатана «взял с собой мастера и наградил его покоем». Таким образом, Булгаков в более поздней редакции отходит от концепции подчинённости «царства тьмы» «царству света» и делает их, по крайней мере, равноправными» (Виктор Лосев, Комментарии к публикации глав из ранних версий романа в журнале “Слово”, № 8, 1991, стр. 74).

На это можно возразить одно: нам показан не Левий Матвей, во всяком случае *не Левий Матвей, пришедший от Иешуа с просьбой к Воланду*. Подсказку к пониманию этого эпизода дал сам М.А.Булгаков, и она цитировалась нами ранее в сцене беседы Маргариты с появившимся из психиат-

рической лечебницы мастером, протекавшей в присутствии Воланда и кота, когда Кот-Бегемот постоянно встревал в беседу и дурачился:

«Кот ввязался и тут:

— А я действительно похож на галлюцинацию. Обратите внимание на мой профиль в лунном свете, — кот полез в лунный столб и хотел что-то ещё говорить, но его попросили замолчать, и он, ответив: — Хорошо, хорошо, готов молчать. Я буду молчаливой галлюцинацией, — замолчал».

Левий не мог явиться из царства *света* Правды-Истины, обладая теми нравственно-этическими качествами, которые он продемонстрировал в последнем своём визите к Воланду с якобы просьбой от Иешуа о предоставлении мастеру покоя:

- либо *тень* Левия[1], преисполненная волей Воланда, прибыла из эгрегора — коллективного духа людей, верующих в писания Левия о делах и учении Иешуа, и подпитываемого энергией верующих, творящего чудеса на этой информационно-энергетической основе;
- либо показанный в этой сцене "Левий", в отличие от кота, согласившегося изобразить из себя «молчаливую галлюцинацию», — говорящая галлюцинация, наваждение, изображённое Воландом в целях самовозвеличивания себя в глазах своей свиты и Маргариты с мастером, избравших участь стать *безвольными тенями, обретя покой,* предложенный им Воландом от имени Иешуа в театрализованном до гротеска явлении говорящей галлюцинации в образе Левия (либо его тени, гальванизированной Воландом)…

> Но явилась ли *тень* Левия, либо Воланд изобразил своею волей говорящую галлюцинацию — не имеет значения: значение имеет то, что к Воланду от Иешуа никто с просьбами не обращался. Царство света Правды-Истины самодоста́точно в своих намерениях и делах. А Воланд — «часть той силы, что вечно хочет зла и совершает благо» *…по не зависящим от неё обстоятельствам.*

Каким был в жизни исторически реальный апостол Матфей? где его письменное наследие? насколько его смысл совпадает со смыслом сказанного исторически реальным Христом? — это вопросы, которые лежат вне сюжетных линий романа-притчи.

Но исторически реальное христианство (а также и иудаизм) таково, что М.А.Булгаков не только был в праве, но и обязан был показать нравственно-этические качества тех, из чьей коллективной деятельности возникали писания, возведённые в ранг «священных».

> И он сделал это, сконцентрировав в одном персонаже — Левие Матвее — все те свойства многих и многих писателей и редакторов всех культовых писаний, плоды воображения которых в душах людей затмили праведный образ **Бога истинного, который есть**.

[1] Тень умершего — «информационный багаж», который он накопил к концу жизни (если говорить языком современности), остаётся в эгрегорах, поддерживаемых человечеством, будучи частью памяти Земли.

10. Два бога одной Библии

Так называемый синодальный перевод Библии на литературный русский язык был подготовлен к изданию в период с 1816 по 1876 г. и выпущен в свет к празднованию “1000-летия России”[1]. Понятно, что книгу менее чем в 1500 страниц можно перевести с языка на язык и отредактировать быстрее, чем за 60 лет. Но бóльшая часть времени ушла не на перевод, а на келейное согласование синодального канона библейского текста внутри иерархии. И были варианты редакции текста Библии на современном литературном русском языке, не совпадающие с тем, который стал синодальным переводом (один из них, так называемая «Библия Макария», переизданная уже в 1990-е гг. небольшим тиражом для специалистов и коллекционеров). Примерно в то же время на одного из профессоров С.-Петербургской духовной академии поступил донос, что он самостоятельно переводит библейские тексты на русский: как говорится, «факты подтвердились», и он был отстранён от занимаемой должности, поскольку с точки зрения всякой иерархии формирование и уточнение редакции канона «священного писания» не может быть предоставлено общественной инициативе, действующей вне дисциплины сложившейся иерархии.

С той поры текст, известный как синодальный перевод, неоднократно переиздавался и распространяется среди паствы «россиянской» “православной” церковью по благословению сначала её синода, а потом и патриархов. Но это не единственный русскоязычный текст Библии, общедоступный в наше время. Кроме него есть так называемый «канонический» текст Библии, распространяемый в России миссионерами разнородных евангелических (баптисты) и прочих библейских (свидетели Иеговы и др.) церквей. Многие «канонические» издания Библии на русском языке слово в слово повторяют соответствующие места синодального перевода, поскольку производятся на его основе. Однако между всеми без исключения «каноническими» и синодальным переводами есть разночтения не только стилистического характера, но и содержательные.

В синодальный перевод включены добавления к каноническому тексту на основе перевода древнееврейского текста на греческий в III в. до н.э. 70-ю толковниками (этот перевод называется «Септуагинта»). Вставки из Септуагинты отмечены в синодальном переводе как [текст в квадратных скобках], а текст, добавленный редакторами перевода для связности речи, *выделен курсивом*[2]. Кроме того в синодальный перевод включён ряд текстов, которые не входят в библейский канон и почитаются просто «поучительными», но не священными. Это — основные разночтения между канонической редакцией Библии большинства христианских церквей и синодальной редакцией Библии, распространяемой «россиянской» “православной” церковью.

Библейские тексты христианских церквей разделены на две группы: Ветхий (в значении «старый») Завет, описывающий события до первого пришествия Христа; и Новый Завет, описывающий события первого пришествия и начальный период становления христианских церквей в эпоху проповеднической деятельности апостолов. Иудаизм, не признавая Иисуса Христа (Иешуа Ганоцри) обетованным в Ветхом Завете Мессией, не признаёт и священности Нового Завета[3]. Соответственно *канонический свод текстов* Ветхого Завета христианских церквей это — Библия иудаизма (Танах) в переложении с иврита на другие языки. При этом следует знать, что все переводы хуже оригинала на иврите в том смысле, что в переводах утрачена многозначность понимания одних и тех же текстов вследствие различия кор-

---

[1] Русь древнее, и за обрезание нашей истории несёт ответственность вторгшаяся на Русь при поддержке местных соглашателей византийская иерархия. Социальный механизм крещения был примерно такой же, как и социальный механизм перестройки: “элите” захотелось сладкой жизни, подобной жизни “элиты” убиваемой антихристианством Византии. Местная и византийские “элиты”, преследуя каждая свои цели, объединились и совершили идеологический переворот в 988 г. — крещение Руси. Всё прошлое объявили порочным и подлежащим забвению как кошмарный сон. Историю начали писать заново от крещения, тщательно и не по одному разу отфильтровывая факты и уничтожая более древние письменные памятники. Предысторию сократили до одного столетия. начав её от “призвания варягов”, давших начало правящей династии (862 г.). Именно отсюда и возникла дата “1000-летия России”, примерно на столетие упреждающая дату “1000-летия крещения Руси”.

[2] Уже приводившаяся цитата: «…Бог не есть *бог* неустройства, но мира. Так *бывает* во всех церквах у святых» (1-е Послание Коринфянам апостола Павла, 14:33), — содержит *курсивные* вставки для связности и удобопонимаемости речи.

[3] За исключением одной из сект, именующих себя «Мессианскими евреями», которые признают истинность всех новозаветных свидетельств, но отрицающих никейскую догматику (догмат о Троице), на которой построены с некоторыми вариациями все христианские культы.

невой базы и грамматики языка оригинала и языков переводов, что исключает единообразие ассоциативного мышления в лексике разных языков. Но главное состоит в том, что:

Разделение книг Ветхого Завета на канонические и неканонические христианскими церквями унаследовано от иудаизма в том виде, в каком оно существовало к моменту событий, лёгших в основу Нового Завета.

Главное же преступление Русской православной церкви перед неким “вселенским” и более определённым эйкуменическим “христианством” состоит в том, что неканонические тексты Ветхого Завета она перетащила из Библии в редакции на мёртвом церковнославянском языке[1], который перестало понимать большинство населения, в синодальный перевод на современный русский язык и тем самым сделала их практически всеобщим достоянием. Правда, сделала она это не по умыслу — злому либо доброму, — а не понимая того, что творит: смысл пропагандируемого ими писания иерархии на Руси всегда понимали как-то не отчётливо.

С другой стороны, это — одно из немногих деяний иерархии, за которое ей можно простить многое из того, что она понатворила на Руси более, чем за 1000 лет своего пребывания здесь.

На Западе, чтобы ознакомиться с неканоническими текстами Ветхого Завета, необходимо приложить целенаправленные усилия к тому, чтобы найти их в библиотеках. А чтобы их найти — прежде того надо знать, что именно искать. А чтобы знать, что искать, надо знать, что они существуют. А кто об этом на Западе знает, те, если и проболтаются, то не будут подогревать к ним интереса, подчиняясь орденской дисциплине систем посвящений.

Соответственно на Западе риск оглашения в широкой аудитории неугодной закулисным заправилам информации сведён к минимуму изъятием из массово издаваемых редакций Библии неканонических ветхозаветных текстов. Кроме того, на Западе почитающие себя христианами считают для себя вполне достаточным Нового Завета, не подозревая того, что **если бы канон Ветхого Завета был сформирован по совести, т.е. иначе, то Нового Завета в известном нам виде не было бы**.

Теперь обратимся к сопоставлению некоторых текстов, которые признаны в Ветхом Завете каноническими, и текстов, которые не допущены в ветхозаветный канон его хозяевами.

Среди неканонических книг Ветхого Завета есть книга, именуемая “Премудрость Соломона”. Соломон в ней пророчествует об устремлениях помыслов злочестивцев:

«1. Неправо умствующие говорили сами в себе: “коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. 2. Случайно мы рождены и после будем как небывшие; дыхание в ноздрях ваших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. 3. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; 4. и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдёт, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягчённый теплотою его. 5. Ибо жизнь наша — порождение **тени** (выделено нами при цитировании: о тенях и их повелителе речь шла ранее), и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается. 6. Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; 7. преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдёт мимо нас весенний цвет жизни; 8. увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли; 9. никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселья, ибо эта наша доля и наш жребий. 10. Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца. 11. **Сила наша будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным** (выделено нами при цитировании: Не в силе Бог, а в Правде!) 12. Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против **закона** (выделено нами при цитировании: Предопределение бытия Божие — наивысший закон) и поносит нас за грехи нашего воспитания; 13. объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; 14. он перед нами — обличение помыслов наших. 15. **Тяжело нам смотреть на него** (выделено нами: вспомните Пилата, которому с мигренью было тяжело смотреть на Иешуа), ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: 16. он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. 17. Увидим,

[1] Неканонические книги содержатся в «Острожской Библии» 1581 г. первопечатника Ивана Федорова.

истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его[1]; 18. ибо если этот праведник есть сын Божий, то *Бог* защитит его и избавит его от руки врагов. 19. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; 20. осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нём попечение будет”» (Премудрость Соломона, гл. 2).

После приведённых слов неправо умствующих злочестивцев Соломон сообщает о последствиях их посягательства на жизнь Христа:

«21. Так они **умствовали и ошиблись; ибо злоба их ослепила их,** 22. **и они не познали таин Божиих** (текст выделен нами при цитировании), не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных. 23. Бог создал человека не для тления и сделал его образом вечного бытия Своего; 24. но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают её принадлежащие к уделу его» (Премудрость Соломона, гл. 2).

Хотя Соломон прямо употребляет термин «сын Божий», но христианские церкви, их вероучителя не относят это пророчество к первому пришествию Христа. Вследствие этого в орфографии русскоязычной православной Библии в этом фрагменте слова «сын Божий» и соответствующие им местоимения в тексте начаты со строчных, а не с заглавных букв, как то принято делать в Новом Завете. Если же придерживаться тех же орфографических принципов, что и в Новом Завете, то остаётся сделать вывод:

Это пророчество о Христе. Соломон предвещает о *Божией тайне от неправо умствующих*, посягнувших на казнь Христа.

Это означает, что если исходить из “Премудрости Соломона”, признавая истинным данное Соломону Откровение о грядущем пришествии Мессии, то жизненный путь Христа в первое пришествие и его уход в мир иной следует видеть и понимать совершенно иначе, вопреки всему описанному в Новом Завете, ибо **ничто в жизни не опровергает слов пророчества Соломона о первом пришествии Христа и завершении его земного пути в то время**. Однако книга “Премудрость Соломона” в канон не допущена, боговдохновенной не признана[2].

Теперь обратимся к канонической книге Ветхого Завета, признаваемой боговдохновенной до такой степени, что её автора, пророка Исаию, даже иногда называют «ветхозаветным евангелистом»:

«1. [Господи!] кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? 2. Ибо Он взошёл пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нём ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нём вида, который привлекал бы нас к Нему. 3. Он был презрен и умалён пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице своё; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. 4. Но Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижён Богом. 5. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились. 6. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: **и Господь возложил на Него грехи всех нас.** 7. **Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, ведён был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.** 8. **От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь.** 9. **Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребён у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его.** 10. **Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесёт жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его** (выделено нами жирным при цитировании). 11. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесёт. 12. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу[3], за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтён был, тогда как Он понёс на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Исаия, гл. 53).

---

[1] Подход, типичный для современного научного мышления: поставить эксперимент, в данном случае над Богом и праведником, и после этого писать трактаты «об истине».

[2] Католицизм относит её к числу канонических книг, но католицизм не поощряет мирян к чтению Библии: в том, что «священное писание» не доступно мирянам, и церковь скрывает от людей «слово божие», состояло одно из обвинений Лютера против католической церкви.

Кроме того, Библия католической церкви — латиноязычная. Вследствие чего в странах с господством католического вероисповедания “Премудрость Соломона”, хотя и признаётся канонической, но по существу закрыта от мирян, её содержание мирянам неизвестно, а иерархи, поддерживая традицию, не проболтаются.

[3] Что касается нас, то мы не в силах вообразить Христа соучастником среди делящих добычу: это что-то из пиратской жизни, а не из праведной. Это жидовское стремление записать на Христа весь гешефт в глобальной афёре.

Ясно, что это пророчество о том же самом приходе Мессии, но по смыслу оно отрицает то, что было предвещено через Соломона примерно двумя столетиями ранее, чем пророчествовал Исаия.

> Спрашивается, что Бог за эти двести лет передумал и решил удовлетворить похоти неправоумствующих и позволить им оклеветать праведника и придать его позорной смерти, о чём и уведомляет их через Исаию? Либо всё же одно из пророчеств не от **Бога, который есть**, и потому ложно?

Церкви имени Христа первый вопрос обошли молчанием, а на второй дали ответ в пользу истинности пророчества Исаии, не признав в отношении книги “Премудрости” ни боговдохновенности смысла этой книги, ни авторства Соломона:

«Такое мнение об авторе книги Премудрости не может быть правильным по следующим основаниям:

1). Книгу Премудрости Соломона потому нельзя приписать перу Соломона, потому что она не была написана на еврейском языке, оригинальный язык её греческий. 2). Писатель книги Премудрости знаком с греческой философией: учением Платона, эпикурейцев, отчасти стоиков (II, 1 — 6, VIII, 7, 19, 20). 3). Он живёт вне Палестины и делает ссылки на греческие нравы и обычаи (VII, 17 — 20; VIII, 8; XIII, 1 — 5; XIV — 14; приводит цитаты по переводу LXX-ти[1] (Пр. II, 12, ср. Ис. III, 10, Пр. XV, 10, ср. Ис. XLIV, 20). 4). В каталогах книг В. Завета, например в “Правилах Апост.” (85 пр.), собора Лаодикийского, св. Афанасия В. она не считается произведением Соломона и книгой канонической. (…) …попытки отыскать автора кн. Премудрости Соломона … безуспешны…» (“Толковая Библия или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета”, т. 2, стр. 76, 77, СПб, 1904 — 1913, 1908 — 1910, 1913).

Что означает сказанное в этой цитате? — Если по Жизни, то только то, что *книга “Премудрости Соломона” не признана канонической* по причинам, которые не обсуждаются. **Всё остальное — пустые наукообразные отговорки.** Покажем это.

Первое утверждение подразумевает, что оригинальный язык книги Премудрости — греческий. Иными словами, её тексту присущи неотъемлемые грамматические особенности греческого языка, и филологи не смогли найти в греческом её тексте никаких особенностей еврейского языка, его грамматики, которые переводчик осознанно или бессознательно перенёс в греческий текст.

Но есть два способа перевода.

Первый — сделать подстрочник[2] и на его основе создать текст на языке перевода, сохранив последовательность предложений, их конструкцию и иные особенности текста на языке оригинала. В подавляющем большинстве случаев такой способ перевода исключает возможность передачи на языке перевода *ассоциативного мышления на языке оригинала автора текста,* которое обусловлено особенностями языка оригинала: его корневой базой, фонетикой, морфологией, многозначностью смысла одних и тех же слов и всего того, что свойственно каждому языку и во всей своей совокупности не совпадает в разных языках[3].

Второй — постичь, воспроизвести в себе *образ ви́дения Объективной реальности автором и образ мышления автора на языке оригинала, включая умолчания и ассоциативные связи, свойственные языку оригинала,* и постараться изложить на языке перевода всю полноту понятого на языке оригинала из текста и подтекста. Второй способ куда труднее, но полнее передаёт смысл совокупности текста и подтекста, хотя при таком переводе может полностью исчезнуть параллелизм грамматических конструкций и последовательности изложения на каждом из языков. Однако о необходимости передать смысл подтекста при переводе в большинстве случаев забывают.

Если в основе греческого текста книги “Премудрости Соломона” действительно лежат мысли, высказанные Соломоном, *но изложены они на греческом языке, например греком, беседовавшим с Соломоном о Жизни; или в основе греческого текста лежит утраченный древнееврейский текст, но перевод осуществлялся по второму методу,* **— то на источник смысла, выраженного в тексте, будет указывать только его титульное название и никаких следов древнееврейского языка в нём в**

---

[1] То есть приводит цитаты по Септуагинте.

[2] Подстрочник — текст на языке перевода, составленный на языке перевода из *словарных эквивалентов (может быть нескольких эквивалентов одному слову оригинала одновременно), порядок следования которых повторяет последовательность слов в тексте на языке оригинала*. Потом подстрочник подвергается стилистической обработке и синонимическому преобразованию его фрагментов, в результате чего получается литературный перевод.

[3] Это на примере русского и английского языков было показано при начале 6-го раздела настоящей работы.

принципе быть не может; тем более в случае, если и переводчик был вдохновлён Богом на наилучшее изъяснение смысла на *греческом языке*.

Но коли уж речь зашла о наличии языковых конструкций, свойственных одному языку, в тексте, записанном на другом языке, то обратимся к книге Н.Н.Вашкевича “Системные языки мозга” (Москва, 1998 г.). В ней есть глава с названием “На каком языке была написана Библия?”. Начинается она со слов:

«То, что многие библейские тексты переведены с арабского, видно любому не зашоренному арабисту. Такие выражения как *смертию умереть,* или *удивился он удивлением великим* свободно существуют только в арабском языке. Их не было в древнееврейском и нет в иврите, как нет ни в одном языке, кроме арабского. Их уже нет даже в арабских диалектах. Пожалуй, единственным исключением является русский язык, где подобные выражения всё же употребляются, как фразеологизмы (ходить ходуном).

Другой признак арабского происхождения Библии. В самом тексте Сотворения Мира дни недели поименованы через их номера, как в арабском языке: день первый (воскресенье), день второй (понедельник) и т.д. Если бы текст был переведён с еврейского, дни недели были бы пронумерованы через буквы алфавита: йом алеф, йом бет и т.д. Что касается греческого языка, который мог бы претендовать на то, чтобы служить языком оригинала, то греки не знали семидневной недели, они считали дни декадами» (названный источник, стр. 79).

То же касается и таких библейских выражений, как «не ешь от древа», «мужчину и женщину сотворил их» (Н.Н.Вашкевич, “За семью печатями”, Москва, 1994, стр. 166). Эти и подобные им обороты выражают не особую “поэтичность” языка библейского «священного писания», а представляют собой “кальки” с грамматики и морфологии обычной арабской речи, которые при переносе в язык с иной грамматикой и морфологией воспринимаются как необычные — особо поэтичные — обороты речи.

И будет полезно, если “православная” иерархия прокомментирует работы Н.Н.Вашкевича от души по совести, а не от канона писания и традиции его толкования.

Как показывает этот пример с арабскими языковыми конструкциями в тексте синодального перевода Библии, привлечение филологии к обоснованию *определённых предубеждений, ставших неусомнительными в некой традиции,* дело более тонкое, нежели это кажется тем, кто прибегает к её помощи; а тем более в случаях, когда стоит вопрос о *боговдохновенности смысла,* выраженного в том или ином тексте: можно нарваться на неожиданности, которые не лезут в прокрустово ложе ни одной из существующих традиций мировоззрения и миропонимания.

То же касается и второго и третьего отрицаний истинности пророческого смысла книги “Премудрости Соломона”: они тоже пустые нежизненные отговорки.

Далеко не все культуры признают персональные авторские права так, как ныне их признаёт и выражает в законодательстве «об авторских и смежных правах» Евро-Американская цивилизация.

Многие люди на протяжении веков придерживаются того убеждения, что Правда-Истина, — объективное достояние всех, и только выражается субъективно средствами того или иного из множества языков, развитых в культуре общества. Соответственно этому некоторая общность воззрений и выражений не является однозначным доказательством того, что автор, положивший начало тексту “Премудрости”, был под влиянием идей Платона, эпикурейцев, стоиков или кого-то ещё.

При отношении к Правде-Истине и её субъективным выражениям, отрицающим персональные авторские права на истину, все тексты признаются предназначенными для того, чтобы облегчить людям постижение объективной истины. Они не предназначены ни для возвеличивания мудрости автора, ни для закрепления в веках его разносторонних познаний или прав первооткрывателя тех или иных утверждений, как то подразумевает ныне действующее евро-американское законодательство «об авторских и смежных правах». Соответственно такому определению предназначения текстов, сохранение неизменной их первоначальной редакции не только бессмысленно, но и общественно вредно, если оно делает объективную истину неудобопонимаемой в каком-то ином обществе, в какую-то иную эпоху. Поэтому в прежние редакции вносятся изменения и дополнения, которые в большинстве своём не отмечаются в тексте, поскольку авторы изменений и дополнений не посягают ни на авторские права тех, кто положил начало тексту, ни претендуют на установление собственных авторских прав на уточнения и дополнения[1]: если они совестливы, то заинтересованы в том, чтобы не извратить ви́дение Правды-

[1] Так в коллективной работе создаются тексты Внутреннего Предиктора СССР, но происходит это в течение жизни одного поколения, хотя работают люди, принадлежащие к разным поколениям и национальностям и проживающие в разных местах.

Истины, а облегчить доступ к ней и раскрыть её ви́дение и понимание точнее и полнее, нежели это позволяли более ранние редакции. Если культура строится, исходя из этой концепции «авторских и смежных прав», то она обладает важным свойством:

> В такой культуре, ложь сама себя обнажает, поэтому внесение заведомой лжи в текст представляется незаметным только самим лжецам и тем, кто уходит от собственного долга ответить на вопрос «что есть истина?», предпочитая отгораживаться от этого вопроса готовыми ответами других, нисколько не задумываясь и об их истинности.

Поэтому, даже если изначальный текст “Премудрости Соломона” был на еврейском языке, но смысл его был востребован грекоязычной культурной средой, то естественно, что — при отрицании в этой среде персональных авторских прав[1] — с течением времени, в исходный текст были включены ссылки на греческие нравы и обычаи, как способствующие лучшему постижению его смысла, и были включены цитаты из официально признаваемого перевода Септуагинты.

Но в случае рассматриваемого текста, ссылки в нём на греческие обычаи не являются доказательством изначально греческого его происхождения. Греческие колонии были повсеместно в Средиземноморье. Для той эпохи греческая культура обладала международным авторитетом и служила многим народам образцом для подражания, что наиболее ярко проявилось в культуре Рима.

И в таких условиях было бы предосудительно для Соломона, если бы он, осознавая общечеловеческую значимость обретения истинного вероисповедания, не выразил бы своего порицания идолопоклонству, многобожию, обожествлению предков, распространявшимся в глобальных масштабах, которые были характерны для многих народов той эпохи и чему греческая культура придала особую привлекательность своим эстетическим совершенством. Тем более это было бы предосудительно для него, если бы он, — зная истину от Бога по совести, — утаил бы её от беседовавшего с ним грека, который записал смысл своих бесед с Соломоном (не одна же царица Савская приходила к нему искать мудрости). И изначально грекоязычный текст мог быть назван его автором “Премудростью Соломона”, поскольку тот просто честно указал на источник текстуально зафиксированной им мудрости. И сохранялся он в грекоязычной культуре, пока в одной из своих последних редакций не попал в свод библейских текстов, хотя и не был признан «боговдохновенным» и каноническим.

История показывает, что в ряде случаев культурное достояние оказывается в лучшей сохранности у соседей, нежели у себя на Родине: так уже упоминавшийся апокриф “Евангелие Мира Иисуса Христа от ученика Иоанна” вернулся в Русскую культуру через посредничество француза Э.Шекли, который разыскал его старославянский (древнерусский) текст в библиотеке Габсбургов в Австрии, а арамейский текст в архивах Ватикана. И эти находки знаменуют то, что и православие, и католицизм одинаковы в своём отрицании записи учения Христа, предпочитая ему биографические справки о жизни и деятельности Иисуса в первое пришествие.

Всё это — жизненно реальное и вполне возможное в случае истории текста книги “Премудрости Соломона”. Соответственно, единственная причина церквей отказа отнести сказанное во второй главе “Премудрости Соломона” к первому пришествию Христа состоит в том, что эта книга не включена в канон заправилами проекта построения глобальной библейской цивилизации. Эта мотивация отказа «неканоничностью» нашла своё прямое выражение в комментариях к соответствующим местам второй главы “Премудрости Соломона”:

«**Но имея в виду неканонический характер книги Премудрости Соломона, можно и не усматривать в этом отделе пророчества в собственном смысле** (выделено нами при цитировании), но видеть в нём живое изображение общего для всех времён отношения нечестивых к праведным. Это изображение по силе своей истины оказалось приложимо и к лицу Иисуса Христа, величайшего из всех праведников. Такое понимание находит в себе прочное основание в книге Премудрости, потому что под именем праведника (δχχαιος), изображаемого во II гл. 12 — 20, писатель этой книги видимо разумел не определённое лицо, а родовое понятие (собственно благочестивого израильтянина вообще)» (уже упоминавшаяся “Толковая Библия”, издания 1904 — 1913 гг., т. 2, стр. 90).

Еще раз перечитайте цитированную ранее “Премудрость Соломона” и соотнесите её смысл с этим комментарием: и Вы поймёте, что комментатор наводит тень на плетень, в молчаливом предположении, что по прочтении комментария, к самому тексту “Премудрости” читатель не обратится, а в безвольной доверчивости бессмысленно согласится с автором комментария и своими смутными воспоми-

[1] В те времена это было свойственно, в частности, ессеям.

наниями-воображениями о тексте “Премудрости”, которую он возможно листал в детстве, когда в гимназии проходил «закон божий».

Тем не менее, как сообщается в той же “Толковой Библии”, такие деятели церкви как Климент Александрийский, Тертуаллиан, Св. Киприан были убеждены в авторстве Соломона. Однако, признавая авторство Соломона, они остались верны традиции, проистекающей из “пророчества” Исаии.

Всё сказанное об отношении к книге “Премудрости Соломона” разных комментаторов, церковной традиции и простых людей означает:

- *как минимум,* что книга “Премудрости” не была включена в канонический текст «боговдохновенного священного писания» иудаизма по причинам, которые составители канонического свода ветхозаветных текстов, опять же «боговдохновенно», не посчитали необходимым придать огласке;
- а *как максимум,* что она — позднейший подлог, и потому её и не могло быть в хронологически более раннем своде канонических ветхозаветных текстов.

Православная иерархия, однако, в своей Библии несёт через века оба текста, не смея ни прямо назвать “Премудрость Соломона” подлогом, ни прокомментировать по существу взаимоисключающий смысл пророчеств Соломона и Исаии в отношении одного и того же первого пришествия Христа.

Объяснение причин такой недееспособности церковников находим в той же “Премудрости Соломона”:

«1. Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его, 2. ибо Он обретается неискушающими Его и является не неверующим Ему. 3. Ибо неправые умствования отдаляют от Бога, и испытание силы Его обличит безумных. 4. В лукавую душу не войдёт премудрость и не будет обитать в теле, порабощённом греху, 5. ибо святый Дух премудрости удалится от лукавства и уклонится от неразумных умствований, и устыдится приближающейся неправды. 6. Человеколюбивый дух — премудрость, но не оставит безнаказанным богохульствующего устами, потому что Бог есть свидетель внутренних чувств его и истинный зритель сердца его, и слышатель языка его. 7. Дух Господа наполняет вселенную и, как всё объемлющий, знает всякое слово. 8. Посему никто, говорящий неправду, не утаится, и не минет его обличающий суд. 9. Ибо будет испытание помыслов нечестивого, и слова его взойдут к Господу в обличение беззаконий его; 10. потому что ухо ревности слышит всё, и ропот не скроется. 11. Итак хранитесь от бесполезного ропота и берегитесь от злоречия языка, ибо и тайное слово не пройдёт даром, а клевещущие уста убивают душу. 12. Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни и не привлекайте к себе погибели делами рук ваших. 13. Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, 14. ибо Он создал всё для бытия, и всё в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и **царства ада** (выделено нами при цитировании: совпадение воззрений с богословием Русской цивилизации) на земле. 15. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: 16. нечестивые привлекли её и руками, и словами, сочли её другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть её жребием» (Премудрость Соломона, гл. 1).

Но поскольку для иерархов христианских церквей и покорной им паствы “Премудрость Соломона” не «боговдохновенное» писание, то придётся подкрепиться и признаваемым ими «боговдохновенным» авторитетом:

«Когда же придёт Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Иоанн, 16:13).

Дух Святой — наставник от Бога на всякую истину. Разъяснение тому даёт апостол Павел: 1-е послание Коринфянам, 14:26 — 33; Ефесянам, 4:7 — 16.

> То есть, если за 2000 лет иерархии православных церквей не смогли прокомментировать взаимоисключающую разносмыслицу в пророчествах Соломона и Исаии в отношении одного и того же явления Христа среди людей, то это — явное знамение того, что *Дух Святой — им не наставник на всякую истину,* а обходит их стороной по причинам, названным в “Премудрости”. Вне зависимости от того, кто есть её первописатель, “Премудрость Соломона” выражает праведное мышление, порицая тем самым ветхонаветный канон, в который она не допущена, и с наветами которого на Бога не сочетается.

И не имеет значения, были ли когда-либо и сохранились ли тексты “Премудрости Соломона” на иврите до настоящего времени, либо же нет. Не имеет значения и то, были ли её тексты в обществе в обращении во времена первого пришествия Христа, ибо рукописи не только не горят, но более того: **и вещественно не написанные рукописи, т.е. рукописи, написанные во внутреннем мире того или**

иного человека, будучи запечатлёнными в Духе (биополе Земли), могут быть прочитаны *и записаны вещественно впоследствии,* если того пожелает Бог.

О знамениях роду человеческому, лукавому и прелюбодейному, как передаёт Лука, Христос сказал однозначно, ссылаясь не на Исаию, а на Соломона:

«Род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был знамением для Ниневитян[1], так будет и Сын Человеческий для рода сего. Царица южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их, ибо она приходила от пределов земли послушать **мудрости Соломоновой; и вот здесь больше Соломона** (выделено нами при цитировании). Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы» (Лука, 11:29 — 32)[2].

Так, что напрасно почитающие себя православными христианами доверяются сложившейся традиции вероучения, по существу совпадающей с традициями других церквей, которые менее лицемерны, чем православие.

Иерархи Запада, читая “Премудрость Соломона” и ясно осознавая, что сообщаемое Соломоном способно разрушить культивируемое ими вероучение, подошли к проблеме просто: «С глаз долой — из сердца вон», — согласившись с Исаией, они вывели из общедоступности “Премудрость Соломона”. Масонство, прикрывшись именем Соломона, в легендах о своём происхождении от мастеров, строивших храм под его руководством, бросило грязную тень своих дел на его имя. И вопрос для паствы был закрыт.

Православие же сохранило текст, чуждый вероучению, проистекающему из пророчества Исаии. Поэтому почитающим себя православными верующим всё же придётся определиться в вопросе о том, истинно ли пророчество Соломона, либо истинно отрицающее его *пророчество Исаии, из которого проистекают все без исключения новозаветные вероучительные традиции.*

Мы ранее уже мотивировано признали истинность пророчества Соломона[3], а “пророчество” Исаии расцениваем как наваждение и программирование поведения неправоумствующих, которые решили произвести эксперимент над Богом и праведником, с намерением испытать силу Божию, но были посрамлены, хотя и остались в неведении об этом.

Бог Соломона и бог Исаии — разные боги одной Библии.

Бог, который есть, через книгу “Премудрости Соломона” уведомил, что поощрять неправедных Ему не свойственно и Он не допустит казни праведника, но тайны Божии покроют его избавление от рук нечестивых и неправоумствующих.

Соответственно этому Соломон, который не возводил на Бога наветов, умер от старости. За навет, возводимый на Бога Праведного, Милостивого, Милосердного, жизнь Исаии была пресечена в соответствии с его же злопыхательством:

«Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила ли гордится перед тем, кто двигает ею?» (Исаия, 10:15).

Как сообщает Талмуд, Исаия был распилен деревянною пилой по приказу царя Манассии. Бог не признал его даже в качестве Своего орудия: орудием Божьего воздаяния стал царь Манассия, а Исаия — подобно булгаковскому М.А.Берлиозу — стал жертвой Божиего попущения за распространение в обществе лжи от имени Бога, который есть и наветов на Него.

В настоящей работе мы рассмотрим те стороны жизни, которые связаны с обоими пророчествами и внутрисоциальным механизмом, под воздействием которого одно из них признано официальными церквями «боговдохновенным», а другое *передаётся от поколения к поколению вопиющим укором,* взывающим к разуму людей и их вере **Богу, который есть**.

---

[1] Жителей Ниневии, столицы Ассирии (разрушена в 612 г. до н.э. войсками вавилонян и мидян).

[2] Обстоятельное толкование этой совокупности знамений в нашем понимании их смысла приведены в нашей работе “К Богодержавию…”.

[3] См. наши работы “Вопросы митрополиту Иоанну и иерархии Русской православной церкви”, “К Богодержавию…”, “Краткий курс…”.

12 — 24 июля 2000 г.

Уточнения: 7 — 14 октября 2000 г.

11. Пророка важный чин

В простонародном богословии Русской цивилизации Бог — не «всевышний полицейский». То есть Он никого не требует к себе: “Эй, ты! Подойди сюда. Пади ниц! Резких движений не делать! Слушай, запомни, передай другим и пусть делают, как я сказал…”[1] Бог просто отвечает всем тем, кто сам искренне по совести обращается к Нему. Отвечает им, снисходя к уровню и способам миропонимания каждого, либо непосредственно открывая что-то о Жизни в видéниях их внутреннего мира, либо опосредованно: через других людей, через памятники культуры, либо на *всеобщем Языке знамений жизненными обстоятельствами и фактами*.

Соответственно в истории всегда были люди, которые обретали таким путём от Бога знание Правды-Истины и делились обретённым ими с другими людьми. И именно в этом смысле — жизни в непрестанном, *начатом каждым из них* диалоге с Богом по совести — они были пророками Божиими, Его посланниками к другим людям. Одни преуспели в этом больше, другие меньше, но каждый оставил свой след в истории.

В чём-то они совершали ошибки, обусловленные их нравственностью, которые они либо исправляли сами в последствии, либо которые становились достоянием культуры на более или менее продолжительные сроки времени и исправлялись теми людьми, кто без страха по совести под Божьим водительством переступал через неправедные традиции общества и обретал от Бога Правду-Истину в каких-то иных её аспектах.

Кроме них были люди, которые услышали в себе чьи-то призывы описанного типа: “Эй, ты! Подойди сюда. Слушай, смотри, запомни, передай другим и пусть делают, как я сказал…” Они откликались на эти призывы.

В психику других без такого рода призывов вкрадывались информационные потоки, замаскированные под информационные потоки их собственного внутреннего мира. И некоторые получали таким путём разнородную информацию, следовали советам и приказам призвавшего их источника информации — «внутреннего голоса». Некоторые из таких отождествляли и ныне отождествляют источник, дающий им информацию, с Богом. Они не задумываются ни о смысле получаемой ими информации, ни о её месте в системе причинно-следственных обусловленностей бытия общества, Мироздания и Всего. Бездумно и слепо уверовав в то, что они — избранники Божии, они распространяют в обществе в качестве Откровений полученные ими сведения.

Но как уже говорилось ранее, и что было показано на конкретных исторических примерах прошлого и современности[2], в истории действовали и действуют проявленные в обществе и «не проявленные» силы, которые стремились и стремятся стать между человеком и Богом, дабы в “лучшем” случае получать какие-то «комиссионные» за счёт человека и человечества от осуществляемого ими “посредничества”, а в худшем случае — подчинить себе человека и человечество, уведя людей от **Бога, который есть**, сконструировав для них образы богов, которых нет, дабы на этой основе сформировать эгрегоры, посредством которых можно было бы управлять социальными и природными процессами.

Именно эти силы заинтересованы в том, чтобы в каждую эпоху, в каждом обществе был бы утверждённый ими эталонный текст «священного писания», под воздействием культа которого в обществе формируются догматы (неусомнительные представления об отношениях человека с Богом) и выстраиваются отношения между людьми в обществе и отношения между разнокультурными обществами в глобальной цивилизации; и, как следствие, общество, уверовав в небылицы и наветы на **Бога, который есть**, порождает эгрегоры, которым оно оказывается подвластно, но которые подвластны заправилам культа и их проявленным и «не проявленным» хозяевам.

Как показывает известная по Библии судьба утраченного первого экземпляра скрижалей с *письменным* Откровением Моисею, все без исключения последующие эталонные редакции текстов «священных писаний» формировались людьми. Они формировались людьми, выражая свойственную им реальную, а не декларативно-показную (ритуально оформленную в этикете) нравственность; формировались под воздействием тех внутрисоциальных и внесоциальных сил, которые были заинтересованы в осуществлении своих целей в отношении данного общества и всего человечества.

---

[1] В стихотворении А.С.Пушкина “Пророк” речь идёт как раз о такого рода обращении якобы Свыше к человеку.

[2] А также и в других наших работах, в частности: “Разгерметизация”, “Мёртвая вода”, “К Богодержавию…”, “Печальное наследие Атлантиды (Троцкизм — это «вчера», но никак не «завтра»)”.

Эталонные экземпляры «священных писаний», даже будь они исключительно чисты в смысле отсутствия в них искажений Правды-Истины, *становясь основой культов бессовестно несомнительной веры,* вводят людей в заблуждение, препятствуя проявлению в них своеобразия беззаветной веры Богу по совести, свойственного задачам Промысла в каждую эпоху.

Происходит это среди прочих причин и просто вследствие ограниченности объёма текстов. Поэтому все без исключения «эталонные» редакции при насаждении их *культа, затмевающего веру Богу по совести,* становились средством достижения целей в отношении человека и человечества для сил, претендующих на “посредничество” между человеком и **Богом, который есть**, или уводящих людей от Него под свою власть через посредничество эгрегоров (богов, которых нет), целенаправленно сконструированных этими силами примерно так же, как ныне создаются операционные системы и программные комплексы для компьютеров и информационные сети на их основе, подобные Интернету; другое дело, что в случае эгрегоров носителями некой операционной системы и программной среды являются сами люди.

Всё сказанное относится и к истории формирования Библии в её исторически сложившемся виде. Так в канон Ветхого Завета — общий исторически реальным иудаизму и всевозможному “христианству” — включались тексты, вполне определённые по тематике и смыслу содержащихся в них оглашений и умолчаний. Соответственно, в канон не были допущены другие тексты, с иными тематикой и смыслом оглашений и умолчаний, противоречащие целям составителей канона, а ещё в большей мере — тексты, противоречащие целям их проявленных и «не проявленных» хозяев.

Чтобы не быть голословными приведём для сопоставления фрагмент из книги Екклесиаста, приписываемой церковью перу всё того же Соломона:

«11. Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. 12. Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нём, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицем Его; 13. а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом. 14. **Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников** (выделено нами при цитировании[1]). И сказал я: и это — суета! 15. **И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем** (выделено нами при цитировании[2]). 16. Когда я обратил сердце моё на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле, и среди которых человек ни днём, ни ночью не знает сна, — 17. **тогда я увидел все дела Божии и нашёл, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он всё-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого** (выделено нами при цитировании[3])» (Екклесиаст, гл. 8).

---

[1] Далее (Екклесиаст, гл. 9:3) эта мысль развивается: «Это-то и худо во всём, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим». Сопоставьте это и выделенное в тексте с Премудростью Соломона, где утверждается, что праведника никогда не постигает то, что происходит с нечестивыми, а на воззрение, высказанное неправоумствующими (аналогичное Екклесиасту), Соломон ответил: «Так они умствовали и ошиблись; ибо злоба их ослепила их, и они не познали таин Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных» (Премудрость, гл. 2:21, 22).

[2] Сопоставьте с Премудростью Соломона, где аналогичная мысль о том, что смысл жизни человека в том, чтобы «вкусно жрать» и пресыщаться иными наслаждениями чувств, вкладывается в уста нечестивых:

«Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдёт мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли; никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселья, ибо эта наша доля и наш жребий» (Премудрость, гл. 2:6 — 9).

[3] Сопоставьте с Премудростью Соломона, где названы причины такого рода неспособности неправедно умствующих понять Промысел Божий:

«1. Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его, ибо Он обретается неискушающими Его и является не неверующим Ему. 2. Ибо неправые умствования отдаляют от Бога, и испытание силы Его обличит безумных. 4. В лукавую душу не войдёт премудрость и не будет обитать в теле, порабощённом греху, 5. ибо святый Дух премудрости удалится от лукавства и уклонится от неразумных умствований, и устыдится приближающейся неправды. 6. Человеколюбивый дух — премудрость, но не оставит безнаказанным богохульствующего устами, потому что Бог есть свидетель внутренних чувств его и истинный зритель сердца его, и слышатель языка его» (Премудрость, гл. 1).

И прямо провозглашается познаваемость Промысла:

→→→

И после многих сетований завершается книга Екклесиаста следующими словами:

«8. Суета сует, сказал Екклесиаст, всё — суета! 9. Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил ещё народ знанию. Он всё испытывал, исследовал, и составил много притчей. 10. Старался Екклесиаст приискивать изящные изречения, и слова истины написаны им верно. 11. Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря. 12. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для тела. 13. Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека; 14. ибо всякое дело Бог приведёт на суд, и всё тайное, хорошо ли оно, или худо» (Екклесиаст, гл. 12).

Соломон же, которого церкви не признали Соломоном Премудрым, учил народ знанию, отличному от того, что завершает книгу Екклесиаста. В книге Премудрости Соломона читаем:

«27. Итак учитесь от слов моих, и получите пользу» (Премудрость Соломона, гл. 6).

«1. И я человек смертный, подобный всем, потомок первозданного земнородного. 2. И я в утробе матерней образовался в плоть в десятимесячное время, сгустившись в крови от семени мужа и услаждения, соединённого со сном, 3. и я, родившись, начал дышать общим воздухом и ниспал на ту же землю, первый голос обнаружил плачем одинаково со всеми, 4. вскормлен в пеленах и заботах; 5. ибо ни один царь не имел иного начала рождения: 6. один для всех вход в жизнь и одинаковый исход. 7. Посему я молился, и дарован мне разум; я взывал, и сошёл на меня дух премудрости. 8. Я предпочёл её скипетрам и престолам и богатство почитал за ничто в сравнении с нею; 9. драгоценного камня я не сравнил с нею, потому что перед нею всё золото — ничтожный песок, а серебро — грязь в сравнении с нею. 10. Я полюбил её более здоровья и красоты и избрал её предпочтительно перед светом, ибо свет её неугасим. 11. А вместе с нею пришли ко мне все блага и несметное богатство через руки её; 12. я радовался всему, потому что премудрость руководствовала ими, но я не знал, что она — виновница их. 13. Без хитрости я научился, и без зависти преподаю, не скрываю богатства её, 14. ибо она есть неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входят в содружество с Богом, посредством даров учения. 15. Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном, ибо Он есть руководитель к мудрости и исправитель мудрых. 16. Ибо в руке Его и мы, и слова наши, и всякое разумение и искусство делания. 17. Сам Он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, 18. начало, конец и средину времён, смены поворотов и перемены времён, 19. круги годов и положение звезд, 20. природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней. 21. Познал я всё, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. 22. Она есть дух разумный, святый, единородный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невредительный, благолюбивый, скорый, неудержимый, 23. благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи. 24. Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь всё проходит и проникает. 25. Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя: посему ничто осквернённое не войдёт в неё. 26. Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его. 27. Она — одна, но может всё, и, пребывая в самой себе, всё обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков; 28. ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью. 29. Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд; в сравнении со светом она выше; ибо свет сменяется ночью, а премудрости не превозмогает злоба» (Премудрость Соломона, гл. 7).

«1. Она быстро распростирается от одного конца до другого и всё устрояет на пользу. 2. Я полюбил её и взыскал от юности моей, и пожелал взять её в невесту себе, и стал любителем красоты её. 3. Она возвышает *своё* благородство тем, что имеет сожитие с Богом, и Владыка всех возлюбил её: 4. она таинница ума Божия и избирательница дел Его» (Премудрость Соломона, гл. 8).

То есть сопоставление канонического и неканонического текста, показывает, что канон Ветхого Завета составляли так, чтобы культивировать невежество и злобный фанатизм. При этом Соломону отказали в авторстве книги Премудрости, всё же назвав неканоническую книгу его именем, а каноническую

«Волю же Твою кто познал бы, если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше святаго Твоего Духа? И так исправились пути живущих на земле, и люди научились тому, что угодно Тебе, и спаслись премудростью» (Премудрость, гл. 9:17 — 19).

«Она сохраняла первозданного отца мира, который сотворён был один, и спасала его от собственного его падения: она дала ему силу владычествовать над всем. А отступивший от неё неправедный во гневе своём погиб от братоубийственной ярости» (Премудрость, гл. 10:1 — 3).

книгу Екклезиаста назвали анонимным прозвищем[1], чтобы лишний раз не упоминать Соломона, который учил “не тому”, подрывая своим учением основы “того”, что эти силы целеустремлённо проводили и проводят в жизнь на протяжении нескольких тысячелетий. Чего “того”? — А вот этого:

Доктрина “Второзакония-Исаии”

«Не давай в рост брату твоему (по контексту единоплеменнику-иудею) ***ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что возможно отдавать в рост; иноземцу*** (т.е. не иудею) отдавай в рост, чтобы господь бог твой (т.е. дьявол, если по совести смотреть на существо ростовщического паразитизма) ***благословил тебя во всём, что делается руками твоими на земле, в которую ты идёшь, чтобы владеть ею»*** (последнее касается не только древности и не только обетованной древним евреям Палестины, поскольку взято не из отчёта о расшифровке единственного свитка, найденного на раскопках, а из современной, массово изданной книги, пропагандируемой всеми Церквями и частью “интеллигенции” в качестве вечной истины, данной якобы Свыше), — *Второзаконие, 23:19, 20.* ***«И будешь господствовать над многими народами, а они над тобой господствовать не будут»,*** — *Второзаконие, 28:12.* ***«Тогда сыновья иноземцев*** (т.е. последующие поколения не-иудеев, чьи предки влезли в заведомо неоплатные долги к племени ростовщиков-единоверцев) ***будут строить стены твои*** (так ныне многие семьи арабов-палестинцев в их жизни зависят от возможности поездок на работу в Израиль) ***и цари их будут служить тебе*** (“Я — еврей королей”, — возражение одного из Ротшильдов на неудачный комплимент в его адрес: “Вы король евреев”)***; ибо во гневе моём я поражал тебя, но в благоволении моём буду милостив к тебе. И будут отверзты врата твои, не будут затворяться ни днём, ни ночью, чтобы было приносимо к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся»,*** — *Исаия, 60:10 — 12.*

Иерархии всех якобы-Христианских Церквей, включая и иерархию Русского Православия, настаивают на священности этой мерзости, а канон Нового Завета, прошедший цензуру и редактирование ещё до Никейского собора (325 г. н.э.), провозглашает её от имени Христа, безо всяких к тому оснований, до скончания веков в качестве благого Божьего Промысла:

«Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков. Не нарушить пришёл Я, но исполнить. Истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполниться всё», — *Матфей, 5:17, 18.*

* *
*

Это — конкретный смысл социальной доктрины Библии, злобным безумием которого заразилась правящая “элита” Руси в общении с Византией, уже умиравшей от того же самого библейского яда. Мы дали ей имя по цитированным библейским книгам: доктрина “Второзакония-Исаии”. И пусть православная патриотическая общественность честно ответит себе на вопрос:

> Может ли от Бога проистекать мерзостная доктрина установления расового “элитарно”-невольничьего строя, распространяемого до глобальных масштабов на основе мафиозно организованной паразитической культуры *ростовщичества, обеспечивающего расовой международной мафии монопольно высокую платежеспособность на любых торгах, где нет Идеи[2]?*

Хотя есть и иные мнения, провозглашающие безусловную священность Библии в качестве боговдохновенного писания *безотносительно к смыслу её текста и подтекста,* но мы придерживаемся того, что приведённая доктрина — мерзость, и от Бога она исходить не может. Соответственно этому мы и действуем по свободной совести в вере Богу.

> **Но вне зависимости от ответа на поставленный вопрос, эта доктрина антирусская. И всякий, кто её поддерживает осознанно или не осознанно (участвуя в церковной жизни библейски-“православной” церкви даже эпизодическим соблюдением её обрядности, подчиняясь сложившейся традиции), по духу своему — не русский: вне зависимости от его этнического происхождения он — богоотступник и раб жидов, которые сами являются рабами хозяев этой мерзости.**

[1] «Екклесиаст» в переводе на русский — «проповедник».
[2] «Никакое богатство не может перекупить влияния обнародованной мысли», — А.С.Пушкин.

В приведённой ранее доктрине Второзакония-Исаии (по названию цитированных книг Библии) нет места ни этнически-русскому, ни общероссийскому патриотизму: у рабов нет и не может быть Родины и прав человека[1] — у них могут быть только обязанности перед хозяевами, которые сами решают: сколько им требуется рабов и каких пород (национальностей), и чем занять каждого из них персонально, и для чего приспособить каждую из пород этих “говорящих мыслящих животных”, данных “настоящим людям” в услужение. И отношение всякого нормального человека как к рабам, так и к рабовладельцам (и состоявшимся, и не состоявшимся, но посягающим на установление рабовладения) лежит вне норм этики людей и вне области прав человека[2].

> Доктрина Второзакония-Исаии — подлинная социальная доктрина АНТИРУССКОЙ “православной” ЦЕРКВИ: именно она является неотъемлемой частью писания, признаваемого всеми церквями имени Христа «боговдохновенным», «словом Божиим», которое не прейдёт вовек и не может быть отменено или изменено.

Все остальные церковные благонамеренные речи, поучения о Христе, добротолюбии и христианских добродетелях, а также принятая на поместном архиерейском соборе в августе 2000 г. (в период гибели АПЛ “Курск”) так называемая “Социальная доктрина Русской православной церкви” — слова земных людей, подвластных библейскому мировоззрению, от которых всякий церковный иерарх может в любой момент отречься, назвав их «заблуждением эпохи», поскольку предназначены они только для одного:

> Сделать незаметной для общества античеловечную доктрину Второзакония-Исаии при её воплощении в жизнь *в конкретных общественно-исторических обстоятельствах* под покровом эстетически отточенных ритуалов и благонамеренных речей, это общество завораживающих[3].

Те внесоциальные и внутрисоциальные силы, которые проводят в жизнь эту доктрину, действуя в пределах Божиего попущения, решали, кого именно из тех людей, что высказывают какие-либо мнения по богословско-социологическим[4] вопросам возвести при жизни в ранг «пророков», вещающих «истину от бога»; кого уничтожить, постаравшись предать забвению их слова и дела; кого возвести в ранг «пророков» посмертно или прижизненно, но отредактировать всё высказанное им соответственно своим целям, добавив к сказанному ими что-то своё (в порядке осуществления разъяснения для “невежественной толпы” деталей сказанного), а что-то из сказанного ими изъяв (под предлогом “несвоевременности” или “неудобопонимаемости” для “невежественного” большинства).

---

[1] Соответственно: до тех пор, пока еврейская часть населения Израиля придерживается доктрины Второзакония-Исаии, вне зависимости от того: по убеждению либо бездумно-традиционно, — государство Израиль не имеет будущего, а существует только в пределах границ Божиего попущения.

Если бы к арабскому населению Палестины изначально отнеслись как к людям, а не исходя из ветхозаветно-талмудической доктрины Второзакония-Исаии как к осваиваемой “окружающей среде”, — не было бы ни **декларации Бальфура** 1917 г. о создании еврейского «национального очага» в Палестине (Бальфур — английский лорд и еврейский прихвостень, министр иностранных дел Великобритании в 1916 — 1919 гг.), ни всей последующей организованной на основе межгосударственных соглашений террористической политики в отношении местного арабского населения. И если бы на основе проекта, обусловленного общечеловеческой нравственностью, а не фашистской ветхозаветно-талмудической, и возникло бы еврейское государство в Палестине, то там был бы прочнейший мир, а не затяжная война за становление “великого Израиля”.

В сложившихся же условиях единственный человечный выход из ближневосточного кризиса: Израилю признать — фашистский, античеловечный характер декларации Бальфура и всех последующих документов, приведших к возникновению Израиля, вследствие чего изгнанные со своих земель еврейскими поселенцами арабы имеют полное право вернуться в нынешний Израиль его полноправными гражданами; и всем — арабам и евреям — признать, что родиной человека является та земля, где он родился и вырос, по какой причине не может быть и речи об изгнании родившихся в Израиле с их родины и разрушения их семей за счёт изгнания старшего пришлого поколения.

Из этих двух положений должны исходить действия обеих сторон в ближневосточном конфликте и всех внешних сил, которые действительно стремятся к осуществлению на Земле человечности.

[2] Соответственно подавление попыток установления сепаратистами рабовладения на территории Чечни не является нарушением каких бы то ни было прав человека, а является созданием основы для восстановления в будущем прав человека в самом же чеченском обществе и в его отношениях с другими обществами.

[3] В русском языке слово «ворожба», которым именуется одна из разновидностей магии, содержит слова и «вор», и «ворог» — «враг».

[4] Чисто «богословских» вопросов в обществе людей не бывает.

Они же решали, когда им необходимо “создать” пророка с нуля, оказав на подысканного кандидата экстрасенсорное воздействие, в результате которого он сам искренне — *как своё* — изложит всё то, что требуется им; либо под их экстрасенсорным воздействием он исказит воспринимаемое им по совести от **Бога, который есть**[1]. Эти же силы решали, кого и как опекать из числа выявленных ими действительно Божиих людей, а также и из числа фабрикуемых ими «пророков».

Кроме того есть и ряд общественных обстоятельств, в которых действует личность истинного или фабрикуемого «пророка», придающих специфический облик тому, что «пророки» передают в общую всем культуру из своего внутреннего мира.

* * *

Отступление от темы 1: О понятиях, миропонимании, взаимопонимании[2]

Среди всего прочего каждая культура характеризуется развитыми в ней способами миропонимания и тем, что можно назвать «уровнем миропонимания». Естественно, что без того, что называют «понятие», невозможно и понимание происходящего индивидом; а без некоторой общности «понятий» в обществе невозможно и взаимопонимание индивидов. И хотя сказанное всем якобы “понятно”, но необходимо изъяснить смысл термина «понятие», чтобы понять его.

Ясно, что «понятие» — это не слово, не фраза, не символ, не группа и не последовательность символов как таковые. Но с другой стороны, образ (в смысле: статически неизменный), видéние (в смысле: «кинофильм» на «экране» внутреннего взора), мелодии (музыка), в которых психика индивида *моделирует жизненные явления — воспроизводит их в переживаниях и воображает то, чего не было,* — тоже не понятия. Образы объективной реальности в целом и её фрагментов как таковые, существующие вне психики людей, — тоже не понятия. А субъективные образы и видéния, существующие в психике человека, вторичны по отношению к объективным образам (за исключением тех образов, которые возникают в психике в процессе творчества, предшествуя воплощению замысла в материализованные произведения творческой деятельности людей).

> Понятие — это определённость взаимного соответствия в психике индивида слова, фразы, символа, группы или последовательности символов того или иного языка, употребляемого обществом или исключительно личностного, — с одной стороны, и с другой стороны — субъективного образа, видéния (а также и других понятий)[3].

Миропонимание субъекта — это совокупность понятий, свойственных его психике. Поскольку *всякое понятие — двухкомпонентное явление (определённый образ + определённое «слово» какого-то языка),* то понятия в этой совокупности могут быть взаимно связаны как на уровне языковых средств, так и на уровне образной составляющей. Это — мозаичные миропонимание и мировоззрение.

---

[1] Последнее возможно, если вторжение в психику фабрикуемого или обуздываемого самочинного «пророка» осуществляется через бессознательные уровни его психики, а его *реальная нравственность, объединяющая все уровни психики,* такова, что он не различает наваждения от действительно ниспосланного ему Откровения и от своих собственных мыслей. Тогда в его сознании различные по своей нравственно-этической обусловленности информационные потоки (Откровений, наваждений и собственных мыслей), проистекающие из различных источников, отождествляются в единый поток.

[2] Тематически расширено по отношению к первой редакции.

[3] Для сопоставления приведём фрагмент статьи из “Философского словаря” (Москва, «Политиздат», 1980 г.), в которой даётся определение термина «понятие»:

«Понятие — одна из форм отражения мира на ступени познания, связанной с применением языка, форма (способ) обобщения предметов и явлений. Понятием называют также мысль, представляющую собой обобщение (и мысленное выделение) предметов некоторого класса по их специфическим (в совокупности отличительным) признакам, причём предметы одного и того же класса (атомы, животные, растения, общественно-экономические формации и т.п.) могут обобщаться в понятия по разным совокупностям признаков. Понятие имеет тем большую научную значимость, чем более существенны признаки (составляющие содержание), по которым обобщаются предметы. По мере того как из признаков, составляющих основное содержание понятия, выводятся другие общие признаки обобщенных в понятии предметов (и тем самым осуществляется объяснение качественной специфики этих предметов), понятие превращается в определённую систему знаний. (…)».

Это определение неудобопонимаемо, а его единообразное понимание вообще исключено, поскольку философия диалектического материализма, давшая это определение, не связывает *понятие как явление в психике индивида* с процессом различения образов одних объектов от образов других, одних признаков объектов от других, поскольку для неё информация не объективна. Об этом было сказано ранее, а также см. Приложение 1. “Свет мой, зеркальце, скажи…”.

Отсутствие такого рода определённых взаимосвязей между понятиями, порождает калейдоскопические миропонимание и мировоззрение.

> Различие между миропониманием и мировоззрением в том, что миропонимание невозможно без языковых средств, а мировоззрение, представляя собой модель Объективной реальности на основе образов, свойственных психике индивида, может существовать и без языковых средств. Одно и то же мировоззрение может выражать себя в разных языковых средствах как одной национальной культуры, так и в языковых средствах разных народов, обладающих языковым своеобразием их культур.

Как уже было сказано ранее, понятие по своей сути представляет собой единство определённого «слова» языка и *определённого образа, сложившегося во внутреннем мире человека и отображающего в его психике что-либо существующее в Объективной реальности (или предполагаемое к осуществлению)*. Однако, человек — существо общественное: никто не может подменить своей персоной общество, человечество; а недостаток общения с другими людьми исключает возможность личностного развития в детстве и юности и влечёт за собой деградацию личности у взрослых (по крайней мере в культуре нынешней цивилизации, где количественно преобладают типы строя психики[1], отличные от человечного). Носителями понятий являются живые люди, составляющие общество[2].

---

[1] О типах строя психики более обстоятельно см. работы “Мёртвая вода” в редакции 1998 г., “От человекообразия к человечности” (в первой редакции “От матриархата к человечности…”), “Приди на помощь моему неверью…”, “Принципы кадровой политики”. Здесь же поясним кратко.

Информационное обеспечение поведения человека можно разделить на следующие категории:

- врождённые инстинкты и безусловные рефлексы, а также и их оболочки, развитые в культуре;
- традиции культуры, стоящие над инстинктами;
- его собственное ограниченное разумение;
- «интуиция вообще» — то, что всплывает из бессознательных уровней психики индивида, приходит к нему из коллективной психики, является порождением наваждений извне и одержимости в инквизиторском понимании этого термина;
- водительство Божьим Промыслом, на основе всего предыдущего, за исключением наваждений и одержимости, как прямых вторжений извне в чужую психику, вопреки желанию её носителя.

В психике всякого индивида есть возможное или действительное место всему этому. Но что-то одно может преобладать над всеми прочими компонентами в поведении индивида. Если первое, то индивид — человекообразное животное (таковы большинство членов всякого национального общества в прошлом); если второе — то зомби, биоробот, запрограммированный культурой (таковы большинство евреев, и к этому уровню подтягиваются ныне большинство обывателей на Западе; проблема же возможного перенаселения должна быть снята программами планирования семьи, легализацией половых извращений и насаждением культуры “безопасного секса”); третье и четвёртое — свойственно демоническим личностям (это — так называемая «мировая закулиса»: хозяева библейских культов, лидеры мондиализма, евразийства, высшие иерархи саентологов, откровенные сатанисты и т.п.).

И только пятое — норма для человека (на её воплощение работали Моисей, Иисус, Мухаммад, Сталин). Здесь жизнь индивида перестаёт быть игрой без смысла или игрой ради получения удовольствия, а обретает смысл в осуществлении Высшего Промысла, сохраняя при этом качество лёгкости детства, пребывающего в радостной игре.

Ещё один тип строя психики люди породили сами. Его можно назвать **опущенным в противоестественность**. Возникает он так: субъект, принадлежащий к биологическому виду «Человек разумный», одурманивает себя разными психотропными веществами — алкоголем, табаком и более тяжёлыми наркотиками наших дней. Это ведёт к противоестественному искажению характера физиологии организма как в аспекте обмена веществ, так и в аспекте *физиологии биопóля,* что имеет следствием множественные и разнообразные нарушения психической деятельности *во всех её аспектах (начиная от работы органов чувств и кончая интеллектом и волепроявлением)*, характерных для типов строя психики животного, зомби, демонического (носители человечного типа строя психики не одурманивают себя). Так человекообразный субъект становится носителем организации психики, которой нет естественного места в биосфере, и по качеству своего *не отвечающего складывающимся обстоятельствам поведения* **оказывается худшим из животных.** При этом, если у субъекта возникает зависимость от дурманов, то он обретает стойкое искажение своего биополя. И соответственно, по параметрам своего духа он перестаёт принадлежать к биологическому виду «Человек разумный». Кроме того большинство дурманов являются генетическими ядами, т.е. они нарушают работу хромосомного аппарата и разрушают хромосомные структуры тех, кто их принимает в свои организмы. Именно эти обстоятельства и позволяют назвать этот тип строя психики, — порождённый самими людьми и воспроизводимый культурой общества, — опущенным в противоестественность.

О становлении человечного типа строя психики в процессе взросления в материалах Концепции общественной безопасности см. в работе “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”.

[2] Если живых людей нет (например, народ исчез), или носителей нет (народ забыл свою прежнюю культуру), а есть только тексты на их языке, то выявление миропонимания носителей языка носителями другого языка на

→→→

Одним из факторов, объединяющих людей в обществе, является взаимопонимание; а одним из факторов разобщения — отсутствие взаимопонимания. Взаимопонимание между людьми означает, что одни и те же языковые средства у разных людей вызывают сходные образы; а óбразам одних и тех же явлений в Объективной реальности разные люди сопоставляют сходные конструкции одного и того же языка.

Соответственно взаимопонимание затруднено или исключено, если одни и те же языковые средства у разных людей вызывают разные образы или никаких образов не вызывают. Если одним и тем же явлениям в Объективной реальности разные люди сопоставляют разные языковые конструкции, а эти языковые конструкции исключают переход на основе «синонимов» (слов со сходным или близким значением) от них к другим *языковым конструкциям, обеспечивающим взаимопонимание,* то взаимопонимание между ними также невозможно.

Соответственно *статистической*[1] возможности либо невозможности взаимопонимания друг друга разными людьми в обществе понятия могут быть разделены на две категории:

- понятия *общепризнанные,* которые обеспечивают беспроблемное взаимопонимание в общении достаточно широкого круга людей на принципе «само собой разумения», вследствие чего в совокупности этих понятий выражается «уровень миропонимания» той или иной социальной группы или всего общества;
- понятия, *обособляющие их носителей,* в том смысле, что установление взаимопонимания с ними на принципе «само собой разумения» оказывается более или менее затруднённым, а то и невозможным если и не по всем вопросам жизни, то по некоторым из них[2].

Причины возникновения *обособляющих понятий* состоят в том, что их носители в силу профессиональной специфики, редкости или уникальности своего жизненного опыта:

- либо располагают óбразами, которые не свойственны психике большинства;
- либо владеют более мощным словарным запасом и употребляют языковые конструкции, которые другие не могут разобрать и переосмыслить по-своему;
- либо в их психике устанавливаются связи между óбразами и языковыми средствами, отличные от связей в общепризнанных понятиях;
- либо все три названных фактора как-то переплетаются друг с другом.

В обществе всегда есть некоторое количество людей, которые осознанно и целенаправленно поддерживают существующую традицию миропонимания на основе сложившейся системы общепризнанных понятий. Часть из них делает это потому, что, будучи носителями иного миропонимания, сформированного на основе специфических обособляющих понятий, они паразитируют на обществе, злоупотребляя дефективностью господствующего в обществе миропонимания, сложившегося на основе общепризнанных понятий. Другая часть из них — сами фанатичные жертвы дефективной традиции миропонимания, насаждаемой и культивируемой в обществе первыми. Но и те, и другие едины в том, что всякое отступление от традиции объявляют выражением глупости. С их точки зрения в обществе *«есть два рода дураков: одни не понимают того, что обязаны понимать все; другие понимают то, чего не*

основе их собственного миропонимания — большая научная проблема, требующая для своего решения привлечения специалистов: историков, психологов, языковедов и т.п.

[1] То есть возможности, имеющей место в неком множестве и поддающейся описанию аппаратом теории вероятностей и математической статистики.

[2] Поясним примером: в декабре 2000 г. Ю.М.Лужков попал в рубрику “Комсомольской правды” «Люди, которые нас удивили», благодаря высказанной им фразе: «Государственность должна строиться по линейно штабному принципу».

В ней можно усмотреть призыв к установлению военной диктатуры, …если не знать, что в западных учебниках по менеджменту термин «линейно штабной принцип» подразумевает структуру управления, в которой, во-первых, у каждого подчинённого только один прямой начальник, и во-вторых, некоторые из руководителей вырабатывают управленческие решения и контролируют ход их выполнения подчинёнными подразделениями не в одиночку, а опираясь на работу группы непосредственно руководимых ими сотрудников, за которой закрепилось военное наименование «штаб».

В вопросах теории современного западного менеджмента редакция “Комсомолки” оказалась не сильна, и потому специфический термин — обособляющий профессионалов-управленцев от других профессиональных групп — вызвал ложное понимание и не высказанное удивление: “С чего бы это, *демократ (?)* Юрий Михайлович вдруг стал пропагандировать военную диктатуру?”

Это общая беда современной отечественной и зарубежной журналистики: произносить и цитировать слова без понятия, по причине отсутствия предметно-образных представлений о затронутых журналистикой областях общественной жизни.

должен понимать никто» (В.О.Ключевский, Сочинения в 9 томах, т. 9, Москва, «Мысль», 1990 г., стр. 368).

Этот афоризм при взгляде на него не с точки зрения той или иной сложившейся традиции, а с позиции «что есть истина?», также обладает смыслом. В зависимости от того, что представляет собой обособляющее субъекта понятие, он либо уступает носителям общепризнанных понятий в соответствующих областях деятельности, либо обладает преимуществом над ними.

Обусловлено это тем обстоятельством, что языковые средства принадлежат уровню сознания в психике человека и адресуются прежде всего к сознанию. А субъективные образы, так или иначе связанные с óбразами явлений Объективной реальности, могут принадлежать как уровню сознания, так и бессознательным уровням психики. С уровня сознания действует воля человека, а на бессознательных уровнях психики действуют только автоматизмы внешнего и внутреннего поведения[1]. При этом объёмы информации, перерабатываемые на бессознательных уровнях психики, многократно превосходят *возможности сознания вне трансовых состояний*[2]*:* максимум 15 бит/сек. (т.е. сознание различает не более 15 сменяющих друг друга в течение секунды различных образов, и при скорости проекции 16 кадров и более различные образы сливаются в непрерывное перетекание одних образов в другие, как это мы видим на экране при просмотре кинофильма со скоростью 24 кадра/сек.) и 7 — 9 различных объектов одновременно. Соответственно этой особенности сознания вне трансовых состояний, понятийный аппарат, сложившийся в психике человека (стихийно или в результате его целенаправленных усилий) на основе того или иного языка, представляет собой одно из средств управления обработкой колоссальных объёмов информации в образной «внеязыковой»[3] форме на бессознательных уровнях психики (это обычно мы называем внелексическими óбразами).

Именно благодаря языковым средствам и понятийному аппарату (в котором есть место и общепризнанным, и обособляющим понятиям) образные представления одного человека о чём-либо могут быть переданы другим людям сообразно самим себе со степенью полноты и детальностью, обусловленной жизненными обстоятельствами и потребностями, без привлечения каких-либо экстрасенсорных практик. Вследствие этого неограниченная Объективная реальность, *отображаемая в ограниченную психику человека большей частью в виде внелексических различных образов,* может познаваться в каких-то своих проявлениях опосредованно, т.е. через личный опыт других людей, в том числе и через опыт прошлых поколений, а не только через непосредственный личный опыт самого субъекта.

Кроме того понятийный аппарат, будучи средством сверхплотной упаковки образов бессознательных уровней психики в языковые конструкции, даёт возможность моделировать на уровне сознания (вне трансовых состояний) течение событий в Объективной реальности, в том числе и в ускоренном масштабе времени, что является основой для выбора субъектом наилучшей линии поведения из множества возможных моделей. В этом процессе моделирования с целью построения наилучшей линии поведения именно наличие обособляющих понятий даёт одним возможность осознать вне трансовых состояний, то что другие осознать не могут, либо могут осознать только в трансовых состояниях или на основе специфических духовных практик (разнородные йоги) в каких-то образах, *иносказательно-символических по отношению к осознанию Объективной реальности вне трансовых состояний*. Но точно также именно наличие в их психике обособляющих понятий, грубо (недостаточно детально по отношению к решаемой задаче) или извращённо отображающих явления Объективной реальности, приводит других к более или менее тяжелым ошибкам, а то и к гибели их самих и к не умышленному нанесению ущерба окружающим и Природе.

Понятие возникает в психике субъекта как определённая взаимосвязь между языковыми средствами мышления (выражения мыслей) и субъективными («внеязыковыми» по отношению к языкам, употреб-

---

[1] При этом индивид своё поведение на основе разнородных автоматизмов бессознательных уровней психики может воспринимать как истинную свободу, не задумываясь о том, как эти бессознательные автоматизмы возникли, в чём и как они его ограничивают. Такая “свобода” проявления неосознаваемых индивидом стереотипов поведения, формируемых культурой общества, которая может быть и нравственно ущербной, не сообразной Божьему промыслу, может быть очень жестоким, но не осознаваемым рабством, а индивид будет заложником лжи и ошибок, сосредоточившихся в алгоритмике его бессознательных уровней психики. При этом он будет представлять опасность не только для себя самого, но и для окружающих.

Об этом см. Приложение 1. “Свет мой, зеркальце, скажи…”

[2] В трансовых состояниях сознание способно смещаться в иные частотные диапазоны, в которых его возможности могут многократно превосходить обычные.

[3] Если быть более точным, то бессознательным уровням психики свойственны свои системы кодирования объективной информации в субъективные образы, т.е. свойственны свои языки, которые на уровне сознания большинством в качестве языков не воспринимаются.

ляемым в обществе) óбразами, видéниями, мелодиями, принадлежащими внутреннему миру человека. При этом недопустимо забывать, что образы внутреннего мира представляют собой либо отображения в психику уже существующего в Объективной реальности, либо прообразы того, что может возникнуть в Объективной реальности, в том числе и в результате человеческого творчества. Возникновение понятия в психике индивида — процесс, обладающий направленностью:

- либо от языковых средств, употребляемых обществом или личностью, ⇒ к óбразам внутреннего мира — при слушании, чтении, освоении достижений культуры, обмене мнениями с другими людьми;
- либо от образов и видéний внутреннего мира (в каждом конкретном случае как-то связанных с образами Объективной реальности) ⇒ к языковым средствам, употребляемым обществом или личностью[1], — при непосредственном познании Объективной реальности, при модификации культуры (при такой направленности процесса могут создаваться и новые образные модели Объективной реальности и её фрагментов, и новые языковые средства).

При этом не обязательно, чтобы такая связь между языковой и образной составляющими понятия была определённой раз и навсегда и неизменной: это касается как общепризнанных понятий, так и обособляющих. Необходимо, чтобы такая определённость взаимосвязей возникала всякий раз при употреблении языковых средств для выражения собственного образа мыслей и при стремлении понять образ мыслей других людей — т.е. в своём внутреннем мире подыскать существующие (или вообразить новые) образы для употребляемых другими людьми языковых средств, чтобы иметь возможность в образах своего внутреннего мира моделировать те жизненные явления, на которые другие указывают языковыми средствами, поддерживаемыми обществом.

Всякое новое для общества понятие *возникает (т.е. впервые появляется)* как достояние личности, а не группы лиц. Оно возникает как догадка.

> Догадка представляет по существу своему тоже определённую связь между внелексическими образами, свойственными психике человека, и лексическими формами того или иного языка. Но *от понятия догадка отличается тем, что она не включена в алгоритмику мышления субъекта*.[2]

Субъект может включить догадку в алгоритмику своего мышления, в результате чего она станет его понятием; он может не включить её в алгоритмику своего мышления, но может поделиться ею с кем-либо из окружающих, тот поймёт её и включит в алгоритмику своего мышления, после чего она станет уже его понятием, хотя «догадчиком» был кто-то другой, у кого она понятием не стала (возможно, что «догадчик» примет это понятие потом, когда оно станет более или менее общепризнанным, и будет, возможно, даже «качать» свои «авторские» права); субъект может отмахнуться как от своей, так и от переданной ему другим человеком догадки или утаить её от окружающих по каким-то причинам, и догадку (пока не ставшую ни чьим понятием) поглотит коллективное бессознательное (эгрегор), из которого она может быть востребована кем-либо даже спустя многие века.

Не будучи общепризнанным в обществе понятием в момент своего появления, всякая новая для общества догадка, становясь чьим-либо понятием сначала представляет собой обособляющие субъекта понятие. Оно может таковым и остаться и впоследствии умереть вместе с субъектом (либо несколько ранее в случае, если субъект сам от него откажется ещё при жизни). Но новое понятие может стать и достоянием группы лиц, т.е. стать общепризнанным в ней, если каждое из них выработает одну и ту же определённость объединения в процессе мышления словесно-символьной (языковой) и образной (внеязыковой) составляющих понятия.

> И эта общность *определённой* связи языковой и внеязыковой составляющей понятий является основой взаимопонимания в обществе; а её отсутствие — причиной непонимания.

Соответственно понимание субъектом чего-либо невозможно, если:

- им не освоены необходимые языковые средства;

---

[1] Люди могут быть не только носителями обособляющих понятий, но и носителями обособляющих каждого из них языков.

[2] Т.е. догадка может присутствовать в психике как достояние памяти, которое не используется в процессе мышления вследствие того, что человек может быть с нею не согласен либо может не придавать ей никакого значения (в смысле соответствует — не соответствует Жизни), исключая тем самым её из действующей алгоритмики психики.

- в его психике отсутствуют необходимые образы, в которых субъект мог бы моделировать соответствующие жизненные явления;
- не удаётся установить определённость взаимосвязей между языковой и внеязыковой (образной) составляющими понятия, группы понятий или их последовательности (это одно из выражений неразвитости у субъекта чувства меры, каких-то его граней).

Этими же факторами обуславливается и новизна понятий: могут возникнуть прежде не свойственные образы, которые будут требовать языковых средств для своего выражения в понятиях; для общеизвестных образов определяются новые связи с общеизвестными словами, в результате чего прежде не связанные образы могут оказаться связанными друг с другом через системы ассоциативных связей языковых средств (однокоренных слов, слов сходного звучания, общности контекста словоупотребления и т.п.); и это может изменить миропонимание.

Понимание Жизни как таковой, т.е. миропонимание, может быть ошибочным, извращённым и при неразвитости языковых средств; и при несообразности и несоразмерности субъективных образов психики индивида образам Объективной реальности как таковой; и при ошибках психики в установлении взаимосвязей между языковыми средствами и образами внутреннего мира человека; а также и при ошибках психики в установлении упорядоченности взаимосвязей между различными образами (в парах «образ 1 — образ 2») и между различными понятиями (в парах «понятие 1 — понятие 2»), и между образами и понятиями (в парах «понятие — *образ без слова, т.е. вне понятия)*[1].

Соответственно общепризнанность понятия не является признаком его истинности, а обособляющий характер понятия не является признаком его ошибочности, как точно также не являются признаками его ошибочности или злоумышленной ложности. На вопрос о том, что ложно, что истинно, — даёт ответы только практика жизни на основе употребления понятия и миропонимания в целом.

Если человек в общении с другим человеком в состоянии воспринять из психики другого человека непосредственно те образы и виде́ния, в которых протекает его образное мышление, то ему при *определённых условиях* не нужны языковые средства для того, чтобы пребывать в ладу с окружающими. Если к этому способны двое или более, то им также при *определённых условиях* не нужны языковые средства для того, чтобы пребывать в ладу друг с другом. Условием для этого является единство их *нравственных мерил (стандартов)*, определяющих алгоритмику психической деятельности человека[2], и как следствие — взаимно дополняющие системы отношений каждого из них к потоку событий жизни и виде́ний образного мышления другого, к общему им Миру, к миссии каждого из них в этом Мире[3] (хотя лад с Богом и Миром может ими и не поддерживаться, и они могут согласованно между собой действовать в пределах Божиего попущения).

Потребность в языковых средствах обмена информацией между людьми возникает не столько из-за невозможности для большинства прямого считывания из психики других людей виде́ний их образного мышления, сколько вследствие различия у них нравственных мерил (стандартов), определяющих алгоритмику психической деятельности в целом, поскольку *единство нравственных мерил (стандартов) прежде всего прочего* и открывает более или менее широкие возможности к прямому считыванию виде́ний образного мышления другого человека (иными словами никакое превосходство в энергетической мощи биополей, никакие навыки экстрасенсорики не позволяют считать информацию из психики другого человека, если информация защищена в ней его объективно праведной нравственностью; то, что будет "считано", будет искажено неправедными нравственными мерилами само́го же «психологического хакера»).

Но разные понятия не равнозначны друг другу и в психике индивида. Это обусловлено тем, что в образных представлениях индивида об Объективной реальности не равнозначны и различные образы. Есть небольшая группа образов, которые являются началом построения в процессе мышления всевоз-

---

[1] Такие связи неизбежно возникают, поскольку всякая речь сопровождается некоторыми умолчаниями, которых невозможно избежать так как: *«Если бы море было чернилами для <написания> слов Господа моего, то иссякло бы море раньше, чем иссякли слова Господа моего, даже если бы Мы добавили ещё подобное этому <море>» (Коран, 18:109).*

[2] Смотри Приложение 1. "Свет мой, зеркальце, скажи…"

[3] Такого рода молчаливую слаженность, обусловленную единством нравов, хорошо иллюстрирует анекдот. Считается, что финны — народ малоразговорчивый. Так это или нет, но анекдот сообщает:

В одной финской крестьянской семье родился сын. Родители обрадовались. Ребёнок растёт; но радость сменилась горем: идут годы, а мальчик не разговаривает. Вырос здоровенный красивый парень, и по хозяйству помогает, и добрый, а вот беда: всё молчит. Как-то раз семья села обедать, а он вдруг спрашивает: "А почему суп недосолёный?" — Все в шоке: "Так ты умеешь говорить? что ж ты раньше молчал?!!" — А раньше всё было, как надо…

можных последовательностей образов, видéний, в которых человек отображает течение событий в Объективной реальности и в которых моделирует их возможное развитие и своё участие в них. И реально можно выделить тип мировоззрения, в котором таким началом координат является образ самого себя. Это — «Я-центричное» мировоззрение, и ему соответствует «Я-центричное» миропонимание. В нём предельно обобщающими понятиями (а также первичными различиями во всеобъемлющем понятии «ВСЁ») является набор «материя-энергия-пространство-время».

Это господствующее в нынешней цивилизации мировоззрение и миропонимание, по сути своей неизменное со времён глубокой древности и до нашего времени, хотя на протяжении всего этого времени оно меняло формы.

Так древние египтяне мыслили верховного бога Амуна, слагаемого четырьмя богами-ипостасями:

«В его лице соединились четыре божества: вещество, из которого состоит всё на свете, — богиня НЕТ; дух, оживляющий вещество, или сила, которая заставляет его слагаться, изменяться, действовать, — бог НЕФ; бесконечное пространство, занимаемое веществом, — богиня ПАШТ; бесконечное время, какое нам представляется при постоянных изменениях вещества, — бог СЕБЕК» (В.Водовозов “Книга для начального чтения” СПб, 1878 г.).

И в этом четырёх-ипостасном Амуне жил индивид-человек — «Я-центр», душа, монада.

Пространственно-временной континуум, наполненный материей в агрегатных состояниях вещества и плазмы и физического поля-духа — это то же самое, но уже в мировоззрении науки материалистического атеизма.

Саентологи этому же мировоззрению и миропониманию тоже придали свои языковые формы:

«Принцип, разработанный Хаббардом, теория **Тэта — MEST,** причём Тэта (Θ) (...) представляет собой качество, или потенциал.

MEST (произносится: “мэст”) — новое слово, состоящее из начальных букв английских слов Matter (материя), Energy (энергия), Space (пространство) и Time (время), которые являются составными частями физической вселенной» (из книги Бернда фон Виттенбурга[1], “Шах планете Земля”, Москва, изд. «Новая планета», 1997 г., стр. 441.)

«Тэта (Θ) — единица сознания, её способность созидать».

«Тэта» определяется так:

«Энергия жизни, которая воздействует на материю в физической вселенной, оживляет её, приводит в движение и изменяет» (там же, стр. 433 со ссылкой на “Технический словарь дианетических и саентологических терминов”).

Меняются только слова, но мировоззрение и миропонимание остаётся прежним: собственное «Я» (большое само по себе или «стоящее на плечах гигантов») и четыре предельно обобщающие категории 1) материя (вещество), 2) энергия (дух), 3) пространство, 4) время. Но информации и меры, несущих объективный смысл жизни, нет на протяжении тысячелетий. В результате в среде носителей «Я-центричного» мировоззрения не в спорах рождается истина, а всякая истина рождает нескончаемые бесплодные споры, обрываемые только смертью их участников; в обществе же в результате этого остаются и накапливаются, усугубляясь, беды, обусловленные «Я-центризмом» воззрений и понимания.

Главный и неустранимый порок этого мировоззрения и миропонимания состоит в том, что мировоззрение и миропонимание обусловлены изменяющимися обстоятельствами, в которых оказывается «Я-центр», вследствие чего мировоззрение и миропонимание субъекта неустойчивы, а в результате — Жизнь *для него* непознаваема и непредсказуема. Это мировоззрение и миропонимание без начала координат, по какой причине в нём всё неизбежно утрачивает определённость, в какой-то момент заданную «Я-центром». Вследствие этого «Я-центричное» мировоззрение представляет собой мельтешащий калейдоскоп, и ему на уровне языковых средств соответствует такое же калейдоскопическое миро**НЕ**понимание, хотя в них могут присутствовать более или менее устойчивые мозаичные фрагменты, обслуживающие большей частью профессиональную и обыденную бытовую деятельность субъекта.

Именно выражением господства в обществе «Я-центричного» мировоззрения и миропонимания с более или менее ярко выраженной калейдоскопичностью являются нескончаемые войны, сопровождающие всю историю нынешней глобальной цивилизации, и глобальный биосферно-социальный кризис наших дней, как итог господства калейдоскопического «Я-центризма». И это приводит к вопросу

---

[1] Один из пропагандистов дианетики и саентологии, покинувший лоно саентологической церкви, руководство которой по его мнению захватили «подавляющие личности», за освобождение человечества от гнёта которых, по словам Виттенбурга, боролся всю свою жизнь Л. Рон Хаббард.

О дианетике и саентологии см. нашу работу “Приди на помощь моему неверью…”

даже не об альтернативе этому опасному миропониманию, а к вопросу о наилучшем возможном миропонимании, предопределённом для человека Свыше в качестве нормы[1].

Если возвратиться к алгоритмике возникновения догадок, понятий, взаимопонимания и непонимания в обществе, то выяснится, что на протяжении истории нынешней глобальной цивилизации в обществе было и есть очень много людей, которые по существу действуют с позиций, выраженных в пословице: «хоть горшком назови, только в печку не суй». Иначе говоря, они либо убеждены, либо бездумно допускают, что любое явление можно назвать всяким словом, а определённое представление о Жизни также можно выразить во всяких словах.

Опираясь на эту мировоззренческую позицию толпы, те, кого ныне называют «пиарщиками»[2], полагают, что их дело сводится только к тому, чтобы для описания определённых явлений и выражения определённых представлений о Жизни, свойственных внутреннему миру каждого человека, навязать обществу употребление избранных ими языковых конструкций, соответствующих целям «пиарщиков» и тех, кто за ними стоит.

Сторонники «чёрного» и «грязного» «пиара» могут добавить к этому ещё и свои притязания на то, чтобы именовать словами то, чего реально нет, и даже то, чему нет места в матрице-предопределении бытия Мироздания (иллюзорные понятия, в оболочке реально пустых слов); а так же создавать понятия (в ранее указанном смысле связи образа и языковых конструкций), которые формально лексически сходны с общепризнанными понятиями, но… для каких-то социальных групп являются обособляющими понятиями, поскольку их общеупотребительные в обществе языковые компоненты в этих социальных группах связаны с образными представлениями о Жизни, отличными от общеупотребительных.

Как результат такого рода «чистого пиара» можно расценить возникновение искусственного языка эсперанто. А «грязный пиар» такого рода — марксизм с безмерным (по отношению к Предопределению бытия) блудом его философии[3] (что характеризовало “советский образ жизни” употреблением множества слов в не определённом или в переносном смысле) и метрологически несостоятельной политэкономией. «Грязный пиар» такого рода описан и в сказке Г.Х.Андерсена “Голый король”, которая имеет определённое сходство сюжета с продолжением русской пословицы «про горшок и печку».

Хотя некоторое время общество может жить в «сказке о голом короле», называя «горшком» что-то другое, однако не помещая “горшок” в печку. Но вероятностно предопределённо найдётся кто-то, кто заявит о том, что «король — голый», и это будет благом освобождения от власти наваждения; или найдётся кто-то, кто “горшок”, не предназначенный для того, сунет в печку, что способно в принципе повлечь последствия, далеко выходящие за пределы фантазий сценаристов фильмов-ужасов и фильмов-катастроф.

Но сторонники «пиар-технологий» на основе принципа *«хоть горшком назови» с различными продолжениями* были во все времена истории нынешней глобальной цивилизации. И они прилагали немалые целенаправленные усилия к тому, чтобы установить и поддерживать своё безраздельное господство над обществом в пределах Божиего попущения. Поэтому следы их деятельности присутствуют в той или иной форме в культурах всех народов настоящего и прошлого.

Всё это говорит о том, что связь образных представлений о Жизни в психике человека и языковых форм, объединяющих людей в общество, хотя и представляет собой многовариантную возможность, но среди этого множества вариантов всегда есть *некий наилучший* вариант субъективного миропонимания, на основе которого разными людьми достигается наилучшее взаимопонимание и наилучшее понимание ими Жизни.

При рассмотрении же вопроса о наилучшем понимании Жизни в границах *общества (условно изолированной и условно самодостаточной системы),* выяснится, что миропонимание, наилучшее по отношению к одной концепции устройства общественной жизни, может оказаться наихудшим по отношению к другой. **Но споры об объективно наилучшем и наихудшем миропонимании бесплодны на основе «Я-центричного» мировоззрения вне зависимости от того, привержен ли «Я-центрист» какой-то определённой концепции, либо пытается предстать «объективным», а по существу — концептуально безразличным.**

---

[1] Далее до конца отступления от темы — текст добавленный в настоящую редакцию на основе текста работ ВП СССР “Об имитационно-провокационной деятельности” и “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”.

[2] От английского названия букв, составляющих аббревиатуру «PR»: «Пи+Ар», обозначающую «Public Relations» — «связи с общественностью», в смысле формирование «общественного мнения» в своих интересах или интересах заказчиков.

[3] Об этом в материалах Концепции общественной безопасности см. работу “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”.

История глобальной цивилизации реально такова, что нет необходимости искусственно выдумывать некое альтернативное мировоззрение и миропонимание, а потом испытывать его на предмет, является оно наилучшим либо же его носителям место в дурдоме. На возможность альтернативы калейдоскопическому «Я-центризму» людям давно указано. Обратимся к Корану: *«И вот Мы дали Моисею Писание и Различение: может быть, вы пойдёте прямым путём»* (сура 2:50).

Из цитированного (Коран,2:50) можно понять, что Моисею были даны некие знания, информация, собранные в Писание (истинную Тору, впоследствии выведенную из употребления и подменённую редакцией, извращённой кураторами Библейского проекта порабощения всех), и было дано ещё нечто дополнительно к Писанию, что названо — «Различение». История реально такова, что названное в Коране «Различением» после устранения Моисея было просто скрыто от толпы и узурпировано для внутреннего употребления высшими иерархами библейских «эзотеристов»[1].

Что такое «Различение» можно понять из Корана, где эта тема встаёт многократно: суры 2:50, 3:2, 8:29, 21:49, 25:2, в частности. При обращении к фрагментам *коранического послания человечеству*, в которых наличествует слово арабского языка «Фуркан», переводимое на русский двояко «Различение» и «Спасение», выявится два смысловых слоя, на которые указывает это слово в контексте Корана:

- это вопрос о способности индивида к Различению «этого» и «не этого», «одного» от «другого» в потоке течений событий в Жизни, что по своему существу представляет собой вопрос о выборке информации из потока событий в Жизни;
- это вопрос о том, что именно *дано в Коране в Различение людям* в качестве исходной определённости, от которой человеку дóлжно разворачивать процесс осмысления и переосмысления Жизни.

Первый вопрос может быть сформулирован и иначе:

> Самодостаточен ли человек в способности к выборке из потока событий Жизни информации,
> и прежде всего — «первичной» информации, либо же нет?

Выбор одного из двух ответов на него по своему существу есть выбор одного из двух классов теорий, описывающих становление психики в период взросления и психическую деятельность взрослого человека.

Это так, поскольку вся субъективная психическая деятельность начинается только после того, как *«первичная» информация (т.е. впервые поступившая в ранее свободную от неё психику)* стала достоянием психики субъекта; если информации нет — психика пуста: нет личности, нет человека. То, что это действительно так, показывают факты рождения слепоглухонемых детей, личностное развитие которых общество не могло обеспечить до первой половины XX века, пока не были разработаны специальные педагогические методики. До этого времени такие дети были обречены быть обузой своим близким и влачили до смерти существование, близкое к растительному, поскольку в психику *человека с нормальным набором органов чувств* порядка 95 % информации, обеспечивающей его жизнедеятельность, поступает по зрительному каналу, а из остальных 5 % информации бóльшая часть поступает по слуховому. Но именно эти каналы у них неработоспособны.

Это крайний случай почти полной изоляции души от Мира в теле. Однако и при иных вариантах, исключающих попадание «первичной» информации в психику новорождённого, результат будет подобный врождённой или приобретённой в раннем детстве слепоглухонемоте.

Каждый из двух вариантов ответа на поставленный вопрос порождает и два взаимно исключающих мнения и о возможностях человека в этом Мире:

- Если попадание информации (в том числе и «первичной») в психику полностью обусловлено самой этой психикой и здоровьем организма, то субъект объективно имеет возможность идти по Жизни куда и как хочет.
- Если же попадание информации, и прежде всего «первичной», обусловлено не только психикой и здоровьем организма, но и неподвластными субъекту объективными процессами, включая и прямое распределение информации Богом Вседержителем, то:
    - есть области, куда одному субъекту будет позволено идти в его личностном развитии предоставлением ему соответствующей информации;
    - а другой субъект при всём его рвении не сможет войти в те же области, будучи лишён необходимого информационного обеспечения; не сможет войти в них, по крайней мере до тех

[1] См. об этом в материалах Концепции общественной безопасности работы “Синайский «турпоход»”, “Принципы кадровой политики: государства, «антигосударства», общественной инициативы”, “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”.

пор, пока в результате исключительно своей психической деятельности не изменит в себе самом нечто, после чего ему извне будет предоставлен доступ к соответствующему информационному обеспечению пути и деятельности.

И такого рода различия возможностей субъектов в получении доступа к определённой информации объективны, хотя во многом они обусловлены субъективизмом каждого — его осмысленным отношением к становлению его личности и его отношением к обществу и Жизни в целом.

Но за единичными исключениями все публичные («экзотерические») психологические школы Востока и Запада этого вопроса и выводов, сопутствующих каждому из ответов на него, не видят. А по умолчанию они большей частью исходят из того, что человек самодостаточен в способности к выборке информации из потока событий Жизни.

И эта позиция выражается в большинстве психологических теорий либо гласно, либо по умолчанию, вопреки тому, что:

Управление как таковое (т.е. характеризуемое по существу процесса, именуемого этим термином) представляет собой сочетание адресного и *циркулярного (безадресного)* распределения информации в управляемой системе, влекущее за собой заранее предсказуемые *последствия (как результаты, так и им сопутствующие эффекты)*.

Это общее положение достаточно общей теории управления наводит на мысль о том, что адресное распределение «первичной» и «ответной» информации с заранее известными Богу последствиями, полностью соответствующими целям Его Промысла, — одна из составляющих Его Вседержительности. И соответственно этому:

Человек не самодостаточен в вопросе выборки разнородной информации из потока событий в Жизни, и прежде всего, — в вопросе выборки «первичной» информации, состав которой — «строительный материал» для его мировоззрения и миропонимания, *лежащих в основе выработки им своих намерений, способов их осуществления и поведения в Жизни*. Другими словами, свою психику во взаимодействии с обстоятельствами Жизни человек строит сам, но Кто, как и в русле какой *Высшей целесообразности* поставляет ему «стройматериалы» для его строительства, — об этом большинство не задумывается.

А во многих случаях человек оказывается явно не самодостаточен и в вопросе выборки из потока событий не только «первичной» и «ответной» информации, но и информации, которую условно назовём — *«оперативной», т.е. необходимой ему для осуществления текущих дел и намерений на будущее*.

Когда эта несамодостаточность проявляется в делах житейских, то люди "видят" наяву то, чего реально нет, и не видят того, что реально есть, как то было со всеми "очевидцами" казни и воскресения Христа, которым — по их нравственно обусловленной вере — не дано было Свыше видеть вознесение Христа, упредившее казнь. Также люди в упор не узнают своих знакомых, проходя мимо них на улице и глядя «сквозь них». Не могут встретиться, хотя оба, как потом выясняется, в назначенное ими время встречи были в назначенном месте, и возможно — стояли, злясь друг на друга, по разные стороны одной и той же колонны в вестибюле метро, одновременно начиная обходить её в поисках другого и ходя друг за другом. Они не воспринимают из Жизни, из книг, из сообщений средств массовой информации, из прямых обращений к ним других людей тех сведений, которые необходимы для успеха задуманных ими дел и т.п. И их дела становятся для них суетой или рассыпаются в прах. Показательный пример такого рода "слепоты" явил в "Мастере и Маргарите" М.А.Берлиоз.

Но бывает, что в человеке, в его внутреннем мире что-то происходит, после чего он, как бы смотрит на Мир новыми глазами, и видит и слышит то, чего не замечал накануне; а дела, которые стояли или были безнадёжно зависшими, начинают как бы сами собой идти легко к их благополучному завершению благодаря тому, что информация, которую человек ранее не мог выбрать из потока событий, стала его достоянием.

И после этого он сам удивляется: "Как же так: вот оно всегда было перед глазами, а я проходил мимо, и мне не было до этого дела?"

Объяснение такого рода фактов, известных по их жизни почти всем, несамодостаточностью человека в вопросе выборки информации из потока событий Жизни, просто и ясно:

То, что видится человеку как выборка из потока событий в Жизни «первичной» и «ответной»[1] информации (а в ряде случаев и «оперативной» информации) самим человеком, в действительности является предоставлением ему непосредственно Свыше доступа к информации в обеспечение осуществления Промысла Божиего.[2]

И это объяснение зависания и краха разных дел несамодостаточностью человека в вопросе выборки «первичной» и «оперативной» информации *полностью согласуется с общими принципами организации управления со стороны иерархически высших уровней иерархически низшими вложенными подсистемами в иерархически организованных объемлющих системах.*

И в таком понимании Жизни наука становится составной и неотъемлемой частью религии, поскольку научная истина возникает на основе предоставления человеку в сокровенной обоюдосторонне направленной связи его и Бога (т.е. в религии) самим Богом доступа к «первичной», «оперативной» и «ответной» объективной информации. Другое дело, как человек — носитель субъективизма — осмыслит в процессе освоения предоставленную ему объективную информацию, и *что именно* он устремится делать и будет делать на основе полученного информационного обеспечения.

Утверждение же о самодостаточности человека в вопросе выборки «первичной» и «оперативной» информации из потока событий в Жизни, такого рода факты зависания и краха разных дел списывает на “случайности”. А “объяснение” такого рода фактов беспричинно-бесцельными и потому *необъяснимыми случайностями* негласно подразумевает очень значимые недоговорки:

- как минимум, — ограничение (либо самоограничение) Бога во Вседержительности, вследствие Его якобы неучастия в процессе персонально-адресного предоставления «первичной», «оперативной» и «ответной» информации человеку, а как максимум, — отрицание факта бытия Божиего;
- отсутствие информационно-мѣрной связности Мироздания и его фрагментов во единое целое, поскольку «случайные совпадения» понимаются как совпадения, при объективном отсутствии каких бы то ни было связей и обусловленностей между различными *обстоятельствами, «стёкшимися»* в конкретно рассматриваемый “случай”. При этом под “случайностями” в жизни общества и *людей по одиночке* подразумеваются нравственно-этически не мотивированные, беспричинные и бесцельные стечения удачных или неудачных для кого-то обстоятельств.[3]

Отсутствие информационно-мерной связности Мироздания во единое целое могло бы иметь место в «Мире-калейдоскопе» разноцветных “стекляшек”, мельтешащих и не имеющих друг с другом никаких иных связей, кроме непосредственного соприкосновения вещественных образований.

Но мог бы такой Мир существовать?

— Об этом убеждённые в том, что «Мир — бессвязный калейдоскоп», не задумываются, забыв своё детство, когда они точно знали: чтобы можно было вылепить из песка город или что-либо другое — песок должен быть насквозь пропитан связующим, как минимум — быть влажным (влага, породив силы поверхностного натяжения и трения, должна связывать песчинки друг с другом внутри фигуры). А Мироздание многократно более высокоорганизованная система, нежели детская постройка из песка на пляже или в песочнице[4].

---

[1] Т.е. той, в которой выражается реакция Жизни на его прошлые действия.

[2] Это подобно тому, что происходит в компьютерных сетях, где администратор сети распределяет права доступа пользователей к информации и осуществляет адресную рассылку некоторой информации.

[3] Среди тех, кто убеждён, что это действительно так, есть множество людей, которые, вопреки своим заявлениям об отсутствии причинной нравственно-этической обусловленности и целесообразности “случайностей”, особенно в варианте «невезения» и всевозможных неприятностей, однако верят в “приметы”. И по приметам они судят о надвигающихся благоприятных либо неблагоприятных для них стечениях обстоятельств, тем самым опровергая свои же собственные заявления. Действительно, прежде чем что-то происходит, матрица-сценарий и непосредственное чувство меры (матрицы-сценария) самого человека и многих окружающих его начинают проявлять себя в предзнаменованиях. Многие из предзнаменований, повторясь многократно в жизни многих людей, с течением времени становятся “приметами”, автоматически понимаемыми однозначно всеми в них верующими.

[4] Простейший пример макромира-калейдоскопа — Мироздание, в котором нет гравитации: в нём невозможно существование ничего подобного планете Земля, Солнечной системе и т.п. Пример микромира-калейдоскопа — «электроны» и «протоны», лишённые их электрических зарядов: ни один из атомов нашего микромира в таком микромире существовать не может.

В этих примерах мы затронули только два вида физических полей, а что получилось? А есть и иные поля, до которых наука нынешней цивилизации ещё не допущена, которые незримо от нас оказывают своё воздействие на

→→→

Второй вопрос — это вопрос об исходной определённости, от которой человеку дóлжно разворачивать процесс осмысления и переосмысления Жизни. Обратимся к 25 суре Корана, которая названа “Различение”.

> «1. Благословен тот, кто ниспослал «ал-Фуркан» («Различение»)[1] Своему рабу, чтобы он (т.е. Мухаммад) стал увещевателем для обитателей миров; 2. [благословен] тот, которому принадлежит *власть* <точнее *полновластие:* — наше уточнение при цитировании> над небесами и землёй, который не породил для Себя ребёнка[2], и который ни с кем не делил *власть* <точнее *полновластие:* — наше уточнение при цитировании>. **Он сотворил всё сущее и придал ему [должную] меру.** 3. [Неверные] стали вместо Него поклоняться другим богам, которые ничего не создают, но сами сотворены. Даже для самих себя им не подвластны ни вред, ни польза, им не подвластны ни смерть, ни жизнь, ни воскресение» (в переводе М.-Н.О. Османова).

Те же самые аяты в переводе Г.С.Саблукова:

> «1. Благословен тот, кто ниспослал Фуркан[3] рабу своему для того, чтобы он был учителем мирам, 2. — тот, кому принадлежит царствование на небесах и на земле; у кого никогда не было детей, кому не было соучастника в царствовании; **кто сотворил все существа и предопределяя предопределил бытие их.** 3. А они избрали себе богами, опричь Его, тех, которые ничего не сотворили, а сами сотворены; 4. которые не имеют силы ничего сделать, ни вредного, ни полезного для самих, не имеют силы ни над смертью, ни над жизнью, ни над воскресением».

То же в переводе И.Ю.Крачковского:

> «1(1). Благословен тот, который ниспослал различение Своему рабу, чтобы он стал для миров проповедником, — 2(2). у которого власть над небесами и землёй, и не брал Он Себе ребёнка, и не было у Него сотоварища во власти. **Он создал всякую вещь и размерил её мерой.** 3.(3). И взяли они вместо Него богов, которые не творят ничего, а сами сотворены. 4. Они не владеют для самих себя ни вредом, ни пользой, и они не владеют ни смертью, ни жизнью, ни воскресением».

Разные переводы выражают разные грани смысла, заключённого в словах языка первоисточника, поэтому мы и привели несколько редакций переводов. Как видно из них, одни переводчики отдали предпочтение тому, чтобы выразить по-русски смысл **предопределённости бытия**, другие отдали предпочтение тому, чтобы выразить смысл **меры, размеренности бытия и соразмерности**[4] **в течении событий в Жизни**. А выделенное нами в тексте жирным это — ключи к выходу на систему **неизменно первичных различий** в предельно обобщающей категории «Всё», отвечающих кораническим воззрениям на сотворённое Богом Мироздание, полновластие над которым (в целом и пофрагментно) безраздельно принадлежит только Богу[5], а чьё-либо самовластье иллюзорно и действует только в установленных для него границах Божьего попущения.

Соотнося различные варианты перевода на русский начальных аятов суры 25 друг с другом, их обобщённый многогранный смысл можно выразить по-русски и в следующей *итоговой фразе:*

Бог сотворил всё сущее в Мироздании, *образовав* всё по предопределённой Им `мhре`[6]**.**

жизнь Мироздания и составляющих его объектов и обретающихся в нём субъектов. А чтобы понять значимость того или иного поля, — его необходимо выявить в Жизни и *вообразить в себе*, что произойдёт с Мирозданием, если оно вдруг исчезнет.

[1] М.-Н.О. Османов, переведя «ал-Фуркан» на русский как «Различение», к этой скобке даёт комментарий: «Имеется в виду Коран».

[2] Это к вопросу о никейском догмате о «Боге Сыне».

[3] В переводе Г.С.Саблукова к этому слову дана сноска: «Т.е. Коран».

[4] «Ты не видишь в творении Милосердного никакой несоразмерности. Обрати свой взор: увидишь ли ты расстройство?» — Коран, сура 67:3.

[5] «… Бог дарует Свою власть, кому пожелает» (Коран, сура 2:248).

[6] «Размерил мерой» (перевод И.Ю.Крачковского) эквивалентно тому, что придал всему определённый образ.

Чтобы породить численную определённость пространственной соизмеримости на уровне макромира, потребуется точка, три не совпадающих одно с другими упорядоченных направления, и эталон единичной длины — это `мhра`, порождающая пространство. В этой системе координат три числа, занимающих первое, второе и третье →→→

Т.е. в Коране явно высказано учение о триединстве объективных разнокачественностей материи-информации-мhры — предельных обобщений и первичных различий в Мироздании и предназначено для всех и каждого, а не исключительно для “элиты” «эзотеристов». И это воззрение, открытое обществу для осмысления на протяжении последних уже более, чем 1300 лет, — надёжное начало для развёртывания от него философии как общественной науки, так и мировоззрения и миропонимания как свойств личности. Однако публичная философия по-прежнему выражает мировоззрение и развивает миропонимание на основе объективных разнокачественностей, не являющихся первичными различиями в пределах Мироздания, точно так же, как это было во времена фараонов и четырёх-ипостасного Амуна (пространства, времени, вещества, духа — пространства-времени, материи-энергии). И под её прямым и опосредованным воздействием, осваивая унаследованную от прошлых поколений культуру, люди закрепощаются в мировоззрении и миропонимании калейдоскопического «Я-центризма».

Мировоззрение же триединства материи-информации-меры, выраженное в формулировке: «**Бог сотворил всё сущее в Мироздании, *образовав* всё по предопределённой Им** мhре», — предстаёт не как «Я-центричное», а как богоначальное мозаичное мировоззрение, поскольку мhра — обща всем фрагментам Мироздания. По отношению к придающей ей образ информации вся **материя**, все материальные[1] объекты, выступают в качестве носителя единого общевселенского **иерархически организо-**

место в некотором определённом порядке (формате) задают положение точки относительно начала координат. Если в пространственной соизмеримости назначены координаты множества точек, то они определяют в пространстве образ, будь то множество разрозненных точек, поверхность или объём.

Это — пространственная форма, размеренная в материи-пространстве, пребывающей в каком-то агрегатном состоянии (а не в пустом пространстве-вместилище). Если задачу придания численной определённости решать по отношению к агрегатному состоянию материи-пространства, это значит, что необходимо придать численные характеристики квантам материи (её структурным единицам), вследствие чего агрегатное состояние материи вне и внутри пространственной численно определённой формы может оказаться разным и некий объект проявится в материи-пространстве по признаку различия агрегатных состояний материи внутри и вне ранее метрически заданной пространственной формы.

Если же внутри и вне пространственной формы агрегатное состояние материи-пространства одно и то же, то мы придём к афоризму, в разные эпохи приписываемому разным выдающимся скульпторам. На вопрос о том, как он делает свои шедевры, скульптор ответил: *“Я беру глыбу мрамора и отсекаю от неё всё лишнее”,* — действительно, лучше не скажешь.

Этот процесс отсечения лишнего от глыбы, содержащей в себе пространственную форму, может быть описан численно как программа для работы станка с числовым программным управлением. Скульптор же действует на основе своего *глазомера* и мыслит образами, вследствие чего процесс численного соизмерения материи-пространства на уровень его сознания в процессе творчества не выходит, хотя образы внутреннего его мира также содержат в себе численную определённость, как и все прочие. В процессе ваяния, осуществляемого хоть станком с ЧПУ, хоть творческими усилиями человека, образ, объективно уже существовавший как информация, записанная при помощи некоторого кода, переходит на иной материальный носитель. Разница в том, что в станке с ЧПУ работает один из кодов, порождённых культурой общества, а человек-ваятель творит на основе данного ему Свыше подмножества общевселенского иерархически многоуровневого кода-мhры; иными словами код для станка стал работать только после того, как культура достигла определённого уровня развития, а код-мhра для человека работает издревле с момента появления вида Человек Разумный.

Но после того, как получен скульптурный образ, остаётся вспомнить древнегреческую легенду о скульпторе Пигмалионе и Галатее, которая иллюстрирует процесс изменения численной (количественной и порядковой) определённости, обуславливающей агрегатное состояние материи внутри пространственной формы, в результате чего холодный мрамор преобразился в плоть, а статуя превратилась в девушку, ставшую супругой скульптора. И как неоднократно уже в истории говорилось, каждый человек сам по отношению к себе и «неотёсанный мрамор» (либо «глина»), и «Пигмалион», и «Галатея».

Движение пространственной формы относительно избранной системы координат превращает форму в «вибрации» — мелодию и аккомпанемент, а запись «вибраций» (мелодии и аккомпанемента) в пространстве порождает пространственную форму: это соотношение в культуре цивилизации лучше всего проявилось в граммофонных пластинках с механической записью звука в качестве рельефа дорожки. Соответственно, афоризм «архитектура — это застывшая музыка» — по существу правильный афоризм. А соизмерение одного движения с другим порождает время.

Эти примеры показывают, что численная определённость (количественная и порядковая) и образность мира (естественно материального) взаимно связаны. Можно привести другие примеры, которые покажут, что также взаимно связаны численная определённость и «мелодии и аранжировки» как в природе, так и обществе. Показать же отсутствие этой взаимосвязи не удастся.

[1] Вообще-то эпитет «материальные» по отношению к объектам лишний, поскольку как ясно из изложенного тот же самый объект является и информационным, и метрическим. Но это дань сложившейся традиции «Я-центричного» мировоззрения, в которой материя входит в состав набора первичных различий и предельно обобщающих отождествлений, а информация и мера — нет. Мы надеемся, что присутствие этого, вовсе не обязательного по существу, эпитета в тексте упростит для читателя сопоставление мировоззрения коранического триедин-

→→→

ванного многоуровневого информационного кода — общевселенской мhры. По отношению к **информации** мhра — код. По отношению к **материи** эта общевселенская мhра выступает как многомерная (содержащая частные меры) **вероятностная** матрица возможных её состояний, образов и преобразований, т.е. "матрица" вероятностей и статистических предопределённостей[1] возможных состояний; это своего рода «**многовариантный** сценарий бытия Мироздания», предопределённый Свыше. Он статистически предопределяет упорядоченность частных материальных структур (их информационную ёмкость) и пути их изменения при поглощении информации извне и при потере информации, несомой материей в какой-то кодовой системе.

И то, и другое может сопровождаться нарушением идеальной соразмерности, гармонии как отдельных фрагментов структуры, так и её иерархичности в целом. Утрата соразмерности — деградация, но по отношению к объемлющим структурам и системам, объемлющим множество структур, деградация каких-то частных их фрагментов может быть развитием структуры (системы) в целом. Так цветочная почка проходит путь: почка, бутон, цветок, плод, семя, растение: и деградация элементов неотделима от развития системы в целом и её объемлющих (в этом смысле иерархически более высоких) систем.

Система предельно обобщающих отождествлений и первичных различий в Мироздании — **триединство материи-информации-**мhры, исключает калейдоскопичность мировоззрения тем в большей степени, чем менее глух человек к данному ему Свыше ***чувству** мhры.* «**Чувство** мhры» — это не пустые слова и не слова, неопределённо как понимаемые, и потому произносимые подчас не к месту. Они прямо указуют на то, что человеку дано **шестое чувство, которое по его существу является его личным средством восприятия** мhры **— Божьего предопределения**.

Но это чувство никчёмно для носителя «Я-центричного» мировоззрения, выстраиваемого им от себя в направлении обозримых и воображаемых пределов Мироздания в пустых вместилищах пространства и времени, поскольку приносимая им информация ставит индивида перед необходимостью отказаться от «Я-центризма». С переходом же к мышлению на основе неизменно первичных различий триединства материи-информации-меры *чувство меры* обретает особую значимость, поскольку мысленное древо и мозаичность мировоззрения обусловлены во многом его развитостью. Переход же от «Я-центризма» к мышлению в категориях триединства материи-информации-меры не всегда осуществляется одномоментно, но может потребовать некоторого субъективно обусловленного времени, в течение которого индивид остаётся практически без работоспособного мировоззрения, потерявшего устойчивость.

Поскольку всякий язык предстаёт как система кодирования информации, то мировоззрение триединства **материи-информации-**мhры относит языковые средства культуры к мhре — Божиему Предопределению бытия Мироздания. Вследствие этого и в границах общества вопрос о наилучшем, — *но уже в абсолютном смысле осуществления Божиего Промысла,* — миропонимании оказывается обусловленным Предопределением бытия и Различением, даваемым Богом непосредственно каждому соответственно его нравственности и целям Промысла. Соответственно этому процесс становления и совершенствования мировоззрения и миропонимания личности кратко может быть описан так.

Совокупность образов, лежащая в основе мировоззрения личности, возникает в процессе Различения, даваемого каждому непосредственно Богом. Мировоззрение — как система взаимосвязей и преобразований различных образов — нравственно обусловленный продукт образного мышления индивида. Язык — фрагмент меры, Предопределения бытия, системы кодирования информации; в данном случае — кодирования субъективных образов индивида, которые являются или отображениями образов Объективной реальности, или измышленными человеком прообразами того, возникновение чего возможно в Объективной реальности (конечно, если они не являются плодами фантазии, не знающей чувства меры-Предопределения, осуществление грёз которой невозможно). Этот процесс может быть интерпретирован как сетевой спиральный процесс преобразования объективной информации в Жизни Объективной реальности, частью которой является каждый человек:

1. Образы Объективной реальности в даваемом Богом Различении преобразуются в субъективные различные образы индивида.

ства **материи-информации-**мhры и разновидностей «Я-центричных» мировоззрений четырёх-ипостасности **материи-духа-пространства-времени**.

[1] Различие терминов «вероятность» и «статистическая предопределённость» имеет место за пределами раздела математики, именуемого «теория вероятностей и математическая статистика» и поясняется в Достаточно общей теории управления. С точки зрения Достаточно общей теории управления «теорию вероятностей» правильно было бы назвать по её существу: *математическая теория мер неопределённостей.*

2. Субъективные образы выстраиваются в нравственно обусловленную систему — мировоззрение субъекта.
3. Субъект кодирует свои образы в языковые средства, в результате чего возникает его миропонимание — понимание Жизни. Миропонимание возникает в результате совместной работы процессно-образного и дискретно-логического мышления и также нравственно обусловлено. При этом языковые средства:
   - во-первых, более или менее объединяют множество субъектов в общество (суперсистему) во взаимопонимании на основе сходства их миропонимания;
   - а во-вторых, будучи фрагментом общевселенской мhры, они, выражая миропонимание субъектов (как персонально, так и обществ), непосредственно управляют матрицами-предопределениями бытия, возможностью или невозможностью осуществления (в том числе и НЕТЕХНОГЕННОГО[1]) тех или иных событий в Объективной реальности.

   Тем самым 3-е завершает виток спирали, и открывается возможность перехода к началу последующего витка: образы Объективной реальности в даваемом Богом Различении преобразуются в субъективные различные образы индивида…[2]

В этом же процессе, который индивид обуславливает своими нравственными мерилами, управляющими всею алгоритмикой его психической деятельности, он или удаляется, или приближается к наилучшему в смысле Божиего Предопределения миропониманию — установлению совокупности взаимосвязей мировоззрения и языковых средств, выражающих как субъективные образы в их взаимосвязи в пределах субъективной мировоззренческой системы, так и её взаимосвязи с Жизнью.

Этот процесс установления наилучшего соответствия мировоззрения (его тоже надо собрать из различных разрозненных образов) и языковых средств (которыми необходимо грамотно владеть, чтобы соответствовать внутренней мере-логике языка как такового) можно уподобить сборке «кубика Рубика»[3]:

- наилучшее мировоззрение — одна правильно сложенная грань кубика.
- наилучшая ладность языка (изящество потока слов) — противоположная ей правильно сложенная грань кубика.
- но есть ещё четыре грани, которые могут оставаться более или менее беспорядочными и при правильно собранных гранях, названных «мировоззрение» и «ладность языка».

[1] Материалистический атеизм и сторонники взгляда «хоть горшком назови, только в печку не суй» отрицают «магию слова», т.е. они утверждают, что изречение слов с соображением не способно оказать прямого (помимо других людей) влияния на течение природных и внутриобщественных процессов. Так материалистический атеизм отрицает сам себя, поскольку при изречении слов с соображением излучаются биополя, несущие эту информацию, и это *излучение, несущее информацию в общевселенских кодах,* способно оказать прямое непосредственное воздействие на существование и преобразование как природных, так и внутриобщественных процессов.

При этом отрицающие за изрекаемым словом непосредственную властную функцию в Мироздании обрекают себя сами на *горе от ума* в полном соответствии со смыслом слов *горе от <извращённого> ума.*

[2] Это сетевой спиральный процесс, нормально длящийся на протяжении всей жизни человека, более обстоятельно рассмотрен в работе ВП СССР “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”.

[3] Для тех, кто не знает: «кубик Рубика» — игрушка-головоломка, изобретённая венгром Рубиком, была очень популярна в конце 1970-х — начале 1980-х гг. «Кубик Рубика» представляет собой кубик, разрезанный параллельными его гранями плоскостями так, что каждая грань слагается из 9 квадратиков-сегментов. Соответственно между двумя любыми противоположными гранями «кубика Рубика» оказывается три слоя «кубиков»-сегментов меньшего размера. В центре «кубика Рубика», внутри него помещён шарнир, с которым соединены все наружные сегменты «кубика Рубика». Конструкция шарнира такова, что каждый наружный слой «кубиков»-сегментов может быть повёрнут вокруг оси, перпендикулярной его наружной грани, относительно двух других ему параллельных слоёв. У куба 6 граней, соответственно — три взаимно перпендикулярных оси, вокруг которых вращаются слои сегментов «кубика Рубика».

Кубик поставлялся в виде, когда все его подвижные сегменты находятся в таком положении, что каждая из его граней одноцветная (каждая грань покрашена в свой цвет). Если повращать слои в разных направлениях и в разной последовательности, то одноцветность каждой из граней утрачивалась. Целью игры являлось восстановить одноцветность всех граней, т.е. привести кубик в состояние, в котором каждая грань имеет свой цвет.

Устраивались соревнования, писались статьи об алгоритмах сборки «кубика Рубика», все были охвачены энтузиазмом до такой степени, что в одном зоопарке «кубик Рубика» показали горилле. Потом его покрутили и горилле отдали в пёстрогранном состоянии. Она крутила его минут пять, безуспешно пытаясь собрать, но пришла в крайнее раздражение, запустила им в стену и… брызнули разноцветные сегментики и чудо-шарнирчик, разлетевшись в разные стороны.

Поскольку в любом из вариантов, всегда присутствуют какие-то связи между как-то выстроенным мировоззрением и как-то освоенными навыками употребления языковых средств: эти четыре грани можно считать аналогом «ассоциативных связей» в психике человека. И соответственно наилучшее миропонимание можно уподобить «кубику Рубика» с 6-ю гранями, каждая из которых приведена к своему цвету: правильно сложенные грани «мировоззрение» и «языковые средства», соединённые правильно собранными четырьмя другими гранями-связями — пёстрых граней нет.

Соответственно кто-то сможет собрать наилучшим образом грань «мировоззрение», не сумев привести в соответствие с ним всё остальное — этих почитают невыразимо мудрыми, себе на уме. Кто-то сможет собрать наилучшим образом грань «ладность языка», не сумев выстроить ни мировоззрение, ни понятийный аппарат — этих называют пустобрёхами. Но *человеку* необходимо собрать наилучшее мировоззрение, выразить его в наилучшей ладности слов, т.е. стать, по-русски говоря, *краснобаем*, какое слово утратило свой истинный смысл и стало синонимом пустобрёха. Тем более человеку нельзя уподобляться реальной либо выдуманной горилле, в раздражении разбившей данный ей «кубик Рубика» о стенку.

При этом необходимо помнить, что миропонимание — своего рода «кубик Рубика» в психике каждого человека, но в отличие от игрушечного — «кубик», *снабжённый самоликвидатором и замкнутый на внешние средства ликвидации своего носителя*. Вследствие этого умышленные или не умышленные отступления от идеально наилучшего миропонимания представляют опасность как для тех, кто их совершает (а тем более пытается навязать другим в качестве нормы), так и для окружающих и потомков, если те оказываются не в силах их выявить и устранить.

С вопросом о наилучшем миропонимании оказывается связанным и вопрос о соотношении умолчаний[1] и оглашений. Ни одна информационная система (а равно информационный процесс) не может быть построена исключительно на информации, вводимой в неё по оглашению. Всегда в ней присутствует какая-то сопутствующая информация, вводимая по умолчанию[2].

«Оглашения» — это прежде всего языковые средства и непосредственно связанные с ними образы. То есть «оглашения» представляют собой поверхностный[3] слой понимания какого-либо вопроса и его связей с информационным фоном.

В психике же человека сам вопрос и его информационный фон — это его субъективные образные представления об Объективной реальности. По отношению к языковым средствам они и представляют собой всю совокупность «умолчаний».

При построении описания в «оглашениях» из всей совокупности субъективных образов, представляющих собой мировоззрение, какие-то образы и их группы обретают определённые связи с языковыми средствами «оглашений».

Описание же всякого вопроса в «оглашениях» может быть разной обширности: от нечленораздельного междометия, однако понятного тем, кому оно адресовано, до многотомного трактата, не поддающегося завершению вследствие того, что всякий частный вопрос связан с информационным фоном, образуемым множеством других вопросов, а в себе самом содержит множество аспектов, которые, в свою очередь, связаны и между собой, и с информационным фоном; детализировать же «описание в оглашениях» самого вопроса и его информационного фона можно до бесконечности: **«Если бы море сделалось чернилами для написания слов Господа моего, то иссякло бы море раньше, чем иссякли бы слова Господа моего, даже если бы Мы добавили ещё одно подобное ему море»** (Коран, 18:109, на основе переводов И.Ю.Крачковского и М.-Н.О. Османова).

---

[1] Исторически сложившиеся языки разных народов обладают различной грамматикой, морфологией, разными ассоциативными связями. Поэтому одно из умолчаний в психологии и лингвистике — это вопрос о наиболее выразительном языке, который способен нести наилучшее для человечества миропонимание.

[2] Например, оглашению «треугольник АВС — прямоугольный» по умолчанию сопутствует вся информация, относящаяся к свойствам прямоугольных треугольников. Эта информация объективна и свойства прямоугольных треугольников были таковыми до того, как математики огласили их в соответствующих теоремах. В решении соответствующего круга задач, *обладая чувством меры,* ими можно пользоваться, не зная ни формулировок соответствующих теорем, ни их математически строгих доказательств.

Но вся информация принадлежит Предопределению бытия Мироздания, которая связывает друг с другом различные информационные фрагменты, частным случаем чего является приведённый пример с оглашением «треугольник АВС — прямоугольный» и сопутствующими умолчаниями: «сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы», «гипотенуза представляет собой диаметр описанной вокруг треугольника окружности» и прочими.

[3] «Поверхностный» не в смысле «недостаточный», как в оборотах речи «поверхностные знания», «поверхностный взгляд», а в прямом смысле — непосредственно открытый обозрению подобно поверхности, под покровом которой может скрываться ещё многое и многое.

Субъект сам вольно (осознанно целеустремлённо) или невольно (под водительством алгоритмики бессознательных уровней его психики) ограничивает объём описания в «оглашениях». В подавляющем большинстве случаев процесс формирования описания в «оглашениях» не сопровождается крахом или преображением того мировоззрения, которое субъект выражает в своём описании чего-либо языковыми средствами. Соответственно в зависимости от избранного объёма «описания в оглашениях» в поверхностный слой понимания оказываются включёнными с бóльшей либо меньшей степенью детализации бóльшие либо меньшие области мировоззрения, остающегося самим собой, вне зависимости от объёма и тематического спектра «описания в оглашениях».

Но сами задачи и обстоятельства их решения достаточно часто требуют, чтобы в оглашениях была выражена информация, прежде остававшаяся в умолчаниях.

> Если с миропониманием всё в порядке, то раскрытие прежних умолчаний не сопровождается отрицанием прежних оглашений.

Это происходит вследствие того, что одна и та же по существу система субъективных образных представлений об Объективной реальности — мировоззрение, информация по умолчанию — лежит и в основе относительно краткого, и в основе более детального «описания в оглашениях» какой-то проблематики.

Если же выявляется несовместимость прежних оглашений и вновь раскрытых умолчаний, то это является основанием для того, чтобы:

- перестроить систему образных представлений о Жизни — об Объективной реальности;
- пересмотреть «словарный запас» и личностную грамматику употребления соответствующих языковых средств;
- пересмотреть выявившиеся несовместимые друг с другом понятия и догадки *как определённость взаимного соответствия компонент мировоззрения и языковых средств;*
- и на основе этого, переосмыслив Жизнь, изменить своё прежнее миропонимание.

Разрешится ли в этом процессе внутренний конфликт миропонимания субъекта в пользу прежних оглашений или в пользу вновь раскрытых умолчаний, зависит от существа выявленного конфликта «умолчания — оглашения» и нравственно обусловленной алгоритмики разрешения такого рода конфликтов в психике субъекта.

Отказ от разрешения такого рода конфликтов «умолчания — оглашения» вне зависимости от причин и мотивировки (они не всегда совпадают) способствует росту калейдоскопичности процессно-образного и дискретно-логического мышления, что может завершиться неоспоримо выраженной шизофренией и самоликвидацией субъекта.

Далее продолжение основного текста.

*   *
*

Всё, что бывает явлено в Откровениях или наваждениях, предстаёт перед бодрствующим сознанием или в памятном сновидении индивида в образах и в языковых средствах его внутреннего мира. Это обще и Откровениям, и наваждениям. Различие между Откровениями и наваждениями в том, что Откровения открывают путь в Царствие Божие, *если человек утруждает себя тем, чтобы понять их смысл и перестроить соответственно ему свои нравственные мерила, психическую деятельность, миропонимание и этику как внутреннюю, так и внешнюю;* а наваждения — поддерживают и усугубляют заблуждения и извращённость нравственных мерил, всей психической деятельности, миропонимания и этики как внутренней, так и внешней. Возможно и наложение Откровений и наваждений друг на друга, их смешение, причиной чему могут быть единственно какие-то пороки нравственных мерил самого человека, во внутреннем мире которого происходит такого рода наложение или смешение.

> Вследствие такого рода одинакового характера возникновения во внутреннем мире человека Откровений и наваждений оказывается, что человек сам решает, с чем именно он имеет дело: с Откровением, с наваждением, со смешением Откровения с наваждением; он сам решает, как отнестись к тому, к другому и третьему. И чтобы ни говорилось ему лично в такого рода прямых обращениях к нему через его внутренний мир, суждение о том, с чем именно он имеет дело, выносит *совесть самого человека, обличающая его неправедность*.

Это касается как «малых» Откровений и наваждений, затрагивающих исключительно индивида, так и «больших», «стратегических» Откровений и наваждений, способных изменить судьбу того или

иного народа, а также и всей глобальной цивилизации на многие тысячелетия вперёд, а возможно — изменить раз и навсегда. Функциональное назначение «стратегических» Откровений и наваждений — изменить необратимо господствующее в обществе миропонимание, обуславливающее характер воспитания будущих поколений, а также и уровень миропонимания. Если эту цель удаётся осуществить, то:

- прежние языковые средства будут вызывать новые образные представления об Объективной реальности;
- могут появиться какие-то новые языковые средства для выражения прежде не свойственных культуре общества образных представлений;
- может перестроиться система взаимосвязей понятий («мысленное древо»), при этом какие-то понятия отомрут либо полностью, либо изменятся в своих языковых и образных составляющих, станут уместными в прежде несвойственном для них контексте или станут неуместными в прежде свойственном.

Но так или иначе всегда есть разрыв — пропасть между миропониманиями: тем, которое господствует в обществе, и тем, которое выражает всю полноту явленного в «стратегическом» Откровении или «стратегическом» наваждении. То есть «стратегические» Откровения и наваждения всегда приводят к появлению обособляющих понятий. Причём не просто обособляющих понятий, а ключевых обособляющих понятий, которые открывают (в случае Откровений) либо закрывают (в случае наваждений) пути к более высокому уровню миропонимания и человечному качеству жизни.

Кроме того, явленное во внутреннем мире одного в подавляющем большинстве случаев недоступно непосредственному восприятию других, поскольку ныне господствующая культура не учит навыкам “трансляции” другим субъектам своего ви́дения Объективной реальности и явлений своего внутреннего мира; не учит навыкам произвольного осознаваемого приёма такого рода произвольных и непроизвольных “трансляций”, осуществляемых другими. Соответственно для распространения явленного «пророкам» среди остальных членов окружающего их общества остаются только языковые средства, развитые и поддерживаемые в его культуре: прежде всего изустная речь и письменность[1].

При этом необходимо понимать, что и сам «пророк» в момент явления в его внутреннем мире «стратегического» Откровения или «стратегического» наваждения в подавляющем большинстве такого рода случаев — один из носителей господствующего в обществе миропонимания, а не носитель того миропонимания, которое выражает всю полноту ему явленного. И если он имеет дело с Откровением, то, чтобы передать другим явленное ему, он должен Откровение понять первым, а потом выстроить путь, мост к новому миропониманию, используя то миропонимание, что сложилось в обществе; используя те языковые средства, которые распространены в обществе, возможно вводя в употребление новые языковые средства, способные наилучшим образом передавать миропонимание, выражающее Откровение, в том числе и сформировать мировоззрение, соответствующее Откровению. То же касается и «стратегических» наваждений, с тою лишь разницей, что жизнь в соответствии с Откровениями течёт в направлении Царствия Божиего на Земле, а деятельность, подчинённая наваждениям, препятствует его осуществлению.

Если же «стратегическое» Откровение действительно несёт в себе миропонимание будущих эпох, то может случиться так, что на протяжении длительного времени образная составляющая этого миропонимания будет выражаться в не соответствующих ей языковых средствах, поддерживая тем самым параллельное существование прежнего миропонимания на основе прежних образных представлений об Объективной реальности. Это порождает в обществе условия, в которых возможна длительная и жестокая борьба представителей двух тенденций:

- сохранить и поддерживать прежнюю систему образного представления в психике людей об Объективной реальности как за счёт обрезания явленного в Откровении языковыми средствами,

[1] Так уж случилось, что в эпоху деятельности тех, кого в культовых вероучениях называют «пророками», мультипликация, тем более с компьютерной графикой и звукосинтезом, не существовала. Поэтому никто не выразил в «мультфильмах» явленного им во внутреннем их мире в тех или иных кинематографических образах. “Экранизации” нынешней эпохи (“Суперкнига”, “Принц египетский”, и т.п.) вне зависимости от того, являются ли они культовыми, либо порицаются той или иной церковью, подобно фильму “Последнее искушение Христа” (режиссёр Мартин Скорсезе, 1988 г.), выражают образное представление не тех, кого принято называть «пророками», и не очевидцев событий, а образное представление программистов психики современного общества.

Это же касается и советского “антирелигиозного” фильма 1920-х гг. “Праздник святого Йоргена”, авторы которого очень точно показали жизненную правду построения и поддержания культов идеалистического атеизма. И хотя этот фильм был создан в русле кампании пропаганды материалистического атеизма, но он не клевещет на Промысел и не опошляет его, хотя “воцерковленные” полагают иначе.

свойственными прежнему миропониманию, так и за счёт попыток выражения прежней системы образных представлений об Объективной реальности в языковых средствах, выражающих Откровение (в этом случае борьба идёт за взаимоисключающее понимание одних и тех же слов).

- вытеснить прежнюю систему образного представления об Объективной реальности как за счёт придания иного значения смысловым конструкциям языковых средств, так и за счёт введения в употребление новых языковых средств, что одинаково вынуждает тех, кто с ними сталкивается, порождать в своём внутреннем мире новые образные представления об Объективной реальности, формируя тем самым миропонимание, выражающее Откровение.

Если человек следует второй тенденции, то он оказывается перед необходимостью вести себя по жизни в самодисциплине соответственно новому миропониманию, изменять свои нравственные мерила, что влечёт за собой перестройку алгоритмики всей его психической деятельности, включая и участие в коллективной психике (эгрегорах). Тем самым он изменяет культуру общества, его эгрегоры.

Воспрепятствовать кому бы то ни было *жить по совести и, возможно, обрести в такой жизни «стратегическое» Откровение*, «не проявленные» и проявленные противники Промысла — «чёрные» и «грязные» «пиарщики» всех эпох — не могут. Но поскольку они на протяжении всей истории нынешней глобальной цивилизации играют одну из ведущих внутрисоциальных ролей в управлении глобальным и региональными историческими процессами, то они, преследуя свои интересы, сами решают, что объявить Откровением, а что искоренять молча, без объяснения причин; что искоренять гласно, как-то объяснив причины и цели и объявив сатанизмом. Соответственно они решают, кто — «пророк», а кто — «лжепророк». Именно они решили, что «пророк Божий», «ветхозаветный евангелист» — Исаия. А Соломон — только царь, но никак не один из благовестителей беззаветной веры Богу.

Что Соломон получил прозвище Премудрый, — так это не их заслуга: так решил народ, в понимании которого деятельность и характер царствования Соломона качественно отличались от деятельности и царствования всех иных царей. Народной молве они запретить не могли почитать Соломона Премудрым, но в культивируемом ими каноне “священного” Писания они подменили радостную жизнеутверждающую Премудрость Соломона проповедью насаждения отчаяния и невежества Екклесиаста:

«… во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Екклесиаст, 1:18); «и возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё — суета и томление духа! (Екклесиаст, 2:17); «суета сует, сказал Екклесиаст, всё — суета!» (Екклесиаст, 12:8),

— хотя действительно суета — только то, что умышленно или бездумно-неосознанно противится Промыслу; жизнь же в русле Промысла радостна, преисполнена смысла и мудрости, освобождающей от скорбей и отчаяния.

В настоящей работе мы предметно показали этот вид селекционной работы («пророк — не пророк», «откровение — не откровение») «не проявленных» и проявленных заправил библейской цивилизации на их отношении к Соломону и Исаии лично, и на их отношении к культурному наследию каждого из них. Но этот пример — только иллюстрация общего принципа, которому они следуют: все, кто деятельно поддерживает и проповедует святость расистской доктрины порабощения мира и человечества на основе освящённой Библией ростовщической монополии еврейства[1], — «боговдохновенные пророки» и «святые ревнители истинной веры»; все, кто остаётся безучастным, — заблудшие, которых надо ввести в «истинную веру»; все, кто деятельно противится распространению и утверждению этой мерзости, — «сатанисты», которых необходимо подавлять и искоренять[2].

К лику «святых страстотерпцев» они могут причислить также и тех, кто не нашёл выхода из идейного плена этой доктрины и, подчинившись её проведению в жизнь, покорился ей, согласившись принять на себя роль жертвы, возможно, что увлекая за собой тысячи и миллионы других людей, став для них образцом для подражания. Последний пример такого рода — канонизация “россиянской” библейски-“православной” церковью императора Николая II.

В результате такого рода селекционной работы «пророк — богоотступник», проводимой на протяжении тысячелетий, сложилось множество вероучений, проповедующих идею единобо-

---

[1] То, что еврейство представляет собой не расу господ, как мнится многим, а «дезинтегрированный биоробот» (робот, алгоритмика поведения которого своими различными фрагментами распределена по психике многих индивидов) — остаётся в умолчаниях, вне понимания даже многих посвящённых.

[2] Так было по крайней мере до появления саентологической церкви: там цель та же — порабощение человечества под видом освобождения, но средства и методы другие. Поэтому сторонники библейского проекта порабощения первыми и вступили в борьбу со своими конкурентами — саентологами.

Наши взгляды на саентологию изложены в работе “Приди на помощь моему неверью…”.

жия, в которых *демонический вымысел* паразитов-властолюбцев выдаётся за благой Божий Промысел. Существование западной региональной цивилизации под концептуальной властью этих вероучений и их хозяев поставило всю планету на грань глобальной биосферно-экологической и военной катастрофы.

Но далеко не все, даже в эпоху практически безраздельного господства в обществе этой мерзости, так подчинялись ей. В юношеском произведении А.С.Пушкина (осмеянном в “Двенадцати стульях” И.Ильфом[1] и Е.Петровым[2]) — в “Гавриилиаде”, порицаемой иерархами-вероучителями всех библейских культов, — есть такие строки:

С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.

Бог наградил в нём слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин.
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Приведённые строки из поэмы 18-летнего Пушкина об этом: о конструировании и раскрутке «пророков». За это прозрение и оглашение, а также и за то, что не смогли обуздать Пушкина, его убили накануне биоритмически очередного творческого взлёта, сыграв на личностных, нравственно обусловленных слабостях поэта, и замаскировали умышленное организованное убийство под дуэль, обычную для практики той эпохи.

Каким был в жизни исторически реальный Моисей? — это вопрос особый. Как в Библии представлено два взаимно исключающих образа Бога точно так же в ней представлено и два взаимно исключающих друг друга образа Моисея. Один “Моисей” положил начало доктрине порабощения человечества на основе ветхозаветно-талмудического расизма и иудейской монополии на знание и ростовщичество. Другой Моисей, пребывая среди евреев, противостоит этой доктрине и действует в русле богословия Русской цивилизации. И в библейском тексте сохранилось описание следующего эпизода, который показывает, что сам исторически реальный Моисей понимал смысл пророческой миссии человека совершенно не так, как это представляют служители библейских культов:

«24. Моисей вышел и сказал народу слова Господни, и собрал семьдесят мужей из старейшин народа и поставил их около скинии. 25. И сошёл Господь в облаке, и говорил с ним, и взял от Духа, Который на нём, и дал семидесяти мужам старейшинам. И когда почил на них Дух, они стали пророчествовать, но потом перестали. 26. Двое из мужей оставались в стане, одному имя Елдад, а другому имя Модад; но и на них почил Дух [они были из числа записанных, только не выходили к скинии], и они пророчествовали в стане. 27. И прибежал отрок и донёс Моисею, и сказал: Елдад и Модад пророчествуют в стане. 28. В ответ на это Иисус, сын Навин, служитель Моисея, один из избранных его, сказал: господин мой Моисей! запрети им. 29. Но Моисей сказал ему: **не ревнуешь ли ты за меня? о, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!** (выделено при цитировании нами)» (Числа, гл. 11).

Ответ Моисея Иисусу Навину в приведённом эпизоде хотя и сохранился, но всё же подвергся искажению. Было сказано: *«Не ревнуешь ли ты за меня? О если бы **все люди** были пророками, когда Бог послал Духа Своего на них!»* Иного смысла не могли нести слова одного из жрецов Святой Руси, к числу которых Моисей принадлежал, как гласит предание хранителей Всеясветной грамоты. И другой жрец Руси спустя тысячи лет отверг образ библейской куклы-“Моисея” в своём юношеском стихотворении, имея к этому высочайшие духовные основания. И Русское жизнеречение продолжится и впредь.

Но это — тоже одно из мнений, которое каждый может признать либо истинным, либо ложным, либо остаться к нему безразличным. Каким бы ни был исторически реальный Моисей, но *библейский персонаж — основоположник доктрины Второзакония-Исаии* — своего рода *эгрегориальная кукла* Моисея, целенаправленно сконструированная на потребу хозяевам глобального библейского проекта порабощения человечества. И эта кукла-“Моисей” охарактеризована А.С.Пушкиным исчерпывающе

[1] Умер от туберкулёза.
[2] Погиб во время войны: самолет, на котором он летел, пропал без вести.

точно. Соответственно в “Гавриилиаде” речь идёт и о том *библейском* боге, которого нет. Россказни и небылицы о нём представляют собой навет на **Бога, который есть**. И этот навет на **Бога, который есть**, дав начало Ветхому Завету, продолжился и в новый “Завет”.

12 — 23 июля 2000 г.
Уточнения: 7 — 22 октября,
5, 7, 8 ноября
12 — 15 декабря 2000 г.

12. Новый навет как продолжение навета ветхого

Из текста Нового Завета складывается впечатление, что после чудесного рождения ребёнка; после того, как ангелы объяснили пастухам, что родился Христос, и те рассказали об этом всем (Лука, 2:8 — 20); после того, как на восьмой день после рождения Симеон «богоприимец» и Анна-пророчица приветствовали младенца, принесённого во Храм Иерусалимский, прямо назвав его Христом (Мессией, соответственно иудейскому вероучению) (Лука, 2:21 — 32); после того, как 12-летним подростком Иисус в течение трёх дней пребывал в Храме, а учителя (раввины) слушали его и задавали вопросы, дивясь разуму и ответам его (Лука, 2:42 — 47); после всего того, что сообщает новозаветный канон, плюс к тому, что сообщает о рождении и детстве Иисуса Коран[1], священническая верхушка Иерусалима внезапно "впала в забытьё", и когда взрослый Иисус приступил к исполнению своей миссии, то она якобы не знала, с кем имеет дело.

Даже, если истинна версия, высказываемая многими эзотерическими школами, о том, что с юности до начала проповеднической миссии в Иудее Иисус странствовал по свету, побывав во многих землях, воочию ознакомившись с жизнью других народов, а не жил непрестанно в Иудее, то и в этом случае после его возвращения на родину такое беспамятство священнической верхушки вызывает удивление, поскольку они не могли не знать сказанного в Храме Симеоном и Анной, не могли не наблюдать, как растёт Христос, не могли не знать, что он же приходил к ним в Храм 12-летним подростком, и ещё много чего они не могли не знать, но когда Христос, став взрослым, приступил к своей миссии, первосвященники, которые записывали и хранили в Храме родословные всех иудеев, вели себя так, будто им ничего неведомо.

И как с этим приношением младенца во Храм на восьмой день соотносится сообщение о том, что сразу же по рождении Христа святое семейство удалилось в Египет на несколько лет, как то рекомендовал Ангел Божий, упреждая посягательство на жизнь Христа со стороны царя Ирода? Появление младенца в столичном Храме для посвящения Богу и обрезания на восьмой день в то время, как Иродовы спецслужбы ищут младенца, а ангел Божий прямо повелел Иосифу скрыться с семьей от Иродовой злобы в Египте и пребывать там, доколе он же не скажет, что можно возвращаться (Матфей, 2:13), — *невозможно для верующих Богу* Иосифа и Марии, а не то что «вызывает сомнения». Не в течение же восьми дней от рождения Иисуса до дня обрезания святое семейство успело добраться до Египта, царь Ирод успел умереть[2], после чего семейство, снова уведомлённое ангелом (Матфей, 2:19), вернулось на родину, а младенец был принесён во Храм, где Симеон «богоприимец» и Анна-пророчица его увидели, опознали и провозгласили Христом-Мессией?

Кроме того, родословные Иисуса Христа, приводимые в Новом Завете: у Матфея (гл. 1:1 — 17) и у Луки (гл. 3:23 — 38), — не совпадают. Есть и другие взаимно исключающие друг друга сообщения разных новозаветных Евангелий. Естественно, что будучи «человеком начитанным»[3], М.А.Берлиоз не мог не знать всего этого, а также и многого другого.

Уверовать в то, что вся эта разноголосица взаимоисключающих друг друга мнений об одних и тех же событиях — истина, возможно, но только отказавшись от собственного разума, а если точнее, — то уверовать в истинность всего этого возможно, только сдав разум в аренду тем, кто поддерживает эгрегориальный культ на основе опровергаемого ЯЗЫКОМ ЖИЗНИ постулата «Библия — слово Божие». М.А.Берлиоз от обладания своим разумом не отказался, хотя **пользоваться им** *по свойственным ему своекорыстию и беззаботности о Жизни* **так и не научился**, и потому из всего того, что знал, сделал вывод о том, что Бога нет, а есть одни выдумки («сказки о боге»), и соответственно этому своему мнению программировал взгляды невежественного поэта Ивана Бездомного по богословским вопросам, определяющим взгляды и по всем прочим, включая и социологию:

---

[1] Кроме повествования о зачатии Христа от Духа Святого и первом его явлении людям (Коран, 19:16 — 37), Коран сообщает, что играя с другими детьми, Иисус лепил из глины птиц, и они оживали и улетали по повелению Божиему (Коран, 5:110).

[2] Ирод Великий, царь Иудеи с 37 по 4 гг. до н.э. На престол вступил при поддержке римского оружия, т.е. был ставленником иноземцев и узурпатором. Дата его смерти общепризнанно — 4 г. до н.э. Соответственно: в каком году родился Иисус? — в период с 37 по 4 гг. до «нашей эры», отсчитываемой от Рождества Христова?

[3] Определение М.А.Булгакова, из коего можно понять, что М.А.Берлиоз жизнь знал по книгам, а сам был бесчувственен и узнанное из книг с жизнью соотносить не умел, в результате чего в реальной жизни он мало что понимал.

«Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора нисколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса Христа, очень чёрными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэтому нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, — но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нём — простые выдумки, самый обыкновенный миф[1]» (гл. 1).

Еще не все забыли, что был такой советский поэт Демьян Бедный (1883 — 1945), популярный в годы гражданской войны, «один из зачинателей социалистического реализма», как сообщает о нём “Советский энциклопедический словарь”. Некоторые знают, что он написал какие-то антирелигиозные стихи о Христе, которые не только не включены в школьный курс литературы, но о которых стыдливо умалчивается даже в энциклопедических статьях о нём и о его творчестве. Также известно, что другой действительно поэт — С.А.Есенин — дал стихотворную отповедь Д.Бедному за эти «вирши». Кроме того, «бездомность» один из показателей «бедности».

Соответственно этим реальным фактам из истории советской литературы и идейной борьбы по мировоззренческим вопросам тех лет было бы проще всего провести параллели между Иваном Бездомным и Демьяном Бедным, а М.А.Берлиоза уподобить Л.Д.Троцкому, потребности пропаганды в интересах которого Д.Бедный обслуживал в первые годы Советской власти. Такое сопоставление отчасти справедливо, тем более, что Л.Д.Троцкого и М.А.Берлиоза породнило ещё одно обстоятельство: Л.Д.Троцкий получил по голове ледорубом, а голова М.А.Берлиоза была отрезана трамваем[2], в результате каких событий и завершилась жизнь каждого из них. Однако эту параллель литературные критики, опьянённые привидевшимся им в “Мастере и Маргарите” «гимном демонизму» и симпатизирующие *демону мировой революции* Л.Д.Троцкому, не проводят.

Но есть ещё одна параллель, приводящая к глубинным течениям событий в жизни общества. Деятельность М.А.Берлиоза по своему характеру является той селекционной работой, о которой речь шла в предшествующем разделе. Будучи редактором толстого журнала и главой литературного объединения «МАССОЛИТ», М.А.Берлиоз решал, какие темы осветить в журнале, кого из авторов напечатать, а кого нет; о ком из них напечатать хвалебные, а о ком разгромные критические статьи.

Могут быть возражения, что М.А.Берлиоз — тоже жертва тоталитарного режима, утвердившегося в России после 1917 г., и потому, дескать, решал не он, а Политбюро, ЦК. А он, несчастный, вынужден был решать судьбы писателей и их произведений «в духе времени», чтобы самому не быть раздавленным ужасной машиной партийно-государственного тоталитаризма. Но если вспомнить, что было до 1917 г., то выяснится, что всевозможные левые деятели культуры, писатели, поэты, художники от реалистов до авангардистов были вдохновителями революционной молодёжи[3], которая после 1917 г. и составила кадровый корпус той самой партийно-государственной машины.

Эта тема обстоятельно рассмотрена в книге И.Л.Солоневича “Народная монархия” («Лучи Софии», Минск, 1998 г.)[4], и в ней делается вывод: *«Гитлеры и Сталины являются законными наследниками*

---

[1] А.Жид в своей книге “Возвращение из СССР” в Приложении I “Антирелигиозная борьба” сообщает следующее:

«Археологический музей Херсонеса в окрестностях Севастополя тоже расположен в церкви. Настенную живопись в ней пощадили, несомненно, из-за её антихудожественности. Поверх фресок развешаны повсюду плакаты. Под изваянием Христа надпись: “Легендарная личность, которая никогда не существовала”» (Сборник “Два взгляда из-за рубежа”, Москва, «Политиздат», 1990 г., стр. 99; см. также журнал “Звезда”, № 8, 1989 г., стр. 127 — 168).

[2] Эта параллель — с головой не всё в порядке и при жизни, и при наступлении смерти — в судьбах реального политического деятеля и литературного персонажа наводит на мысль, что М.А.Булгаков эгрегориально запрограммировал качество смерти Л.Д.Троцкого, хотя тот и был выслан из СССР подальше от московских трамваев.

[3] Одни картины И.Е.Репина “Отказ от исповеди”, “Не ждали”, “Сходка”, “Арест пропагандиста”, “Манифестация 17 октября 1905 г.” чего стоят. См. репродукции в художественно-биографическом издании: О.А.Лясковская “Илья Ефимович Репин” (Москва, «Искусство», 1982 г.).

[4] Кроме того, глава “Дух народа” была опубликована в журнале “Наш современник”, № 5, 1990 г., где цитированный фрагмент находится на стр. 175. “Народная монархия” очень интересная по своему содержанию книга, написанная прекрасным Русским языком. Однако Иван Лукьянович был приверженцем толпо-“элитарной” кон-

→→→

Горьких и Розенбергов: "в начале бѢ слово", и только потом пришёл разбой. В начале бѢ словоблудие, и только потом пришли Соловки и Дахау» (стр. 192).

Также и в 1990-е гг. демократизаторы являются законными наследниками В.Распутина, В.Белова, В.Астафьева и некоторых других «мастеров слова», вынесших на страницы печати своё мировоззрение беспросветности исторических перспектив, чем они убили мысль и парализовали волю многих и многих, кто впоследствии стал жертвами алкогольного застоя, перестройки и реформ[1]. Однако «берлиозы» 1956 — 1970-х гг., опубликовавшие их произведения, наводящие беспросветную тоску[2], но закрывшие дорогу жизнеутверждающим произведениям других авторов, так и оставшихся неизвестными, сами пребывали в тени[3].

Так что М.А.Берлиоз, не жертва тоталитарного режима, с чей руки он вынужденно, скрипя зубами, принимал «хлеб», который отрабатывал в поте лица на каторге под названием «МАССОЛИТ»: М.А.Берлиоз принадлежал к тому кругу литераторов, которые до 1917 г. если сами и не вдохновляли создание «тоталитарного режима», то были правопреемниками и учениками тех литераторов, которые это делали до революции сами. Это был их режим. И М.А.Берлиоз был самодоволен и более чем сыт при этом режиме, будучи частью социальной "элиты" послереволюционной эпохи.

Другое дело, что они в 1920-е — первой половине 1930-х гг. постепенно теряли власть над этим режимом, и в конце концов в своём большинстве сами пали его жертвами, за что уже их наследники и их ученики объявили режим «тоталитарным». А в эпоху действия романа был М.А.Берлиоз одним из «первосвященников» советской литературы и имел виды на Ивана Бездомного как на «пророка» материалистического атеизма, который способен обворожить простонародье виршами на тему: ни Христа, ни Бога никогда не было, нет и не будет. Поэтому и возился он с Иваном Николаевичем как «первосвященник», скромно живущий в миру, уединённо проводя с ним наставническую беседу без свидетелей. А вот мастер со своим романом «про Пилата» на роль «пророка» в эпоху насаждения материалистического атеизма не годился, и потому вся свора литературных критиков (Латунский, Ариман, литератор Мстислав Лаврович, некто за псевдонимами Н.Э.), обрушилась на его роман, и на него самого, действительно отрабатывая тот «хлеб», которым они кормилась с рук М.А.Берлиоза и других «первосвященников» РАППа[4]. И это не было гонением на истину: просто заблуждения мастера были тогда не

цепции общественного устройства, вследствие чего он не видел разницы между Гитлером и Сталиным, выразившими совершенно различные глобальные концепции в своей политической деятельности. Ещё одна ошибка, возможно языковая неточность, состоит в том, что Иван Лукьянович показывает, что Российскую государственность на протяжении многих веков строили русские мужики, а не дворянство, не правящие классы. Здесь дело в том, что русские мужики и бабы действительно на протяжении многих веков строили, но не государственность, а Русскую цивилизацию, которая в границах одного общего всем государства объединяла многие и многие народы. При этом цивилизация неоднократно изменяла формы своего государственного образования. Государственным же строительством в прошлые эпохи занимался правящий класс, при этом его "элитарные" классовые интересы, становясь государственными интересами, регулярно периодически приходили в противоречие с интересами простонародного *глобального* цивилизационного строительства. В каждом таком конфликте побеждало цивилизационное строительство, разрывая прежние государственные формы и порождая новые, более соответствующие образу духа народа. "Элите" же в России и за рубежом неустойчивость и "недоделанность" государственности России во всякую эпоху виделась как хроническая неспособность русских к государственному строительству. Русская же цивилизация тем временем распространялась, расширяя свои государственные границы, что вызывало либо "элитарную" истерику на тему «русские идут», либо "элитарное" же удивление (общеизвестное «умом Россию не понять…»).

[1] А.И.Солженицын в группе «мастеров слова» послесталинской эпохи стоит особняком, поскольку "объяснял" прошлое России и рисовал её перспективы в соответствии с доктриной Второзакония-Исаии, будучи не в силах вырваться из-под власти эгрегориальных программ отчества (Исаиевич) и фамилии (Со-ЛЖЕ-ницын). Иными словами он программировал *как им обустроить Россию по доктрине Второзакония-Исаии в исторических обстоятельствах после эпохи И.В.Сталина* (одна из его статей, опубликованная в 1990 году в «Комсомольской правде» тиражом 25.000.000 экз., называлась "Как нам обустроить Россию"), а прочие — В.Белов, В.Распутин, В.Астафьев и некоторые другие — создавали окружающую обстановку безальтернативности пути, пролагаемого по заветам А.И.Солженицына.

[2] Например "Прощание с Матёрой".

[3] Разве что за исключением А.Т.Твардовского, бывшего редактором журнала "Новый мир", опубликовавшего "Один день Ивана Денисовича" А.И.Солженицына, что положило начало одной из самых пагубных кампаний лжи о Родине в отечественной художественной литературе.

[4] Российская ассоциация пролетарских писателей. Существовала в 1925 — 1932 гг. По характеру своей деятельности — антирусская, троцкистская иудо-интернацистская. Ликвидирована за вредоносность её деятельности. В последствии в ГУЛАГе погибли и многие её деятели, ранее способствовавшие уничтожению русских писателей и поэтов.

→→→

ко времени, и мастера следовало травить тогда, чтобы в будущем открылась возможность возвести его в ранг пророка-мученика посмертно, представив его новым поколениям в качестве гонимого за правду-истину. В связи с этим ещё раз подчеркнём, что мастер — не «лирический герой», через которого М.А.Булгаков излагает своё мнение[1].

Однако в итоге М.А.Берлиоз лишился головы, чем повторил судьбу одного из новозаветных персонажей. В Новом Завете головы лишается Иоанн Креститель, он же — Иоанн Предтеча. Его появлению на свет в семье священника Захарии, как сообщает Лука (гл. 1) и Коран (сура 19:1 — 15), также предшествовало благовещение Свыше о его предстоящем рождении. Жена Захарии — Елисавета была родственницей Марии, родительницы Христа. Соответственно Иоанн и Иисус — родственники по материнским линиям. Как сообщает Лука (гл. 1:67 — 80), после рождения Иоанна на Захарию снизошёл Дух Святой, и тот пророчествовал о том, что его сын будет пророком Всевышнего и приготовит пути Христу-Мессии. Однако и это пророчество полноправного, легитимного, уже пожилого *священника (в отличие от мирян Симеона и Анны)* священническая верхушка Храма изловчилась как-то (как?) "запамятовать" к тому времени, когда дети (Иоанн и Иисус), о миссии которых были пророчества при их рождении, повзрослели.

Право священства согласно иудейскому закону принадлежало исключительно колену[2] Левия, представители других иудейских колен были не в праве занимать должности священников. Будучи сыном священника, Иоанн тем не менее не стал служить в Храме, а повзрослев, удалился в пустыню, где и проживал некоторое время, т.е. по существу был бездомным. В "Мастере и Маргарите" поэт Иван Николаевич Понырев с псевдонимом «Бездомный» к тому же является и его тёзкой, а в деятельности Ивана Бездомного был и эпизод с купанием в Москве-реке, который прямо соотносится с крещенской купелью в Иордане, творимой Иоанном Крестителем, но над другими, а не над самим собой. Однако М.А.Булгаков отрезал голову не Ивану Бездомному, новозаветным прототипом которого является Иоанн Креститель, а М.А.Берлиозу. И это различие судеб новозаветного прототипа и литературного персонажа приводит ещё к одной серии расхождений во взглядах богословия Русской цивилизации, выразившегося в романе в иносказательно-притчевой форме, и вероучений на основе традиционных толкований Библии, исходящих из признания Исаии истинным пророком.

При рассмотрении этого вопроса необходимо помнить, что и кораническое вероучение, и различные исторически сложившиеся вероучения на основе новозаветного канона формируют в своей пастве предельно уважительное отношение к личности Иоанна Крестителя. А одна из библейских сект даже утверждает следующее: истинным Мессией как раз и был Иоанн Креститель, а Иисус —подставное лицо, марионетка неких сил, выполнявшая миссию извратить истину.

Но чтобы понять суть разногласий богословия Русской цивилизации и традиций толкования Библии в церквях имени Христа, включая и вопрос о деятельности Иоанна Крестителя и об отношении к нему, обратимся к одному из новозаветных эпизодов:

«11. После сего Иисус пошёл в город, называемый Наин; и с Ним шли многие из учеников Его и множество народа. 12. Когда же Он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города. 13. Увидев её, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь. 14. И, подойдя, прикоснулся к одру; нёсшие остановились, и Он сказал: юноша! тебе говорю, встань! 15. Мёртвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его. 16. И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой. 17. Такое мнение о Нём распространилось по всей Иудее и по всей окрестности.

18. И возвестили Иоанну ученики его о всём том. 19. Иоанн, призвав двоих из учеников своих, послал к Иисусу спросить: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? 20. Они, придя к Иисусу, сказали: Иоанн Креститель послал нас к Тебе спросить: Ты ли

РАППовцы для своей "элиты" организовали в Подмосковье дачный посёлок, единственный в своём роде населенный пункт, жителями которого были (по крайней мере первоначально) исключительно писатели. Это известное многим Переделкино по Киевской железной дороге. В "Мастере и Маргарите" этому населённому пункту соответствует посёлок с более точным названием: Перелыгино. «Перелыгино» — слово однокоренное с «оболгать».

«ОБЛЫГАТЬ, ***оболгать*** кого, налыгать, наговаривать облыжно, оговаривать ложно, насказать на кого небылицу, ложь, обвинять в чём-либо лживо; клеветать, чернить, обносить, взводить напраслину» ("Словарь живого великорусского языка" В.И.Даля, т. 2).

[1] Тем более М.А.Булгаков не был гоним в те годы, хотя и не процветал. Те, кого режим действительно подавлял, — те погибли либо в ГУЛАГе, либо трагически на свободе: сначала троцкисты убили С.А.Есенина и В.В.Маяковского, потом созданная ими же машина стала употребляться для уничтожения на свободе и их самих (С.Михоэлс).

[2] «Колено, … род или поколенье, отродье и племя» ("Словарь живого великорусского языка" В.И.Даля).

Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам? 21. А в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение. 22. И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают, нищие благовествуют; 23. и блажен, кто не соблазнится о Мне!

24. По отшествии же посланных Иоанном, начал говорить к народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? 25. Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Но одевающиеся пышно и роскошно живущие находятся при дворах царских. 26. Что же смотреть ходили вы? пророка ли? Да, говорю вам, и больше пророка. 27. Сей есть, о котором написано: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. 28. Ибо говорю вам: из рождённых жёнами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Божием больше его. 29. И весь народ, слушавший Его, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; 30. а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него 31. Тогда Господь сказал: с кем сравню людей рода сего? и кому они подобны? 32. Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали. 33. Ибо пришёл Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьёт; и говорите: в нём бес. 34. Пришёл Сын Человеческий: ест и пьёт; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино[1], друг мытарям и грешникам. 35. И оправдана премудрость всеми чадами её» (Лука, гл. 7).

Этот эпизод включает в себя три тематически различных фрагмента: стихи 11 — 17 повествуют о деятельности Иисуса; стихи 18 — 23 о реакции на неё Иоанна Крестителя и ответах Христа посланным ученикам Крестителя; стихи 24 — 35 о вопросах, поставленных Христом народу, слушавшему его, а также содержат комментарии авторов и редакторов текста новозаветного канона.

Мы начнём рассмотрение этого эпизода с сообщаемого в стихах 18 — 23. Приводя своё сообщение об этой же посылке Иоанном двух учеников ко Христу с вопросами о нём, Матфей уточняет (гл. 11:2), что в это время сам Иоанн уже находился в заключении, в котором впоследствии и погиб. То есть Иоанн задал через своих учеников вопросы Христу уже после того, как сам же крестил Иисуса и провозгласил людям, что Иисус и есть ожидаемый всеми Мессия-Христос. Эта последовательность событий: *сначала провозглашение Иисуса Мессией-Христом, а потом вопросы к нему в смысле «Ты ли Христос? либо нам ожидать другого?»,* — знаменательна и обличительна.

> Если человек верует Богу, и Бог Духом Святым, посыланием ангела или как-то иначе открывает ему некую истину, то верующий не имеет причин к тому, чтобы задавать какие-либо ещё вопросы по этому предмету, поскольку вся необходимая информация ему уже дана в Откровении, сокровенным от других людей способом. Если же он задаёт окружающим вопросы: *истинно либо ложно то, что он знает по предмету, о котором его проинформировал сам Бог,* — то тем самым он обличает либо своё (возможно не осознаваемое им) неверие Богу, либо по существу признаётся в порочности своей нравственности, вследствие чего он и не может отличить наваждение от Откровения и сомневается во всём. Иными словами, у такого человека имеются какие-то зависшие, не разрешённые им своевременно проблемы с совестью и

[1] Здесь Иисус повторяет слова возводимой на него напраслины. Будучи назореем (Марк, 10:47; Лука, 18:37; Иоанн, 19:19; Деяния апостолов, 6:14, 22:8), он не только не пил вина, но был не в праве есть виноград и все продукты, приготовленные из виноградных ягод (о назореях — книга Числа, 6:2 — 4). Поэтому и слова его: «говорите … любит … пить вино», а не «я люблю пить вино».

Также не мог Иисус начать свою миссию с превращения воды в вино на брачном пире в Кане Галилейской (Иоанн, 2:1 — 11), вводя этим примером чудотворения множество поколений в грех пития алкогольного дурмана. Описание этого чуда — возведение на Христа напраслины.

То же касается и якобы распития вина в качестве символа крови, за людей Христом проливаемой, в ходе тайной вечери (Матфей, 26:26 —28; Марк, 14:22 — 24; Иоанн, 6:51 — 56), что положило начало пьяному дурманящему причастию во всех христианских церквях. Иисус, будучи назореем, не мог отказаться от назорейства сам и не мог открыть ворота магии крови на основе разрушения мозга винопитием, поскольку открывал людям путь к Свету. Пьяное причастие идёт не от Христа, а введено вопреки его заветам.

Могут быть возражения в том смысле, что иудейский закон допускал не пожизненное назорейство, а назорейство на какой-то срок, по истечении которого человек был свободен от назорейских ограничений. Но как свидетельствует Иоанн (18:4 — 8), Иисус подтвердил факт своего назорейства при взятии его под стражу в гефсиманском саду сразу же после тайной вечери.

Соответственно, новонаветным церквям следует признать Христа лицемером, если они настаивают, что, будучи назореем, он положил начало пьяному причастию; либо признать факт самочинного введения отцами церкви пьяного причастия, с целью увести людей от ясной трезвости истинного Христианства.

нравственными мерилами. Но при всём при этом он может быть ритуально безупречным и представать истинно святым подвижником во мнении окружающих.

И своим ответом ученикам Иоанна (стихи 22, 23) Иисус по существу предлагает Иоанну обратиться к его же совести, поскольку не даёт однозначного ответа в смысле «да» либо «нет». И как сообщает Новый Завет, и в других эпизодах, когда Иисуса спрашивали о чём-либо, он не давал формально однозначных ответов «да» либо «нет», а его ответы были всегда таковы, чтобы ответ в смысле «да» либо «нет» дала совесть вопрошавшего.

То есть задавая вопросы Иисусу о нём и его миссии, после того как сам же провозгласил Иисуса Христом-Мессией, Иоанн предстаёт не как истинный пророк по совести Всевышнего Бога, а как один из многих людей мира сего, вполне способных соблазниться об Иисусе. Соответственно, после ухода учеников Иоанновых Иисус обращается к совести всех свидетелей происшедшего, задавая им вопросы уже об Иоанне.

Но вот стихи с 26 по 30-й включительно, если их признать истинными, обесценивают и делают бессмысленными все многократные предложения Христа обратиться каждому, включая и Иоанна-«пророка, и больше пророка», к их собственной совести.

Тем самым стихи 26 — 30 вероломны по отношению к вере по совести непосредственно Богу, проповедуемой Христом, и потому являются подлогом, предназначенным для того, чтобы подавить голос совести человека авторитетом Христа, возведённого в ранг культовой личности «Богочеловека»; а также и авторитетом Иоанна, пророческая миссия которого якобы подтверждена «Богочеловеком». Эти слова проистекают от редакторов канона Нового Завета: обращая Иоанна к необходимости разрешить какие-то его личностные проблемы с нравственными мерилами и совестью, Иисус не мог провозгласить его «бóльшим, чем пророк», хотя и мог признать, что «из рождённых жёнами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Божием больше его». Это всё в совокупности означает, а последние слова цитированной фразы прямо говорят, что Иоанн, будучи одним из лучших людей за всю историю земного человечества, всё же не дорос до Царствия Божиего. Почему? — обратимся к новозаветным свидетельствам о деятельности Иоанна Крестителя:

«1. В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской 2. и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. 3. Ибо **он тот, о котором сказал пророк Исаия**: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, **прямыми сделайте стези Ему**»[1] (Матфей, гл. 3).

«19. И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? 20. Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос. 21. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. 22. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? 23. Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: **исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия**. 24. А посланные были из фарисеев; 25. И они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк? 26. Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. 27. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостоин развязать ремень у обуви Его. 28. Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн» (Иоанн, гл. 1).

В приведённых цитатах текст жирным выделен нами, и выделенные нами места показывают: будучи воспринимаем учениками, какой-то частью иудейского общества в качестве пророка Бога Всевышнего, **Иоанн программировал коллективную психику общества — алгоритмику его эгрегоров — в соответствии с “пророчествами” Исаии на уничтожение Мессии-Христа**, *нисколько не сомневаясь в том, что в этих “пророчествах” и выразился Божий Промысел*. Эти пророчества (Исаия, гл. 53) приводились нами ранее. Мы соотнесли их с пророчествами Соломона (Премудрость, гл. 2) по тому же вопросу, и показали, что они несут взаимоисключающий смысл, проистекают из разных источников, преследующих взаимоисключающие друг друга первоприоритетные цели. Но тогда мы не стали рассматривать, в результате каких *событий, имевших место в жизни Соломона и Исаии,* возникло каждое из этих пророчеств. Поэтому обратимся к библейским свидетельствам о характере и начале деятельности Соломона и Исаии.

«1. [Когда утвердилось царство в руках Соломона,] Соломон породнился с фараоном, царём Египетским, и взял за себя дочь фараона и ввел её в город Давидов, доколе не построил

[1] Исаия, 40:3: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделай в степи стези Богу нашему».

дома своего и дома Господня и стены вокруг Иерусалима. 2. Народ ещё приносил жертвы на высотах, ибо не был построен дом имени Господа до того времени. 3. И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах. 4. И пошёл царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо там был главный жертвенник. Тысячу всесожжений вознёс Соломон на том жертвеннике.

5. В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе. 6. И сказал Соломон: Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил пред Тобою в истине и правде и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне; 7. и ныне, Господи Боже мой, Ты поставил раба Твоего царём вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа; 8. и раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть; 9. даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? 10. И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого. 11. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, — 12. вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе; 13. и то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои; 14. и если будешь ходить путём Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои. 15. И пробудился Соломон, и вот, это было сновидение. И пошёл он в Иерусалим и стал [пред жертвенником] пред ковчегом завета Господня, и принёс всесожжения и совершил жертвы мирные, и сделал большой пир для всех слуг своих» (3-я книга Царств, гл. 3).

Таково было начало Соломоном деятельности, в которой народ дал ему прозвище Премудрый.

Книга Исаии начинается с его заявления, о виде́нии, «которое он видел о Иудее и Иерусалиме, во дни Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии — царей Иудейских» (Исаия, 1:1). Перечисление нескольких успевших сменить друг друга царей показывает, что описываемое Исаией виде́ние имело место своими различными фрагментами на протяжении весьма продолжительного срока времени и только потом было описано в одном повествовании. Всё виде́ние мы цитировать и комментировать не будем, а обратимся к эпизоду, приводимому в главе 6 книги Исаии. Этот эпизод[1] представляет своего рода аналог ранее приведённому эпизоду из жизни Соломона и исчерпывающе характеризует всю пророческую деятельность Исаии. Однако комментаторы Библии минуют его без осмысления по существу:

«1. В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесённом, и края риз Его наполняли весь храм. 2. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. 3. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! 4. И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. 5. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. 6. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, 7. и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твоё удалено от тебя, и грех твой очищен.

8. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдёт для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня. 9. И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. 10. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. 11. И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. 12. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. 13. И если ещё останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остаётся корень их, так святое семя будет корнем её» (Исаия, гл. 6).

Из текста книги Исаии нельзя однозначно понять, с этого ли началась его пророческая деятельность, либо она началась несколько ранее в царствование Озии. Но вне зависимости от того, повествует

[1] Этот же эпизод нашёл своё отражение в творчестве А.С.Пушкина в стихотворении “Пророк”. В нём А.С.Пушкин было примерил на себя «пророка важный чин», но не по нраву пришлась ему эта примерка. И из пушкинского “Пророка” можно ощутить, что даже описание этого эпизода производит завораживающее воздействие, подавляет, но никак не вдохновляет.

ли этот эпизод о начале пророческой деятельности Исаии, либо он имел место уже после того, как Исаия успел что-то “напророчить”, приведённый эпизод показывает, что *личностные отношения Исаии с тем, кого он почитал Богом, и этически, и содержательно по смыслу отличаются от отношений Соломона с Богом*. То есть **Исаия жил в иной религии, а не в той, в которой живёт Соломон**.

Начнём с главного: Бог всеведущ, Ему известно всё. И вдруг вопрос: «Кого мне послать? и кто пойдёт для нас?» (Исаия, 6:8). Из уст Бога — всеведущего Творца и Вседержителя — эти вопросы бессмысленны. Но прежде, чем прозвучали эти вопросы, Исаия уже своим внутренним взором как-то спонтанно, без приглашения проник в «чертоги Бога»: возможно ли для человека такое вторжение, будь он осознанно целеустремлённым, волевым либо спонтанным — бессознательным? И предстать пред Богом для Исаии «горе, погибель» (гл. 6:5), но никак не радость, пусть даже и смешанная со стыдом за свои уже совершённые грехи и порочность, предрасполагающую к новым грехам в будущем.

На все эти вопросы и замечания, сохраняя лояльность хозяевам и заправилам библейского проекта порабощения человечества, можно дать формально исчерпывающий, но по существу бессмысленный ответ-возражение: *«Пути Господни неисповедимы. Бог пожелал предстать перед Исаией так; пожелал задавать самому себе и окружающим риторические вопросы, наперёд зная всё. И сомневаться в этом — грех».* — Пусть желающие пребывают и при такого рода объяснении, забыв о мерзости доктрины Второзакония-Исаии, подчинившись ей по слепоте или по трусости.

Но есть точка зрения, что всеведущий Бог кроток и ненавязчив, и потому, зная, что для Исаии предстать пред Ним — горе, погибель, ужас, Он и не обращался к нему; тем более не мог Исаия спонтанно либо целеустремлённо проникнуть своим внутренним взором и слухом в «чертоги» *Бога истинного*.

Но Исаия, будучи ритуально усердным и эмоционально взвинченным субъектом, вполне мог провалиться сознанием в эгрегор «непроявленных» хозяев и заправил библейского проекта. И у тех, поскольку проект переживал кризис (как ясно из стихов 10 — 13, кадровая база проекта вместо того, чтобы нести его по свету, покоряя народы, устойчиво шла по пути самоликвидации) действительно было полно нериторических вопросов на тему: «Что делать? И кого послать для того, чтобы он придал проекту скупки мира на основе расовой ростовщической монополии (Второзаконие, 23:19, 20; 28:12) новый заряд алчности и страха». И в этот кризисный момент как нельзя более к стати появился Исаия. Услышав заданные вопросы из уст привидившегося ему *“бога”, образ коего был сформирован вероучением и поддерживался эгрегориальным культом,* в котором он фанатично участвовал, Исаия немедленно заявил о своей готовности нести миссию, о смысле которой даже и не спросил.

> Так Исаия включился в некий эгрегориально управляемый процесс как биоробот-исполнитель, ретранслятор того, над чем думать сам не желает, либо просто не может, будучи легко возбудимым эмоционально, впечатлительным и безвольным субъектом. *Такое поведение и отношение к жизни недостойно человека.*

Так он стал «пророком», но не от Бога, а от эгрегора и его заправил. Даже если этот эпизод и не первый в пророческой миссии Исаии, то его содержание таково, что всякий думающий человек поразмыслил бы над увиденным, после чего обратился бы к **Богу, который есть**, *а не к тому, который ему привиделся соответственно его нравственным мерилам,* за вразумлением о том, что есть добро, что есть зло; и по крайней мере временно, приостановил бы уже начатую деятельность, тем более не начинал бы её до получения ответов от Бога.

Помните в детстве у В.В.Маяковского: «Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха: “Что такое хорошо? и что такое плохо?”» Соломон при начале дел своих примерно так же — по-детски бесхитростно, *без своекорыстия* — обратился к Богу непосредственно. За ним, как и за каждым, были какие-то грехи, ему были свойственны какие-то слабости и несовершенства, но предстать пред Богом он не боялся, поскольку возлюбил Бога и обращался к Нему молитвенно-искренне в простоте сердца: «я молился, и дарован мне разум; я взывал, и сошёл на меня дух премудрости» (Премудрость Соломона, 7:7). И принимая искренность его молитвы, Бог обратился к нему Сам, даровав просимое и многое сверх того[1].

В итоге Соломон, осуществляя Промысел по совести в меру понимания, процарствовал сорок лет и умер от старости. Исаия же погиб, исчерпав Божеское попущение в отношении себя; погиб так, как себе же эгрегориально запрограммировал свою смерть:

«Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила ли гордится перед тем, кто двигает ею?» (Исаия, 10:15).

---

[1] Так же и ниспосланию Коранического откровения Мухаммаду предшествовали его искренние молитвы, на которые и был дан ответ Свыше.

Как сообщает Талмуд, Исаия был распилен деревянной пилой по приказу царя Манасии, который принял на себя миссию «пилы, которая не гордится». Иоанн Креститель, настойчиво признавая Исаию истинно Божиим пророком, тоже погиб, также как и Исаия, осудив себя и эгрегориально запрограммировав способ своей кончины:

«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Матфей, 3:10).

Истёк срок Божиего попущения Иоанну веровать в то, что Исаия вещал Правду-Истину от Бога, и свершилось «про секиру», и «дерево, не приносящее доброго плода»:

«Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же по научению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей. Ученики же его, придя, взяли тело его и погребли его; и пошли, возвестили Иисусу.

И, услышав (про казнь: наше пояснение при цитировании), Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошёл за Ним из городов пешком» (Матфей, 14:6 — 13).

Иисус никак не выразил своего отношения ни к деятельности, ни к казни Иоанна Крестителя. *Для Иоанна же последней возможностью избежать гибели под секирой палача было обратиться к своей совести после того, как от Иисуса вернулись посланные им его ученики.* Но не внял Иоанн.

Осуществляя же принятую на себя миссию, Иоанн не интересовался мнением Иисуса, желает ли он стать жертвенным бараном, так называемым «Агнцем Божиим», чтобы якобы «взять на себя все грехи многих и за преступников сделаться ходатаем, и делить добычу с сильными», как то программировали «не проявленные» заправилы библейского проекта порабощения человечества через созданного ими "пророка" Исаию. Не интересовался Иоанн тем, что может быть Иисус видит путь спасения людей от грехов в ином, а не в жертвоприношении себя, но непреклонно идёт путём к Голгофе потому, что не выстроено иного пути для него — Христа-Мессии — именно благодаря трудам таких программистов психики общества, как Исаия, и вот теперь, — Иоанна Предтечи. Может быть поэтому Христос-Мессия и народ, бывший с ним, ради которого он пришёл в этот мир, никак не выразили своего отношения к казни Иоанна, направлявшего «путь Господа» по направлению к Голгофе, соответственно пожеланиям хозяев Исаии и всего библейского проекта порабощения человечества?

И потому «усекновение главы Иоанна Предтечи» (в церковной терминологии) — не случайность, а знамение для других.

Глава человека — место средоточия алгоритмики психической деятельности в целом и мышления, в частности; алгоритм в графической форме представления — древовидная картинка, на которой блоки (содержащие описания действий) соединены направленными линиями в последовательности перехода от одного блока к другим; «секира» действительно лежала «при корнях дерев, не приносящих доброго плода» (множественное число «дерев» указует на расщеплённость психики на множество не согласующихся алгоритмов); Иоанн это чувствовал, сказал об этом, но не отнёс этого к себе самому, не внял, не изменил своего образа мыслей и продолжал направлять путь Иисуса как "пророчествовал" Исаия, возможно искренне полагая, что в этом и есть предопределённая ему *однозначно* судьба; он не подумал о том, что Бог не меняет того, что происходит с людьми, покуда люди сами не переменят того, что им свойственно: нравственных мерил, помыслов, мнений, определяющих все их дела.

> Бог — Язычник, на Языке событий и явлений жизни, вещающий Свою Правду-Истину, тем кто желает её разуметь. И это одна из причин, почему заправилы библейского проекта клянут и искореняют Язычество, а не многобожие и не идолопоклонство, которые они же культивируют в разноликих неявных формах. **Жизнь — Священный Язык, на котором Бог говорит с каждым и со всеми.**

И по фактам жизни отдельных личностей, семей, родóв, целых народов и региональных цивилизаций, — *в зависимости от того, как протекает у них непосредственный диалог с Богом на Языке Жизни и опосредованный в общении с другими людьми,* — можно выявить и три вида «мистики»[1], в которой проявляется Высший Промысел:

[1] Везения или невезения, не мотивированного казалось бы ничем, но реально мотивированного различиями в нравственности, определяющей: мировоззрение, избрание целей деятельности, её характер и результаты; а также мотивированного этически как внутриобщественно, так и религиозно.

- Всякая деятельность, прямо направленная на преображение человекообразия в человечность обретает явно ощутимую и неявную прямую и косвенную поддержку Свыше вплоть до того, что она сама несёт по Жизни тех, кто *ею занят по совести без лицемерия,* убирая с их пути все преграды и помехи в их деятельности: только ищите Правду Божию, работайте на её воплощение в Жизнь, а всё остальное приложится вам.
- Та деятельность, которая непосредственно не направлена против первого вида, но всё же направлена на извращение пути человечества или закрепощение его в состоянии человекообразия, не пресекается Свыше, если общество уже созрело для того, чтобы осознать и понять её зловредность.

  В этом случае она протекает в пределах попущения до тех пор, пока её зловредность не будет осознана, понята, и пока ей не будет выдвинута жизненно состоятельная альтернатива. Если общество отвергает выдвинутую работоспособную альтернативу, совпадающую с направленностью Промысла, то Свыше обществу будет предоставлена возможность убедиться в том, что альтернатива — благо, а её отрицание — бедствие[1].

  Если общество не созрело для того, чтобы осознать и понять зловредность какой-то деятельности, то так или иначе Свыше пресекаются даже сами возможности заняться ею и поползновения к ней.

  И хотя в этом абзаце речь шла об обществе, но общество — это люди, а попущение в отношении общества — совокупный спектр попущения в отношении *персонально каждого из людей,* это общество составляющих.

- Та деятельность, что направлена против тех, *кто искренне и нелицемерно по совести работает на осуществление целей Высшего Промысла,* уводится Свыше на ложные мишени или пресекается иным образом, подчас вместе с жизнью ею занятых.

  При этом одни противники Промысла могут вкушать ярость других, взаимно истребляя друг друга, так что злочестивые в этом процессе могут употребляться в качестве орудия осуществления приговоров Свыше. Примером чему и стала судьба Иоанна Крестителя, казнённого по требованию распутной Саломеи.

  Другие противники могут заниматься бессмысленной суетой, не вредящей осуществлению Промысла.

  Деятельность третьих будет уложена в русло Промысла, вопреки их демонической воле просто в силу того, что каждый, кто работает на свои интересы в меру своего их понимания, в меру разницы в понимании может работать на тех, кто знает и понимает больше и лучше, чем он. А Бог — Творец и Вседержитель — вне конкуренции в знании и понимании всего и вся.

После того, как не сумел сохранить жизнь Иешуа, на эту же «мистику» буквоеду-“единобожнику”, а по существу — атеисту и сатанисту — Каиафе намекал, ссылаясь на премудрость Соломона, и булгаковский Пилат язычник-многобожник, сын знахаря-звездочёта, возможно сам того не понимая:

«— О нет! — воскликнул Пилат, и с каждым словом ему становилось легче и легче: не нужно было больше притворяться, не нужно было подбирать слова. — Слишком много ты жаловался кесарю на меня, и настал теперь мой час, Каифа! Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору, весть о том, как вы заведомых мятежников в Ершалаиме прячете от смерти. **И не водою из Соломонова пруда, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаим, нет, не водою!»** (гл. 2, выделено жирным нами при цитировании).

Причём тут «вода из Соломонова пруда»? — Последняя фраза явно выпадает из контекста, если её воспринимать как отказ Понтия Пилата от якобы имевшегося у него намерения заняться благоустройством Иерусалима и провести водопровод, чтобы напоить его жителей водою из «Соломонова пруда»,

---

[1] Так мы сейчас, в ходе перестройки и реформ убеждаемся, что прошлое согласие с решениями XX съезда КПСС, оклеветавшего И.В.Сталина лично и его эпоху в целом, и безучастность к решениям этого съезда — сродни иудину греху, последствия которого мы расхлёбываем. В этой связи рекомендуется сопоставить политику троцкистов 2-го поколения в КПСС времён Н.С.Хрущёва и жалких подражателей И.В.Сталину времён Л.И.Брежнева, с тем, что было написано самим И.В.Сталиным в его завещании — “Экономических проблемах социализма в СССР” (сентябрь 1952 г.).

Названная работа И.В.Сталина обстоятельно рассматривается в книге “Форд и Сталин: О том, как жить по-человечески”.

которого в отличие от храма Соломона, в Иерусалиме не существовало[1]. Если же подходить к этим словам как к иносказанию, то по существу Пилат по отношению к судьбе будущего Мессии, сам того не осознавая, но чуя благой Божий Промысел, встаёт на позиции пророчества Соломона, хотя даже не знает о его существовании. Этот так, поскольку слово «вода» издревле употребляется в иносказаниях в качестве символа информации и культуры вообще[2]. Кроме того фразу о «воде из Соломонова пруда» в контексте романа можно понимать и как художественный приём, с помощью которого М.А.Булгаков иносказательно выразил через Пилата свою приверженность пророчеству Соломона и *Язычеству Божиему, искореняющему зло,* что символически должно напоминать иерархам всех библейских культов о необходимости отказа от доктрины Второзакония-Исаии, дабы впредь строить жизнь на Земле в русле благого Божиего Промысла.

Но “российские” попы бездумно плетутся *за плату* в охвостье борьбы с Язычеством Божиим. И если с попа, с патриарха, папы римского спустить облачения, и поставить их на пляже перед народом на солнцепёке одетыми как все, то зрелище будет жалкое, слушать их бредни никто не будет, ибо одно слово — чиновники. А Христа люди слушали; и Иоанна Крестителя слушали, ибо заблуждался он искренне, а не за плату вводил в заблуждение других…; и “Мастера и Маргариту” тоже люди читают, и на пляжах на солнцепёке, и в транспорте потому, что написано искренне и жизненно.

После того, как М.А.Булгаков показал, как М.А.Берлиоз лепит из Ивана Бездомного “пророка” материалистического атеизма, он в сюжете романа счёл за благо отрезать голову именно программисту чужой психики Берлиозу, а не его жертве, предназначенной на роль авторитета в глазах бездумной части общества. То есть это качественное отличие алгоритмики коллективной психики людей Русской цивилизации от общества, живущего под концептуальной властью Библии и заправил библейского проекта порабощения человечества*: Русским свойственно воздавать поделом прежде всего самими хозяевам, а не их невольникам-рабам.* Поэтому в сюжете романа головы лишился один из проявленных заправил библейского проекта.

---

[1] На плане Иерусалима, приводимом в Библии (синодальный перевод), издаваемой Московской патриархией, на стр. 1008, имеются Змеиный пруд, Силоамский источник и Силоамский пруд, подземный трубопровод Езекии, водоем Езекии, источник Гион, но *Соломонова пруда ни в Иерусалиме, ни в его окрестностях не показано*. Иных сколь-нибудь значимых водоёмов, из которых можно было бы напоить город, на карте нет. Пилат же не производит впечатление слабоумного, который намеревался напоить город из пересыхающей лужи, которую не помещают на карте.

[2] Например, древняя суфийская притча “Когда меняются воды”:

«Однажды Хидр («Хидр» в переводе на русский — «Зелёный» — совершенный суфий, покровитель суфиев), учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

— Наступит такой день, — сказал он, — когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, от которой люди будут сходить с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он собрал большой запас воды и спрятал его в надёжном месте. Затем он стал поджидать, когда вода изменится.

В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в убежище, стал пить из своих запасов.

Когда он увидел из своего убежища, что реки возобновили своё течение, то спустился к сынам человеческим. Он обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, они не помнят ни то, что с ними произошло, ни то, о чём их предостерегали. Когда он попытался с ними заговорить, то понял, что они считают его сумасшедшим и проявляют к нему враждебность либо сострадание, но никак не понимание.

По началу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако в конце концов он решил пить отныне новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшие его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой. Он выпил новой воды и стал таким, как все. Тогда он совсем забыл о запасе иной воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом исцелился от своего безумия.

Легенда часто связывается с Зу-н-Нуном (Зу-н-Нун аль Мисри, считается одним из основоположником суфизма, возникшего в IX веке), египтянином, который умер в 850 году и считается автором этой истории, по меньшей мере в одном из обществ вольного братства каменщиков. Во всяком случае Зу-н-Нун — самая ранняя фигура в истории дервишей ордена Маламати, который, как часто указывалось западными исследователями, имел поразительное сходство с братством масонов. Считается, что Зу-н-Нун раскрыл значение фараонских иероглифов.

Этот вариант рассказов приписывается Сеиду Сабиру Али Шаху, святому ордена Чиштия, который умер в 1818 году» — цитировано по книге: Идрис Шах “Сказки дервишей” (Москва, “Гранд”, 1996, перевод с английского).

По отношению к обычной природной воде H_2O эта притча либо бессмысленна либо чудесно-волшебна. А по отношению к преображению культуры, в которой люди рождаются и живут, подобно тому как рыба рождается и живёт в воде, — всего лишь иносказательна.

И по существу эта особенность сюжета романа представляет собой уже свершившийся акт программирования библейского эгрегора на уничтожение им же как проявленных, так и «не проявленных» заправил самого библейского проекта.

На то обстоятельство, что речь в романе в иносказательно притчевой форме идёт об уничтожении самим библейским эгрегором заправил библейского же проекта указует и фамилия «Берлиоз», которую М.А.Булгаков дал уничтоженному персонажу романа.

В реальной жизни фамилию «Берлиоз» слышали почти все, и многие знают, что это фамилия французского композитора, хотя его музыку могут припомнить большей частью только музыканты-профессионалы и музыковеды. Почему М.А.Булгаков дал одному из своих персонажей фамилию композитора, к тому же музыка которого не часто исполняется в России? — Ответ на этот вопрос даёт творческое наследие самого Берлиоза-композитора. Гектор Берлиоз (1803 — 1869), известный французский композитор и дирижёр, создатель нового направления в музыкальном искусстве — *программного* романтического симфонизма. Как сообщают учебники по истории музыки, новизна этого направления определяется:

- отождествлением музыкального замысла с какой-нибудь современной идеей, успевшей получить признание, т.е. со сложившейся традицией;
- введением театрализации в музыкальное исполнение;
- при этом произведения в стиле «программного романтического симфонизма» сопровождаются словесными пояснениями, в которых описываются те образы, которые композитор выразил (как он думал) в своей музыке.

Иными словами Гектор Берлиоз *программировал единообразное восприятие* его музыки слушателями, т.е. по существу был программистом их психики. Кибернетика, программирование ЭВМ и иных технических устройств как отрасли науки и практической деятельности во времена написания романа не существовали, поэтому прямо указать на социальную функцию одного из персонажей романа для М.А.Булгакова было проще всего, дав ему фамилию одного из исторически реальных «мастеров искусства», который занимался тем же видом деятельности по отношению к обществу и делал это в русле той же концепции общественного устройства цивилизации: отсюда и возник литератор Мойша, известный как «Михаил Александрович Берлиоз»[1] — “однофамилец” композитора Гектора Берлиоза. Кроме того, отец композитора Берлиоза был врачом, изучал материалистическую философию и был убеждённым атеистом. В круг общения Гектора Берлиоза входили такие известные его современники, как Бальзак, Гейне, Дюма, Лист, Гёте, *Виктор Гюго* и *Теофиль Готье*. Двое последних кроме всего общеизвестного были великими магистрами масонской ложи «Приорат Сиона» («Сионская община», — в переводе на русский), внутренним документом которой по одной из версий являются пресловутые “Протоколы сионских мудрецов”[2].

---

[1] Что Берлиоз от рождения — Мойша, а не Михаил, это подразумевается из совокупности мелочей той эпохи и её описания в романе: в частности, редкая сама по себе фамилия «Берлиоз» — в России скорее может принадлежать человеку в качестве избранного им псевдонима (возможно ещё дореволюционной партийной клички), чем быть фамилией, с которой он родился.

В этой же связи приведем исторический анекдот:

Был советский военачальник С.С.Каменев (1881 — 1936, умер своею смертью). Сталин с ним, как говорят, перешучивался: — Товарищ Каменев, а Вы со Львом Борисовичем не родственники? На что получал ответ: — Нет, товарищ Сталин: не родственники и даже не однофамильцы…

Для его понимания надо знать, что «Каменев» — псевдоним Л.Б.Розенфельда, одного из вождей РСДРП (б), который совместно с Г.Е.Апфельбаумом (он же «Зиновьев», он же «Родомысльский») в октябре 1917 г. выдал секретное решение ЦК о взятии власти вооружённым путём, опубликовав своё несогласие с ним в открытой печати, оповестив тем самым братанов-масонов о предстоящих политических изменениях. «Каменев» и «Зиновьев» были изобличены как враги народа, осуждены и казнены в конце 1930-х гг. Реабилитированы в эпоху М.С.Горбачева с подачи братанов-масонов нового поколения.

До конца сороковых годов жить не под своей фамилией, а под псевдонимами, *искажающими представление о национальном происхождении их носителей,* было очень распространённым явлением в кругах еврейской по происхождению интеллигенции. В кампанию борьбы с космополитизмом был опубликован список расшифровок псевдонимов, что вызвало истерику, а после устранения И.В.Сталина — кампанию порицания этого акта. Об этом событии сейчас предпочитают не вспоминать, чтобы не спровоцировать появление нового списка-расшифровки псевдонимов, часть из которых уже успела стать фамилиями в преемственности нескольких поколений.

[2] О «Приорате Сиона» и происхождении из него “Протколов Сионских мудрецов” см. в книге: М.Байджент, Р.Лей, Г.Линкольн “Священная загадка” (русские издания: С.-Петербург, 1993 г., 1997 г.); название английского издания: Michael Baigent, Richard Leigh, Henry Lincoln “The Holy Blood and Holy Grail” (“Святая кровь и святой грааль”), London, 1982.

→→→

Но “воцерковленных” ничему не учат ни судьбы реальных людей, ни литературные сюжеты. С точки зрения иерархов библейских культов истинны библейские тексты, а не «тексты» *Священного Языка Жизни* как такового, и не отображения Жизни в художественных образах литературы и других видов искусства. И как показывает анализ всего церковного богословия, оно исходит из бессовестно принимаемого за истину постулата: Исаия — пророк Божий, а не эгрегориально одержимый страдалец по жизни и страдалец в смерти, что хорошо видно и по ранее приводившемуся тексту церковных рассуждений на тему, почему Соломон — не автор книги Премудрости Соломона. Все такие писания высокопарны, рассудочны, но проистекают они не от души, а за плату, и потому нет в них жизни, и несут они смерть доверившимся им. Приведём ещё одну выдержку из того же издания:

«Креститель назвал Христа Агнцем Божиим в том смысле, что Его Сам Бог избрал и приготовил для заклания в жертву за грехи людей, подобно тому как евреи при выходе из Египта готовили агнцев, кровь которых должна была спасти их дома от грозного суда Божия (Исх. XII, 7). Бог давно избрал Этого Агнца (Апок. XIII, 8; 1 Петр. I, 20)[1] и теперь давал Его людям — всем людям без изъятия. Едва ли можно видеть в словах Крестителя отношение к изображённому пр. Исаией Страдальцу (53 гл.), как полагают древние и новые экзегеты. В 53 гл. кн. Исаии мессия назван не прямо агнцем, а только сравнивается с ним, и является несущим не *грехи* наши, а болезни и скорби. — *Который берёт на Себя грех мира* — точнее: уносит грех мира с собою (ср. I, 10; Ан. III, 5). Креститель не указывает времени, когда Этот Агнец унесёт на себе грехи мира» (“Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета”, том. 3 стр. 323. Репринтное Издание преемников А.П.Лопухина. Петербург 1904 — 1914 гг. Текст взят из комментария к Евангелию от Иоанна, гл. 1, 29).

Но даже с учётом таких пояснений толкователи Библии не могут гарантировать того, что при чтении текстов Ветхого и Нового наветов на Бога милостивого, милосердного у людей не возмутится совесть и они не зададут непосредственно **Богу, который есть**, вопрос:

> Если Иоанн Креститель «направил путь Господу» по Исаии, а не по Соломону, то всё же: какой реально исторический путь прошёл на земле праведник Иисус Христос?

Ответ на него, не совпадающий с новозаветной версией, исходящей из “пророчества” Исаии, но вполне совпадающий с пророчеством Соломона, даёт М.А.Булгаков в “Мастере и Маргарите” не только символически-иносказательно, о чём было сказано ранее и будет говориться далее, но и прямо.

Прокуратору в ночь после дня 14 числа весеннего месяца нисана снится сон:

«Он шёл в сопровождении Банги, а рядом с ним шёл бродячий философ. Они спорили о чём-то очень сложном и важном, причём ни один из них не мог победить другого. Они ни в чём не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением — ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шёл рядом следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было. Вот в чём прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны» (гл. 26).

О том же спустя почти две тысячи лет снится сон и успокоенному лекарствами в лунную ночь Ивану Николаевичу Поныреву — бывшему поэту Ивану Бездомному:

«После укола всё меняется перед спящим. От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идёт какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чём-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чём-то договориться.

— Боги, боги, — говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, — какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, — тут лицо из надменного превращается в умоляющее, — ведь её не было! молю тебя, скажи, не было?

Но это только одна из тем в названной книге: она посвящена тому, о чём по утверждению «Приората Сиона» умалчивают церкви имени Христа, и прежде всего римско-католическая, но что является на протяжении веков тайной Франции: Иисус был женат на Марии Магдалине, потомками их детей является французская королевская династия Меровингов. Также утверждается, что Иисус не умер на кресте, а был подменён другим, после чего покинул Иудею.

[1] То обстоятельство, что Апокалипсис и послания апостола Петра написаны после того, как некие события *под покровом таин Божиих (как о том пророчествовал Соломон)* имели место в Иерусалиме, в данном случае церковных писателей не останавливает, поскольку пророчествам Исаии не противоречит. А как они выламывались, когда речь шла о книге Премудрости Соломона: и древнееврейского текста нет, и написана позднее, и автор знаком с греческой философией и т.п.

— Ну, конечно, не было, — отвечает хриплым голосом спутник, — это тебе померещилось.

— И ты можешь поклясться в этом? — заискивающе просит человек в плаще.

— Клянусь, — отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются.

— Больше мне ничего не нужно! — сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается всё выше к луне, увлекая своего спутника. За ними идёт спокойный и величественный гигантский пёс» (последние страницы романа).

После этого «луна вскипает» (т.е. прежние образы разрушаются, вследствие того, что происходит резкое замещение одного видéния другим), и в сон Ивана Николаевича приходит мастер.

«Иван Николаевич во сне протягивает к нему руки и жадно спрашивает:

— Так, стало быть, этим и кончилось?

— Этим и кончилось, мой ученик, — отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит:

— Конечно, этим. Всё кончилось и всё кончается… И я вас поцелую в лоб, и всё у вас будет так, как надо».

Но этим «всё» не кончилось и не кончается. Парочка воландовских “голубков” вторгается в видéние Ивана Николаевича, всякий раз препятствуя ему последовать своим внутренним видéнием за Иешуа и Пилатом «по дороге к луне». Исторически так сложилось, что полумесяц, астрологический символ луны, после падения Константинополя, на гербе которого он красовался, стал символом ислама. Поэтому вне зависимости от того, знал М.А.Булгаков это либо же нет, но в художественных образах он указал на источник, объясняющий и сон Пилата, и сон Ивана Николаевича: казни не было.

Но почему её не было, когда все видели, что она была? Прямой ответ на этот вопрос даёт Коран:

«Они не убили его (Иисуса) и не распяли, но это только представилось им; и, **поистине,** те, которые разногласят об этом (т.е. не согласные с кораническим свидетельством), — в сомнении о нём; **нет у них об этом никакого знания**, кроме следования за предположением (Саблуков: «они водятся только мнением»). Они не убили его (Христа), — **наверное** (Саблуков: «это верно известно»), нет, Бог вознёс его к Себе: ведь Бог могущественен (Крачковский: «велик»), мудр! **И поистине**, из людей писания нет никого, кто бы не уверовал в него прежде своей смерти, а в день воскресения он будет свидетелем против них!» (сура 4:156, 157, все выделения сделаны нами).

Так в Кораническом откровении проливается свет на таины Божии от неправоумствующих злочестивых, ослеплённых своею злобой, о чём предвещал царь Соломон, названый народом Премудрым.

И беда тех, кто верует в то, *что события в Иерусалиме 14 числа весеннего месяца нисана исполнились, подтвердив истинность “пророчества” Исаии, соответственно тому, как приготовлял пути Христу по этому “пророчеству” Иоанн Креститель,* состоит в том, что текст и подтекст Нового Завета в его исторически сложившемся виде подтверждают истинность пророчества Соломона; подтверждают истинность Коранического свидетельства. И это означает, что все, кто свидетельствовали о казни и воскресения Христа обольстились о нём, от чего он их и предостерегал.

16 — 22 октября 2000 г.
Уточнения: 5, 7, 8, 11 ноября 2000 г.

13. «Читающий да разумеет»[1]: свершилось «милости хочу, а не жертвы»[2]

Обратимся к описанию событий, предшествовавших взятию Христа под стражу в Гефсиманском саду:

«36. Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. 37. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых[3], начал скорбеть и тосковать. 38. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. 39. И, отойдя немного, пал на лице Своё, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. 40. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? 41. бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. 42. Ещё, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя. 43. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. 44. И, оставив их, отошёл опять и помолился в третий раз, сказав то же слово. 45. Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы всё ещё спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предаётся в руки грешников; 46. встаньте, пойдём: вот, приблизился предающий Меня.

47. И, когда ещё говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришёл, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных» (Матфей, гл. 26).

Описание этого же эпизода у Марка, гл. 14:33 — 43, содержит все эти же значимые особенности, сообщаемые Матфеем, смысл которых — *в нашем миропонимании* — мы поясним далее.

Этот же эпизод в описании Луки, который сам не принадлежал к числу учеников Христа, но изложил письменно, *как он понял,* смысл того, во что уверовал *с чужих слов,* отличается от описываемого Матфеем и Марком, помимо чрезвычайной эмоциональной напряжённости (пот Христа был «как капли крови, падающие на землю»), весьма значимой деталью — появлением в сюжете «Ангела с небес»:

«39. И, выйдя, пошёл по обыкновению на гору Елеонскую, за Ним последовали и ученики Его. 40. Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение. 41. И Сам отошёл от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, 42. говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. 43. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. 44. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю. 45. Встав от молитвы, Он пришёл к ученикам, и нашёл их спящими от печали 46. и сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.

47. Когда Он ещё говорил это, появился народ, а впереди его шёл один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошёл к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. 48. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаёшь Сына Человеческого?» (Лука, гл. 22).

Теперь обратимся к самому эпизоду. Осмыслим два обстоятельства.

Первое: Матфей, Марк, Лука передают, хотя и несколько разными словами один и тот же смысл: Иисус, призывая к молитве, предупредил избранных им апостолов о том, что, не молясь совместно с ним, они неизбежно впадут в искушение:

«Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Марк, 14:38).

Но и после этого прямого и не двусмысленного предостережения, после двукратной просьбы хотя бы бодрствовать в то время, как сам он молится, возвращаясь к ним, Иисус застал апостолов спящими. После этого он, по сообщению Матфея, оставил их — по существу в сонных грёзах, в полудрёме[4] — и отошёл в сторону, чтобы помолиться в третий раз.

---

1 Матфей, 24:15.

2 Матфей, 9:13.

3 Апостолы Иоанн и Иаков (Матфей, 4:21; Марк, 14:33).

4 Если бы сон апостолов бы глубоким, полноценным забытьём, а не полудрёмой (полузабытьём), то некому было бы свидетельствовать о том, что произошло; и возможно, что мимо сознания апостолов прошла бы не только молитва Христа, но и его взятие под стражу, после чего они по утру проснулись бы в саду одни. Но если апостолы были только в полудрёме, то сквозь сонные грёзы в полузабытье они не могли не слышать, что происходило вокруг, а потому об этом они могли рассказать адекватно тому, что было в действительности. Поэтому утверждение канона Нового Завета о том, что апостолы в действительности спали, а не дремали, — это либо злоупот-

→→→

Соответственно словам самого Христа, сохранённым авторами трёх новонаветных “евангелий”, апостолы Пётр, Иаков, Иоанн, с чьих слов описания событий в Гефсиманском саду попали в канонические тексты Нового Завета, после взятия Христа под стражу пали жертвой искушения как и все прочие “очевидцы” потому, что уклонились от предложенной им молитвы. Уклонившись от молитвы, к которой были призваны, они на какой-то период времени выпали из религии **Бога, который есть**.

Не участвуя в молитве, избранные Христом апостолы, не перешли совместно с ним некий рубеж, который в молитве перешёл он; они остались по своему мировоззрению частью общества, в котором выросли, отстав от Христа на его пути и потеряв его.

Их свидетельства о казни и воскресении Христа невозможно было бы оспорить единственно в том случае, если бы они соучаствовали в молитве Христа, когда он их к ней призвал.

Принятие их свидетельства, после того как они уклонились от молитвы с Христом, означало бы, что Христос, призывая их к молитве, предупредив, что в противном случае они впадут в искушение, пустословил и лгал. Засвидетельствованный в каноне Нового Завета факт неучастия призванных к совместной со Христом молитве апостолов не позволяет объявить заведомой ложью либо не относящимся ко Христу предвозвещённое в пророчестве Соломона (Премудрость Соломона, гл. 2); не позволяет отвергнуть как ложное и прямое и однозначное кораническое сообщение (сура 4:156, 157) о вознесении Христа, упредившем его распятие.

Если бы апостолы участвовали в молитве, к которой призвал их Христос, то они пребывали бы в ином настрое психики и органов чувств, вследствие чего увидели бы мир другими глазами, а их свидетельство о последующих событиях было бы содержательно иным, отличным от известного нам по текстам канона Нового Завета.

Если кто-то из верующих новонаветным церквям настаивает, что не имеет ни малейшего значения для отношения к свидетельствам апостолов о событиях после взятия Христа под стражу, молились они совместно со Христом, либо же не молились, — пусть утрудится объяснить: зачем он молится сам? ощущает ли он в себе какую-нибудь разницу настроений и дел, во-первых, после совершения несуетной искренней молитвы и, во-вторых, когда он по забывчивости, лени или иным причинам уклонился от молитвы или суетливо исполнил ритуал? А если с его точки зрения нет никакой разницы для течения жизни человека молиться либо нет, то в чём тогда неправы откровенные атеисты, прямо отрицающие необходимость для человека молитвенного обращения к Богу для того, чтобы в жизни всякого индивида и общества в целом всё было бы по Правде-Истине? И почему для апостолов необходимо сделать исключение, и настаивать, что их немолитва осталась без каких-либо последствий, что они не впали в искушение, вследствие чего их свидетельства истинны так же, как если бы они молились?

Кроме того, при согласии со свидетельствам апостолов о событиях после взятия Христа под стражу следует признать, что призыв Христом апостолов к молитве и его предостережения их от искушения были заведомой ложью или пустыми словами. При таком отношении к молитве и немолитве новонаветно-воцерковленные по существу по умолчанию почитают Христа неверующим Богу лицемером и свидетельствуют о своём неверии Богу, отрицая по умолчанию истинность обетования Божиего, переданного через Христа людям:

«23. Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своём, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет. 24. Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Марк, гл. 11).

Второе обстоятельство прямо связано со смыслом молитвы Христа, который передан Матфеем, Марком, Лукой в основном однозначно, хотя есть и оттенки смысла, в передаче каждого из них, к чему мы вернёмся позднее:

«Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу <пусть будет: добавлено нами при цитировании для пояснения общего контекста>, а чего Ты» (Марк, 14:36).

ребление печально-ироничной *гиперболой Христа (Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы всё ещё спите и почиваете?), обращённой исключительно к апостолам,* либо ещё одно последующее искажение цензоров и редакторов Нового завета с целью скрыть суть вопроса о молитве Христа, немолитве апостолов и последствиях того и другого. (2004 г.).

Из этих слов можно понять, что:

- Иисус нисколько не сомневался, что Всевышнему, Всеблагому Творцу и Вседержителю — **Богу, который есть**, всё возможно *осуществить праведно* в сотворённом Им по Его *благому* Предопределению Мироздании;
- Иисус был готов искренне исполнить принятую им на себя миссию в Промысле Божием, каковы бы ни были сопутствующие и возникающие вследствие её исполнения обстоятельства, и не пытался уклониться своеволием от исполнения Промысла; и у него не было в намерениях отказаться от христианской этики и действовать по *способностям (намного превосходящим самые буйные фантазии любого военно-силового ведомства)* в пределах Божиего попущения в отношении своих оппонентов. По существу он, как *всегда (и этого не достаёт подавляющему большинству из людей),* был и в Гефсиманском саду в ладу с Богом и верил Ему, хотя всеми чувствами своими и сверхчувственно ощущал: алгоритмика коллективной психики общества, в которое он пришёл, уже работает на пресечение его миссии, что в этом обществе в своём прежнем качестве — *праведника во всей полноте достоинства человека* — он — не жилец.

По отношению к этим двум однозначно выраженным в каноне Нового Завета фактам не имеет значения, какое из воззрений на личность Христа истинно: ипостась ли он «триединого Бога», что прямо провозглашают никейские церкви в своём *символе*[1] веры; «Божий Сын», смысл каких слов никто из смертных в этом мире понять не может просто потому, что категории «сын» и «отец» свойственны нынешнему человечеству и несут прежде всего смысл преемственности *смертных* поколений в жизни общества, что не уместно по отношению к жизни мира бессмертных; человек ли Иисус, не являющийся ни Богом, ни «Божиим Сыном», как о Христе сообщает, в частности, кораническое Откровение, с каким воззрением согласны также и многие, не относящие себя к исторически реальному исламу[2].

Это так потому, что при любом из этих мнений **Иисус и Всевышний Бог**, которого церкви, признающие догмат о «святой Троице», именуют «Богом Отцом», — **разные личности**, обладающие своеобразием, отличающим каждую из них ото всех прочих; обладающие свободой выбора линии поведения и свободой воли в употреблении свойственной каждой из них власти. Иными словами, вопреки всем сложившимся обстоятельствам ничто не мешало Богу («Богу Отцу») ответить на молитву Христа («Бога Сына») в соответствии с её смыслом. Возражающим против этого любителям ссылаться на Божье Предопределение следует опамятоваться, поскольку Предопределение во всей его полноте и детальности известно только самому Предопределившему: всем остальным ведомы только его фрагменты, к тому же у многих смешанные с заведомой ложью, к которой они безразличны.

И это приводит к вопросу: а дано ли знание о том, чего в действительности хочет Всевышний — всеобъемлющая личность во всей Своей полноте и совершенстве? Однозначный ответ на этот вопрос известен, как минимум, бессознательно, каждому, кто прочитал Новый Завет хотя бы раз:

«Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных (Матфей, 12:7). «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы» (Матфей, 9:13).

Вопреки этому, однозначно доведённому до сведения всех из уст самого Христа, новонаветные церкви имени его, настаивают, что Бог избрал Себе «жертву умилостивления»[3], осудил в Своём Предо-

---

[1] Если нет истинной веры, то остаётся демонстрировать символ её.

[2] В частности, Л.Н.Толстой в своём ответе Синоду на отлучение его от правящей церкви писал:

«Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю, как Дух, как Любовь, как начало всего... Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством» (Цитировано по книге “Речь патриарха Алексия II к раввинам Нью-Йорка 13 ноября 1991 года и ересь жидовствующих”, Москва, ТОО «Паллада», 1992 г., стр. 215).

Комментаторы речи Алексия II демонстрируют далее либо своё невежество и ограниченность, либо преднамеренную ложь:

«Здесь уместно заметить, что с древне-библейскими пророчествами о Христе Л.Н.Толстой ознакомился при помощи московского раввина Минора. Неудивительно, что толкования библейских текстов были сделаны не в духе христианского учения, а так, как они содержатся в Талмуде».

Но то, что сказал Л.Н.Толстой, ближе к Корану и во многом в согласии с вероучением ислама и противно ветхозаветно-талмудическому иудаизму, поскольку в иудейском вероучении Иисус, через которого Бог явил людям Его Благую весть, — колдун, чернокнижник. Лгут комментаторы речи Алексия II умышленно или по невежеству, эта ложь — знамение выпадения и их, и отлучавших Л.Н.Толстого от церкви, из Святодуховности, промыслительно даруемой Богом вне догматики и ритуалов.

[3] «Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесёт жертву умилостивления» (Исаия, 53:10). «Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1-е послание Иоанна, 2:2). «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши» (1-е послание Иоанна, 4:10). «23. потому что все согрешили и лишены

→→→

пределении бытия Мироздания невиновного праведника на казнь в угоду неправоумствующим, порешившим искушать **Бога, который есть**, позволив всем грешным искупить свои грехи кровью праведника[1] вместо того, чтобы взрастить праведность в себе. И после этой напраслины церкви поучают людей, что *Бог есть Любовь.*

> Если Бог Всевышний есть Любовь, то Он — Любовь и к Иисусу. И нет в Мироздании ничего и никого, что не позволило бы Всевышнему **Богу, который есть**, любовно ответить на молитву Христа в Гефсиманском саду в полном соответствии с её общеизвестным смыслом, не лишив при этом человечество *спасения в истинном смысле этого слова*. И ничто в мире не свидетельствует о том, что Всевышний поступил иначе, поддержав Своим Промыслом неправоумствующих, посягнувших на искушение Бога и жизнь Христа.

Но о факте ответа Всевышнего на обращённую к Нему молитву Христа, верующего Ему беззаветно, засвидетельствовать было некому потому, что: *те апостолы, которые могли бы это сделать; которые были призваны к молитве для того, чтобы это сделать,* — вместо того, чтобы бодрствовать и молиться, пребывали в сонных грёзах. И потому они — как и все прочие “очевидцы” — бессовестно пали жертвой своего неверия непосредственно **Богу, который есть**, пали жертвой искушения своей верой в ветхонаветные писания и в учение об истинности пророчества Исаии; Соломон для них был только «премудрый царь», но не учитель от **Бога, который есть**, не посланник от Него ко всем людям; и будучи толпарями, они считали себя в праве не задумываться над смыслом слов его поучений, не допущенных в канон писания их пастухами.

И потому красноречивый в своём лукавстве “евангелист” Иоанн — ставленник «мировой закулисы», один из опекунов Христа в первое пришествие — обходит молчанием эпизод молитвы Христа и немолитвы апостолов в Гефсиманском саду. Иоанн обходит этот эпизод молчанием потому, что он своим однозначным смыслом и предложением беззаветной веры **Богу, который есть**, **развеивает всё злонамеренно сконструированное вероучение нововнаветных культов** *в миропонимании каждого, кто верует по совести непосредственно Богу, а не отгораживается от Бога, порождённым людьми писанием, заглушая голос совести*. Иоанн не слабоумен, чтобы не понимать жизненного смысла событий в Гефсиманском саду, но он лукав и потому пишет:

«1. … Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошёл Сам и ученики Его.

2. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими. 3. Итак Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. 4. Иисус же, зная всё, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете?» (Иоанн, гл. 18).

По Иоанну получается так: была тайная вечеря, на которой Иисус дал последние наставления своим ученикам; потом он пошёл с избранными учениками за поток Кедрон в место, где был сад; но, что там происходило — читателю (с точки зрения Иоанна, якобы любимого ученика Христа) знать не положено; и к тому месту Иуда, в которого вошёл сатана[2], привёл “группу захвата”, которая и взяла Христа под стражу, после чего он был осуждён, якобы казнён (чтобы «сбылись Писания пророков»[3]: в частности, Исаии) и якобы воскрес.

Для подтверждения именно этой версии течения событий в изначально изустное вероучение, зафиксированное письменно в последствии Лукой, который сам не был очевидцем эпизода в Гефсиман-

---

славы Божией, 24. получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, 25. Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде…» (Послание Павла Римлянам, гл. 3). Здесь следует заметить, что о «жертве умилостивления» сам Христос нигде не говорит: этот термин употребляют другие люди по отношению к нему, а их нравственные мерила — отличны от нравственных мерил Христа и Всевышнего Бога, который есть, и потому образ Бога в их душах искажён доктриной Второзакония-Исаии, которой противостоял Христос.

[1] «18. … не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, 19. но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, 20. предназначенного ещё прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, 21. уверовавших чрез Него в Бога, Который воскресил Его из мёртвых и дал Ему славу, чтобы вы имели веру и упование на Бога» (1-е послание апостола Петра, гл. 1).

[2] В частности, Иоанн, 13:27. Но о своих отношениях с миром демонов красноречивый в лукавстве Иоанн помалкивает.

[3] Матфей, 26:54, 56; Марк, 14:49, 15:28; Лука, 4:21; Иоанн, 10:35, 13:18. Фразы в смысле «сбудутся Писания», «сбудется речённое через пророков», встречающиеся в каноне Нового Завета, — выражение того, что хозяева Библии насаждают веру в своё Писание, подменяя ею веру **Богу, который есть**, непосредственно, беззаветно, помимо посредников и писаний.

ском саду и последующих событий, в сюжет был введён «Ангел с небес», который «укреплял» Христа, чтобы у доверившихся не вставало вопроса: ответил ли Всевышний на молитву Христа и если ответил, то как? — Веруйте: ответил, послал ангела с небес, но чашу страданий, заготовленную неправоумствующими не пронёс стороной.

Эта особенность текста Луки говорит о том, что творцы устной редакции вероучения, которую Лука зафиксировал письменно, а также и первохристиане, если и не видели и не понимали последствий молитвы Христа, то всё же глубоко чувствовали разницу между молитвой и немолитвой. Чтобы “неуместных” вопросов не возникало, авторитетные авторы-распространители устной традиции представили пастве дело так, будто **Бог, который есть**, в этом эпизоде не просто попустительствовал злодеям, а был заедино со злодеями, исполнившими Его Предопределение. Это навет на **Бога, который есть**.

Показанные выше разночтения в повествованиях о событиях в Гефсиманском саду Матфея и Марка — с одной стороны, и Луки и Иоанна — с другой стороны, во-первых, означают, что Иоанн (один из сыновей Зеведеевых) скрывал обличающую его Правду-Истину, пытаясь представить себя в качестве того, кем он в действительности не был; и во-вторых, означают, что Лука честно записал распространяемую в обществе злоумышленно искажённую версию событий.

Но есть нравственно-этически значимые разночтения и между Матфеем и Марком (по крайней мере, в переводах их текстов на современный русский язык), в которых выразилось нравственно обусловленное различие их веры. Смысл гефсиманской молитвы Христа Матфей передаёт в словах:

«Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Матфей, 26:39).

Смысл той же самой молитвы Марк передаёт в иных словах:

«Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу <пусть будет: добавлено нами при цитировании для пояснения общего контекста>, а чего Ты» (Марк, 14:36).

В передаче Матфея слова «если возможно» несут смысл, сомнения во всемогуществе Всевышнего Бога в действиях Его в Мироздании, поскольку при употреблении оборота «если возможно» всегда подразумевается, что не исключено, что и невозможно. В передаче Марка (он был секретарём апостола Петра и писал по его рассказам) слова «всё возможно Тебе» исключают какие-либо сомнения во всемогуществе Бога.

Вторая часть фразы в передаче Матфея: «впрочем не как Я хочу, но как Ты», отрицает сомнения во всемогуществе Божием, так как подразумевает, что Бог знает, *как* спасти праведника из убийственной ситуации, сложившейся вокруг него при исполнении Промысла Божиего, способами, выходящими за пределы вообразимого людьми, поскольку Бог не может хотеть и предопределить несправедливости. Вторая же часть фразы в передаче Марка: «но не чего Я хочу, а чего Ты», — среди всего, *чего* хочет и может хотеть Бог, допускает и возможность желательности для Него казни праведника. В подразумеваемых умолчаниях и провозглашении неограниченного всемогущества тонет то обстоятельство, что действительно есть действия для Бога невозможные по нравственно-этическим причинам, поскольку в противном случае Бог был бы нравственно-этически неотличим от демона, стоящего на принципе ничем не ограниченной вседозволенности, но только превосходил бы каждого из демонов и всех их вместе взятых своими властными возможностями. На это обстоятельство прямо указано в Коране:

Это всё, на наш взгляд, говорит о том, что более соответствуют друг другу начало фразы в передаче Марка и её завершение в передаче Матфея:

«Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня» (в передаче Марка); «впрочем не как Я хочу, но как Ты» (в передаче Матфея).

Понятно, что в молитве Христос выразил смысл наилучшим словоупотреблением, но имея дело с передачей его слов в текстах Матфея и Марка, каждый читатель должен сам решить, кто из них и в чём именно ближе к Правде-Истине, поскольку каждый из них, *имея свои нравственно обусловленные представления о Боге и Его отношениях с тварным Мирозданием и обитающими в нём субъектами,* выражал своими словами образные представления своего внутреннего мира о происшедших событиях, очевидцами которых, как явствует из текста Нового Завета, ни Матфей, ни Марк не были: Христос не призывал их к молитве в Гефсиманском саду.

Однако это всё не хитросплетение разрозненных случаев. «Мировая закулиса» — старше нынешней глобальной цивилизации, поскольку выжила в катастрофе прошлой глобальной цивилизации, предшествующей нашей. Она — одна из тех сил, которые по завершении той катастрофы приняли на себя миссию цивилизовать впавшее в дикость человечество. Глобальный исторический процесс нынешней цивилизации изначально был управляемым, т.е. в цивилизаторской миссии «мировой закулисы» преследовались вполне определённые цели: возобновить милый ей образ жизни прежней глобальной ци-

вилизации с жёстким разделением населения людей планеты на господ и рабов на кланово-расовой основе.

На протяжении всей истории нынешней цивилизации «мировая закулиса» управляла обществами на основе дозированного распространения в его социальных слоях знаний и субкультур, позволяющих освоить те или иные (с точки зрения толпы) сверхвозможности человека. Вследствие этого менее знающие и малоумеющие оказывались в зависимости от знающих и умеющих больше чем они, а те злоупотребляли этой разницей.

На протяжении тысячелетий для распространения и поддержания такого порядка «мировая закулиса» выстраивала проникающие во все сферы жизни общества системы посвящений, опираясь на которые она собирала и распространяла в обществе различную информацию, и тем самым осуществляла управление обществом. Эта глобальная система управления дожила до наших дней, и наши соотечественники видят её обнажённую и для многих привлекательную часть в виде системы учёных степеней и званий (бакалавры, магистры, кандидаты и доктора наук, членкоры и академики), творческих союзов, политических партий, церковных иерархий и т.п. внутриобщественных корпораций, в которых есть множество рядовых членов, многие из которых желают из рядовых подняться по иерархической лестнице посвящений. А кроме того есть и системы посвящений, о которых общества мало что знают, поскольку они заняты таимой от общества деятельностью, вследствие чего как минимум не афишируют свою деятельность, а как максимум — распространяют о ней заведомую ложь.

Во всех такого рода корпорациях, культивируемых «мировой закулисой», высшие иерархи становятся между всяким человеком и Богом, поскольку требование соблюдения корпоративной этики и дисциплины (далеко не во всех случаях праведной), требует от человека заглушить голос совести, отказаться от свободы выбора, подчинить свою волю вышестоящим иерархам, а не собственному искреннему пониманию путей и дел праведности.

> Поэтому все религиозные и светские иерархии без исключения в культуре человечества творят не Божие дело. Действуют они не Божией милостью, а в пределах Божиего попущения.

Закулисные заправилы и хозяева иерархий это всегда знали, поэтому такое историческое и религиозное событие как *издавна ожидаемое* пришествие Мессии — освободителя человечества от их гнёта — они не могли пустить на самотёк, а по существу — предоставить воле Божией, осуществлению которой на Земле они противостоят[1]. Как показывает анализ жизни Кумранской общины (II век до н.э.), о жизни которой известно по рукописям, найденным в пещерах вблизи Мёртвого моря в 1949 г., она представляла собой «полигонные учения» на тему *“Отражение “вторжения” посланника Всевышнего в дела «мировой закулисы» и мероприятия по компенсации нанесённого Ими ей ущерба”*. Это был целенаправленно поставленный социальный эксперимент, моделирующий функционирование нового *эгрегориального культа — системы социальной магии* — в условиях, которые должны были возникнуть:

- после того, как общество — под водительством иерархий «мировой закулисы» — отвергнет Христа-Мессию и не освоит передаваемого им вероучения;
- после того, как «мировая закулиса», извратив оставленное Христом учение[2], развернёт его культ и тем самым воспрепятствует освоению оставленной Христом-Мессией Правды-Истины в последующих поколениях.

На протяжении всей истории «мировая закулиса» культивировала разнородные йоги и магию как средство власти над толпой и обеспечения превосходства её представителей над простыми людьми. Но кроме того, она сталкивалась в своей деятельности и с самочинными пророками и магами, которые в силу разных причин обладали знаниями и навыками употребления сверхвозможностей человека, в ряде случаев превосходя в этом легитимных посвящённых иерархов. Антисистемная — с точки зрения «мировой закулисы» — деятельность таких «народных умельцев» вынуждала её разрабатывать практики обуздания самочинных пророков и магов для употребления их самих и их способностей в своих целях.

Вне зависимости от того, как к этому относились самочинные милостью Божией пророки, литература «мировой закулисы», доступная в наши дни широкой читательской аудитории, утверждает что все истинные пророки, включая и Христа, сотрудничали с иерархиями посвящения, были им лояльны, а если кто из них и пал жертвой, то только в результате буйства “стихии” толпы или какой-то нелеги-

---

[1] Вследствие этого они и довели предшествующую глобальную цивилизацию до уничтожившей её катастрофы.

[2] Более обстоятельное обоснование этого взгляда в материалах Концепции общественной безопасности приводится в работе “К Богодержавию…”.

тимной «чёрной ложи», противящейся Божиему Промыслу, но никак не в результате деятельности легитимных систем посвящения: в частности, масонства в библейской цивилизации.

Но Иисус отверг предложение принять административную власть над всеми царствами земными, предложенную ему дьяволом[1]. Вследствие этого легитимное сотрудничество оказалось невозможным, и поэтому «мировой закулисе» оставалось либо избавиться от него, либо постараться употребить в своих целях вопреки его намерениям и воле. В действительности заправилы «мировой закулисы» не стремились к тому, чтобы убить Христа. Убить неугодного самочинного пророка — с точки зрения «мировой закулисы» — всегда успеется *в полностью контролируемом ею обществе,* а вот употребить в своих целях вопреки его намерениям и воле — это может дать куда больший гешефт. Но для этого надо не только владеть ситуацией и развитой культурой управления толпой административными средствами и средствами социальной магии, но кроме того иметь и демоническую фантазию, необходимую для разработки соответствующего сценария, позволяющего скрытно осуществить его руками самой же пасомой толпы.

Был сценарий «мировой закулисы» и по обузданию Христа и вовлечению его в осуществление планов «мировой закулисы» в отношении глобальной цивилизации. Целью было не предание Христа смерти, как это представляют толпе библейские повествования, а посягательство на употребление его жизни в своих интересах, для чего «мировой закулисе» желательно было преобразить Христа в Антихриста, постаравшись превратить его по возможности в подчинённого себе биоробота-зомби (такого рода процедуры известны издревле и не только в культе Вуду).

Для этого было решено показать толпе очевидную *якобы казнь* Мессии: т.е. было решено вынести в толпу из храма одну из практик посвящения — мистерию «гибели — воскресения бога», известную, в частности, в практике посвящений культа Осириса в Египте. “Воскреснув” после *якобы казни,* Христос должен был бы обрести в восприятии толпы неповторимо чудесную репутацию воскресшего богочеловека. Толпу, завороженную “чудом”, легко можно завести на что угодно, после чего она сама понесёт данного ей в цари-священники Мессию «богочеловека» к назначенным «мировой закулисой» для неё целям. И в этой алгоритмике раскрутки стихийных процессов в толпе Христу было уготовано принять на себя роль вождя, царя земного, т.е. по существу Антихриста[2], возможно управляемого биоробота-зомби.

О посягательстве дьявола на производство зомби на основе тел праведников есть один намёк в Новом Завете:

«Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризненного суда, но сказал: “Да запретит тебе Господь”» (Послание апостола Иуды, 1:9).

Зачем потребовалось тело покойного Моисея? — наиболее эффективное его употребление в сатанизме — дать команду в магической формуле: «Исполнись волею моей, и обходя моря и земли делай моё дело в образе своём». В описываемом апостолом Иудой случае авторитет Моисея в обществе сложился при жизни; жизненные навыки, память во многом записаны в структурах тела, сохранились какие-то связи с эгрегорами человечества, но нет души, отлетевшей к Богу с её нравственными мерилами, свободой выбора и волей. Соответственно, завладев телом, открывается возможность подпитывать его энергией и возобновить в нём какую-то “физиологию”, после чего употреблять его по своему усмотрению. Но Михаил Архангел *изрёк:* «Да не позволит тебе Господь», — пришлось отказаться от намерения употребить тело Моисея и готовиться к пленению обстоятельствами и зомбированию Христа.

---

[1] «6. …и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; 7. итак, если Ты поклонишься мне, то всё будет Твоё. 8. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Лука, гл. 4).

Но и в приведённом фрагменте не всё чисто. Как утверждают некоторые, греческие тексты Нового Завета приводят иной ответ Христа “князю”: «Иди за мной...», — отличный от известного по господствующим русскоязычным текстам: «Отойди от Меня, сатана...» Аналогичный по смыслу ответ: «Иди за мной, сатана...», — содержится в церковно-славянском тексте Нового завета (Матфей, 4:10) в “Острожской Библии” первопечатника Ивана Федорова, что явно указует на отношение Христа к “князю” как к аферисту, которому Иисус предоставляет своим ответом возможность исправиться.

Это разночтение также подрывает церковную доктрину о реальной власти «князя мира сего», подтверждая Кораническое утверждение о предназначении человека быть наместником Божьим на Земле.

[2] Поскольку сам Христос учил совершенно иному:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей, 20:25 — 28).

Но для гарантии успеха этого сценария планируемая *якобы казнь* должна была быть заведомо не убийственной. Для этого «мировой закулисе» и её инструменту — первосвященнической верхушке — и потребовалось уйти от предусмотренной иудейским законом казни побитием камнями, которое оставляет после себя размозженный, обезображенный труп, вернуть который к жизни, тем более в полном здравии, средствами медицины и магии весьма проблематично. Для осуществления имитации смертной казни более подходило распятие, не оставляющее тяжких телесных повреждений, особенно если казнимого не прибивали к кресту гвоздями, а привязывали верёвками.

Гвозди при распятии употреблялись как один из видов “милости” к казнимому, сокращающей срок мучений, поскольку потеря и общее заражение крови от наносимых гвоздями ран быстрее вводило казнимого в бессознательность и ускоряло смерть; привязанные же казнимые мучились долго, умирая от обезвоживания организма и тепловых ударов на солнцепёке, всё это время пребывая в противоестественной для человеческого тела позе, в которой его мускулатура понапрасну теряла силы, своими бесполезными конвульсиями доставляя дополнительные страдания. Кроме того железо в те времена было относительно дорого, а распятие в Римской империи было массовым видом казни: соответственно железу можно было найти более полезное употребление. Поэтому обычно при распятии употреблялись верёвки, а не гвозди, вопреки тому, как это изображает церковная традиция: *тело, с пронзёнными гвоздями ладонями и ступнями, невесомо и прислонено к кресту*[1].

Распятие посредством верёвок не оставляет тяжких телесных повреждений, и потому представляет собой наиболее предпочтительный вид казни для осуществления имитации «смерти — воскресения бога». При оказании медицинской помощи своевременно снятый с креста распятый и якобы умерший гарантировано остаётся жив.

Такая возможность подтверждается свидетельством Иосифа Флавия. Он в “Иудейской войне” сообщает, что, после подавления иудейского восстания (начало в 65 г. н.э.), многие его участники были преданы реальному — убийственному — распятию. Обходя казнённых, Иосиф Флавий, уже прижившийся при подавлявшем восстание римском военачальнике Веспасиане Флавии[2], опознал на крестах трёх своих прежних знакомых. По его просьбе они были помилованы: их, уже провисевших на убийственных крестах длительное время, сняли с крестов, после чего им была оказана квалифицированная медицинская помощь и предоставлен хороший уход; хотя двое умерли, но третий выжил. Тем более шансы выжить в не-убийственной имитации казни распятием — близки к 100 %. Эффект воздействия распятия на психику толпы и психику якобы казнимого, на употребление дальнейшей жизни которого в своих целях посягают, может быть усилен за счёт применения снадобий-дурманов, функционально аналогичных тем, что употребляются при превращении неугодных в зомби в обществах, где поддерживается культ Вуду.

Но распятие было римской казнью, и для его осуществления необходимо было вовлечь в сценарий римского прокуратора Иудеи, а для этого необходимо было обвинять Христа не в отступничестве от традиционного вероучения (поскольку Римская империя расширяла свои границы на основе веротерпимости), а в подрыве её государственных основ.

Изменение состава преступления при предъявлении обвинения зафиксировано и в каноническом тексте Нового Завета: в синедрионе — “богохульство” (Матфей, 26:65; Марк, 14:64; Лука, 22:71); «Царь Иудейский», т.е. противник римского цезаря — перед римским прокуратором (Матфей, 27:11; Марк, 15:2; Лука, 23:1 — 3; Иоанн[3], 18:33). Кроме того вовлечение римской власти в дело придало бы показанной толпе инсценировке «казни — воскресения бога» общеимперскую значимость, что в последствии и подтвердилось в реальности распространением исторически реального христианства. Отсюда проистекает настырность синедриона по вовлечению в дело римского прокуратора и требование имен-

[1] Скульптурные и “живописные” изображения распятия в церковной культуре, в своём большинстве действительно показывают тело не висящее на гвоздях, а прислонённое к кресту. Кроме того, если гвозди вбиты в ладони, как это показано на большинстве изображений, тело неизбежно сорвётся с креста, под собственным весом разорвав мягкие ткани ладоней. Этот господствующий противоестественный характер в изображении распятия во всех новонаветных церквях — ещё одно знамение того, что Дух Святой не вдохновляет художников на такого рода изображения, возводящие напраслину на Бога.

В тех же изображениях, где тело обвисает на кресте под собственным весом, как это имеет место в скульптурной композиции на посохе папы Римского, просто выразилось смакование зрелища казни праведника.

[2] Император с 69 г., основатель династии Флавиев, что ему предсказал Иосиф, взявший в римском плену фамилию своего покровителя. До пленения Иосиф из рода первосвященников был одним из руководителей восстания.

[3] Лукавый Иоанн вывел из рассмотрения и изменение характера обвинения, умолчав об обвинениях в синедрионе.

но распятия, что известно по текстам Нового Завета. И, особенно, это бросается в глаза в неканоническом повествовании “Евангелия от Никодима”.

“Евангелие от Никодима” — апокриф, не принятый церквями в библейский канон и дошедший до нас в редакции, датируемой не ранее, чем концом IV в. В нём обстоятельно описывается рассмотрение дела у римского прокуратора. Его авторы приводят диалог представителей синедриона и римского прокуратора.

Прокуратор, услышав, что Иисус обвиняется в хуле на Бога, выслушав объяснение Иисуса: «Моисей и пророки писали об этом страдании и воскресении Моём», — дважды предлагает иудеям: «Если эти слова хула, возьмите Его и по закону вашему судите». После первого римского предложения судить по их закону, иудеи объясняют Пилату: «Того, кто хулит Бога, побивают камнями», — но намёк не принят, и вторичный отказ римской власти принять дело о “богохульстве” к рассмотрению, приводит к тому, что кто-то из иудеев проболтался: «Мы хотим распять Его на кресте» (“Евангелие от Никодима” цитировано по сборнику “Апокрифы древних христиан”. СПб, «Общество Ведической культуры», 1994 г., стр. 50).

Дошли ли эти слова из каких-то текстов на основе воспоминаний очевидцев, либо же они — позднейший плод умозрительной реконструкции прошлой исторической реальности авторами “Евангелия от Никодима”, но они говорят, что, несмотря ни на какое промывание мозгов, у многих людей на протяжении последних двух тысячелетий было ясное ощущение злоумышленного втягивания Рима в дело, в котором *надиудейская оккультная верхушка исходила из некой, ей известной целесообразности, соответственно которой побитие Иисуса камнями было для неё просто неприемлемо.*

Так или иначе, историческая правда (или ощущение истинной подоплёки дела, но без её понимания) в “Евангелии от Никодима” выражена, и она не сгинула в веках: хозяева и заправилы синедриона желали *определённо распятия* и подстрекали толпу требовать распятия Иисуса от Рима. Забить камнями в обстановке политической нестабильности тех лет иудейская сторона могла кого угодно, не опасаясь римских репрессий, что видно из канонических текстов Нового Завета: неоднократные посягательства на то, чтобы забить камнями Христа (Иоанн, 7:32; 8:59; 10:31), предложение Христу дать санкцию на побитие камнями женщины, взятой в прелюбодеянии (Иоанн, гл. 8), побитие камнями христианского первомученика Стефана (Деяния апостолов, 7:54 — 60) в присутствии будущего апостола Павла (при этом возбуждённая толпа выволокла Стефана из города через ворота, при которых всегда была стража) — всё это не беспокоило римскую оккупационную власть. Но такая казнь гарантировано сорвала бы осуществление сценария по обузданию Мессии и преобразованию Христа в Антихриста, искусственным созданием вокруг него специфических обстоятельств и возможно применением в отношении него какой-то из уже существовавших в те времена технологии зомбирования.

Отсюда и возникло изменение состава преступления в обвинении Христа перед Пилатом. Обвинение в «богохульстве» снято и выдвигается новое: «Царь Иудейский» — обвинение в посягательстве на разрушение территориальной целостности Римской империи и подрыв её государственности, автоматически вовлекавшее Рим в сценарий закулисной глобальной политики, далеко выходившей (и выходящей поныне) за пределы представлений большинства.

Косвенный признак наличия некоего скрытого сценария и хорошо налаженной системы его осуществления в отношении Христа нашёл своё выражение и в Библии. Но чтобы его увидеть, — надо быть внимательным к Жизни; ощущать внутрисоциальное управление, *не согласное с совестью,* в глобальном историческом процессе; знать литературу, порождённую масонской системой «public relations». Тогда в библейских сообщениях откроется странность: как только где-либо в Библии заходит речь о жречестве Египта или священнической верхушке Иудеи, то все их участники предстают как самостоятельные в своих действиях лица — члены «гражданского общества», в то время как все они в действительности — члены корпораций, действуют в русле объединяющей их социальной доктрины и связаны жесточайшей партийной дисциплиной иерархической системы посвящений (в том числе и тайных). В силу этого обстоятельства между ними не возникают противоречия, а то, что воспринимается сторонними наблюдателями в качестве противоречий и разногласий, — представляет собой либо разные ветви одного и того же процесса, либо маскирует что-то ещё в их действиях, что остаётся в умолчаниях.

Сказанное касается и синедриона, возглавляемого Каиафой, который осудил Христа. В данном случае Библия выпячивает на показ патологическую ненависть священнической верхушки к Христу. Да, была искренняя тупая и недалёкая ненависть ко Христу вследствие обеспокоенности за судьбу традиции и её приверженцев. Но это был процесс предназначенный для демонстрации, который должен был сокрыть куда более изощрённый и далеко идущий сценарий вынесенной в толпу храмовой мистерии «убийства — воскресения бога».

Если бы эту имитацию «убийства — воскресения бога» удалось осуществить, то Христос, даже сохрани он психическое здоровье и не превратись в зомби, *оказался бы помимо своей воли запятнанным ложью организаторов этой инсценировки*. И это — как казалось разработчикам сценария — открывало бы возможности к шантажу его и употреблению его личности и его авторитета в своих целях. Окажись он повязанным с «мировой закулисой» невольным соучастием во лжи имитации казни и последующего своего якобы воскресения, Христос должен был бы служить вождём в походе «мировой закулисы» за установление безраздельного мирового господства в соответствии с доктриной Второзакония-Исаии[1].

Разработчики этого сценария прекрасно знали, что мировоззрение толпы исключает возможность оправдаться в невольном соучастии в чём-либо[2]. Кроме того, в случае попыток оправдаться в такого рода невольном соучастии, обнажилось бы бессилие Христа-Мессии противостоять этому сценарию, что обесценило бы в глазах толпы и самого Иисуса, и ранее явленную людям Христом Правду-Истину, посеяло бы веру в бессилие Бога[3]; либо посеяло бы веру в то, что легитимные иерархии в обществе полномочно осуществляют Божий Промысел, а не действуют в пределах границ Божиего попущения, служа демонической «мировой закулисе»[4].

Сценарий был запущен в действие. Христос был взят под стражу, осуждён и предан на казнь. Все воочию видели, что казнь свершилась, и сын человеческий умер на кресте. Он был погребён в специально предназначенной для него пещере-склепе, но… когда наступило утро, выяснилось, что тела в склепе нет, "воскресать" — некому; быть вождём-богочеловеком и царём-Антихриистом — некому. Для посвящённых обнажился крах сценария, возникла необходимость, делать умное лицо, оказавшись в дураках… Все забегали, засуетились.

Соответственно открывшейся крайне малочисленной группе особо доверенных "товарищей" Правде-Истине пришлось на скорую руку, в темпе самопроизвольного развития ситуации, лепить миф о воскресении и вознесении Христа, подкрепляя его чередой экстрасенсорных и эгрегориальных наваждений «явлений воскресшего Христа» среди опекаемых его учеников.

> И надо признать, что этот миф, став культовым мифом глобального действия, на многие века сокрыл правду о том, как Христа намеревались пленить созданными вокруг него обстоятельствами, запятнать невольным соучастием во лжи, дабы обратить его в царя-Антихриста, а возможно и в управляемого биоробота-зомби. Но культовый миф исторически реального христианства только повторяет в своих основных чертах культовый миф Кумранской общины, в которой разрабатывалось будущее вероучение о казни и предстоящем втором пришествии «учителя справедливости», убитого злобным жрецом[5].

---

[1] Именно вследствие того, что этот сценарий в определённых кругах не был тайной (не все глупы: опекунскую сущность непосредственного окружения Христа, могли распознать некоторые наблюдательные и думающие участники событий) возникла секта, в которой истинным Мессией почитают Иоанна Крестителя, а Христа считают подставной фигурой, марионеткой, предназначение которой — извратить истину, о чём упоминалось в предыдущем разделе.

[2] Так спустя примерно 1900 лет Николай II был невольно вовлечён в сценарий кровавого воскресенья 9 января, в чём он не смог оправдаться, поскольку толпа и тогда, и в наши дни верит во всевластие и всезнание главы государства, требуя от «царя земного» качеств Бога — Царя Небесного.

[3] Силовое противодействие этому сценарию со стороны Христа в тогдашних общественных условиях сделало бы его неотличимым — с точки зрения толпы — в средствах достижения от «мировой закулисы» и её периферии. Все вожди, призывая к применению силы и применяя её, ссылаются на то, что они защищают Правду-Истину. И собирают под свои знамёна многочисленные толпы тех, кто сам не может отличить Правду ото лжи и потому несут зло и проливают моря крови даже во имя действительно состоятельных идеалов Правды-Истины. Поэтому оказание Христом силового противодействия *сценарию пленения Мессии и употребления его по своему усмотрению* не противоречило целям «мировой закулисы», вписывалось в её глобальную стратегическую сценаристику и не отвечало *Промыслу и противоречило его целям: чтобы все люди состоялись к качестве наместников Божиих*. (Сноска 2004 г.).

[4] Всё названное в более или менее ярко выраженной форме действительно присутствует в миропонимании человечества, разделяя его на подгруппы — взаимно несогласные, готовые ко вражде и враждующие.

[5] Обратимся к книге: И.Жерневская, Л.Ласкина "Куда ведёт аллея сфинксов", которая выдержала два издания: первое — Москва, «Детская литература», 1968 г., тир. 75 000 экз.; второе — переработанное и дополненное, "Лениздат", 1990 г., тир. 100 000 экз.

«В пещере (...) обнаружили редкостное богатство — целую библиотеку из остатков старинных рукописей на пергаменте, папирусе, на черепках и медных листах. Текст был написан на восьми языках. Было найдено 40 000 фрагментов, остатков около 600 древнейших книг.

→→→

Поскольку ученики веровали в Писание, в пророчества Исаии, а **Богу, который есть**, непосредственно по совести они не веровали[1], то они становились жертвами наваждений и искренне — по вере своей, обусловленной их нравственными мерилами, — свидетельствовали о наваждениях.

Самое яркое и сильное, наиболее тягостное и значимое по своим последствиям наваждение пережил Савл по дороге в Дамаск:

«1. Савл же, ещё дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришёл к первосвященнику 2. и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдёт последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим. 3. Когда же он шёл и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. 4. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? 5. Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. 6. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать. 7. Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. 8. Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск. 9. И три дня он не видел, и не ел, и не пил.

10. В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи. 11. Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится, 12. и видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, что-

---

Книги принадлежали одной религиозной общине. Ученые прочитали “Устав общины” и другие документы, которые подробно рассказывали о жизни, религиозном учении, об обрядах, обязательных для её членов.

Основателем своей общины они называли некоего “учителя справедливости”. Они считали его избранником божьим (второе издание дополняет: мессией — стр. 50), который проповедовал людям то, что услышал от бога. “Учителя” преследовал жестокий жрец (второе издание дополняет: «Решив погубить “учителя справедливости”, нечистый жрец своего добился» — стр. 50), но после смерти он воскреснет и непременно вернётся на землю, чтобы судить всех. Спасутся только те, кто верит в него.

Знакомое условие, не правда ли?

Христианские богословы были довольны. Наконец-то открыт самый древний памятник христианства, составленный современниками и очевидцами земной жизни Христа. Христос — это и есть “учитель справедливости”!...

Но радоваться было рано. Дальнейшие раскопки и изучение рукописей, монет, керамики, найденных в пещере, показали, что большинство документов написано в I веке до нашей эры» (в орфографии 1-го изд., стр. 37, 38).

И.Д.Амусин в книге *“Находки у Мёртвого моря”* (Москва, “Наука”, 1965 г.) сообщает о датировании деятельности кумранского учителя праведности концом II в. — первой половиной I в. до н.э. (стр. 37 со ссылкой на Миликома, Кросса и др.), т.е. временем ранее 63 г. до н.э., когда Помпей взял Иерусалим, что в Кумранской общине рассматривалось как воздаяние за убийство учителя праведности (“Куда ведёт Аллея сфинксов”, 2-е изд., стр. 50, со ссылкой на одного из кумранских современников событий). И.Д.Амусин приводит самоназвание Кумранской общины, переводимое на русский язык двояко: либо как “Новый союз”, либо как “Новый завет”.

Во 2-м издании “Аллеи сфинксов” сообщается также, что после ухода «учителя справедливости» из мира сего через верховную коллегию из 12 человек “действовала” связь с небесным главой общины (стр. 49), что функционально предвосхищает притязания “Наместника Сына Божия” (официальное титулование папы римского) и конклава его кардиналов. Далее сообщается: «Человека готовили к “страшному суду”, за которым ожидалось бесконечное царство “духа правды”» (стр. 49, 50).

Кумранская находка знаменательна тем, что сюжет, лежащий в основе писаний евангелистов (пришествие мессии, его убийство, предстоящее второе пришествие, суд и вечное царство правды), ставший стержнем учения христианских церквей, был известен за столетие до Христа и апостолов. Знаменательно то, что на нём, уже в то время, было построено вероучение и ритуальный культ некой общины единоверцев, живших уединённо. Знаменательно её самоназвание — “Новый завет”. Значимо то, что без обиняков названы противостоящие стороны: “жрец”, т.е. в те времена — человек, принадлежащий легитимной иерархии личностных посвящений в нечто на основе специального систематического обучения, а, с другой стороны, — избранник Божий, прямо названный Мессией, посланник Всевышнего, стоящий вне иерархий. Знаменательно, что после ухода «учителя справедливости» в мир иной в общине скоро появился свой миниконклав “кардиналов” — зародыш иерархии, стоящей “мистическим” посредником между толпой “общинников” и основателем религиозного движения, явно отсутствующим в этом мире. Знаменательна и социальная ориентация членов общины: все получите после “судного дня”, а до того времени — живите по Уставу и слушайтесь команду посредников между вами и основателем, который ждёт на небесах, когда ему явиться вторично, дабы установить на Земле окончательную справедливость.

То есть Кумранская община — после-Никейские церкви в миниатюре, рассада для их массового последующего взращивания, загодя посеянная в уединённом “парнике”. И коли речь в кумранских документах недвусмысленно идёт о противостоянии на Земле некой иерархии посвящённых и посланника Всевышнего, а деятельность уединённой общины завершилась до начала проповеди Христа, то всё это по существу — “полигонные учения”, проведённые «мировой закулисой» на тему: *Отражение “вторжения” посланника Всевышнего в её дела и мероприятия по компенсации нанесённого Ими ей ущерба*, — если смотреть на кумранские события и последующую историю христианства с точки зрения Благовестия Царствия Божиего на Земле.

[1] Это подтверждено словами самого Христа: «по неверию вашему» (Матфей, 17:20); «маловерные» (Матфей, 16:8); «маловерный» — в адрес Петра (Матфей, 14:31) и др.

бы он прозрел. 13. Анания отвечал: Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме; 14. и здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твоё. 15. Но Господь сказал ему: иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Моё перед народами и царями и сынами Израилевыми. 16. И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Моё. 17. Анания пошёл и вошёл в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шёл, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа. 18. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился, 19. и, приняв пищи, укрепился. И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске. 20. И тотчас стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий. 21. И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие? да и сюда за тем пришёл, чтобы вязать их и вести к первосвященникам. 22. А Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос» (Деяния апостолов, гл. 9).

Так Савл стал апостолом Павлом. А его вклад в становление исторически реального христианства столь велик, что многие исследователи вопроса приходили к тому, чтобы исторически реальное христианство называть *паулианством* (от латинского «Paul» — «Павел»). И далеко не все они оценивали вклад Павла в становление исторически реального христианства как положительный:

«Знаю, что то, что я имею высказать теперь, именно то, что та церковная вера, которую веками исповедуют миллионы людей под именем христианства, есть не что иное как очень грубая еврейская секта, не имеющая ничего общего с истинным христианством, — покажется людям, исповедующим на словах учение этой секты, не только невероятным, но верхом ужаснейшего кощунства.

Но я не могу не сказать этого. Не могу не сказать этого потому, что для того, чтобы люди могли воспользоваться великим благом, которое даёт нам истинное христианское учение, нам необходимо прежде всего освободиться от того бессвязного, ложного и, главное, глубокобезнравственного учения, которое скрыло от нас истинное христианское учение. Учение это, скрывшее от нас учение Христа, есть то учение Павла, изложенное в его посланиях и ставшее в основу церковного учения. Учение это не только не есть учение Христа, но есть учение прямо противоположное ему» (Л.Н.Толстой. “Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении”)[1]

* * *

Отступление от темы 2:
Не Христос призвал Савла на пути в Дамаск[2]

Почему мы относим эпизод, происшедший с Савлом по пути в Дамаск, к наваждениям и тем самым отрицаем факт явления ему истинного Христа?

> — Потому, что этот эпизод взаимоотношений называемого «Христом» и Савла-Павла и некоторые другие, о которых пойдёт здесь речь далее, выделяются из множества приводимых в канонических текстах Нового Завета тем, что *называемый Христом ведёт себя не так, как вёл себя Христос во всех других не оспариваемых нами новозаветных свидетельствах о его деятельности.*

Называемый «Христом» в эпизоде с Савлом на пути в Дамаск ведёт себя не по-христиански:

- Истинный Христос исцелял больных и калек, — а тут Савл был ослеплён, пусть и на время (Бог и посылаемые Им обходятся без сопутствующих “побочных” эффектов такого рода).
- Истинный Христос никогда и никого не принуждал последовать за ним ни силой, ни страхом, ни шантажом, — Савл же был в трепете и ужасе, когда подчинился[3] тому, кто его призвал служить себе.
- Даже если обратиться к эпизоду изгнания торговцев из храма, когда Христос якобы применил грубую силу[1], то и в этом случае никто не стал калекой, никто не был охвачен ужасом, ничья воля не была подменена в его психике чуждой ему волей.

---

[1] Полный текст указанной статьи помещён в Приложение 2.

[2] Отступление 2 представлено в расширенной редакции по тексту работы ВП СССР “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”, написанной позднее, нежели первая редакция настоящей работы.

[3] Осмысленного решения о том, чтобы последовать Христу, он не принимал, что является ещё одним подтверждением того, что Савл стал жертвой наваждения.

Истинный же Христос никогда и никого не вгонял в страх, никогда и никого не делал ущербным даже на время, никогда и никого не шантажировал (тем более изощрённо шантажируя в умолчаниях, а не на словах), не подавлял и не извращал чью-либо волю[2], *не порождал двусмысленных ситуаций, позволявших обвинить его и Бога в чём-либо подобном*.

В деятельности истинного Христа и в деятельности явившего в духе себя Савлу на пути в Дамаск выразились две разные и несовместимые друг с другом нравственности.

И такого обращения в «христианство», какое претерпел Савл, не могло быть, если бы он действительно был призван к служению истинным Христом. Истинный Христос открывал перед всеми, к кому он обращался, истину, либо излагая её прямо и ясно так, чтобы быть однозначно понятым; либо, — будучи истинным диалектиком, — задавал однозначно понимаемые **наводящие вопросы**, *искренне по совести*[3] отвечая на которые, вопрошаемый *своим умом* отходил от “мудрости” мира сего, которая есть безумие перед Богом, и приходил к постижению истины. И каждый был волен отвергнуть так или иначе открытую ему Христом истину, либо принять истину в основу своей жизни.

Савл же стал «христианином» и апостолом Павлом не своею доброй осознанной волей, *переосмыслив, находясь **в умиротворённом и жизнерадостном настроении**, свои прежние убеждения-заблуждения,* почёрпнутые им из “мудрости” мира сего в течение всей его прежней жизни, и их обусловленность его реальной нравственностью, а подчинившись в трепете и ужасе призвавшему его духу, сохранив свойственную ему прежде *нравственность (как иерархически упорядоченную совокупность нравственных мерил)*[4] и не изменив при этом в себе ничего, кроме *рассудочного* отношения к и без того известным ему фактам:

- ранее он истово отрицал, что *Иисус есть Христос (Мессия, помазанник Божий — Божий избранник для осуществления определённой миссии в Промысле),*

---

[1] Хотя мы придерживаемся мнения, что этот эпизод придуман задним числом, во-первых, с целью подмены религии человека и **Бога, который есть**, храмовой обрядностью порождения эгрегора, в практике культа социальной эгрегориальной магии затмевающего *явления и образ Бога* в душах людей; а во-вторых, — с целью отождествления в сознании людей демонической активности во вседозволенности и Божьего Промысла. Вчитайтесь в эпизод:

«13. Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришёл в Иерусалим 14. и нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. *15. И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул.* 16. И сказал продающим голубей <по нашему мнению, «голубей» — явная дописка: речь была обращена ко всем торговцам и менялам>: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли. 17. При сём ученики Его вспомнили, что написано: ревность по доме Твоём снедает Меня. 18. На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?» (Иоанн, 2:13 — 18).

Ну «не лезет» в развитие ситуации сообщаемое в стихе 15: случись такое — *неизбежно прибежала бы храмовая стража*. Кто сомневается, — найдите на рынке бесхозные верёвки или отнимите их у кого-нибудь, сделайте из них бич и попробуйте погонять торговцев на любом рынке; или попробуйте выгнать этим способом из христианского храма продающих *в его стенах, вопреки приведённым словам Христа,* реквизиты культа (жертвенные животные в Иерусалимском храме тех лет — реквизиты культа) и «квитанции» об оплате треб: — будете иметь дело и с «крышей», и с милицией.

А тут после якобы учинённого Иисусом буйства на храмовом дворе (не в здании же храма шла торговля волами и т.п.) продолжается спокойный разговор с торговцами, в том числе и с торговцами голубями (они почему-то, наблюдая погром, и не подумали разбежаться, чтобы спасти свои тела и свой товар от ударов бича), и с прочими иудеями.

Заявление о том, что Промысел неисповедим, что стража не прибежала, будучи психологически заторможенной, а толпа по той же причине была расположена к спокойной беседе и задаванию вопросов о знамениях, — пустая отговорка в защиту канонического писания и церковной традиции. Кроме того она изображает Христа дешёвым рыночным иллюзионистом: разгонять торговцев бичом, *возбуждая в них озлобленность и обиду,* и психологически тормозить стражу и толпу? — это вседозволенность демонизма и позёрство.

В действительности торговцы, *рассевшиеся где не до́лжно подобно бессмысленным мухам,* покидали свои «торговые точки» сами, ощутив непонятный им «дискомфорт»: их выдавливала матрица (мhра бытия), поддерживаемая Иисусом, в которой им не было места.

[2] Воля человека всегда действует с уровня сознания, воля всегда осознаваемо целесообразна.

[3] Обмануть себя, как и обмануть Бога, — дело невозможное, хотя долго можно тешить себя иллюзиями якобы удавшегося самообмана. И отвечая искренне на поставленные Иисусом *наводящие вопросы*, люди обретали истинное понимание тех или иных сторон Жизни.

[4] Обратим внимание: это — определение понятия «нравственность» в работах ВП СССР. Соответственно — безнравственность — разного рода неопределённости, включая и принципиальное отрицание всего и вся, в нравственных мерилах и в их иерархической упорядоченности. Злонравие — нравственная приемлемость неправедности, всего того, что порицает Бог.

- после этого стал истово проповедовать, что *именно Иисус и есть Христос.*

И особый вопрос:

Потребно ли истинному Христу и истинному Богу, чтобы истинное христианство люди принимали в трепете и ужасе, будучи неспособными понять что-либо; чтобы принимали так, как нечто принял Савл-Павел?

Если человека охватывает трепет и ужас, то следует *просто обращаться* непосредственно к Богу за защитой и помощью.[1]

А Савл Бога даже и не вспомнил, поскольку потерял самообладание. Прежде же того, как *его вогнали в трепет и ужас, эксплуатируя Божие попущение в отношении него,* Савл был далёк от Бога и упорствовал в этом самоотчуждении от Него. Жертвой наваждения в Божьем попущении Савл стал потому, что и перед выходом в Дамаск, и на пути к нему был одержим злобой, и в таком настроении (эмоционально-смысловом строе его души) ему было не до мыслей о Боге; не до его личностных ВЗАИМОотношений с Ним; не до мыслей о том, чему *и как* учил Иисус, и истинно ли это.

То есть, слепо и безумно веруя в фарисейскую традицию исповедания иудаизма, он жил вне религии Бога истинного, сам отгородившись от Него безумной верой в “мудрость” мира сего, злобно и бессмысленно отрицая всё, что доходило до него хотя бы окольными путями из вразумлений Божиих, передаваемых людям Иисусом, пока тот жил среди них во плоти. И это было так, хотя была и для Савла открытая возможность к тому, чтобы подумать о том, что доходило до него окольными путями из проповедей Иисуса; возможность к тому, чтобы, *предварительно помолившись Богу о защите от наваждений, если уж не было у него веры человеку во плоти — Иисусу,* прийти к Иисусу и поговорить с ним, будучи убеждённым, что Бог ответил его молитве, и он защищён от наваждений самим Богом, как о том просил в молитве. Но Савл не считал это для себя лично жизненно необходимым; жизненно необходимым он считал репрессии в отношении инаковерующих и инакомыслящих. Такова была нравственность Савла до эпизода на пути в Дамаск.

И соответственно его нравам, как только некто явил силу в отношении него и назвался Иисусом, то Савл сразу же согласился, что этот некто и есть истинный Иисус Христос, не задумываясь о том, что в отношении него был применён <u>этически тот же самый</u> подход, что ранее был применён синедрионом в отношении Иисуса Христа, пока тот жил во плоти среди людей; что в этом подходе в обоих случаях выразилась одна и та же нравственность:

«Сила наша будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным»[2] (Премудрость Соломона, гл. 2:11, изложение нравственной позиции неправоумствующих, искушающих Бога своим посягательством на казнь обличающего их праведника) ≈ **«Трудно тебе идти против рожна**[3]**»** (Деяния апостолов, гл. 9:5, слова явившего себя Савлу в духе).

Разница только в том, что:

- в случае Иисуса Христа этот подход был овеществлён в виде членов синедриона, его стражи, римской власти, толпы злопыхателей и зевак в их персональном составе;
- а в случае Савла этот же подход выразился исключительно в духе, вещественно не затронув никого, разве что самого Савла, который был внезапно ослеплён.

Бог никого не вводит Своею волей в область действия Божиего попущения.

Все входят <u>в область действия Божиего попущения в отношении них</u> *своею волею* сами, уклоняясь от присущей Жизни праведности, **под воздействием их же извращённых или ущербных нравов** по невнимательности и настырности **упорно игнорируя** все предостерегающие знамения и наставления на путь истинный, даваемые Свыше так или иначе каждому прежде, чем он окажется в области Божиего попущения в отношении него.

Это относится и к Савлу на пути в Дамаск.

---

[1] «А если нисходит на тебя какое-нибудь наваждение от сатаны, то проси защиты у Бога — ведь Он — слышащий, мудрый!» (Коран, 41:36).

[2] «Не в силе Бог, а в Правде!» — слова возводимые на Руси к Александру Невскому.

[3] Современный нам эквивалент: «против лома нет приёма», в истинности которого многие не сомневаются вопреки смыслу предшествующей сноски. Рожóн в древности в общем-то общедоступный аналог лома: заострённый кол, предназначенный для употребления в качестве копья, но без металлического наконечника.

Кроме того, истинный Христос, как явствует из свидетельств о нём даже в канонических текстах Нового Завета, *не отказал никому в просьбах освобождения от бесовщины, исцеления от скорбей и недугов*[1]*; тем более не отказал никому из веровавших, а также никому из тех, которые уверовали, будучи прежде неверующими*. Но, уже будучи признанным апостолом-учителем, Павел свидетельствует о противном:

«7. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. 8. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. 9. Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (2-е послание Коринфянам, гл. 12).

И встаёт вопрос:

- либо «Сила Моя свершается в немощи», как это заявил некто Савлу?
- либо *Сила Божия свершается в праведности* безотносительно к «немощи» и к «мощи» человека?

И эти две возможности далеко не всегда одно и то же Божие дело.

Также следует обратить внимание на то, что истинный Христос всегда выводил людей из области Божиего попущения в отношении них, а Павла оставил с *жалом во плоти — с ангелом сатаны,* сопроводив это благообразными “вразумлениями”: «чтобы не превозносился»?

— Так не было. Истинный Христос помог бы переосмыслить и изменить Павлу его нравы, и тем самым проблема превознесения была бы изжита: Бог не меняет того, что происходит с людьми, покуда люди не изменят самих себя сами[2]. Но если проблема Павлова превознесения существовала попрежнему и в период его служения, то это означает, что Павел по-прежнему нёс в себе демонический строй психики и соответствующую ему нравственность, будучи по-прежнему в отвращении от Бога истинного, и служил большей частью своих дел не Богу, продолжая начатое Иисусом, хотя искренне был убеждён в противном здесь нами сказанному.

Как там ангел сатаны сдерживал Павла в его «превознесении чрезвычайностью откровений», — это вопрос для нас непонятный, тем более, что сам Павел тут же пишет: «буду хвалиться…»

Альтернативный ответ на вопрос: *“Что делал ангел сатаны?”* — состоит в том, что сей посланец, непрестанно сопровождая Павла, ретранслировал отчёты о его намерениях и действиях своему, — *не обладающему всеведением,* — шефу, что было необходимо для поддержания устойчивости процесса управления ситуацией вокруг Павла средствами эгрегориальной магии в пределах Божиего попущения.

А передаваемые Павлом “вразумления” якобы Христа по поводу отказа избавить его от ангела сатаны — беса, выполнявшего функцию сопровождения, освещения обстановки и целеуказания, к тому же удручавшего объект своей опёки, но не сдерживавшего его похвальбу в превознесении, — отрицают обетования Нагорной проповеди:

«7. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам; 8. ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. 9. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? 10. и когда по-

---

[1] Обстоятельное толкование эпизода с хананеянкой (Матфей, 15:21 — 28), в котором Христос якобы первоначально отказывал ей в исцелении её сына, в материалах Концепции общественной безопасности см. в работе “Почему, призывая к Богодержавию, Внутренний Предиктор не приемлет Последний Завет” (Файл 990612-О_Последнем_Завете.doc в распространяемой ВП СССР Информационной базе). Здесь же поясним кратко.

В каноне Нового Завета имевший место реальный эпизод разорван на два сюжета и тем самым извращён. Иисус не отказывал хананеянке в помощи, а сам пошёл назад — ей навстречу, оставив в стороне ушедших по дороге вперёд апостолов. Поговорив с хананеянкой и вернувшись к апостолам, он застал их спорящими: им — спорящим — принадлежат приписываемые Христу у Матфея (15:26) человеконенавистнические слова о равенстве достоинства хананеянки достоинству пса и якобы выраженное хананеянкой согласие с этим унижением её достоинства (15:27). Застав апостолов в споре о праве иудеев на этику расизма в отношении неиудеев и о праве Мессии — *по их мнению “первоиерарха”, стоящего вне критики*, — на отступничество в каких-то известных ему случаях от ветхозаветного закона и политики насаждения расизма, Иисус, дабы вразумить их и освободить от власти над ними расистских бредней, рассказал им притчу о ближнем, которая в каноне Нового Завета приводится у Луки (10:30 — 37).

Дабы извратить истину и заблокировать разум слепой верой, “святые” отцы-основатели христианских церквей, разорвали сюжет на два и противопоставили два обрывка сюжета друг другу, переработав их соответственно своим целям. Это пример того, как злонамеренно и целенаправленно создаётся искусственно «единство и борьба противоположностей» там, где её реально нет.

Это — применение *диалектики по умолчанию* к решению задачи управления процессом становления нового вероучения и эгрегориально-магического культа, имевшее место задолго до того, как Г.Гегель и К.Маркс что-то написали.

[2] Коран, 13:12(11).

просит рыбы, подал бы ему змею? 11. Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Матфей, гл. 7).

Но Павел у Него — у Бога Всевышнего — не просил избавления от ангела сатаны. Он просил у того, кого почитал истинным Христом.

Что: отказав Павлу в исцелении, Иисус сам пошёл против того, что именуемый в христианстве «Богом Отцом» Всевышний Бог заповедал Иисусу передать людям и что известно всем из текста Нагорной проповеди?

— Так не было.

Истинный Христос не мог бы так отнестись к Савлу, как то приписывает Христу *новозаветный навет* в рассказе об обращения Савла в Павла и так, как свидетельствует о том сам апостол Павел во 2-м послании Коринфянам (12:7 — 9), потому, что истинному Христу, истинному христианству свойственно не только не эксплуатировать в своих целях Божие попущение в каких бы то ни было формах в отношении кого бы то ни было, но свойственно *непреклонно* выводить людей на свободу *из области попущения, если они в ней оказались.*

И если мы грешные люди, даже понимая это, всё же способны сорваться (по слабости воли или по ошибочности своих нравственных мерил или ошибочности их иерархической упорядоченности[1]) и своекорыстно эксплуатировать Божие попущение в отношении окружающих, выражая в этом свой демонизм, то сам Христос — не способен к этому отступничеству от сути самого себя, иначе бы он перестал быть Христом: свершилось бы грехопадение Христа.

Так, как о том повествует Новый Завет, в эпизодах, связанных с Павлом, вести себя мог только псевдо-Христос — Антихрист или некто иной от лукавого.

И соответственно в деятельности Павла выразилось то, от чего предостерегал сам Иисус:

«5. И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, Он <Иисус: наше пояснение при цитировании> сказал: 6. придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; всё будет разрушено. 7. И спросили Его: Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти? 8. Он сказал: берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я; и это время близко: не ходите вслед их» (Лука, гл. 21).

А к именуемому в “Деяниях апостолов” «Христом» в описании происшествия с Савлом на пути в Дамаск вполне относимы слова Христа, дважды выделенные нами в далее приводимой цитате:

«15. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. 16. **По плодам их узнаете их** (выделено нами при цитировании). Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? 17. Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. 18. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. 19. (…) 20. Итак **по плодам их узнаете их** (выделено нами при цитировании)» (Матфей, гл. 7).

И свидетельствуя о самом себе ученикам Иоанна Крестителя, Иисус также обращал их внимание не на свои личностные особенности как таковые, а на плоды дел, очевидцами которых были посланные Иоанном ученики, при этом воздержавшись от заявления на словах, что он и есть Христос[2]:

---

[1] В иерархической их упорядоченности выражается строй психики. См. работы ВП СССР “Принципы кадровой политики: государства, «антигосударства», общественной инициативы”, “Достаточно общая теория управления” (в редакции 2000 г. и последующих), “Об имитационно-провокационной деятельности”.

[2] Об этой же позиции Иисуса — свидетельствуют дела — на разбирательстве его дела у первосвященника сообщает и Иоанн: «19. Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. 20. Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. 21. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. 22. Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? 23. Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьёшь Меня?» (гл. 18).

Для “мудрости” же мира сего значимо «кто, кому и как?», но не значимо «что?» — и в этом принципиальная разница между “мудростью” мира сего и мудростью Боговдохновенной.

«19. Иоанн[1], призвав двоих из учеников своих, послал к Иисусу спросить: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? 20. Они, придя к Иисусу, сказали: Иоанн Креститель послал нас к Тебе спросить: Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам? 21. А в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение. 22. И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают, нищие благовествуют; 23. и блажен, кто не соблазнится о Мне!» (Лука, гл. 7).

Но не сказано же:

> "Вгоняю в трепет и ужас противящихся мне и тому, чему я учу. И чтобы подчинялись, отдаваясь мне всецело, — калечу их на время и оставляю калеками до тех пор, пока они не согласятся жить по моему учению и служить мне. А как только выразят согласие служить мне, — то исцеляю их и они служат… за страх, а не за совесть, и потому из моей воли — никуда".

Не сказано потому, что *ничего из такого рода демонической вседозволенности действий в пределах Божиего попущения* не было в делах истинного Иисуса Христа, бескорыстно-искренне исполнявшего благой Промысел Божий. А на пути в Дамаск всё не так: некто, явивший себя Савлу в духе, *на словах — Христос, а по делам — антихрист.*

Зато сам Павел действовал именно так, как в отношении него действовал антихрист, и как никогда не действовал среди людей сам истинный Христос. Пресекая пропаганду оппонента, Павел изрёк:

«8. А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры. 9. Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, 10. сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? 11. И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. 12. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню» (Деяния апостолов, гл. 13).

Слов, обличающих неправду Елима понятным тому образом, не нашлось, и пошло: «сила наша да будет законом правды!», — со ссылками на Духа Святого, хотя Дух Святой — наставник на всякую истину, и будь он с Павлом — слова нашлись бы точно также, как они всегда находились у истинного Христа. Соответственно снова остаётся вспомнить слова Христа: «По плодам их узнаете их».

> То есть нравственность апостола Павла не изменилась и оставалась той же самой фанатично-полицейской, репрессивной, какова она была у Савла — гонителя первохристиан. Разница только в том, что, став апостолом, Савл-Павел действовал теперь не от имени первосвященников ветхозаветного иудаизма, а от имени Иисуса Христа.

Конечно, на пути в Дамаск Савл мог не знать всего того, что мы привели из канона Нового Завета, обличающего явившегося Савлу по крайней мере как мелкого антихриста, если не как самогó ожидаемого церквями Антихриста. Но после этого эпизода Павел прожил ещё многие годы, встречался с другими апостолами, которые общались с истинным Иисусом Христом в период его жизни во плоти среди людей.

Невозможно, чтобы Павел не говорил с ними и другими первохристианами о многом. И они не могли не рассказывать ему того, что знали из бесед с ними самого Иисуса, и чему были свидетелями из жизни его в общении с другими людьми. И как показывают тексты "Деяний апостолов" и посланий апостолов, включая и послания самогó Павла, Павел был проповедником много знающим как в ветхозаветной традиции, так и в том вероучении, которое выражало субъективное нравственно обусловленное понимание апостолами того, что они называли учением Христа и положили в основу исторически реального христианства.

Однако и на протяжении всей своей последующей жизни, уже многое узнав от других об образе жизни и деятельности истинного Иисуса Христа, Павел не усомнился в том, что на пути в Дамаск он был призван к служению не Иисусом, хотя сам же писал: «сам Сатана принимает вид Ангела Света»

---

[1] Находился в это время в заключении по воле Иродиады — жены Филиппа. Иродиада была в сожительницах у одного из соправителей Иудеи Ирода-четвертовластника (брата своего законного мужа) и «вила из него верёвки». Публичная критика этого разврата послужила поводом к тому, чтобы Иоанн, будучи в области Божьего попущения за свою проповедь истинности "пророчеств" Исаии о предстоящей казни Христа, поплатился жизнью, когда Иродиада, через свою дочь поймав Ирода на слове, потребовала подать голову Иоанна на блюде (Матфей, гл. 14:1 — 11).

(2-е послание Коринфянам, 11:14). Но не усомнились в этом и признали Павла избранным Иисусом также и апостолы, сопровождавшие истинного Иисуса Христа при его жизни во плоти и бывшие в его систематическом обучении, хотя они-то уж точно знали всё то, что нам известно по канону Нового Завета, и знали более того.

Это характеризует и их реальную нравственность и означает, что все они к учению, оставленному Христом, отнеслись бессмысленно, как к учению, предназначенному не для вразумления каждого из них, прежде чем других, — а как к учению, предназначенному исключительно для других, поскольку сами они избраны и, побыв около Христа, тем самым якобы набрались его духа (вместе с информацией) и якобы таким путём уже *освоили* и несут в себе ту же истину, что нёс Иисус, пребывая во плоти среди людей.

И это приводит к вопросу о той нравственности, которую они приписывали Богу в их вероучении, порождая очередного выдуманного бога-эгрегора, и об отличии её от истинной нравственности Бога Всевышнего, который есть.

Причём особо отметим, что речь идёт не о порицании апостолов и Павла и не о возложении на них всей полноты ответственности за те беды, которые повлекла связка исторически реального христианства с ветхозаветно-талмудическим иудаизмом в истории человечества в эпоху после первого пришествия Христа. Эти беды действительно были бы невозможны, если бы восторжествовало то вероучение, которое нёс в себе и распространял Иисус, а не вероучение апостолов, которое подменило собой истинно Христово вероучение.

Когда люди принимали веру от апостолов, они обязаны были думать сами, они могли обратиться непосредственно к Богу, как тому учил Иисус (оставленная им молитва “Отче наш” об этом), им была открыта возможность сделать выбор иной веры, показав апостолам их заблуждения и неправоту, и Бог — без сомнения — их в этом поддержал бы.

Историю же надо принять такой, какая она есть: всё свершилось наилучшим возможным образом — при нравственности, свойственной каждому из людей; если бы хотя бы один человек изменил свою реальную нравственность и выразил бы её в своих намерениях, в мечтах, во внешне видимом поведении, то история свершилась бы иначе[1]; она была бы менее бедственна, если бы люди сами искали праведности и лада с Богом. **Но если соотноситься с реальными нравами людей, то остаётся сделать вывод, что всё свершается несколько лучше, чем могло бы быть, если бы Бог не сдерживал злонравие людей неподвластными каждому из них и всем вместе обстоятельствами.** Апостолы же сделали, что могли, и они как и все люди, воспитанные и живущие в толпо-“элитарной” культуре не могли не ошибаться.

Но становление христианства в том виде, в каком оно исторически реально сложилось, став одной из многих разновидностей идеалистического атеизма, оказалось возможным вследствие нравственно обусловленного принципа, свойственного почти всем первохристианам[2]. Хотя он так или иначе был свойственен почти всем первохристианам, но чётко выразил его сам апостол Павел:

«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сём, тот будь безумным, чтоб быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1-е послание Коринфянам апостола Павла, гл. 3:18, 19).

Но в жизненном диалоге с Богом разум индивида, пребывающего в «мире сём», только осмысляет и переосмысляет даваемое Свыше в Различение, вводя даваемое в систему миропонимания индивида, обнажая перед его сознанием возможности изменить нравственность и мировоззрение в направлении объективной праведности либо в направлении дальнейшего уклонения от неё. И каждый, даже если не чует и не понимает этого, вносит свой вклад либо в то, чтобы безумная перед Богом “мудрость” мира

[1] Это к ответу на вопрос, задаваемый многими: “А что я один могу поделать?” — прежде всего, каждый может выявить, переосмыслить и изменить свою нравственность.

А в рассматриваемой тематике становления исторически реального христианства воздействие одного простого человека на последующую многовековую историю человечества ярче всего показывает эпизод призвания Христом апостолов к молитве в Гефсиманском саду: если бы хотя бы один из призванных удержал бы себя хотя бы в бодрствовании, а ещё лучше бы молился совместно с Христом, то всё последующее предстало бы перед ними иначе; исторически реальное христианство могло бы стать истинной религией людей и Бога, а не эгрегориально-магическим культом, каковым оно сложилось исторически реально.

[2] Возможно, что за единичными исключениями, которые впоследствии были забыты людьми или причислены к лику еретиков.

сего и впредь упрочивала своё господство в обществе, всё более изощрённо порабощая людей; либо в то, чтобы мудрость Всевышнего стала достоянием мира сего, воплощаясь в каждом его обитателе, в его намерениях и делах, утверждая лад в обществе, в биосфере Земли, в Космосе.

> И если действительно отвергнуть свой разум, возжелав последовать совету Павла и стать безумным, *что сам Павел неизменно и совершал в течение своей жизни,* то этот жизненный диалог человека и Бога, — иначе именуемый «религия», — будет разорван самим человеком, у которого останется только *слепая, безумная, фанатичная вера в нечто, эгрегориально-магический ритуал и тому подобный «опиум» для народа*[1].

Диалог будет разорван потому, что именно разум сопоставляет “мудрость” мира сего с мудростью Боговдохновенной, а нравственные мерила — такие какие они есть — определяют, что выбрать из каждой и принять в качестве субъективной истины, после чего Бог, вводя человека в жизненные обстоятельства, позволяет человеку (а также и обществу, человечеству) убедиться в правильности либо ошибочности сделанного ими выбора и, соответственно, в праведности либо порочности их нравственности.

Согласиться же с Павлом — означает настаивать, как минимум в умолчаниях, на принципиальной бессмысленности и принципиальной непознаваемости Жизни, а также на абсолютной неисповедимости Промысла Божиего. В терминологии «научной философии» это означает впасть в *агностицизм — в заблуждение, влекущее новые и усугубляющее прежние заблуждения.* Это так, поскольку даже истина, став слепой и безумной верой, вводит в самообман и заблуждения. Но и разум таких людей при этом не окажется бесхозным, а будет вовлечён в эгрегор, управляемый вовсе не ими.

К сожалению, многие в исторически реальном христианстве последовали и следуют ныне совету Павла буквально и абсолютно:

> «Надо просто верить в то, чему учит апостольская церковь» = «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сём, тот будь безумным, чтоб быть мудрым».

Такая нравственно обусловленная позиция якобы избавляет от необходимости задумываться о том, что Иисус, пребывая среди людей во плоти, учил совершенно иному Христианству. И тем самым такие последователи Павла отгораживаются от Жизни и от Бога стеной безумия: агрессивно-паразитического или напуганного Жизнью и истерично-нигилистичного — не имеет значения. Это безумие и свойственные ему две названные крайности проявлений определили суть исторически реального христианства во всех его модификациях, построенных на признании факта казни, погребения и воскресения Иисуса Христа.

> Так исторически реальное христианство вероучением об искуплении человечества[2] в самопожертвовании Христа, якобы избранного Богом в «жертву умилостивления» себе же, затмевает учение о Царствии Божием на Земле, в которое каждый человек входит своими усилиями, что и было Иисусовым благовестием всем людям без исключения.

Далее продолжение основного текста.

*   *
*

После того, как выяснилось, что могила пуста, и воскресать для того, чтобы стать богочеловеком царём-Антихристом некому, пошёл процесс управляемого «мировой закулисой» коллективного мифотворчества на основе кумранских разработок, забытых толпой (память у толпы в диапазоне от прямо сейчас до начала осознанной жизни каждого из поколений), но памятных заправилам «мировой закулисы». Становление нового культа под такой опёкой происходило не только беспрепятственно, но и

---

[1] Не признавая существования духа и несомого им смысла жизни, В.И.Ленин ошибся и в том, что есть «опиум», т.е. *дурман для народа*. Его афоризм: *«религия — «опиум» для народа»,* — тоже печальное следствие антидиалектичности материализма.

Тем не менее этот же афоризм будет справедлив с одним уточнением:

ЭГРЕГОРИАЛЬНАЯ религия — «опиум» для народа.

В эгрегориальных религиях диалог идёт не с Богом, а с эгрегором, порождённым самими же людьми. Это подобно попытке научаться мудрости и черпать силу от эха собственного голоса — занятие для безумцев и бессмысленная трата времени и сил. Но кроме того, это — идолопоклонство, но не в овеществлённых формах, а в духе.

[2] У кого? кто в силах торговаться с Богом Всемогущим, Вседержителем?

при поддержке эгрегора доктрины Второзакония-Исаии, который его заправилы переводили в новый режим функционирования после первого пришествия Христа-Мессии. Вследствие поддержки со стороны эгрегора доктрины Второзакония-Исаии попытки противодействия становлению нового культа со стороны отдельных, подконтрольных тому же эгрегору лидеров традиционного иудаизма были обречены на крах. Одной из иллюстраций такого рода краха пресечь становление исторически реального христианства также является судьба Савла-Павла.

Савл, уже юношей (Деяния апостолов, 7:58), был фанатичным защитником традиционного иудаизма в том виде, каким он сложился к тому времени на основе доктрины Второзакония-Исаии. И когда началось становление исторически реального христианства, он фанатично препятствовал этому: «… Савл терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деяния апостолов, 8:3; т.е. по существу речь идёт о том, что Савл был сотрудником ветхонаветной инквизиции, репрессиями поддерживавшей единомыслие в обществе).

Но после первого пришествия Христа-Мессии доктрина Второзакония-Исаии, чтобы сохранить себя и действовать в новых религиозно-исторических обстоятельствах, должна была изменить формы своего существования в обществе. И Савл, будучи по своему нраву её ревностным защитником, как нельзя лучше подходил для этой роли, однако он не так относился к становлению христианства, как это было желательно хозяевам и заправилам библейского проекта порабощения человечества. После же эпизода, имевшего место на пути в Дамаск, в этом его качестве защитника доктрины Второзакония-Исаии ничего не изменилось: но теперь Павел защищал доктрину Второзакония-Исаии не тем, что гнал и терзал христиан, а искренне учил людей <u>*христианству в своём его понимании*</u>, порабощая новым культом всё новых и новых людей.

Так после стратегического наваждения на пути в Дамаск Павел поднялся в своём иерархическом статусе: *если до этого он защищал одну единственную ветхонаветную эгрегориальную ветвь, несущую доктрину, и неуместно пытался искоренить её новонаветную отрасль, то после наваждения он положил начало взращиванию обеих ветвей так, чтобы они взаимно дополняли друг друга, будучи в согласии с этой доктриной, делая ей подвластными не только иудеев, но и неиудейские общества, которые принимали её за истину от Бога*.

В частности, истинный Христос, пребывая среди людей, учил их тому, что земная власть явная и неявная принадлежит праведности: «… говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в **Царство Небесное** (слова выделены нами: здесь явное искажение слов Христа: должно быть Царствие Божие, возможность осуществления которого на Земле *усилиями самих людей по их доброй воле* он проповедовал)» (Матфей, 5:20). Вопреки этому Павел в уже приводившемся его свидетельстве *о жале во плоть — ангеле сатаны* — положил начало в исторически реальном христианстве культу всевозможных телесных, интеллектуальных и <u>в целом духовных</u> немощей: «“довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (2-е послание Коринфянам, 12:9).

Этот культ всевозможных немощей привёл к тому, что в библейской цивилизации так называемые «христианские общества» стали невольниками-рабами международной глобальной расовой иудейской “элиты”, как то и предусмотрено доктриной Второзакония-Исаии*: раб должен быть немощен по отношению к своему хозяину-повелителю, дабы быть зависимым от него*. Всего две изящных фразы Павла, извративших представления общества о праведности, — и какие исторически длительные и тягостные последствия…

> Кроме того этот культ немощей и вера в спасительность казнью пожертвовавшего собою праведника связаны ещё с одним общественным явлением: они порождают в психике многих благонамеренных людей алгоритмику самоликвидации из подражания Христу. Под её водительством каждый из таких верующих находит или создаёт «голгофу» для себя (а также и для окружающих и потомков), вследствие чего многие из них на протяжении истории погибают, так и не успев преобразить свою благонамеренность в благодетельную праведность.

Этому преображению благонамеренности в благодетельную праведность мешают именно поиски и создание ими «голгофы» для себя и других. Благодетельная праведность требует от человека разносторонней мощи, а культ немощей «Христа ради» освобождает от необходимости взращивать праведную мощь и подталкивает к самоликвидации немощных фанатиков веры, возомнивших о спасительности своего «самопожертвования» на найденной или созданной ими «голгофе». Так вера в спасительность якобы имевшей место Голгофы Христа в сочетании с культом «немощей Христа ради» порождает са-

моликвидацию благонамеренных противников «мировой закулисы», что освобождает для неё поле деятельности от её противников без каких-либо дополнительных усилий с её стороны.

> В частности, под воздействием этой алгоритмики самоликвидации, обусловленной извращением религии человека и Бога верой человека в истинность пророчеств Исаии и подменой веры по совести непосредственно Богу верой во всевозможные "священные" писания, нашли каждый свою «голгофу» и погибли апостолы Пётр и Павел. Самоубийственную устремлённость к гибели в казни «Христа ради» можно выявить по их текстам в Новом Завете.

Истинный Христос пришёл для того, чтобы искоренить доктрину Второзакония-Исаии утверждением на Земле Царствия Божиего доброй волею самих же людей; Савл же, даже спустя годы после начала деятельности в качестве апостола Павла, призванного *якобы истинным Христом, обратившимся к нему с того света (из Царствия Небесного),* по-прежнему оставался сторонником демонической доктрины Второзакония-Исаии:

«32. И что ещё скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, 33. которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, 34. угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; 35. жёны получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; 36. другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, 37. были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча[1], скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; 38. **те, которых весь мир не был достоин** (текст выделен нами при цитировании), скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. 39. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, 40. потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства (Послание Павла к Евреям, гл. 11).

К числу «(других) пророков», естественно для иудея, каким продолжал оставаться Павел и на чём он всегда настаивал, принадлежит и Исаия. И соответственно в этом списке нет премудрого Соломона, чьи пророчества и поучения не укладываются в прокрустово ложе доктрины Второзакония-Исаии. Но в приведённом фрагменте, куда более показательны выделенные нами очень значимые слова. По нашему мнению:

> **Весь мир, как творение Божие, достоин Бога, Творца его и Вседержителя. И этот факт — святая данность.**

Павел же пишет, что есть и такие, **«которых весь мир недостоин»**. И это — выражение демонизма, превозносящегося над творением Божиим, и **Богом, который есть**, и Которого достойно Его творение. От высказанного нами утверждения о демонизме апостола Павла возможно отмахнуться, вспомнив слова одного из великих инквизиторов Испании: «дайте мне три строчки святого Петра — и я докажу, что он был еретик»[2]. Но сослаться на великого инквизитора — было бы формальным уходом от необходимости дать по существу ответ на вопрос: достоин ли весь мир Бога, как своего Творца, либо всё же в мире пребывают и **«те, которых весь мир недостоин»**? и если мир достоин Бога, а их недостоин, то почему приверженность этому мнению не является выражением самопревозносящегося демонизма и одержимости? И может ли быть спасителем тот, кто превозносится над попавшими в беду? — иными словами, Христос, придя в мир, считал, что мир достоин его, а Павел вопреки этому полагал, что некоторых из обитателей этого мира мир всё же был недостоин.

Высказываются мнения, что апостол Павел — был лицемер, внедрившийся в прежде гонимую им церковь по заданию хозяев и заправил синедриона. Но будь это так, он не смог бы стать признанным апостолом-учителем: люди в своей массе чувствуют фальшь, лицемерие. Церковь — составляющие её простые люди — отторгли бы его. Исполнить такого рода миссию, будь она действительно предложена

---

[1] Поддерживая существование доктрины Второзакония-Исаии в исторически-религиозных условиях после первого пришествия Христа, этими словами апостол Павел запрограммировал свою гибель, точно так же как это сделали ранее Исаия и Иоанн Креститель. Около 65 г. н.э. апостол Павел был казнён римской властью вместе с апостолом Петром: Павлу отрубили голову, а Петра распяли на кресте вверх ногами.

[2] Характерно, что *представитель инквизиции,* которую Христос не учреждал, и которая является наследницей ветхонаветного Савла — гонителя церкви, но уже в новонаветной культуре, *нравственно-этически был готов причислить к лику еретиков апостола Петра, выходца из простонародья, рыбака-трудягу, а не своего коллегу апостола Павла, выходца из "элиты", начавшего свою трудовую деятельность в спецслужбах того общества, охранявших спокойствие паразитически правящей им "элиты".*

Савлу, он бы не смог, сколь искусным лицедеем не был бы. **Савл стал апостолом Павлом именно потому, что был искренен в своих как ветхонаветных заблуждениях, так и новонаветных.** Всё его письменное наследие показывает, что он был искренен перед людьми и честен перед самим собой, стремился быть бескорыстно благодетельным, но его реальные нравственные мерила не позволяли ему выявить различие **сути расистской доктрины Второзакония-Исаии порабощения человечества** и *сути оставленного истинным Христом вероучения и социальной доктрины осуществления Царствия Божиего на Земле усилиями самих — освобождённых Правдой-Истиной — людей по их доброй воле.*

> Поэтому, будучи нравственно сформированным ветхонаветной доктриной Второзакония-Исаии, Павел, не изменив своих нравственных мерил, смог только придать ветхонаветной доктрине новонаветные формы, но не смог вырваться на свободу из плена её концептуальной власти.

В этом качестве преобразователя доктрины Второзакония-Исаии, придавшего ей благообразный вид для действия в религиозно-исторических обстоятельствах после первого пришествия Христа-Мессии, Павел превзошёл всех остальных апостолов, которые были призваны истинным Христом при жизни его среди людей. Всех прочих апостолов всё же сдерживало либо то истинное, что они переняли у Христа в общении с ним, либо сдерживало *жидовское стремление узурпировать*[1] оставленное Христом учение и приспособить его к своим нуждам, точно так же, как ранее иудейской “элитой” было узурпировано и бессовестно извращено наследие Моисея. Павла же, судя по всему сообщаемому каноническим текстом Нового Завета, не сдерживало ничто, кроме *жала во плоть — ангела сатаны*… Избавить же его от этого *ангела сатаны* мог только Бог, но Павел не обратился сам по совести непосредственно к Нему, бездумно полагаясь во всём на того, кто призвал его, вследствие чего и не изменил качества своих *нравственных мерил общечеловеческого масштаба значимости,* так и оставшихся в русле антихристианской доктрины Второзакония-Исаии. Всё, что произошло с Савлом по дороге в Дамаск, содержательно аналогично тому событию, что имело место в жизни пророка Исаии в начале его пророческой деятельности, о чём речь шла ранее.

Так как апостолы Пётр, Иоанн, Иаков, проспали предложенную им Христом молитву в Гефсиманском саду, то они не только не могли воспрепятствовать становлению культа, извращающего Заветы Христа, своими свидетельствами об истине и обличить всех в том, что они — жертвы искушения наваждениями и галлюцинациями, о чём их предупреждал Христос, призывая к молитве в Гефсиманском саду. Но они сами оказались вовлечёнными в процесс становления нового лжехристианского культа на основе искушения виде́нием казни и последующего якобы воскресения потому, что их гефсиманская немолитва разобщила их с истинным Христом и объединила их со всеми иудеями, веровавшими в писание и священникам, но не веровавшими по совести непосредственно **<u>Богу, который есть</u>**.

Неустранимое силами «мировой закулисы» отсутствие якобы “воскресшего” во плоти потребовало вскорости возвестить всем о вознесении Христа[2] и предложить *смиренно ожидать его второе пришествие: последнее требование — так же один из факторов, который превратил исторически реальное христианство в вероучение и религию рабов,* **вопреки тому, что истинный Христос в первое пришествие проповедовал вероучение и религию освобождения от рабства вхождением людей их же усилиями под Божиим водительством в Царствие Божие**: «…с сего времени Царствие Божие благовествуется и всякий усилием входит в него» (Лука, 16:16).

После же ухода Христа в мир иной вероучение о <u>терпеливом ожидании</u> второго пришествия затмило учение об осуществлении на Земле Царствия Божиего силами самих верующих Богу людей.

---

[1] «6. Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокажённого, 7. приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. 8. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? 9. Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. 10. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: 11. ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; 12. возлив миро сие на тело Моё, она приготовила Меня к погребению; 13. истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память её и о том, что она сделала. 14. Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошёл к первосвященникам 15. и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников» (Матфей, гл. 26).

Этот эпизод имел место незадолго до последней пасхи Христа в этом мире, и он показывает, что ученики его по-прежнему были агрессивными и лицемерными жидами, по существу опекунами и цензорами Христа, с точки зрения которых бессмысленная растрата драгоценного миро исключила возможность проведения каких-то мероприятий в поддерживаемой ими системе «public relations».

[2] Многое из этого сценария было обличено уже в нашу эпоху в сюжете фильма “Праздник святого Йоргена”.

При этом раздувался культ особой значимости “воскресения” именно Христа и придавались забвению, якобы не имеющие такого рода значимости факты воскрешения Христом и апостолами других людей. И это учение церквей о якобы особой значимости “воскресения” Христа противоречит явленному самим Христом в первое пришествие: «Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Матфей, 10:8), — из напутствия Христа апостолам при посылании их на *проповедь Царствия Божиего на Земле*[1]. Из этого можно понять, что воскрешение из мёртвых по молитве праведноверующего сам Христос считал нормой для жизни человечества в ладу с Богом, а не чем-то исключительным. Исключительность факту воскресения из мёртвых придали хозяева и основатели церквей в обществе, живущем без веры **Богу, который есть**.

Могила — «гроб господень» — в действительности была пуста не потому, что Христос воскрес из мёртвых в «третий день по писанием»[2], а потому, что Бог вознёс Христа к себе, упреждая инсценировку его казни. Бог не только не желал, не предопределял подвергать Христа крестным мукам, как тому учат церкви, но так же не желал, чтобы увенчалась успехом затея вовлечь Христа в грязную инсценировку «казни — воскресения бога» с далеко идущими глобальными целями, о чём паствы церквей не имеют ни малейшего понятия[3], потому что составляющие их люди уклоняются от того, чтобы принять каждому из них долю в наместничестве Божием на Земле.

Об этом вознесении Христа во избежание казни, как о таинах Божиих предвозвестил Соломон (Премудрость Соломона, гл. 2). Суть этих таин прямо и однозначно разъяснило кораническое Откровение (сура 4:156, 157). Что касается всего сказанного о действиях «мировой закулисы», то они прямо — без таинств, мистики, экстрасенсорики и т.п. — «вычисляются» каждым, кто не ленив, кто сопоставляет друг с другом тексты писаний, возведённых в ранг священных, и факты, известные ему из современности и исторических хроник.

Хотите верьте в это, хотите нет. Но лучше сами подумайте о том, что вознесение Христа упредило посягательство на его распятие, и в этом нет никаких логических противоречий. И об этом свидетельствует вопреки своему тексту сам Новый Завет милостью **Бога, который есть**. И нет в этом освещении течения событий той эпохи лукавства, двойственности и неопределённости нравственных мерил, неопределённости и двойственности этических стандартов в отношении людей между собой, в их отношениях с Богом, и в отношении Бога ко всем и к каждому. Это вознесение, упреждающее казнь, чудесно, но всё праведное возможно **Богу, который есть**, хотя прямо засвидетельствовать, что события протекали именно так, тогда оказалось некому просто потому, что призванные Христом к молитве в Гефсиманском саду апостолы проспали явление Царствия Божиего на Землю[4].

Кто-то, на основании изложенного может прийти к выводу, что Зло восторжествовало в очередной раз, а Бог оказался бессилен сделать что-либо для того, чтобы утвердить на Земле Правду-Истину. Но утверждать на Земле Правду-Истину — это долг людей, прежде всего, перед самими собой, перед своими детьми, внуками, потомками вообще. И не пожелав утвердить Правду-Истину тогда — тем, что впали в сон, — призванные к молитве апостолы открыли дорогу тому, чтобы человечество вошло в эпоху, в которой оно должно было научиться на своём горьком и сладком опыте, что значит: «Милости хочу, а не жертвы». В эту эпоху мы и живём поныне.

Чтобы опровергать сказанное здесь, так или иначе придётся отрицать всемогущество Бога; извращать в обществе представления о праведности и возводить на Бога напраслиной Иудин грех, т.е. приписывать Богу способность к предательству верующих Ему праведников вопреки тому, что народной мудрости известно: «Бог не выдаст!»[5]; обелять этот и прочие приписанные Богу грехи, придумывая

---

[1] А не на проповедь “евангелия” «казни — воскресения бога» как неизбежной «жертвы умилостивления» для удовлетворения Всевышнего, в изначально предопределённом Им и якобы исполненном Христом акте самопожертвования. Богу достаточно искренней готовности к самопожертвованию, а мучения праведника в самопожертвовании Ему не желанны: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы».

[2] Никейский символ веры, стих 5.

[3] Это даёт основания к тому, чтобы утверждать, что воцарение Антихриста, о котором пророчествуют новозаветные церкви, лежит вне русла Божиего Промысла, вследствие чего не состоится по независящим от сторонников этой идеи причинам, хотя попытки возвести тех или иных людей в ранг Антихриста возможны и впредь.

[4] В Русской культуре есть поговорка: «проспал Царствие Божие».

[5] Всё это выражается и в разночтениях свидетельств о последних «крестных словах», имевших место в наваждении казни:

«А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Матфей, 27:46).

«В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Марк, 15:34).

→→→

нравственно-этическую необходимость и неизбежность для Бога приношения в жертву “умилостивления” самому Себе непорочного праведника Христа *ещё на стадии Предопределения бытия Мироздания и т.п.* Такого рода неправоумствованием и лукавством полны все без исключения богословские трактаты всех новонаветных церквей.

И неужели вы думаете, что после того, как Бог ясно и недвусмысленно огласил через Христа Своё желание: «пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы», кто-то сможет преодолеть Божье всемогущество и совершить жертвоприношение по своему произволу вопреки воле Вседержителя?

11 — 19 ноября 2000 г.
Уточнения: 1 — 3, 15, 18 декабря 2000 г.;
6 — 8 октября 2004 г.

«Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух» (Лука, 23:46).

«Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Иоанн, 19:30).

И в этом случае повторяется то же самое, на что было обращено внимание ранее: Иоанн недоговаривает в своём красноречивом лукавстве; Лука честно фиксирует одну из имевших место устных традиций; Матфей и Марк близки между собой, находясь во власти наваждения якобы истинности “пророчества” Исаии.

Но не оставляет **Бог, который есть**, праведников и не предаёт их, и не предопределяет для них того, что случается с неправедниками.

14. Снова пред тобой горы и моря, ты лети, лети, ласточка Моя…

М.А.Булгаков композицию романа “Мастер и Маргарита” построил так, что Воланд, начиная своё “евангелие”, обошёл молчанием нежелательный и неприятный для Сатаны эпизод молитвы Христа и сна апостолов в Гефсиманском саду. Воланд сделал это точно так же, как это сделал в своём тексте автор канонического новонаветного “евангелия” от Иоанна. И это обстоятельство роднит «Евангелие от Воланда» с наиболее почитаемым многими воцерковленными интеллектуалами текстом Нового Завета; а появись «Евангелие от Воланда» в эпоху формирования канона Нового Завета, оно вполне могло бы быть включено и в его канонический текст, тем более что и признанные каноническими “евангелия” «казни — воскресения бога» во многих значимых фактах взаимоисключающе противоречат друг другу.

Начавшись с представления Иешуа Пилату при утверждении смертного приговора, «Евангелие от Воланда» далее повествует о казни (гл. 16 романа называется «Казнь») и последующих за нею событиях. А анонимный рассказчик нигде в романе не высказывает прямо своего отношения к этой сюжетной линии, оставляя читателя наедине с его совестью и с фактами, сообщаемыми Воландом, и с фактами, известными из канонических и неканонических библейских ветхо- и новонаветных текстов.

Вследствие этого многие приходят к тому выводу, что М.А.Булгаков, хотя и *имел отличное от культивируемого «отцами церкви» представление о событиях,* положивших начало исторически реальному христианству, и выразил своё мнение в «Евангелии от Воланда», но всё же не оспаривал самого факта свершившегося в реальной жизни распятия Христа.

Это мнение казалось бы подтверждает и то, что приводившиеся ранее фрагменты “Мастера и Маргариты”, в которых делаются прямые заявления о том, что казни не было, представляют собой описания снов Пилата и Ивана Николаевича Бездомного-Понырева, а не описания жизни в реальности мира романа. Соответственно встаёт вопрос: “Как это «казни не было», если в романе она описана во всех подробностях, так как её увидел Левий Матвей, а все заявления о том, что её не было — сонные грёзы, терзаемого муками совести Пилата и не вполне психически здорового Ивана Николаевича Понырева?”

Но роман — не свидетельство кого-то из очевидцев о событиях в Иерусалиме в начале эры, а богословие Русской цивилизации в иносказательно-притчевой форме. И иносказательно он однозначно и определённо говорит о том, что казни Христа поистине не было. Сны же Пилата и Ивана Николаевича, где об этом говорится прямо, в мире романа — сны вещие, а не сонные грёзы; в нашей же реальности они — намёк к тому, чтобы поискать в тексте романа иносказания, подтверждающие их истинность как в реальности мира романа, так и в *реальности нашего мира, частью которой стал роман*.

Воланд, излагая свою версию событий начала эры, дабы сформировать у читателя желательные ему представления о Христе, всё же тоже под Богом ходит, хотя и противится Ему. Соответственно, ведя своё повествование, Воланд сообщает некоторые подробности, которые придают живость описанию. Опусти он их — описание омертвеет, станет безжизненным и неинтересным, и потому Воланд не может о них умолчать. Он не придаёт им значения, забывая или не подозревая, что Божий Промысел заявляет о себе в этих мелочах, которые представляют собой фразы и целые повествования Божии на языке Жизни. Обратимся к тексту “Мастера и Маргариты”:

«Если бы с ним поговорить <по контексту речь идёт о Марке Крысобое>, — вдруг мечтательно сказал арестант, — я уверен, что он резко изменился бы.

— Я полагаю, — отозвался Пилат, — что мало радости ты доставил бы легату легиона, если бы вздумал разговаривать с кем-нибудь из его офицеров или солдат. Впрочем, этого и не случится, к общему счастью, и первый, кто об этом позаботится, буду я.

В это время в колоннаду стремительно влетела **ласточка** (здесь и далее выделение в тексте романа этого слова — наше), сделала под золотым потолком круг, снизилась, чуть не задела крылом лица медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны. Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо.

В течение её полета в светлой теперь голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нём не нашёл. В частности, не нашёл ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные утопические речи Га-Ноцри могут быть причиной волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, т.е. именно там, где резиденция прокуратора.

Оставалось это продиктовать секретарю.

Крылья **ласточки** фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю. Прокуратор поднял глаза на арестанта и увидел, что возле того, столбом загорелась пыль.

— Всё о нём? — спросил Пилат у секретаря.

— Нет, к сожалению, — неожиданно ответил секретарь и подал Пилату другой кусок пергамента».

Здесь в «Евангелии от Воланда» и всплыло обвинение в оскорблении величества, т.е. в совершении Иешуа преступления против Римской империи, рассматривая которое, Пилат струсил и утратил самообладание:

«Ненавистный город, — вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передёрнул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы обмывая их, — если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудою из Кириафа, право, это было, бы лучше.

— А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить.

Лицо Пилата исказилось судорогой, он обратил к Иешуа воспалённые, в красных жилках белки глаз и сказал:

— Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твоё место? Я твоих мыслей не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесёшь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись.

— Игемон…

— Молчать! — вскричал Пилат и бешеным взором проводил **ласточку**, опять впорхнувшую на балкон. — Ко мне! — крикнул Пилат.

И когда секретарь и конвой вернулись на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор, вынесенный в собрании Малого Синедриона преступнику Иешуа Га-Ноцри, и секретарь записал сказанное Пилатом».

Всё это происходит после того, как:

- **Иешуа уже объяснил Пилату, что всё — во власти Божией, а не во власти Пилата, цезаря или синедриона:**

«Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросил, очень оживившись, развязанный.

— Ну, хотя бы жизнью твоею, — ответил прокуратор, — ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

— Не думаешь ли ты, что ты её подвесил, игемон? — спросил арестант, — если это так, то ты очень ошибаешься.

Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

— Я могу перерезать этот волосок.

— И в этом ты ошибаешься, — светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, — согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

— Так, так, — улыбнувшись, сказал Пилат…»

- **Иешуа уже заявил Пилату о своём исповедании единобожия:**

«— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон, — убеждённо ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. (…) он ещё повысил командный голос, выкликивая слова так, чтобы слышали в саду: — Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один, — ответил Иешуа, — в Него я верю <верю и доверяю Ему, добавим мы при цитировании>.

— Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, — тут голос Пилата сел, — *это не поможет (выделено нами при цитировании: новонаветные церкви придерживаются того же мнения по отношению к молитве Христа в Гефсиманском саду)*…»

Но охваченный трусостью верноподданности, Пилат уже не мог думать, хотя Бог исцелил его от головных болей. Поэтому он, пребывая в таком настроении, не мог догадаться, что должно стремиться к ладу с Богом, а уж Всевышний уладит отношения верующего Ему с остальными людьми наилучшим образом, и что Иешуа может быть помощником Пилату в преображении его жизни. К тому же перед этим Пилат стал свидетелем «сверхъестественного»: хотя Иешуа стоял в тени[1], вокруг него «столбом

---

[1] Перед сценой исцеления Пилата от головных болей сообщается, что Иешуа стоял в тени:

→→→

загорелась пыль». Вы такое видели? — Пилат этого *самоцветного свечения* «пыли» вокруг стоящего в тени человека тоже ранее никогда не видел, но охваченный трусостью и буйством не осмысляемых им эмоций, не придал этому «сверхъестественному» явлению никакого значения.

Кроме того, при чтении сцен второй главы романа, в которых Пилат и Иешуа ведут беседу, возникает впечатление, что из всех персонажей романа в этих беседах принимает участие ещё и ласточка: все остальные, включая и секретаря, ведущего запись, пребывают вне диалогов Пилата и Иешуа и подобны упомянутой медной статуе, но только ласточка привносит в их диалог нечто, не выраженное словами. Что привносит в эти сцены ласточка?

В Средиземноморье в эпоху античности ласточка считалась птицей Исиды (в Египте) и Афродиты-Венеры (в Греции и Риме, соответственно), — сообщает "Peter Greif's Simbolorum", интернет-версия. Но М.А.Булгаков писал богословский трактат в иносказательно-притчевой форме литературного романа не для читателей эпохи античности, а для наших современников. То есть о символичности появления ласточки в критический момент развития сюжета должен размышлять не персонаж романа Понтий Пилат, а читатель романа, выросший под опекой библейского проекта порабощения всего человечества.

Соответственно и символичность появления ласточки в романе не должна связываться с Исидой или Венерой.

«Голубь и ласточка любимые Богом птицы», — сообщает "Словарь живого великорусского языка" В.И.Даля, т. 2, стр. 239 о верованиях русского народа.

И соответственно этому ласточка действительно знаменующе появляется в сюжете романа, всякий раз при своём появлении принося какое-то иносказание. При этом, как оказалось, последовательность появления ласточки в сюжете романа соотносится с последовательностью упоминания ласточки в Библии. Библейские же тексты, в свою очередь, поясняют происходящее в сюжете романа.

Иными словами **Божий Промысел** упоминаниями *ласточки в библейских текстах* много веков тому назад расставил *свои знаки по тексту «священного писания»,* предназначенные для того, чтобы они донесли в далёкое будущее смысл Промысла. Не ведая Промысла, «мировая закулиса» так же, как и Воланд, *не придала никакого значения* этим "мелким деталям" и сохранила их *в редактируемых её ставленниками текстах.* Но с появлением романа "Мастер и Маргарита" эти, как прежде казалось разрозненные и ничего не значащие сами по себе, *"мелкие детали" оказались последовательными фрагментами иносказательного повествования, длящегося тысячелетия,* в котором Божий Промысел выразил себя для того, чтобы люди его поняли.

Соответственно это обстоятельство означает, что М.А.Булгаков был водительствуем Свыше при написании романа, что и он не был оставлен Богом несмотря на все заблуждения и ошибки его нелёгкой жизни[1].

Первому появлению ласточки после того, как Пилат решил воспрепятствовать беседе Иешуа и Марка Крысобой, закрывая тем самым для Марка возможность постичь Правду-Истину и преобразить свою жизнь, в Библии соответствует следующий текст, по существу объясняющий суть того, что мог бы сделать Иешуа, и в чём ему препятствуют синедрион, лично Каиафа, лично Пилат и им подвластные.

«2. Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! 3. Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце моё и плоть моя восторгаются к Богу живому. 4. И птичка находит себе жи-

---

«Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипподромом, что луч пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится солнца».

Это булгаковское описание соответствует композиции картины Н.Н.Ге "Что есть истина?"

[1] И в этом же контексте очень значимо свидетельство дочери Сталина — Светланы Аллилуевой. 7 марта 2001 г. телеканал НТВ в передаче, посвящённой годовщине гибели в авиакатастрофе 9 марта 2000 г. журналиста Артёма Боровика, привёл фрагмент записи его беседы с С.Аллилуевой. Суть приведённого фрагмента их разговора сводится к следующему.

Когда Светлана была ещё девочкой, её воспитывали, как это было тогда принято, в «антирелигиозном духе», учили, что никакого Христа не было, подобно тому, как в "Мастере и Маргарите" М.А.Булгакова М.А.Берлиоз наставлял в этом мнении И.Бездомного. Но в библиотеке И.В.Сталина были книги разных авторов, посвящённые Иисусу Христу, и Светлана их видела. Она спросила отца, зачем эти книги, если никакого Христа не было? На что ей отец ответил, что был такой человек — Иисус Христос, который оставил учение людям.

Когда она заявила своей няне, что Христос был, — та стала возражать, что не было никакого Христа, что это всё выдумки, как того требовала «педагогика» тех лет. На что Светлана ответила: папа сказал, что был. После этого няня уж и не знала, что и как говорить…

И это свидетельство дочери Сталина показывает, что богословские воззрения И.В.Сталина и М.А.Булгакова были во многом тождественны. В этой же связи отметим, что по сообщению радио "Свобода" (передача "Поверх барьеров" 19 и 20.10.2001 г. "Грузинские вожди") любимой грузинской песней И.В.Сталина была "Песня о ласточке".

льё, и **ласточка** (здесь и в последующих цитатах из Библии выделение жирным этого слова — наше) гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил, Царь мой и Бог мой! 5. Блаженны живущие в доме Твоём: они непрестанно будут восхвалять Тебя» (Псалтирь, псалом 83).

Второй раз, как только в сознании Пилата сложилась лживая формула, объявляющая Иешуа сумасшедшим, и возникло решение изолировать его от общества, что воспрепятствовало бы выполнению им принятой на себя миссии, «крылья *ласточки* фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю». Этому появлению ласточки в действии романа соответствует второе упоминание ласточки в Библии:

«Как воробей вспорхнёт, как **ласточка** улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется» (Притчи Соломоновы, 26:2).

Третьему появлению ласточки в действии романа предшествует решение Пилата утвердить смертный приговор Иешуа, вынесенный синедрионом: «Молчать! — вскричал Пилат и бешеным взором проводил **ласточку**, опять впорхнувшую на балкон». Хотя ласточка и вспорхнула на балкон, М.А.Булгаков всё же пишет, что Пилат *проводил* её взором, т.е. ласточка улетела: впорхнула на балкон, а потом улетела. Этому появлению ласточки в действии романа соответствует третье упоминание ласточки в Библии:

«Как журавль, как **ласточка** издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня» (Исаия, 38:14).

Это — не слова самого Исаии, это — слова из приводимой Исаией молитвы царя Езекии, которую царь вознёс, умирая. По молитве Езекии ему было даровано ещё 15 лет жизни.

После третьего своего появления в действии романа ласточка улетела, но в Библии она упоминается ещё два раза, и соответствующие тексты характеризуют то, с чем осталось человечество, отвергнув дарованное людям Богом через Христа:

«И аист под небом знает свои определённые времена, и горлица, и **ласточка**, и журавль наблюдают время, когда им прилететь; а народ Мой не знает определения Господня» (Иеремия, 8:7).

Кроме того Иеремия порицает идолопоклонство, в которое в разнообразных формах впало человечество, уклонившись от Божией Правды-Истины:

«7. Язык их выстроган художником[1], и сами они оправлены в золото и серебро; но они ложные, и не могут говорить[2]. 8. И как бы для девицы, любящей украшение, берут они золото, и приготовляют венцы на головы богов своих. 9. Бывает также, что жрецы похищают у богов своих золото и серебро и употребляют его на себя самих[3]; 10. уделяют из того и блудницам под их кровом; украшают богов золотых и серебряных и деревянных одеждами, как людей. 11. Но они не спасаются от ржавчины и моли, хотя облечены в пурпуровую одежду[4]. 12. Обтирают лице их от пыли в капище, которой на них очень много. 13. Имеет и скипетр, как человек — судья страны, но он не может умертвить виновного пред ним. 14. Имеет меч в правой руке и секиру, а себя самого от войска и разбойников не защитит: отсюда познаётся, что они не боги; итак не бойтесь их[5]. 15. Ибо, как разбитый сосуд делается бесполезным для человека, так и боги их[6]. 16. После того, как они поставлены в капищах, глаза их полны пыли от ног входящих. 17. И как у нанёсшего оскорбление царю заграждаются входы в жильё, когда он отводится на смерть, так капища их охраняют жрецы их дверями и замками и засовами, чтобы они не были ограблены разбойниками; 18. зажигают для них светильники, и больше, нежели для себя самих, а они ни одного их них не могут видеть. 19. Они как бревно в доме; сердца их, говорят, точат черви земляные, и съедают их самих и одежду их, — а они не чувствуют[7]. 20. Лица их черны от курения в капищах. 21. На тело их и на головы их налетают летучие мыши и **ласточки** и другие птицы, лазают также по ним и кошки[8]. 22. Из этого уразумеете, что это не боги; итак не бойтесь их» (Послание Иеремии, гл. 1; это тоже неканонический текст Ветхого Завета).

---

[1] В наши дни — имиджмейкерами и спичрайтерами.

[2] Без бумажки с заранее заготовленным спичрайтерами текстом.

[3] При всяком земном или оккультном владыке с избытком прихлебателей и кукловодов.

[4] Хорошо характеризует образ жизни “элиты” во всяком толпо-“элитарном” обществе.

[5] Это про дворцовые перевороты.

[6] Действительно власть “элиты” бесполезна для человека.

[7] Бытие их — пожизненное заключение, в котором они не чувствуют Жизни.

[8] Это можно понимать и как намёк на взаимоотношения, аналогичные взаимоотношениям бывшего президента США Билла Клинтона и практикантки в Белом доме Моники Левински.

Следует обратить внимание и на то, что ласточка в библейских текстах упоминается вне контекста доктрины Второзакония-Исаии: эпизоды, где она упомянута, не поддерживают эту доктрину. И подведём итог возвращением к статье о ласточке в интерент-версии "Peter Greif's Simbolorum", где поясняется символичность ласточки в иносказательной традиции исторически реального христианства:

«В искусстве эпохи Возрождения ласточка служила символом Воплощения Христа. Именно поэтому ласточка, вьющая свои гнезда под карнизом дома или в отверстии в стене, присутствует в сценах Благовещения и Рождества Христова. Считалось, что ласточка зимует в глиняных норках, и поэтому её пришествие рассматривалось как возрождение из подобного смерти зимнего состояния. По этой причине она также стала символом воскресения из мёртвых».

Короче говоря, последовательность появлений ласточки в действии романа, дополняемая упоминаниями ласточки в библейских текстах, представляет собой иносказание, о том, что незаслуженная казнь Иешуа не состоится, а улёт ласточки после утверждения Пилатом смертного приговора является символом развоплощения Христа, упреждающего зловредное посягательство неправедно умствующих на его распятие.

Эпизод, когда вокруг стоящего в тени Иешуа столбом загорелась «пыль» допускает двоякое понимание:

- это и было вознесение, упредившее посягательство на распятие, на которое Пилат уже дал санкцию в глубинах своей души. В Индии и в наше время есть люди, которые были свидетелями такого явления, и восприняли его с благоговением, помня, что Богу — всё благое возможно осуществить. При этом, в отличие от событий, описанных в романе, человек вознёсся, предварительно предупредив своих близких, что уходит добровольно по завершении своей миссии на Земле, оставляя после себя последователей, способных продолжить начатую им миссию дальше. По рассказам очевидцев, вокруг стоявшего перед ними человека «столбом загоралась пыль», после чего он в прямом смысле исчез у них на глазах.
- на какое-то мгновение был сделан зримым Покров Всевышнего, который пал на Иешуа, дабы защитить его от надвигающейся угрозы, а *развоплощение = вознесение* Христапроизошло незримо, будучи тайной Божией, которую никто из неправедно умствующих не увидел; вознесение произошло после того, как Пилат утвердил смертный приговор, соответственно смыслу третьего появления ласточки, выпорхнувшей с балкона в Жизнь на свободу.

Всё свершилось тихо и незримо, а все те, кто в период наваждения казни обращались к виде́нию распятого Христа со словами: «Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста» (Матфей, 27:40) и им подобными, домогаясь от Бога грандиозной и впечатляющей защиты праведника, — забыли о сказанном и давно им известном:

«И сказал: выйди и стань на горе пред лицем Господним, и вот, Господь пройдёт, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (3-я книга Царств, гл. 19:11, 12).

> Промысел Божий эффективен, но не свойственно ему пленять искушающих Бога шумными и впечатляющими "грандиозными" проявлениями в виде легионов ангелов, сходящих с Небес для защиты праведников и т.п. Самое грандиозное проявление Промысла — Мироздание, в котором мы живём и частью которого являемся, и на фоне его меркнут все иные "грандиозные" чудеса, которых домогаются неверующие и праздные.

Так и по отношению к роману М.А.Булгакова: все пять упоминаний ласточки в Библии мы нашли в течение нескольких минут, пользуясь компьютером, но перед этим было дано в Различение знать, что искать. Если у Вас есть возможность, то спросите Ваших знакомых попов о том, сколько раз, в каких текстах и в каком контексте в Библии упоминается ласточка. После этого подумайте мог ли М.А.Булгаков умышленно сконструировать это иносказание? был ли он водительствуем Свыше, поскольку стремился к Правде-Истине искренне, мучительно преодолевая своё мировоззрение? либо всё же М.А.Булгаков был одержимым, но Сатана по каким-то неведомым причинам с неведомыми нам целями решил подсунуть эту загадку-иносказание людям, воспользовавшись текстом «воистину священной Библии», дабы люди поняли, что Бог не предаёт праведников, не позволяет свершиться несправедливости в отношении них?

Либо всё же Сатана решил таким благовидным образом породить в людях веру в то, что казни Христа не было вопреки тому, что в действительности она свершилась, дабы тем самым лишить их спасе-

ния? — Но высказав такое предположение мы снова возвращаемся к различию учения *Христа при его жизни среди людей* и учению апостола Павла, положенному в основание якобы христианских церквей. Л.Н.Толстой охарактеризовал различие между учениями Христа и Павла так:

«Как сущность учения Христа (как всё истинно великое) проста, ясна, доступна всем и может быть выражена одним словом: человек — сын бога, — так сущность учения Павла искусственна, темна и совершенно непонятна для всякою свободного от гипноза человека.

Сущность учения Христа в том, что истинное благо человека — в исполнении воли отца. Воля же отца — в единении людей. А потому и награда за исполнение воли отца есть само исполнение, слияние с отцом. Награда сейчас — в сознании единства с волей отца. Сознание это даёт высшую радость и свободу. Достигнуть этого можно только возвышением в себе духа, перенесением жизни в жизнь духовную.

Сущность учения Павла в том, что смерть Христа и его воскресение спасает людей от их грехов и жестоких наказаний, предназначенных богом теперешним людям за грехи прародительские.

Как основа учения Христа в том, что главная и единственная обязанность человека есть исполнение воли Бога, то есть любви к людям, — единственная основа учения Павла то, что единственная обязанность человека — это вера в то, что Христос своей смертью и воскресением искупил и искупает грехи людей» (“Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении”).

В более определённой и жёсткой формулировке дилемма такова:

- либо мы уже в этой жизни по совести, не ожидая наград и не боясь наказаний за возможные ошибки, осуществляем Царствие Божие на Земле, как *то заповедал Христос, в чём каждый может убедиться даже и по отцензурированному и отредактированному тексту Нового Завета;*
- либо в этой жизни мы «чаем воскресения мёртвых и жизни будущаго века»[1], влачим жалкое существование как придётся и, веруя в искупление наших грехов смертью и воскресением Христа, отдаёмся сами и отдаём этот мир во власть Сатаны якобы до второго пришествия.

И соответственно:

- либо вы полагаете, что в Предопределении Божием нет места аду, нет места избранию Им в жертву “умилостивления себя” же праведников, хотя предопределение праведности и включает в себя готовность праведников к самопожертвованию, и соответственно Бог истинный — тот, Кто не допускает торжества неправедности в сотворённом Им по Его благому Предопределению Мире, как тому учит Он сам всех и каждого на священном Языке Жизни;
- либо в ранг **Бога, который есть**, возводится измышленный фантом, якобы который ещё прежде создания Мира предопределил бытие ада и якобы предопределил искупление людей (у кого? — когда ещё никто не сотворён и у Вседержителя не может возникнуть причин к тому, чтобы с кем-либо из твари торговаться о чём-либо; хотя и после сотворения у истинно Всеведущего и Всемогущего не может возникнуть таких причин) жертвоприношением жертвующего собой праведника, как тому учит Библия и библейские церкви.

В каждом из этих вариантов понимания содержания Предопределения Божиего выбор веры, нравственно обусловленный, делает сам человек, а Бог ответит каждому по его вере и выбору на священном Языке вечной Жизни, частичкой которой является жизнь всякого человека на Земле.

Но и после всех описаний казни и погребения Иешуа в романе есть мелкие детали, на которые большинство читателей не обращает внимания, которые однако являются знаковыми и указывают на то, что виде́ние казни было не наяву, а *воображаемое во внутреннем мире очевидца виде́ние наложилось на восприятие им реального общего всем внешнего мира*. При этом казнь, смерть и погребение Иешуа свершились именно в воображении очевидца, а не в реальности изображённого в романе мира.

В главе 25-й романа, названной “Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кириафа”, есть описание сцены, в которой Пилат принимает доклад Афрания, начальника своей тайной службы, о казни. Пилат ранее поручил Афранию *проследить лично за исполнением казни и убедиться в смерти Иешуа*.

«— А теперь прошу мне сообщить о казни, — сказал прокуратор.

— Что именно интересует прокуратора?

— Не было ли со стороны толпы попыток выражения возмущения? Это — главное конечно.

— Никаких, — ответил гость.

---

[1] Никейский символ веры, стихи 11, 12.

— Очень хорошо. Вы сами установили, что смерть пришла?

— Прокуратор может быть уверен в этом.

— А скажите... напиток им давали перед повешением на столбы?

— Да. Но он, — **тут гость закрыл глаза**, — отказался его выпить.

— Кто именно? — спросил Пилат.

— Простите, игемон! — воскликнул гость. — Я не назвал? Га-Ноцри!

— Безумец! — сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задёргалась жилка. — Умирать от ожогов солнца! Зачем же отказываться от того, что предлагается по закону!

— В каких выражениях он отказался?

— Он сказал, — **опять закрывая глаза**, — ответил гость, — что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь.

— Кого? — глухо спросил Пилат.

— Этого он, игемон, не сказал...»

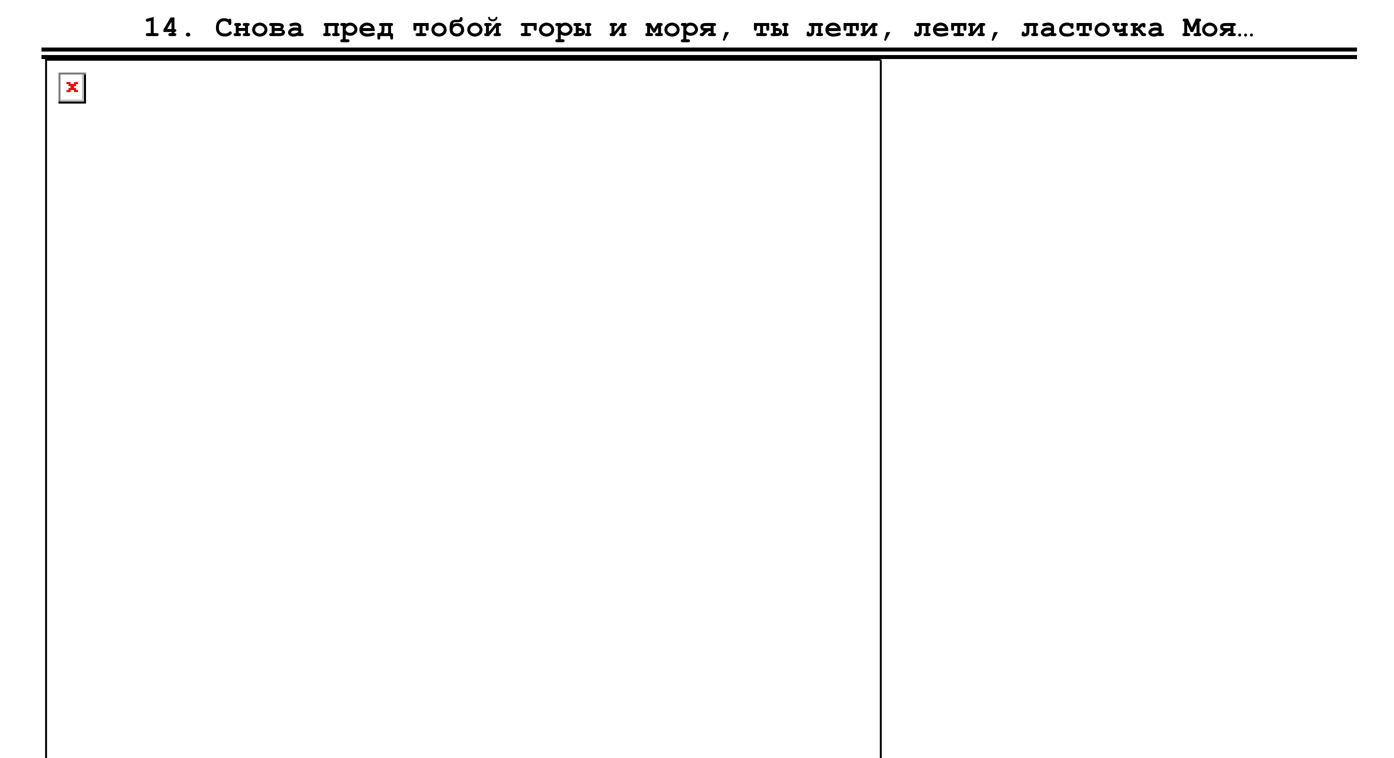
Всякий раз, когда Афранию требуется дать информацию об Иешуа, он закрывает глаза. Почему? — Ответ на этот вопрос, объясняющий причины такого странного поведения, состоит в том, что зрительная память, которая помнит всю информацию, доставленную глазами, — один вид памяти человека; а память внутреннего зрения, которая фиксирует то, что становится зримым в ясновидении Откровений, в наваждениях, и то, что является плодами собственного воображения и фантазий, — другой вид памяти.

Казнимых было якобы трое. Двое из них был казнены действительно, и информация о них хранится в зрительной памяти. Но в этой памяти и памяти других органов чувств, хранящей информацию об общей всем реальности, у Афрания нет ничего о поведении Иешуа, и потому, чтобы зрение не мешало обращению сознания *к памяти видéний внутреннего мира,* всякий раз, когда Афранию необходима информация о поведении Иешуа, он закрывает глаза. Это обстоятельство — знаковое, указующее на то, что, когда Афраний наблюдал казнь, его воображение — по неверию его **Богу, который есть**, — «подрисовывало» поведение Иешуа к той реальности, что воспринимали его органы чувств. То же касается и видéния казни Левием Матвеем (гл. 16), который проклинал *бога, которого нет*, вместо того, чтобы обратиться с молитвой к **Богу, который есть**, чтобы Он дал ему истинное видéние происходящего. При этом Левий Матвей, веруя в *бога, которого нет*, знал, что *«другой бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе»*.

Другой Бог Левия Матвея, которому он однако не верит и молитвенного общения с которым избегает, — **Бог, который есть**, поистине не допустил, чтобы Иешуа Ганоцри — Иисус Христос был сжигаем солнцем и «умер» на кресте, одурманенный напитком, чтобы «воскреснуть» для исполнения роли живого богочеловека, царя Антихриста, возможно зомби, на потребу «мировой закулисе».

> Поэтому тот, кто настаивает на том, что казнь Христа свершилась реально во исполнение Божиего предопределения, пусть ответит хотя бы себе на вопросы: Почему он желает казни Христа ныне даже сильнее, чем этого в прошлом желали Каиафа и синедрион? Почему он фактически обязывает Бога прощать его грехи возложением страданий на жертвующего собой праведника? — Для того, чтобы беспрепятственно продолжать грешить, уклонясь от того, чтобы самому взять "крест" свой в исполнении Божиего Промысла. Все остальные ответы — лицемерие.

И если жить верой в спасение казнью жертвующих собой праведников, то образ жизни становится гнусный, подобный тому, что, *умиляясь (!!!)*, изобразил библейски-"православный" художник М.В.Нестеров на своей картине "У креста". Согласитесь, что это премерзко, когда праведник пребывает на кресте в муках, а вокруг стоит толпа умиляющихся "истинно верующих православных", и среди них нет никого, кто прекратил бы эту мерзость, снял бы праведника с креста и оказал бы ему посильную помощь. Более того, если бы кто попытался это сделать, то ему бы не позволили "любящие" Христа и Бога "православные". В жизни же они сами если и не являются вольными или невольными распинателями устремившихся к Правде-Истине, то праздно взирают на то, как другие травят и убивают тех, кто стремится открыть её людям, чтобы всем вместе воплотить её в жизнь: наши грехи, дескать, искуплены драгоценной кровь Христовой, а тут, видите ли, «Христосик нашёлся», будет нас учить жить… Чем эта позиция отличается от позиции Каиафы и синедриона?

М.В.Нестеров “У креста”

А вообразите, что действительно «Христосик нашёлся», т.е. в реальности происходит второе пришествие, что тогда? — Тогда они с такой верой и отношением к жизни проследуют по пути порицаемого ими иудейского синедриона начала эры и в самой пошлой форме повторят его приговор. Ни к чему иному они не способны, пока пребывают в самоослеплении нехристианской, апостольской[1] верой, унаследованной от Савла и его сподвижников, включая и отпавших от Христа в Гефсиманском саду других апостолов.

М.В.Нестеров писал картину, искренне веруя по обычаю российской библейски-“православной” церкви, но в этом произведении Дух Святой не вдохновлял его: невесомое тело противоестественно прислонено к кресту. Если же прислонённое к кресту тело изъять из композиции соответственно тому, что сообщается в Коране (4:156), то сразу же обнажится нравственно-психическая ненормальность, ущербность всех собравшихся умиляться казни и ожидающих спасения их душ этой казнью.

В этой связи, поскольку М.В.Нестеров изобразил у креста и Ф.М.Достоевского[2] (и это не единственное его полотно, где Ф.М.Достоевский присутствует при распятии), приведём часто смакуемое отечественными “гуманистами” место из “Братьев Карамазовых”:

---

[1] Иерархи церквей в общем-то и не врут, называя свои церкви «апостольскими», но им нравится, чтобы паства называла их христианскими. Однако на такие мелкие детали: «апостольская» либо «Христова» — не всё ли равно? — паства внимания не обращает.

[2] Во всяком случае, человек, на него похожий, в композиции картины стоит крайним справа.

«Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшем псами сына её[1], и все трое возгласят со слезами: «прав Ты, Господи!», то уж, конечно, настанет венец познания и всё объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на земле, я спешу взять свои меры. Видишь ли, Алеша, ведь, может быть, и действительно так случится, что когда я сам доживу до того момента али воскресну, чтобы увидеть его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми вместе, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем её дитяти: «Прав Ты, Господи!», но я не хочу тогда восклицать. Пока ещё время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискуплёнными слезками своими к «Боженьке»! Не стоит потому, что слезки его остались не искупленными. (…) Не Бога я не принимаю, Алёша, а только билет Ему (в рай, имеется в виду по контексту: наше пояснение при цитировании) почтительнейше возвращаю.

— Это бунт, — тихо и потупившись проговорил Алёша.

— Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, — проникновенно сказал Иван. — можно ли жить бунтом, а я хочу жить. Скажи мне сам прямо, я зову тебя — отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой[2] с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой[3], но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вот того самого ребёночка, бившего себя кулачонком в грудь, и на неотмщённых слезках его основать это здание, согласился бы ты быть архитектором, скажи и не лги!

— Нет, не согласился бы, — тихо проговорил Алёша!

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять своё счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?

— Нет не могу допустить. Брат, — проговорил вдруг с засверкавшими глазами Алёша, — ты сказал сейчас: есть ли во всём мире Существо, Которое могло бы и имело право простить? Но Существо это есть, и Оно может всё простить, всех и вся и всё, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за всё. Ты забыл о Нём, а на Нём-то и зиждится здание, и это ему воскликнут: «Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои».

— А, это «Единственный безгрешный» и Его кровь! Нет, не забыл о Нём и удивлялся, напротив, всё время, как ты Его долго не выводишь, ибо обыкновенно в спорах все ваши Его выставляют прежде всего. Знаешь, Алёша, ты не смейся, я когда-то сочинил поэму, с год назад. Если можешь потерять со мной ещё минут десять, то я б её тебе рассказал?» (Ф.М.Достоевский, “Братья Карамазовы”, часть вторая, книга пятая. Pro и contra. IV. Бунт).

После этого возникает «Легенда о великом инквизиторе», которую тоже неоднократно смаковали многие и многие российские “интеллигенты”, и в частности: К.Н.Леонтьев, В.С.Соловьёв, В.В.Розанов, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, С.Л.Франк (см. сборник “О великом инквизиторе Достоевский и последующие”, Москва, «Молодая гвардия», 1991 г., тираж 30 000).

---

[1] У Ф.М.Достоевского рассматриваемому фрагменту предшествует описание следующего эпизода:

«Это было в самое мрачное время крепостного права, ещё в начале столетия, и да здравствует освободитель народа! Был в начале столетия один генерал, генерал со связями большими и богатейший помещик, но из таких (правда, и тогда уже, кажется, очень немногих), которые, удаляясь на покой от службы, чуть-чуть не были уверены, что выслужили себе право на жизнь и смерть своих подданных. Такие тогда бывали. Ну вот живёт генерал в своём поместье в две тысячи душ, чванится, третирует мелких соседей как приживальщиков и шутов своих. Псарня с сотнями собак и чуть не сотня псарей, все в мундирах, все на конях. И вот дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то, играя камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей. «Почему собака моя любимая охромела?» Докладывают ему, что вот этот самый мальчик камнем в неё пустил и ногу ей зашиб. «А, это ты, — оглядел генерал, — взять его!» Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидел он в кутузке, наутро чем свет выезжает генерал во всём параде на охоту, сел на коня, кругом него приживальщики, собаки, псари, ловчие на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди мать виновного мальчика».

После этого ребёнка вывели из кутузки, раздели донага и затравили собаками: псы растерзали ребёнка в клочки на глазах у матери.

«Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну… что же его расстрелять? Говори, Алешка!

— Расстрелять! — тихо проговорил Алёша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

— Браво! — завопил Иван в каком-то восторге, — уж коли ты сказал, значит… Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесёнок в сердечке сидит, Алёшка Карамазов!

— Я сказал нелепость, но…»

[2] Если вести речь прямо, а не *намёками, избегая называть вещи своими именами,* то фраза должна звучать иначе: “Представь, что ты предопределяешь бытие Мироздания и судьбу человечества в нём…”

[3] Для сопоставления: в романе М.А.Булгакова предоставлением «покоя» ведал Воланд.

Но если серьёзно относиться к сказанному во второй главе Премудрости Соломона и сообщаемому в Коране (сура 4:156, 157), то придётся сделать вывод, что Ф.М.Достоевский был раздавлен страхом и потому подменил вопрос о спасении человечества распятием Христа вопросом о неотмщённой слезинке невинного[1] ребёнка. Если же ставить этот в вопрос, продолжая диалог двух братьев, то вместо легенды о великом инквизиторе и явлении ему Христа, придётся обсуждать вопрос другой: **как и чем искупить кровь безгрешного Христа?** — поскольку в противном случае возникает двойственность нравственных стандартов:

- неотмщённую слезинку ребёнка в основу будущей гармонии в вечной жизни принять не можем,
- а безгрешную кровь Христа — запросто.

В мировоззрении, признающем догмат о троице, единственный возможный ответ на вопрос об искуплении крови Христа, если следовать логике Алёши Карамазова, послушника некоего монастыря, которого уму разуму учат “старцы” будет такой: **«Бог Отец» должен тоже как-то пострадать, чтобы своими страданиями искупить безгрешную кровь «Бога Сына», а потом простить если и не всех без исключения, то по крайней мере тех, кто примет эти две жертвы.**

Что Христос тоже «Бог», «ипостась Всевышнего», и потому самопожертвования Его в искуплении кровью достаточно, это не ответ: во-первых, потому что всё равно не снимается двойственность нравственных мерил (неприемлемость слезинки ребёнка — согласие с неизбежностью страданий, доходящее до вожделения крови Христовой, полагаемой в основу якобы спасительной веры); а во-вторых, «Бог Отец» и «Бог Сын» — разные личности, что приводит к вопросу, а для чего «Бог Отец» заложил в Предопределение бытия страдания «Бога Сына», если Он всемогущ и мог бы, не потеряв совершенства Предопределения, избавить и «Бога Сына» от страданий?

Но Ф.М.Достоевский струсил поставить вопрос так, и по холопству своему перед книгой-идолом Библией и заправилами библейского проекта, которых он отождествил с Богом, подменил вопрос об искуплении страданий и крови Христовой вопросом о слезинке ребёнка. Ответ же на этот вопрос, в котором открываются единые нравственные мерила для Бога и для человека, один:

> Пророчество Соломона во второй главе книги его Премудрости истинно: злочестивые не познали таин Божиих ибо злоба их ослепила их. Кораническое откровение (сура 4:156, 157) изъясняет суть этих таин: Бог — всемогущий, мудрый, милостивый, милосердный, любящий, и потому вознесение Христа упредило посягательство на его распятие, а люди были оставлены учиться милости, преодолевать культ жертвоприношений и возложения своих грехов на страдания жертвующих собой праведников и других людей. Люди — все — должны подняться до святости, какую им явил Христос в простоте жизни своей на Земле.

Соответственно М.А.Булгаков сделал то, от чего уклонился Ф.М.Достоевский.

Может возникнуть вопрос, а почему вознесение Христа, упредившее распятие, свершилось незримо ото всех? Какая разница? — Разница есть: если бы Иисус-Иешуа исчез бы *на глазах людей, не верующих Богу,* то они посчитали бы его могучим колдуном, а спустя какое-то исторически непродолжительное время память о нём забылась бы. А так при незримом исчезновении, люди остались наедине со своим неверием Богу, нравственно приемлемой им ложью их же злобного воображения и наваждениями. Благодаря этому человечество, спутанное этой верой в возводимую на Бога напраслину своих злобных вымыслов и наваждений, прожило целую эпоху, и на основе полученного исторического опыта теперь имеет возможность задуматься и о том, что в действительности произошло в Иерусалиме в начале эры, и о сути своей веры.

Всё бы было иначе, если бы апостолы молились совместно с Христом в Гефсиманском саду, и после этого засвидетельствовали бы об исчезновении Иисуса. В этом случае общество вынуждено было бы решать, кто психически нормален:

- либо апостолы, вошедшие в совместной с Христом молитве в веру Богу непосредственно по совести, которые свидетельствуют о том, что все окружающие бредят наяву виде́нием казни;
- либо свидетельствующие о казни нормальны вопреки своему неверию Богу, а у апостолов, молившихся совместно с Христом не всё в порядке с психикой.

Ясно, что всякий искренне верующий непосредственно Богу, для кого молитва не обязательный ритуал, а осмысленная беседа человека со Вседержителем, принял бы в таком случае свидетельство апо-

[1] Благонравно ли кидаться камнями в собаку, пусть даже и не правильно выдрессированную? — этот вопрос мы оставим в стороне. Не будем также поднимать и вопрос об искуплении страданий собаки, хотя абсолютная принципиальность и «железная логика» требует и его постановки.

столов. Вся последующая история свершилась бы иначе, если бы хотя бы один из призванных к молитве в Гефсиманском саду апостолов молился искренне, как о том просил Иисус.

Но и в свершившейся истории, спустя две тысячи лет после описываемых в каноне Нового Завета событий, все знакомые с обеими точками зрения поставлены перед выбором: упредило ли вознесение посягательство на распятие Христа либо оно произошло после казни и воскресения?

К необходимости сделать этот выбор в наши дни люди приходят разными путями: кто просто по совести на основе внеконфессиональной веры Богу, отмахиваясь от назойливой библейской пропаганды; кто при помощи памятников культуры, сопоставив друг с другом тексты Библии и Корана. В России же один из путей, ведущих к необходимости сделать этот выбор, — роман М.А.Булгакова “Мастер и Маргарита”.

При чтении этого романа каждый человек, вне зависимости от его идеологических пристрастий, воспроизводит на своих бессознательных уровнях психики во внелексических образах (а они и составляют существо умолчаний) фрагменты пророчества Соломона и Исаии, после чего алгоритмика обработки информации на бессознательных уровнях психики, в которой выражается объективная нравственность читателя, предлагает его сознанию выбор: «Что есть истина: течение событий в начале эры в Иерусалиме в русле пророчества Соломона? либо в русле пророчества Исаии?»

Для идеалистических атеистов выбор не представляется сложным: слепо, тупо и бездумно веруя в священность якобы боговдохновенного библейского писания, в распятие Иисуса Христа с последующим через три дня воскресением и вознесением на пятидесятый день, они, как правило, отбрасывают роман, объявляя М.А.Булгакова мистиком и сатанистом. Но на самом деле таким образом они выражают свою приверженность «пророчеству» Исаии и не Богу.

Труднее материалистическим атеистам. Согласившись по нравственным соображениям с пророчеством Соломона, тем не менее их сознание встаёт в тупик, столкнувшись с необходимостью объяснить в понятийной системе современной материалистической физики существо «таин Божиих» и “технологии” развоплощения и мгновенного перемещения в «пространственно-временном континууме». При этом им желательно, чтобы кто-то это продемонстрировал им в натуре, а ещё лучше и взял бы с собой за руку в полёт, примерно так как это делает иногда Дэвид Копперфильд, демонстрируя публике зрелище фокуса “левитации”.

И тут возможны варианты.

Материалисты-нигилисты, скорее всего, посчитают, что «таины Божии» для них непостижимы, а потому нечего ломать над ними голову. При этом некоторые из них сразу же придут к отрицанию того выбора, который сами только что сделали, полагая, что познавший тайны Божии становится равен Богу. Но так проявляется их атеизм вследствие неразличения Бога, который есть надмирная реальность, и образа Божия, который складывается в душе человека соответственно его нравственным мерилам. И это сразу роднит их с идеалистическими атеистами. Соломоново же напоминание: «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего», — будет отрицаться ими в силу их приверженности голому материализму.

Материалисты-атеисты, согласившись с тем, что Бог не допустил казни праведника, будут искать возможные варианты спасения Иисуса без прямого Божиего вмешательства в земные дела и, скорее всего, придут к версиям, подобным предложенной в ранее упоминавшейся книге М.Байджента, Р.Лея и Г.Линкольна “Священная загадка”. В соответствии с такого рода версиями, Христа либо подменили до казни другим человеком (что для праведника нравственно неприемлемо), либо он сам, владея сверхчеловеческими возможностями на основе духовных практик йоги, добровольно “перетерпел” все уготованные ему мучения, и вернулся к жизни обычного человека, оставив толпе, приверженной идеалистическому атеизму, необходимый ей для эмоциональной подпитки религиозный миф о своей крестной смерти и последующем воскресении.

Но согласие с любой из такого рода версий означает, что Христос осознанно умышленно пошёл на обман верующих, поскольку вступил в сговор с опекавшими его злочестивцами, пославшими его на казнь для достижения корпоративных целей религиозной мафии «мировой закулисы»[1].

---

[1] Что-то похожее произошло тринадцатого числа весеннего месяца мая в 1981 году во время покушения профессионального киллера Али Агджи на римского папу Иоанна Павла II:

«Подлинные вдохновители покушения обитают в Ватикане. Повторяю: те, кто направлял Али Агджу, принадлежат к высшей иерархии Святого престола». «В это дело вовлечены могущественные лица, способные манипулировать кем угодно, — продолжал Челик (один из друзей Агджи: наше пояснение при цитировании). — «В заговоре принимали участие видные граждане Италии. Это не предположения. То, что я сейчас рассказываю, мне по-

→→→

А согласившись с любой из этих версий “спасения” Мессии, подобные приверженцы пророчеству Соломона вынуждены будут принять и цели тех, кто эти версии “запустил” в культуру толпо-“элитарного” общества. Как утверждает “Священная загадка”, Иисус Христос из рода Давидова не просто спасся, но спасся для того, чтобы дать начало всем королевским династиям западноевропейской цивилизации (Меровинги, Каролинги и пр.), обязанность которых — поддерживать толпо-“элитаризм” на уровне светской власти, в соответствии с доктриной Второзакония-Исаии.

Такой материалистический атеист, сделав выбор в пользу пророчества Соломона, одновременно согласится и с пророчеством Исаии, поддерживая тем самым этическую неопределённость верующих в священность писаний Библии в их отношениях с Богом.

Таким образом, материалистический атеист, как правило, принимает версию спасения Христа, описанную в романе иносказательно со всеми умолчаниями, но для него непреодолимым барьером на пути к *вере по совести непосредственно Богу без иерархов-посредников* будет высказанное нами предложение оставить “технологию” осуществления «Божиих тайн» на Божие усмотрение.

Все же другие версии приводят к признанию истинности пророчества Исаии либо к утверждению вольного или невольного соучастия Христа в лживой мистификации, осуществленной в толпе на основе пророчества Соломону, дабы воспрепятствовать распространению в обществе веры по совести Богу непосредственно.

Поэтому М.А.Булгаков — художник слова и умолчаний, ощущая, что имеет дело не просто с атеистами, а с атеистами двух толков — идеалистами и материалистами, рассыпал описание вознесения Иешуа и его последствий, по тексту всего романа, оставив читателю время на размышления о том, что есть сатанизм, наваждения и мистификации, а что есть беззаветная вера по совести непосредственно Богу единому, Милостивому и Милосердному.

И не имеет значения, что и как из написанного им понимал сам М.А.Булгаков. Значение имеет то, что он искренне, мучительно преодолевая в себе наследие библейской культуры, искал Правду-Истину,

---

ведали люди, причастные к этому делу, и другие доверенные лица». (Приложение к “Независимой газете” — “Фигуры и лица” № 10, 25 мая 2000 г. Статья Сергея Старцева “Золото и свинец”).

В статье речь идёт о видéнии, явленном 13 мая 1917 года в португальской деревушке Фатима, троим детям. Что в действительности видели дети пока остаётся тайной, но в газете сообщается следующее:

«По описанию папского секретаря картина видения была такова. К кресту с огромным трудом пробирается иерарх в белых одеждах, а вокруг него высятся горы бездыханных тел замученных верующих, священников и мирян. Но вот и этот епископ, словно подкошенный, падает на землю, сраженный выстрелом...»

Когда «третий секрет» Фатимы был раскрыт, многие из присутствующих не поняли, о чём именно идёт речь, и стали недоумённо переспрашивать друг друга. Очевидно, что многочисленные вопросы по данному поводу возникли у многих пастырей, которые долгие годы с замиранием сердца ожидали обнародования давнего пророчества. “Из различных бесед, — сообщает автор статьи, — с куриальными иерархами у меня, например, сложилось стойкое мнение, что большинство их предполагали узнать из «третьего секрета» о неких прегрешениях современной Церкви, которые обернулись острым кризисом христианской веры”. По нашему мнению, если такое видéние действительно имело место, то «третий секрет» Фатимы предвещает крушение иерархии церквей исторически сложившегося христианства и возвращение Откровения Божьего данного Христу для всего человечества, после чего будут сняты все противоречия между истинным христианством и исламом.

вследствие чего написанное им представляет собой богословие Русской цивилизации, лежит в русле пророчества Соломона, и отрицает своим притчево-иносказательным повествованием доктрину Второзакония-Исаии, в русле которой лежат вероучения всех исторически реальных христианских церквей. Так свершается жизнеречение в Русском богослужении.

11 — 19 ноября 2000 г.
Уточнения: 3 — 4, 8 декабря 2000 г.;
6 октября 2004 г.

Послесловие

Комментарий к “Мастеру и Маргарите” у нас получился толще самого текста романа. Это естественно потому, что плотность упаковки информации в притчевой иносказательной форме в романе многократно выше, нежели в форме прямого повествования комментария. Соответственно многое в “Мастере и Маргарите” мы оставили без комментариев, сосредоточив внимание на главном и наиболее значимом, на наш взгляд. Но всё сказанное в комментарии и оставшееся невысказанным в нём можно выразить гораздо короче.

*   *   *

В.О.Ключевский, “Собрание сочинений в 9 томах” (Москва, «Мысль», 1990), т. 9, афоризмы 1890-х годов:

> «Высшая иерархия из Византии, монашеская, насела как чёрная беда на русскую верующую совесть и доселе пугает её своей чернотой» (стр. 437). «Русское духовенство всегда учило паству свою не познавать и любить Бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило со своими попадьями» (стр. 434). «Богословие на научных основаниях — это кукла бога, одетая по текущей моде» (стр. 424). «Нравственное богословие цепляется за хвост русской беллетристики» (стр. 423).

«…и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок» (М.А.Булгаков, “Мастер и Маргарита”, 1940 г.).

А на росстанях — камень бел-горюч,
Льётся свет Небес из-за чёрных туч.
Три пути лежат на три стороны.
И кричат кружат чёрны вороны.
Русь могучая, Изначальная!
О тебе моя величальная!

Я приму любой, даже смертный бой,
Ведь твоя Любовь каждый миг со мной.
Слово Правды ты мне — как меч — дала.
Пусть погибну я — лишь бы ты жила.
Задрожит земля. Гром прокатится.
И споткнётся враг, вспять покатится!

А на росстанях — камень бел-горюч
И на Родине есть заветный[1] *ключ…*
И склонишься ты над моей бедой,
Возродишь меня ты Живой водой.
Встанут витязи Бога Ясного,
Утвердят они жизнь прекрасную.
Русь могучая, Изначальная,
Ты — Любовь моя нескончаемая…

(На основе слов из песни “Величальная”: в 1970-е гг. была в репертуаре Марии Пахоменко. Музыка С.Пожлакова, стихи В.Максимова, изменённые так, чтобы войти в Русское жизнеречение).

---

[1] Не ветхо- и не ново-, а единозаветный, который Бог открывает каждому, кто сам обращается к Нему непосредственно по совести.

24 июля, 19 ноября 2000 г.
15 июня 2001 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Свет мой, зеркальце, скажи…

Об алгоритмике мышления и психической деятельности

Почти вся конфликтность в коллективной деятельности людей представляет собой выражение по существу стандартной алгоритмики[1] «Я-центричного» мышления[2]. Пока индивид находится вне общества, эта алгоритмика относительно безобидна. Но когда индивид оказывается в обществе себе подобных, каждый из которых (за редкими исключениями) несёт в своём индивидуальном бессознательном алгоритмы того же «Я-центричного» типа, то общество неизбежно внутренне конфликтно, и вопрос только в том, как выражаются и сколь интенсивны в нём конфликты многих и многих «Я-центризмов» между собой.

Если в обществе возникают множества сходных типов «Я-центризма», то они порождают группировки, более или менее солидарных между собой индивидов, наиболее распространёнными и бросающимися в глаза типами которых являются сословия, землячества, профессиональные корпорации. Однако в результате появления такого рода группировок не возникает единодушного сплочения общества, и взаимная конфликтность «Я-центризмов» с уровня конфликтов между индивидами передается на уровень конфликтов между этими группировками, интенсивность которых подчинена уже алгоритмике управления глобальным историческим процессом, определяемой той или иной концептуальной властью, а не кем либо из индивидов персонально, какой бы высокий статус он ни занимал в иерархии органов исполнения *концепции, поддерживающей «Я-центричное» мировоззрение и проистекающей из него*.

Алгоритмика всякого мышления включает в себя сознание индивида, бессознательные уровни его индивидуальной психики и какие-то фрагменты коллективной психики, в которой он соучаствует (эгрегоры, фрагменты которых размещены в психике индивида). При этом алгоритмика мышления представляет собой диалог сознания и бессознательных уровней психики. И в этом диалоге сознание большей частью даёт добро или налагает запреты на использование результатов обработки информации бессознательными уровнями психики, хотя у многих просто присутствует при этом процессе, не вмешиваясь в него.

> По существу сознание индивида «едет по жизни» на теле, управляемом непрестанно во внешнем и внутреннем поведении бессознательными уровнями психики, вследствие чего индивид на протяжении длительных интервалов времени оказывается заложником не всегда осознаваемой им информации и не всегда предсказуемых для сознания алгоритмов её обработки, которые содержатся в его бессознательных уровнях психики или доступны ему через них в какой-то коллективной психике.

И всегда, когда в настоящем контексте встречается термин «бессознательные уровни психики», то следует помнить, что через них на личность может оказываться и внешнее воздействие со стороны эгрегоров (коллективной психики, в которой личность соучаствует), а также и со стороны субъектов, злоупотребляющих своими экстрасенсорными способностями. Соответственно, будучи заложником своего бессознательного, индивид может сам не заметить того, как окажется одержимым (т.е. управляемым

---

[1] Алгоритм — искажённое аль-Хорезми — имя среднеазиатского математика средних веков. Его именем называется преемственная последовательность действий, выполнение которой позволяет достичь определённых целей. Также алгоритмом называется описание такой последовательности действий. Алгоритм представляет собой совокупность информации, описывающей характер преобразования входного потока информации в каждом блоке алгоритма, и мер (мерил), управляющих передачей потоков преобразуемой в алгоритме информации от каждого блока к другим.

Под алгоритмикой понимается вся совокупность частных функционально специализированных алгоритмов.

[2] Обстоятельно вопрос об особенностях и отличии друг от друга «Я-центричного» мировоззрения и мировоззрения триединства «материи-информации-меры», калейдоскопического и мозаичного мировоззрения рассмотрен в работах ВП СССР "Приди на помощь моему неверью… (О дианетике и саентологии по существу: взгляд со стороны)" и "Принципы кадровой политики".

Здесь только поясним, что под «Я-центризмом» понимается мировоззрение и способ миропонимания, а не эгоизм, подавляющий всё вокруг в меру его возможностей, хотя такого рода эгоизм — одно из выражений «Я-центричного» мировоззрения.

извне помимо его целесообразной воли или вопреки ей) каким-то иным субъектом или объектом, от которого его бессознательные уровни психики получают информацию, определяющую его поведение.

> **Психика подавляющего большинства устроена так, что если её бессознательные уровни решают какую-то определённую задачу, то невозможен осознанный самоконтроль правильности решения этой задачи в само́м процессе её решения.**

Для осуществления осознаваемого самоконтроля необходимо выйти из процесса решения этой задачи и переоценить не только достигнутые промежуточные и конечные результаты, но и информацию, и алгоритм её обработки, которые привели к получению именно этих результатов, при «Я-центричном» мировоззрении далеко не всегда совпадающих с предшествующими началу деятельности вожделениями и ожиданиями.

> Эта особенность психики приводит к тому, что индивид действительно не ведает в процессе самой деятельности, что творит, поскольку события увлекают его в том смысле, что бессознательные уровни психики непрерывно реагируют на входной поток информации, отсекая сознание, а тем самым и *волю субъекта (воля всегда действует с уровня сознания, с бессознательных уровней действуют только разнородные автоматизмы поведения и наваждения извне),* от участия в управлении течением событий.

Ведать индивид может только по завершении каких-то этапов своей деятельности, *осознанно* переосмысляя уже совершённое им; либо — перед началом действий, сформировав свои *намерения (цели и способы их осуществления):*

- в отношении прошлого он ведает по факту свершившегося, что нашло выражение в пословице «мужик задним умом крепок»;
- а в отношении намерений на будущее — ведает в пределах того, насколько его субъективные оценки *устойчивости по предсказуемости течения событий, в которых он намеревается участвовать или уже участвует,* совпадают с объективными возможностями течения этих же событий при его участии.

Благодаря этому индивид в большинстве случаев (за исключением тех, когда он погиб или окончательно повредился в уме) может соотнести с реальным результатом свои предшествующие намерения, подумать об алгоритмике своего мышления и психической деятельности в целом, дабы выявить и устранить те сбои в алгоритмике собственной психики, которые привели к тому, что результаты деятельности не совпали с вожделениями и намерениями в той мере, как это предполагалось. Но беда общества в том, что большинство индивидов, его образующих, этого не делает; кроме того ещё некоторое количество индивидов приступают к действиям (втягиваются в действия течением событий), вообще не сформировав заблаговременно никаких определённых намерений и способов их осуществления[1].

> А кроме них есть и такие, чьё сознание холуйствует перед их бессознательными уровнями психики, направляя свою волю на упреждающее угождение порочным бессознательным “автоматизмам” и тем самым развращая себя.

Если же осмысленно относиться не только ко внешним обстоятельствам жизни, но и к алгоритмике собственной психической деятельности, то неизбежен вывод о том, что:

> **Для безошибочного поведения в русле определённой концепции (а также для объективно-безошибочного избрания самой концепции) в условиях, когда бессознательные уровни психики отсекают сознание индивида, а вместе с ним и его волю от участия в управлении течением событий, необходимо настраивать алгоритмику бессознательных уровней психики на безошибочную обработку всей поступающей информации и на безошибочное соучастие в коллективной психике; необходимо регулярно возобновлять (или поддерживать) это качество собственного настроения в течение всей жизни. В этом случае «автопилот» бессознательных уровней психики будет обрабатывать информацию безупречно и в проблемные моменты будет сам обращаться к сознанию за даль-**

[1] Эта неопределённость в намерениях и способах их осуществления и есть безнравственность. Нравственность — это определённость, которая в другом человеке — в зависимости от характера собственной нравственности — оценивается как благонравие или как злонравие.

нейшими указаниями, а не отсекать сознание (а вместе с ним и волю) индивида от управления.

Но эта задача настройки алгоритмики «автопилота» бессознательных уровней психики не имеет решений в границах «Я-центричного» мировоззрения. Тем не менее она гарантировано разрешима в русле иного мировоззрения. При этом она сводится к нескольким последовательным шагам, повторяемым неоднократно в циклической последовательности:

- осознанию мировоззрения триединства «материи-информации-меры» и роли даваемой Богом непосредственно каждому по его нравственности способности к Различению одного от другого (ключи к мировоззрению триединства даны в Коране, наше понимание изложено в работах “Мёртвая вода”, “Краткий курс”, “К Богодержавию…”, “Приди на помощь моему неверью…”, “Принципы кадровой политики”, “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”);
- осознанному выявлению в себе самом на основе даваемого Богом Различения составляющих «Я-центризма» и определения их *нравственной оценки* как ошибочных, ложных, употребление которых недопустимо в алгоритмике мышления и психической деятельности в целом;
- освоению навыков деятельности на основе тандемного принципа (описание его приведено в наших работах “Мёртвая вода” в редакции 1998 г. (т. 2), “От матриархата к человечности…”[1]), в котором выявлению собственного «Я-центризма» каждого из участников тандема способствует несовпадение с ним «Я-центризма» его партнёра[2].

Однако многолетний опыт распространения материалов Концепции общественной безопасности (КОБ) показал, что подавляющее большинство *искренних сторонников КОБ* останавливаются на *шаге первом*: осознали, как-то поняли учение о триединстве «материи-информации-меры» как предельно обобщающих категориях философии, а равно первичных различиях в сотворённом Богом Мироздании; как-то осознали и поняли роль в жизни даваемой Богом непосредственно каждому индивиду по его нравственности способности к *Различению одного от другого;* как-то поняли зависимость потока жизненных событий от этой способности; как-то осознали и поняли достаточно общую теорию управления как *одно из многих возможных описаний* наиболее общей алгоритмики всех процессов в Объективной реальности в их взаимосвязи; как-то осознали и поняли проистекающие из достаточно общей теории управления воззрения на историю глобальной цивилизации и региональной цивилизации России, а также воззрения на обусловленность течения истории статистикой распределения индивидов по типам строя психики с учётом их различий по принадлежности к мужскому либо женскому полу; и занялись распространением этой информации в окружающей социальной среде, в результате чего расширился круг тех, кто хоть что-то слышал о Концепции общественной безопасности, а так же выросло и число её действительно искренних сторонников.

---

[1] В 2001 г. переименована: “От человекообразия к человечности…”

[2] Тандемный принцип деятельности выявлен в анализе самоуправления цивилизации древнего Египта как диалоговая процедура, при помощи которой двое первоиерархов его системы посвящений (двое высших иерофантов), обладавших одинаковыми иерархическим статусом и правами, вырабатывали единство мнений по какому-либо вопросу в случаях, когда их исходные мнения были несовместимы: эта диалоговая процедура работоспособна, когда для её участников при расхождении во мнениях главным является не настоять на собственном мнении, а выяснить почему в отношении одного и того же вопроса двое приходят ко взаимно исключающим друг друга мнениям. На этой основе ошибающийся может освободиться от ошибочных воззрений, либо двое выработают третье мнение, свободное от ошибок каждого из них. В силу этого свойства в деятельности на основе тандемного принципа выявляются и разрешаются такие проблемы, которые весьма затруднительно либо невозможно решить в одиночку на основе «Я-центричного» мировоззрения. Даже если не вдаваться в осознание типов мировоззрения, эффективность тандемного принципа деятельности обусловлена тем, что в его диалоговой процедуре при правильном отношении к ней участников преодолеваются какие-то особенности «Я-центризма» (субъективизма) каждого из них, обрекающего их на ошибочность мнений.

Поэтому неспособность войти в тандемный режим деятельности в отношении какого-либо интересующего обоих вопроса — объективный критерий наличия в психике одного или обоих индивидов каких-то не выявленных (а равно и не сдерживаемых волей индивида) алгоритмов, свойственных «Я-центричному» мировоззрению и мышлению. Для человечества в целом — в силу двуполости биологического вида — тандемный принцип как нормальный способ решения разнородных проблем на основе семейной жизни (семья — зёрнышко, из которого вырастает общество) генетически заложен Свыше, но люди им редко пользуются, предпочитая в большинстве своём настаивать на своей правоте прямо и косвенно, вместо того чтобы помочь супругу (супруге) преодолеть в себе «Я-центризм».

> **Когда же число искренних сторонников КОБ в обществе стало достаточным для регулярного общения и коллективной деятельности, выяснилось, что большинство искренних сторонников КОБ не в состоянии действовать в ладу с другими не менее искренними сторонниками КОБ, поддерживая коллективную деятельность в русле концепции, хотя каждый из них сам по себе в состоянии более или менее эффективно донести сообразно ей самой информацию концепции до других; в состоянии сделать в одиночку что-то другое в русле концепции. Но как только дело требует коллективной внутренне слаженной деятельности хотя бы нескольких человек, так спустя какое-то время более или менее успешно начатая коллективная деятельность рассыпается вследствие конфликтов, возникающих между действительно искренними по одиночке сторонниками КОБ.**

Это является объективным показателем того, что алгоритмика «Я-центризма» по-прежнему активна в бессознательных уровнях психики большинства из них, а уровень активности «Я-центричной» алгоритмики превышает критический по отношению к устойчивости того вида коллективной деятельности, которую они избрали для себя, и та начинает рассыпаться.

Это обстоятельство и вынуждает заняться рассмотрением *алгоритмики «Я-центризма» как таковой*. Как уже было сказано ранее в сноске при начале этого отступления, алгоритм — преемственная последовательность действий, выполнение которой позволяет достичь определённых целей. Также алгоритмом называется описание такой последовательности действий.

> *Алгоритм как описание* представляет собой совокупность информации, описывающей характер преобразования входного потока информации в каждом блоке алгоритма, и мер (мерил), управляющих передачей потоков преобразуемой в алгоритме информации от каждого блока к другим.

Внешне формально алгоритмы и их фрагменты могут быть отнесены к одному из следующих типов или же представлять собой их упорядоченную комбинацию:

- линейные — в них информация передаётся по цепочке от блока к блоку;
- циклические — в них несколько блоков образуют кольцо, по которому передаётся информация в процессе преобразований;
- разветвляющиеся — в них передача информации от одного блока к последующему не определена однозначно структурой алгоритма, но обусловлена результатами обработки информации;
- «распараллеливающиеся» — в них информация от одного блока передаётся сразу нескольким блокам-преемникам[1] процесса.

Все типы, кроме линейного (вхождение и выход из цикла, выбор блока-преемника, параметры "распараллеливания" процесса), требуют некоторого управления потоками информации при передаче их от блока к блоку. Управление информацией в алгоритмах при передаче её от блока к блоку основано на сопоставлении полученных результатов с некоторым стандартом сравнения. Такой стандарт может быть как «вычисляемым» в самом алгоритме, так и неизменным свойством самого алгоритма. По своему существу в мировоззрении триединства «материи-информации-меры» такой стандарт сравнения, управляющий информационными потоками в алгоритме, представляет собой одно из жизненных выражений меры, т.е. это — мерило.

Приведённое определение алгоритма и сказанное об управлении информационными потоками в нём вполне применимо и к психической деятельности индивидов и коллективов (к соучастию индивидов в эгрегорах); т.е. применимо к *алгоритмике психики в целом как к совокупности частных алгоритмов, в ней содержащихся, в которой происходит передача управления от одного частного алгоритму к другим*. При этом алгоритмика психики хотя и может меняться на протяжении жизни как по тематическому составу содержащихся в ней алгоритмов, так и по качеству каждого из функционально специализированных алгоритмов, но по отношению к скорости течения событий (входному потоку информации) в подавляющем большинстве ситуаций скорость её изменения почти нулевая.

Как можно понять из этого описания, в двух экземплярах одного и того же *достаточно разветвлённого алгоритма с некоторым количеством циклов обработки информации* входной поток информации будет преобразовываться в различные результаты, если в одном экземпляре заменить значения

[1] «Преемникам» — от «преемственность», а не «приёмникам».

мер (мерил), свойственных алгоритму (а не вычисляемых в нём[1]), с которыми сравниваются промежуточные результаты обработки информации, и на основании какого сравнения информационный поток передаётся для дальнейшей обработки в последующий блок.

По отношению к психике индивида проблема состоит в том, что бóльшая часть блоков-преобразователей информации в ней упрятана в бессознательные уровни психики, вследствие чего бодрствующему сознанию осуществить их ревизию не удаётся, если индивид не овладел психотехниками произвольного вхождения в трансовые состояния, в которых при определённых навыках сознанию оказывается доступной та информация, содержащаяся в психике, которая в обычном его состоянии недоступна.

Однако в алгоритмике психики каждого есть одна компонента, которая едина и для сознательных, и для бессознательных уровней психики и объединяет сознательное и бессознательное в целостную систему обработки информации тем безупречнее, чем меньше в ней взаимоисключающих друг друга мнений по конкретным частным вопросам и их взаимосвязям. Эта компонента — нравственность, которую хотя и редко, но всё же называют «нравственное мерило». Хотя не всё в своей нравственности осознаётся индивидом в процессе деятельности, о чём говорилось ранее, но всё же нравственные мерила в отношении тех или иных действий и линий поведения могут быть осознанно выявлены в результате переосмысления своего прошлого поведения и намерений на будущее; это можно сделать и самостоятельно, и приняв помощь окружающих, отказавшись от предубеждения, что принятие помощи — есть собственное унижение (при отказе индивида от мнения о его унижении, даже истинное стремление его опустить и унизить, идущее со стороны, обратится в объективную помощь в преодолении им какой-то свойственной ему порочности).

> В информационном отношении нравственность индивида представляет собой совокупность описаний каких-то жизненных реальных и возможных ситуаций с оценками каждой из них «хорошо», «плохо», «не имеет значения» или «значение не определено» либо «обусловлено сопутствующими обстоятельствами».

С этой совокупностью описаний мерил соотносится вся алгоритмика психики в процессе преобразования информации при выработке линии поведения в изменяющихся обстоятельствах жизни. Соответственно перезадание выявленных нравственных мерил с новыми значениями оценок «хорошо» — «плохо» в отношении связанных с каждым из них множеством характерных событий, переопределяет и весь характер алгоритмики сознательных и бессознательных уровней психики, изменяя при этом то множество целей, к осуществлению которых в жизни стремится человек, и то множество путей и средств их достижения, которые он признаёт допустимыми.

При этом, если переопределённые новые значения нравственных мерил менее ошибочны по отношению к Божьему предопределению для человека чем прежние, то и «автопилот» бессознательных уровней психики сам вырабатывает лучшую линию поведения, нежели в прошлом; если заданы ещё более ошибочные значения, то ошибки «автопилота» бессознательных уровней психики будут ещё более тяжкими.

После этих общих описаний *алгоритмики вообще* и соотнесения их с психикой индивида можно перейти к анализу собственно алгоритмики «Я-центризма». Определяющее всю дальнейшую психическую деятельность нравственное мерило «Я-центризма» состоит в следующем утверждении:

> Всякое мнение, не совпадающее со мнением, а равно с личным опытом индивида «Я-центриста», в большей или меньшей мере ошибочно или ложно; наиболее близким к объективной истине является собственное мнение индивида, а также и его личный (в том числе и не формализованный) опыт.

Это утверждение определяет всю алгоритмику бессознательных уровней психики индивида с «Я-центричным» мировоззрением. Из него есть следствие: даже безошибочное действие, совершённое другим, оценивается как ошибочное; опыт и навыки другого в решении каких-то проблем, его притязания на их решение — заведомо хуже нежели собственные опыт, навыки, притязания индивида (пусть и не сбыточные) на решение тех же проблем.

По отношению же к действиям другого человека, о которых детально ничего или мало что известно, а также по отношению к его возможным будущим действиям и их результатам, «Я-центричное» мышление порождает кучу домыслов, на основе которых бессознательно формируется система представле-

[1] Для их изменения необходимо перестроить какие-то блоки алгоритма.

ний о другом человеке как о субъекте, заведомо худшем, чем он есть на самом деле (конечно, если этот другой человек не воспринимается как заведомо безукоризненный авторитет, критика которого недопустима, и который в принятой иерархии отношений личностей *«всегда прав» по определению и принципам построения иерархии* личностных отношений, поддерживаемой данным носителем «Я-центричного» мировоззрения[1]).

По отношению к будущему такого рода домыслы достаточно часто осознаются «Я-центристами» как интуиция, предвидение. Но если психика того, в отношении кого сформирована система домыслов о его предстоящем поведении не защищена должным образом, то эти домыслы станут программой его реального поведения в будущем. В негативных последствиях его поведения будет обвинён он же, с добавлением «я же предсказывал (предсказывала), предупреждал (предупреждала)», хотя на самом деле другой человек виноват лишь в том, что не смог защититься от злобных домыслов по предубеждению о нём других субъектов с «Я-центричным» мышлением. Эти домыслы по предубеждению, “детализирующие” достоверную информацию о прошлом и будущем, разрастаются как снежный ком, и под бременем их ошибочности и заведомой лжи рассыпается коллективная деятельность многих и многих людей в русле более или менее обширной концепции, хотя каждый из них по одиночке способен неплохо действовать сообразно её целям.

В жизни однако приведённый исходный нравственный постулат алгоритмики «Я-центризма» не предстаёт перед сознанием индивида в виде прямого оглашения. Он предстаёт перед его сознанием во множестве оболочек — мнений и образов, связанных с каждым из множества его больших и мелких жизненных вопросов, — и в этих камуфляжных оболочках исходный постулат «Я-центричного» мышления далеко не сразу узнаешь.

Если же эти мнения, образы, символы, действия кто-то сторонний прямо соотнесёт с этим первейшим нравственным постулатом «Я-центризма», а сознание «Я-центриста» не успеет проявить волевых усилий и не скажет вовремя «Цыц!!!» своим бессознательным уровням психики, то алгоритм «Я-центричного» мышления, находящийся на страже ситуации, сработает ещё раз и «убедительно» объяснит отсечённому от управления сознанию, в чём, как и почему его оппонент не прав, возводя на него обвинения в «Я-центризме», представляющие собой якобы напраслину в её чистом виде.

Если алгоритм «Я-центричного» мышления бессознательных уровней психики оказывается не в состоянии выдать убедительное по его оценкам оправдание, то он проявит изворотливость: постарается переключить внимание собеседника на другую тему; выдвинет встречное обвинение в «Я-центризме»; обрушит на него взрыв эмоций, доходящий до истерики; введёт самого «Я-центриста» в депрессию или доведёт его до травмы или болезни с целью, чтобы его пожалели; наложит запрет на общение со злобно клевещущим “врагом”; ославит “врага” среди общих знакомых, чтобы выдавить его из их круга и т.п.

Алгоритм *«Я-центричного» мышления в обороне не на жизнь, а на смерть* ведёт своего носителя только к неприятностям, поэтому сталкиваясь с обвинениями в «Я-центризме», **жизненно важно** научиться приказывать «Цыц!!!» своим бессознательным уровням психики и **искренне ставить** перед ними задачу:

Показать, в чём ПРАВ собеседник, обвиняя Вас в «Я-центризме».

Если задачу поставить иначе: «В чём не прав оппонент?», то по умолчанию такая постановка задачи предполагает изначально собственную правоту, *по не оглашённому предубеждению* исключает возможность своей ошибки или каких-то иных сбоев в алгоритмике психической деятельности. Постановка задачи «В чём не прав оппонент?» является иносказательным выражением собственного «Я-центризма», защищающегося однако не гласно, а на основе умолчаний, дополняющих оглашённую информацию.

Поставить задачу «В чём прав обвиняющий собеседник?» — это единственная созидательная реакция на обвинение в «Я-центризме». ***Отказ* психики принять к решению эту задачу, *который* не может не быть известным сознанию, является неоспоримым выражением**

---

[1] Система неизбежно даёт сбой, если возведённый в ранг безукоризненного авторитета не поддерживает данную предлагаемую ему иерархичность личностных отношений. В отвергнутом «Я-центризме» это оценивается как немотивированная измена властелина своему преданному искреннему слуге, после чего прежний авторитет может быть возведён «Я-центристом» в ранг «кидалы» и ославлен в этом качестве, хотя его действительная “вина” в том, что он либо вообще не «Я-центрист» по своему мировоззрению, вследствие чего не вписывается ни в одну из иерархий; либо является носителем «Я-центризма», не вписывающегося в предложенную ему иерархию, но вписывающегося в какую-то иную иерархию личностных отношений.

«Я-центризма», возможно, что отягощённого одержимостью. Способность поставить перед собственными бессознательными уровнями психики эту задачу — основа для вхождения в тандемный принцип деятельности, что в дальнейшем способно заметно облегчить жизнь.

Божией милостью информация объективна, а психика человека устроена так, что даже тяжело поражённая «Я-цетризмом» алгоритмика мышления индивида в состоянии смоделировать взгляд со стороны на себя самого и дать более или менее детальный ответ на этот вопрос в одном из двух вариантов, либо в каком-то их сочетании:

- Обвиняющий прав **конкретно** в том-то и в том-то, а мне следует пересмотреть свои такие-то нравственные постулаты.
- Обвиняющий — сам жертва «Я-центричного» мышления, и в его обвинении выразились его ошибочные «Я-центричные» нравственные постулаты **конкретно** такого-то и такого-то содержания.

Голословные самооправдания и обвинения, не вскрывающие алгоритмики психической деятельности, ответами не являются и представляют собой выражения собственного «Я-центризма», возможно отягощённого *одержимостью, заблокировавшей алгоритмику мышления*.

Ответ, полученный в первом приближении, можно уточнить в нескольких последующих приближениях тем же способом диалога сознания с бессознательными уровнями психики.

Но этот алгоритм очищения собственной психики от «Я-центризма» ограниченно работоспособен у носителей атеистического мировоззрения. И он же вообще саморазрушителен для тех, кому вспомнить чёрта всуе милее, нежели осознанно обратиться к Богу за помощью и вести повседневную жизнь в осмысленном, а не бессмысленно ритуальном, молитвенном диалоге непосредственно со Всевышним Богом, Творцом и Вседержителем.

Уклоняющийся от молитвы, вступая в диалог с бессознательными уровнями своей психики, имеет реальные шансы быть водительствуемым чёртом[1], и нечисть заведёт его…

Бог же даёт доказательства Своего бытия Сам каждому, кто к Нему обращается, тем, что отвечает изменением течения событий в соответствии со смыслом молитв тем более показательно, чем более сам человек отзывчив и доверчив, когда Бог сам обращается к человеку через его совесть и на языке жизненных знамений: через других людей, через памятники культуры и т.п.

Если не считать отъявленного сатанизма, то наиболее разрушительным является отказ от этого пути и выдвижение встречного предложения: принимайте меня таким (такой), какой (какая) я есть и терпите всё, что вам не нравится, устраняйте за мной последствия моей деятельности всеми вашими силами — я же терплю то, что мне в вас не нравится. Причём этот отказ может быть сознательно волевой позицией: в этом случае мировоззренческий «Я-центризм» перешёл в форму бытового паразитического эгоизма. А может быть сформирован как линия поведения «Я-центричным» мышлением на бессознательных уровнях психики, при отсечённом от управления сознании с парализованной волей. Но в обоих случаях окружающим одинаково неприятно и приходится иметь дело с одним и тем же набором результатов дел убеждённого бытового эгоиста или бессознательного «Я-центриста».

Если же индивид осознанно не задумывается (в силу отсечения сознания от управления, а равно и в силу осознанной принципиальной позиции «быть эгоистом») об обусловленности результатов обработки информации его бессознательными уровнями психики нравственным стандартом «Я-центризма», когда результаты обработки информации на бессознательных уровнях психики предстают перед его сознанием, то прийти с ним к единым воззрениями по какому-то конкретному, даже одному вопросу

---

[1] Коран, сура 43: «35(36). А кто уклоняется от поминания Милосердного, к тому Мы приставим сатану, и он для него — спутник. 36(37). И они <черти>, конечно, отвратят их от пути, и будут они думать, что идут по прямой дороге, 37(38) и когда придёт он к Нам, скажет: “О, если бы между мной и тобой было расстояние от запада до востока. Скверный ты товарищ!”»

В этой связи также отметим, что по нашему мнению в неприятии Корана в качестве записи Откровения Мухаммаду Свыше, также проявляется алгоритмика «Я-центризма», пытающегося сохранить себя и потому отвергающего коранические обвинения в «Я-центризме».

весьма проблематично *(особенно, если он холуйствует перед своими бессознательными уровнями психики)*. Если же вопросов много, индивидов много, то им всем прийти к единству взглядов (о течении объективных процессов) практически невозможно при сохранении ими «Я-центричного» мировоззрения.

> **А жизнь общества требует не только прийти к более-менее единым воззрениям по множеству вопросов, но требует и того, чтобы эти воззрения достаточно хорошо соответствовали объективной истине, и находили своё адекватное выражение в поведении множества индивидов даже тогда, когда они, будучи участниками течения событий, сами не могут ведать, что творят при движении по жизни на «автопилоте» бессознательного, в силу двухуровневого (сознание — бессознательное) построения психики каждого из них.**

В нашем понимании каждый человек принадлежит к одному из двух типов мировоззрений, к которым можно свести всё многообразие внешне различных мировоззрений: мозаике или калейдоскопу. Каждый из типов мировоззрения характеризует бессознательное или осознанное отношение индивида к смысловым единицам, *которые он обретает в Различении.* Новая информация становится доступной сознанию индивида только в результате того, что ему Свыше по его *нравственности (соответственно его нравственным мерилам и направленности их изменения)* даётся способность к Различению (Коран, 8:29) в результате чего Объективная реальность предстаёт перед сознанием в виде пары «это — не это». И таким образом в глубинах психики индивида вся информация о мире хранится как память о парах «это — не это», данных ему в Различение на протяжении всей его жизни. Отношение к смысловым единицам, входящим в эти пары, может быть двояким:

- для одних индивидов нормально стремление к тому, чтобы все смысловые единицы, которыми оперирует их психика были определённо взаимно связаны между собой. Эта определённость взаимосвязей может быть как однозначной (раз и навсегда), так и множественной — статистически упорядоченной, из которой всякий раз выбирается однозначная определённость взаимосвязей, обусловленная конкретными обстоятельствами реальной жизни, фантазией, намерениями;
- для других обычно свойственно уклоняться от того, чтобы в их психике выстраивалась система определённых взаимосвязей между смысловыми единицами, которые им даны Свыше в Различении.

Мировоззрение первого типа мы называем мозаичным. Второе даже затруднительно назвать мировоззрением, поскольку оно способно нести в себе многие факты, понятия и т.п., но не несёт в себе одного — <u>целостной картины Объективной реальности</u>, хотя фрагменты — смысловые единицы — из которых картина мира в принципе может быть сложена, в нём присутствуют, подчас в изобилии и детальности. И если первое подобно мозаичному витражу, то второе подобно калейдоскопу, в котором пересыпаются такие же разноцветные стекляшки, из каких слажен витраж. При каждом сотрясении “трубы калейдоскопа” жизненными обстоятельствами или при добавлении в него новых “стекляшек” — смысловых единиц — они хаотично пересыпаются, образуя новый узор, возможно, что красивый и причудливый, но ничего общего не имеющей с <u>“мозаичным витражом”, более или менее детально **повторяющим** образ Мира</u> в психике индивида *с другой организацией и целевой ориентацией интеллекта.*

Интеллект, ум, разум — в современном русском языке это синонимы. Интеллект — это та компонента психики, которая, *прежде всего прочего,* отвечает за осмысление жизни, в основе чего лежит установление взаимосвязей во всей совокупности смысловых единиц «это» — «не это», которые индивиду даны Свыше в Различении за всю его жизнь. Все остальные задачи интеллект способен решать тем успешнее, чем лучше он решил эту задачу построения собственной информационной модели Мира в форме мозаики смысловых единиц «это» — «не это» на общем информационном фоне.

Калейдоскопическое мировоззрение, не являясь целостной картиной Всего, в принципе не пригодно для моделирования и прогнозирования. Поэтому, чтобы толпа была зависима от правящей “элиты” в толпо-“элитарном” обществе в системе образования “для всех” целенаправленно культивируется калейдоскопичность мировоззрения.

Калейдоскопичность мировоззрения системой образования “для всех” в толпо-“элитарном” обществе не поддерживается только в области узко профессионального образования, поскольку всякая профессиональная деятельность становится невозможной на основе ликвидации взаимосвязей между различными фрагментами знаний и навыков, составляющих собой профессионализм. Но за пределами профессиональной деятельности калейдоскопичность мировоззрения поддерживается на основе культа “свободомыслия” и права индивида быть не похожим на других в его “самовыражении”. Реально же вся эта непохожесть и своеобразие в обществе большей частью представляют собой непохожесть узора

в одном калейдоскопе на узор в другом калейдоскопе, но не своеобразие устойчивого мировоззрения, обеспечивающего развитие личности в направлении человечного строя психики.

Но сборка смысловых единиц в мозаичную картину Объективной реальности во внутреннем (духовном) мире индивида — только одна из многих задач, которые обслуживает алгоритмика его психики, хотя это весьма своеобразная задача, успешное решение которой обуславливает успешное решение всех прочих задач. Как уже было сказано ранее, в информационном отношении нравственность индивида представляет собой совокупность описаний каких-то жизненных реальных и воображаемых ситуаций (часть из которых объективно невозможны) с оценками каждой из них «хорошо», «плохо», «не имеет значения» или «неопределённо». Во всей этой совокупности могут быть взаимно исключающие друг друга определения; кроме того алгоритмика психики под управлением каких-то первичных нравственных определений может вырабатывать какие-то вторичные нравственные мерила, на которые в алгоритме построения картины мира возлагается функция управления преобразованием информации и построения связей между смысловыми единицами. Может сложиться и такая ситуация, что вследствие неопределённости, переопределения в процессе работы нравственных мерил, взаимно исключающих определений ими управления в алгоритме, алгоритм будет устойчиво рассыпаться, вследствие чего в картине мира будет преобладать калейдоскопичность, а сборка мозаики окажется невозможной именно вследствие внутренне конфликтной нравственности (в том числе и двойных нравственных стандартов в отношении себя, своих, и прочих) либо вследствие нравственной неопределённости индивида в каких-то вопросах.

Этот анализ алгоритмики показывает, что «Я-центризм» и калейдоскопичность мировоззрения взаимно связаны и обуславливают друг друга. Для «Я-центричного» мировоззрения свойственно выстраивать мысленное древо (древо взаимосвязи понятий) от «Я-центра», пребывающего в пространстве, заполненном материей, которая вод воздействием духа (энергии), изменяется во времени. Иными словами предельно обобщающими категориями в «Я-центричном» мировоззрении являются следующие четыре категории: *пространство* и *время* как пустые сами по себе вместилища материи; *материя,* обретающаяся в пустых вместилищах пространства и времени; *энергия*, преобразующая материю.

> Объективность информации и мерил в этом мировоззрении исключается: информация (смысл) и мерила всегда субъективны, вследствие чего Объективная реальность непознаваема по предубеждению, вносимому по умолчанию.

Все события протекают во взаимной связи названных четырёх компонент, образующих Мироздание в его представлении в «Я-центричном» мировоззрении. Но при этом изменение обстоятельств, с пребыванием в которых отождествляет себя «Я-центр» индивида, приводит к тому, что алгоритмика выстраивания мозаичной картины мира[1] перезадаёт заново начало координат мысленного древа, разрушая тем самым не только сам алгоритм формирования мозаичной картины мира, но и все прочие алгоритмы, в которые попадает *информация из мысленного древа.* Так в процессе разрушения созидаемой мозаики устойчивым «Я-центризмом» возникает непрерывно мельтешащий калейдоскоп мнений, образов, символов, иносказаний, умолчаний и прочего, свойственного психической деятельности человека.

В мировоззрении триединства выстраивается мысленное древо от образа Божиего, которому есть место в душе каждого человека[2], а первичными различиями в сотворённом Богом Мироздании являются три категории, связанные между собой соотношением триединства: *материя*, *информация* (объективный смысл бытия), *мера* (через «ять»). По отношению к материи мера предстаёт как матрица (форма) её возможных состояний и переходов из одного состояния в другое. По отношению к информации мера предстаёт как система кодирования информации.

Пространство и время оказываются выражением свойств соизмеримости различных фрагментов тварного Мироздания между собой, и поскольку человек является частью этого тварного Мироздания, то ему свойственно как восприятие пространства и времени, так и *порождение пространства и времени своею деятельностью*. «Энергия» и «материя» в этом мировоззрении эквивалентны в том смысле, что «материя» — это материя в устойчивых состояниях (вещество в твёрдом, жидком и газообразном состоянии, плазма, силовое поле, физический вакуум), каждое из которых характеризуется своей устойчивой внутренней динамикой; а «энергия» — это та же материя, но в переходных процессах между устойчивыми агрегатными состояниями.

---

[1] Она свойственна психике всякого, но не в каждой психике она реализуется в мозаичное мировоззрение. Тем более далеко не каждый задумывается о ней и не каждый оказывает ей сознательно поддержку перестраивая свои нравственные мерила.

[2] Другое дело насколько субъективные представления о Боге соответствуют Ему Самому.

В этом мировоззрении триединства «материи-информации-меры», индивид осознаёт себя частью Объективной реальности, а изменение обстоятельств вокруг него не приводит к постоянному перезаданию начала координат, от которых алгоритмика его психики выстраивает мысленное древо мозаичной картины мира. Соответственно этой особенности мировоззрения триединства мысленное древо не разрушается сменой обстоятельств, и все прочие процессы обработки информации, которые на него опираются, протекают устойчиво.

Однако большинство несёт в себе какое-то «Я-центричное» наследие прошлого. Вследствие этого и в то время, когда индивид осознанно целенаправленно выстраивает в своей психике Богоцентричное мозаичное мировоззрение триединства «материи-информации-меры», его бессознательные уровни психики, обращаясь к какой-то памятной информации, неизбежно соскальзывают на алгоритмику «Я-центричного» мышления, и соответственно оказываются не такими как дóлжно либо результаты деятельности индивида, либо субъективные оценки этих результатов, либо и то, и другое[1]. Соответственно, для того, чтобы возвращаться к Богоцентричному мозаичному мировоззрению триединства «материи-информации-меры», необходимо, памятуя о функциональной нагрузке нравственных мерил в алгоритмике психики индивида, определённо выявить не только исходное нравственное мерило «Я-центризма», но и исходное нравственное мерило Богоцентричного мозаичного мировоззрения. И для этого необходимо взглянуть на эмоциональную составляющую психики человека.

Мировоззрение триединства «материи-информации-меры» открывает совершенно иное вúдение вопроса об *эмоциях, хорошем либо дурном настроении.* И это вúдение просто невыразимо в традициях психологических школ как Запада, так и ведически-знахарского Востока, вследствие того, что в их мировоззрении информация не объективна, а субъективна[2] либо к ней не выражено определённое отношение.

В мировоззрении же триединства «материи-информации-меры» вопрос об эмоциях в поведении человека оказывается неразрывно связанным с двумя другими вопросами, рассматриваемыми изолированно друг от друга большинством психологов и психиатров:

- во-первых, это вопрос о соотношении сознательных и бессознательных составляющих единого процесса мышления индивида;
- во-вторых, это вопрос об объективной — истинной, а не декларируемой и не показной — нравственности индивида.

> В мировоззрении триединства «материи-информации-меры» **«эмоции + истинная объективная нравственность + сознательные и бессознательные «слагаемые»[3] процесса мышления»** предстают как единый алгоритмический комплекс, обрабатывающий объективную информацию как ту, что поступает от органов чувств (телесных и *биополевых — духовных*),

---

[1] Примером такого рода соскальзывания является поведение апостола Петра после тайной вечери:

«Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, рассеются овцы стада; *по воскресении же Моём предварю вас в Галилее* (выделенный курсивом явная приписка с целью обоснования доктрины «казни — воскресения бога» словами самого Христа). Пётр сказал ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал ему в ответ: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоёт петух, трижды отречёшься от Меня. Говорит Ему Пётр: хотя бы надлежало умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики» (Матфей, 26:31 — 35).

Потом во дворе дома первосвященника, где проходил один из актов судилища события разворачивались следующим образом:

«Пётр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрёкся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И опять отрёкся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Пётр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоёт петух, трижды отречёшься от Меня. И выйдя вон, плакал горько» (Матфей, 26:69 — 75).

Пётр не был трусом и изменником, что доказал всею своею жизнью и крестной смертью (приблизительно в 65 г. во время гонений Нерона против христиан), но алгоритмика бессознательных уровней его психики была открыта Иисусу, и Он читал её как книгу, и была она в тот период жизни Петра такова, что при смятённом сознании, утратив самообладание, при парализованной воле, Пётр не мог в сложившихся обстоятельствах вести себя иначе.

[2] Если для читателя информация в Объективной реальности не существует, а существует только субъективная категория, порождаемая человечеством в обществе, именуемая информацией, то у такого читателя могут возникнуть трудности в понимании дальнейшего и несогласие со сказанным.

[3] «Сложением» управляет нравственность.

так и ту, что хранится в памяти. Именно в этой триаде «эмоции + нравственность + сознательные и бессознательные «слагаемые» процесса мышления», представляющей собой единый алгоритмический комплекс преобразования информации, вырабатывается внутреннее и внешнее поведение всякого индивида.

Для того, чтобы «иметь жизнь и иметь её с избытком»[1], а не «выживать»[2], преодолевая преимущественно нежелательные стечения обстоятельств, *необходимо выявить функциональную нагрузку компонент этого алгоритмического комплекса, дабы уметь настраивать его как целостную систему на объективно безукоризненную обработку информации.*

Хотя об этом уже было сказано многое, но некоторые аспекты необходимо детализировать. Начнём от сознания. Возможности сознания человека вне трансовых состояний ограничены следующими показателями: индивид в состоянии удерживать сознательное внимание и оперировать 7 — 9 объектами[3] (информационными потоками) одновременно; при этом он способен различать не более 15 смысловых единиц в секунду (иными словами, быстродействие сознания составляет 15 бит/сек).

Если первое более или менее понятно, то второе нуждается в пояснении. Каждый кадр на киноленте — смысловая единица. При скорости проекции 16 кадров в секунду и более сознание вне трансовых состояний воспринимает изображение как движение; при скорости проекции менее 16 кадров в секунду сознание воспринимает фильм не как движение, а как череду различных неподвижных положений, последовательность которых представляет собой разные фазы движения. В трансовых состояниях, сознание смещается в иные частотные диапазоны, и способно даже воспринимать как “медленные” процессы и столь скоротечные явления как взрыв артиллерийского снаряда, а не только выудить из фильма пресловутый 25-й кадр или наложенную фонограмму, смещённую в инфразвуковой диапазон (средства программирования бессознательного поведения).

Однако бессознательные уровни психики, рассматриваемые как система обработки информации, обладают гораздо большей производительностью и охватывают более широкий диапазон частот, нежели доступные возможностям осознания вне трансовых состояний. Как показали исследования, бессознательные уровни психики при просмотре кинофильма успевают построить и те фазы движения, которые должны находиться в промежутках между фазами, запечатлёнными на кадрах кинопленки.

Спрашивается*:* вся информация, свойственная бессознательным уровням психики (образы, мелодии, и т.п.), никчёмна для индивида либо же и она представляет собой информационное обеспечение его жизни и потому жизненно необходима?

— Жизненно необходима.

Спрашивается*:* сознание и бессознательные уровни психики — это взаимно изолированные одна от другой системы обработки информации, либо взаимно дополняющие друг друга компоненты одной и той же психики в целом и потому взаимодействующие друг с другом (т.е. обменивающиеся между собой информацией обоюдонаправленно)?

— Взаимно дополняющие и обменивающиеся друг с другом информацией компоненты психики в целом.

Спрашивается*:* как подать на уровень сознания *в темпе течения реальных событий* всю ту информацию, которую обрабатывают бессознательные уровни психики, если возможности сознания в обработке информации ограничены вне трансовых состояний 7 — 9 объектами и 15 смысловыми единицами в секунду, а в трансовых — тоже ограничены, но другими характеристиками, вследствие чего перед сознанием не могут предстать все те образы и мелодии, в которых протекает обработка информации на бессознательных уровнях психики?

— Только в предельно плотноупакованном виде, позволяющем её осознать хотя бы в **управленчески значимых оценочных категориях** прошлых событий и направленности их течения: «хорошо», «плохо», «не имеет значения в данных обстоятельствах», «неопределённо». Может быть подана только

---

[1] «Я пришёл для того, чтобы имели жизнь, и имели (её) с избытком» (Слова Христа в передаче апостола Иоанна, гл. 10:10).

[2] Цель наивысшей значимости в существовании индивида, согласно воззрениям саентологов.

[3] Ветхозаветных заповедей — 10, т.е. больше и 9, и 7, вследствие чего сознание большинства их удерживать все вместе не может. Как сообщает один из талмудических трактатов, через Ноя после потопа человечеству было дано 7 заповедей, т.е. заведомо столько, сколько сознание большинства в состоянии удерживать одновременно.

Это ещё один из примеров разрушительного воздействия Библии на психику индивида. То же касается и 10 положений морального кодекса строителя коммунизма — документа предложенного XXII съездом КПСС в качестве нравственно-этической нормы жизни общества.

своего рода обобщающая оценка ситуации и направленности её изменений, которая не будет подавлять остальную информацию, обработкой которой занят уровень сознания в это время.

Спрашивается: эмоциональный фон, настроение, свойственные индивиду **во всякое время** его бодрствования, обусловлены памятными и текущими обстоятельствами его жизни и могут быть осмыслены им на уровне сознания как знаки, встающие из бессознательных уровней психики, несущие предельно общие отчёты о результатах деятельности бессознательных уровней психики, имеющие значение управленчески значимых оценочных категорий «хорошо», «плохо», «неопределённо»?

— Эмоции обусловлены обстоятельствами его жизни и могут быть осмыслены именно в качестве управленчески значимых оценочных категорий «хорошо», «плохо», «неопределённо» прошлого течения событий и их направленности, подаваемых на уровень сознания в психике индивида, её бессознательными уровнями; *а могут быть в этом качестве и не осмыслены — это обусловлено мировоззрением индивида*.

В мировоззрении триединства «материи-информации-меры» все эмоциональные проявления осмыслены именно в этом качестве: как предельно обобщающие — **отчётные показатели —** бессознательных уровней психики перед *уровнем сознания, отождествляемым большинством индивидов с их собственным «Я»* в каждый момент времени. *Информация бессознательных уровней психики, предстающая на уровне сознания в предельно плотноупакованном виде — в виде эмоций, может быть распакована, осознана, понята, если это позволяет личностная культура мышления, но это потребует времени, в течение которого эта информация была бы передана сознанию не в виде эмоций, а в иной доступной его восприятию форме.*

Если кто-то не согласен с таким осмыслением предназначения эмоций, встающих в сознании во всякое время бодрствования индивида, то пусть осмыслит их предназначение как-то иначе. Но как показывает многовековой исторический опыт школ психологии Запада и ведически-знахарского Востока, все прочие интерпретации эмоциональной жизни индивида неудобопонимаемы и попахивают *агностицизмом*[1] *— учением о непознаваемости Мира и бессмысленности жизни и бытия.*

Также спрашивается: Ошибается ли Вседержитель? либо Вседержительность (безраздельная всеобъемлющая власть Всевышнего, простирающаяся всюду в Объективной реальности) безошибочна во всех без исключения своих проявлениях?

— Вседержитель не ошибается, а Вседержительность безошибочна во всех её проявлениях без исключения.

Спрашивается: **Если Вседержительность безошибочна во всех её проявлениях, а индивид не в конфликте со Вседержителем, то какое у него должно быть настроение, какие эмоции?**

— Доброе настроение — *радостная внутренняя умиротворённость и желание благодетельствовать Миру, порождающие открытость души Жизни*[2], как эмоциональный фон — норма для человека, пребывающего в ладу с Богом, во всех без исключения жизненных обстоятельствах и соответственно — норма для *необратимо* человечного строя психики.

Спрашивается: Если же *радостной внутренней умиротворённости и желания благодетельствовать Миру, открытости души* нет, а есть эмоциональная подавленность, настроение дурное или “ни-

---

[1] Обратим особо внимание тех, кто преуспел в восточной мистике, йогах и практиках «расширения сознания»: речь идёт не о том, какая из чакр ответственна за эмоции, а какая за рассудочно-интеллектуальную деятельность. Речь идёт о том, как в целостной алгоритмике выработки линии поведения на основе доступной индивиду информации, связаны друг с другом: осознанно не осмысляемые в темпе течения событий эмоции и *осознаваемый смысл, порождаемый рассудочно интеллектуальной деятельностью*.

По каким бы чакрам и как эти компоненты ни были распределены — это решение Всевышнего при сотворении Им человека. И это — вопрос о материальных носителях тех или иных информационных компонент.

А как настроить алгоритмическую систему на объективно безошибочную обработку информации — это отдано на осмысленное исполнение всякому индивиду. И это — вопрос об информационных модулях разного назначения, не изменяющих своего объективного качества на каком бы материальном носителе они ни были записаны.

[2] Замкнутость души в личностной системе психологической защиты (личностной информации, энергетики и алгоритмики плюс к ним эгрегориальных дополнений) — следствие недоверия Богу или выражение бессознательной самооценки слабости психики (личностной недоразвитости) по отношению к обстоятельствам (включая и других людей), в которых оказывается человек.

какое”, то что сообщается бессознательными уровнями психики сознанию, отождествляемому большинством людей с их «Я»?

— Ответ прост:

- в настоящее время или в свершившемся прошлом, либо в намерениях индивида на будущее имеет место его конфликт со Вседержительностью, плоды которого при избранной им линии поведения ему неизбежно придётся пожинать (если он их уже не пожинает) и они будут неприятны. Но что конкретно имеет место, в чём состоит объективный смысл конфликта, возник ли он в результате умысла индивида или представляет собой следствие его невнимательности, — это необходимо выяснить, что требует осознанно осмысленного отношения индивида к жизни, к течению событий в ней, к стечению разного рода обстоятельств вокруг него и в нём самом.
- либо же индивид, открыто не конфликтуя с Богом, что-то воспринимает несообразно или несоразмерно Объективной реальности или чего-то недопонимает в происходящем, а **вследствие его неверия Богу его бессознательные уровни психики выдают ошибочную эмоциональную оценку происходящего**, *что в перспективе также не обещает индивиду ничего хорошего*. Об обусловленности этой ошибочной эмоциональной оценки свойствами самого индивида речь пойдёт несколько ниже.

В обоих случаях дурные эмоции являются выражением «Я-центризма», пытающегося отвергнуть исходное нравственное мерило Богоцентричного мозаичного мировоззрения:

Вседержитель безошибочен: всё, что ни делается, делается к лучшему; всё, что свершилось, свершилось наилучшим образом, при той реальной нравственности и производных из неё намерениях, носителями которых были индивиды, в совокупности составляющие общество; Вседержитель велик и всемогущ, и милость Его безгранична.

Кроме того:

Приведённое утверждение — своего рода камертон для психики: когда его осознание породило добрый эмоциональный фон, хорошее настроение, радость, — только после этого можно приступать к благому делу; в противном случае алгоритмика бессознательных уровней психики будет фальшивить, как фальшивит расстроенный рояль или гитара. И эту настройку психики необходимо регулярно возобновлять в течение суток.

Может последовать возражение в том смысле, что у разных индивидов одни и те же события, попадание в одни и те же обстоятельства, одно и то же сообщение вызывает разные эмоциональные проявления, что казалось бы и опровергает только что сказанное. Но это не так: речь шла об эмоциональных проявлениях у индивида, если даже и обратимо, то всё же пребывающего в человечном строе психики на каком-то продолжительном интервале времени, достаточном для того, чтобы сформировались его эмоции и настроение. Но кроме этого, у каждого индивида своя личностная предыстория, своя генетически обусловленная информация, которая и влияет на эмоциональность восприятия тех или иных событий.

Если же индивид находится на рассматриваемом интервале времени не при человечном, а при каком-то ином строе психики или психика его неустойчива и мельтешит, непрестанно и обратимо изменяя свой строй, то всё будет совсем не так.

Дело в том, что в человечном строе психики обеспечивается единство эмоционального и смыслового строя души[1], при котором индивид “сам собой” и сознательно, и бессознательно пребывает в русле Вседержительности. Вне человечного строя психики, если и возможно говорить о каком-то единстве эмоционального и смыслового строя души, то это “единство” — во-первых, не ладное по отношению к Объективной реальности, а во-вторых, в нём имеет место конфликт между сознанием и бессознательными уровнями психики, а также и внутренние конфликты в самом бессознательном, обусловленные пороками нравственности как совокупности определённых нравственных мерил (и, как следствие, это влечёт участие индивида во внутренне конфликтной коллективной психике — коллективном сознательном и бессознательном; иначе говоря, влечёт замыкание психики индивида на несовместимые, враждующие друг с другом эгрегоры).

[1] Это — термин, определяющий понятие о взаимном соответствии: во-первых, информации в Объективной реальности, во-вторых, эмоциональных проявлений и, в-третьих, субъективного осмысления Объективной реальности индивидом.

И о единстве эмоционального и смыслового строя души вне человечного строя психики по существу можно говорить весьма условно, поскольку неладность этого "единства" проистекает из того, что эмоциональные проявления и проявления рассудочно-интеллектуальной деятельности не соответствуют друг другу, если соотносить их с одной и той же *объективной информацией, характеризующей жизненные обстоятельства или ситуацию, в которой оказался субъект*.

Кроме того разговоры на тему о том, что разным индивидам в жизни свойственны разные эмоциональные проявления в одних и тех же обстоятельствах, неуместно вести в отвлечённой от конкретных индивидов и конкретных обстоятельств форме: это было бы бесплодным абстракционизмом, только препятствующим пониманию существа рассматриваемых явлений психической деятельности всякого индивида.

Тем не менее при всяком строе психики, при любом эмоциональном фоне, на котором протекает интеллектуально-рассудочная сознательная деятельность, индивид способен выявить, какие определённые события вызывают у индивида эмоциональный подъем или эмоциональный спад, хорошее или дурное настроение; а выявив эти события и своё отношение к ним он способен и дать нравственную оценку им как в «Я-центричном», так и в мозаичном Богоцентричном мировоззрении, после чего избрать для себя предпочтительное на будущее нравственное мерило.

Таким образом альтернатива «Я-центричной» алгоритмике психики, включая её сознательный и бессознательные уровни, не сводится только к особенностям мировоззрения, но необходимо включает в себя:

- человечный строй психики,
- мозаичное мировоззрение триединства «материи-информации-меры»,
- доверие Богу, выраженное в исходном нравственном мериле алгоритмики человека:

Вседержитель безошибочен в своих действиях, всемогущ, и милость Его безгранична, и осознание этого должно порождать положительный эмоциональный фон — хорошее настроение, определяющее характер и результаты всей психической деятельности.

Но выбор того или иного мировоззрения обусловлен нравственно, а переход от одного к другому возможен как результат проявления воли, выражающей нравственный выбор.

Поэтому калейдоскопичность мировоззрения — явное выражение порочной нравственности (включая безнравственность как нравственную неопределённость) и нравственного беспорядка в душе индивида с «Я-центричным» мировоззрением, какие бы декларации о своей благонамеренности он ни делал. А приверженность калейдоскопическому мировоззрению — косвенное выражение атеизма (если не хуже), даже если индивид неподдельно усерден в дисциплине ритуала избранного им религиозного культа.

Носителю «Я-центричного» мировоззрения, если и нужен «бог», то такой, который оправдывал бы его действия или оставлял их без воздаяния «Я-центристу» как в этой жизни, так и в посмертном бытии. **Наиболее последовательным выражением такого рода вероучений и практики его применения в общественной жизни является исторически реальное христианство, включая и православие, которое учит, что крестная смерть Христа за грехи людей и Его воскресение, достаточны для спасения души каждого верующего церкви**. Бог, который вразумляет, прощает и воздаёт за упорствование в грехе, воспринимается как враждебная «Я-центризму» слепая и глухая природная стихия и такой церкви не нужен. В результате возникает идеалистический атеизм, прямо провозглашающий бытие Божие, обязывающий к исполнению ритуала, поддерживающий вероучение, но такое, что делами Бог отвергается тем сильнее, чем более непреклонен индивид в своей приверженности вероучению. Материалистический атеизм лучше тем, что честнее: прямо отвергает бытие Божие, предоставляя индивиду возможность принять ответственность о благополучии Мира на себя, либо обнажить свой сатанизм, в уверенности о безнаказанности.

Тем не менее даже после ознакомления с изложенной точкой зрения и признания её якобы понятности, многим свойственно выступать против мозаичного мировоззрения, в том числе отрицая и его Богоцентричность. Такова одна из форм самозащиты «Я-центризма», которая состоит в выдвижении им обвинения в том, что, настаивая на правильности мозаичного мировоззрения триединства, якобы пытаются стереть неповторимое своеобразие индивида, что по существу есть богоборчество, прикрываемое изощрёнными ложномудрствованиями или недомолвками.

В действительности же **имеет место смещение понятийных границ в алгоритмике «Я-центричного» мышления:**

1. Сначала НЕПРЕХОДЯЩЕЕ своеобразие “витража”, мозаичной картины мира, — действительно неповторимое вследствие неповторимости и своеобразия личности и жизненного опыта каждого, — отождествляется «Я-центризмом» с неповторимостью всякого эпизода в непрестанном МЕЛЬТЕШЕНИИ “калейдоскопа”.
2. Потом неповторимость эпизода в мельтешении мировоззренческого “калейдоскопа” возводится в ранг единственного и потому всеобщего вида своеобразия и неповторимости.
3. В завершении предложение отказаться от калейдоскопического мировоззрения и перейти к мозаичному мировоззрению оценивается как намерение совершить тягчайшее преступление против личности: стереть её *непреходящее неповторимое своеобразие* и обратить человека в одного из множества единообразно запрограммированных биороботов, лишённых свободы выбора, творчества, воли и т.п.

Но определённо в этом алгоритме «Я-центричного» обоснования приверженности к калейдоскопическому мировоззрению, свойственному «Я-центризму», действительно начисто уничтожается неповторимое своеобразие личности, свобода выбора, свобода творчества, свобода воли, обусловленные неповторимостью и своеобразием мозаичной картины мира, поскольку с точки зрения носителя мозаичного мировоззрения все “калейдоскопы” до скукоты однообразны, хотя в некоторых из них и содержатся отдельные “стекляшки”, которые полезно скопировать и приладить в “витраж” своей мозаичной картины мира.

И прежде, чем завершить отступление от темы в область психологии, именно в связи со *всем* сказанным вспомним два определения:

- «Лучшими из вас являются те, от которых другие ожидают благого, и от зла которых находятся с безопасности».
- «Худшими из вас являются те, от которых другие ожидают благого, и от зла которых находятся в опасности» (Из поучений Пророка Мухаммада. Записано по трансляции “Радио России”).

Соответственно им коллективная деятельность в русле Концепции действительно искренних по одиночке сторонников её рассыпается потому, что они более соответствуют второму, а не первому определению. По мере того, как они будут всё более и более соответствовать первому определению, коллективная деятельность будет протекать всё более и более слаженно, как то предрёк Ф.И.Тютчев более столетия назад:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Но не смущайтесь, братья наши! —
Славянский мир, сомкнись ещё тесней…

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью»…
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там посмотрим, что прочней…

Но в загоне Библейской концепции это оказалось невозможным несмотря на всю проникновенность стихов Ф.И.Тютчева. Они обретают новое звучание в Концепции общественной безопасности, предназначенной для того, чтобы изжить в обществе алгоритм «разделяй и властвуй» «Я-центричного» мышления, который в прежних концепциях ведической (знахарской) культуры (включая и библейскую её разновидность) целенаправленно поддерживался и возобновлялся как гласно, так и по умолчанию.

Поскольку все мы выходцы и наследники прошлого, то не удивительно, что психика большинства в той или иной степени поражена этим алгоритмом. Но каждому дано Свыше всё для того, чтобы он изжил его в себе самом, а делая это, он поможет изживать его и окружающим. И в результате мир преобразится.

15 — 28 февраля 2000 г.

2. Л.Н.Толстой. Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении[1]

Люди мирно живут между собой и согласно действуют только тогда, когда они соединены одним и тем же мировоззрением: одинаково понимают цель и назначение своей деятельности.

Так это для семей, так это и для различных кружков людей, так это для политических партий, так это для целых сословий и так это, в особенности, для народов, соединённых в государства.

Люди одного народа живут более или менее мирно между собой и отстаивают дружно свои общие интересы только до тех пор, пока живут одним и тем же усвоенным и признаваемым всеми людьми народа мировоззрением. Общее людям народа мировоззрение выражается обыкновенно установившейся в народе религией.

Так это было всегда и в языческой древности, так это есть и теперь и в языческих, и магометанские народах, и с особенной ясностью в самом древнем и до сих пир продолжающем жить одной и той же мирной и согласной жизнью народе Китая. Так это было и среди так называемых христианских народов. Народы эти были внутренне соединены той религией, которая носила название христианской.

Религия эта представляла из себя очень неразумное и внутренне противоречивое соединение самых основных и вечных истин о жизни человеческой с самыми грубыми требованиями языческой жизни. Но как ни грубо было это соединение, оно, облекаясь в торжественные формы, долгое время отвечало нравственным и умственным требованиям европейских народов.

Но чем дальше подвигалась жизнь, чем больше просвещались народы, тем всё очевиднее и очевиднее становилось внутреннее противоречие, заключающееся в этой религии, её неосновательность, несостоятельность и ненужность. Так это продолжалось веками и в наше время дошло до того, что религия эта держится только инерцией, никем уже не признаётся и не исполняет главного свойственного религии внешнего воздействия на народ: соединения людей в одном мировоззрении, одном общем всем понимании назначения и цели жизни.

Прежде религиозное учение это распадалось на различные секты, и секты горячо отстаивали каждая своё понимание, теперь этого уже нет. Если и существуют различные секты между разными охотниками словопрений, никто уже серьёзно не интересуется этими сектами. Вся масса народа — как самые ученые, так и самые неученые рабочие не верят уже не только в эту когда-то двигавшую людьми христианскую религию, но не верят ни в какую религию, верят, что самое понятие религии есть нечто отсталое и ненужное. Люди ученые верят в науку, в социализм, анархизм, прогресс. Люди неученые верят в обряды, в церковную службу, в воскресное неделание, но верят как в предание, приличие; но веры, как веры, соединяющей людей, движущей ими, совсем нет, или остаются исчезающие её остатки.

Ослабление веры, замена или скорее затемнение её суеверными обычаями и[2] для масс и рационалистическое толкование основ веры высшими учеными классами происходит везде: и в браманизме, и в конфуцианстве, и в буддизме, и в магометанстве, но нигде нет того полного освобождении народов от религии, какое произошло и с необыкновенной быстротой происходит в христианстве.

Затемнение основ веры суеверными толкованиями и обычаями есть общее всем религиям явление. Общие причины затемнения основ веры заключаются, во-первых, и главное, в том, что всегда именно непонимающие люди желают толковать учение и своими толкованиями извращают и ослабляют его; во-вторых, в том, что большинство ищет видимых форм проявления учений и переводит на вещественный духовный смысл учения; в-третьих, в общих всем религиям жреческих искажений религиозных основ учений ради выгод жрецов[3] и властвующих классов.

Все три причины эти извращения религии общи всем религиозным учениям и исказили отчасти учения браманизма, буддизма, таосизма[4], конфуцианства, еврейства, магометанства; но причины эти не уничтожили веру в эти учении. И народы Азии, несмотря на извращения, которым подверглись эти учения, продолжают верить в них и соединены между собой и отстаивают свою независимость. Только одна так называемая христианская религия утратила всякую обязательность для народов, исповедую-

---

[1] По публикации в журнале “Слово”, № 9, 1991 г., стр. 6 — 10.

[2] Здесь в публикации либо лишний союз «и», либо пропущено какое-то слово текста оригинала.

[3] Этот оборот речи показывает, что Л.Н.Толстой не различал жрецов, осуществляющих жизнеречение по совести в русле Промысла Божиего, и служителей ритуала социальной магии, кормящихся от культа.

[4] Ныне называется «даосизм».

щих её, и перестала быть религией. Отчего это? Какие особенные причины произвели это странное явление?

Причина эта в том, что так называемое церковно-христианское учение не есть цельное, возникшее на основании проповеди одного великого учителя учение, каковы буддизм, конфуцианство, таосизм, а есть только подделка под истинное учение великою учителя, не имеющая с истинным учением почти ничего общего, кроме названия основателя и некоторых ничем не связанных положений, заимствованных из основного учения.

Знаю, что то, что я имею высказать теперь, именно то, что та церковная вера, которую веками исповедовали и теперь исповедуют миллионы людей под именем христианства, есть не что иное, как очень грубая еврейская секта, не имеющая ничего общего с истинным христианством, — покажется людям, исповедующим на словах учение этой секты, не только невероятным, но верхом ужаснейшего кощунства.

Но я не могу не сказать этого. Не могу не сказать этого потому, что для того, чтобы люди могли воспользоваться тем великим благом, которое даёт нам истинное христианское учение нам необходимо прежде всего освободиться от того бессвязного, ложного и, главное, глубокобезнравственного учения, которое скрыло от нас истинное христианское учение. Учение это, скрывшее от нас учение Христа, есть то учение Павла, изложенное в его посланиях и ставшее в основу церковного учения. Учение это не только не есть учение Христа, но есть учение прямо противоположное ему.

Стоит только внимательно прочесть евангелия, не обращая /в них/[1] особенного внимания на всё то, что носит печать суеверных вставок, сделанных составителями, вроде чуда Каны Галилейской, воскрешений, исцелений, изгнания бесов[2] и воскресения самого Христа, а останавливаясь на том, что просто, ясно, понятно и внутренне связано одною и тою же мыслью, — и прочесть затем хотя бы признаваемые самыми лучшими послания Павла, чтобы ясно стали то полное несогласие, которое не может не быть между всемирным, вечным учением простого, святого человека Иисуса с практическим временным, местным, неясным, запутанным, высокопарным и подделывающимся под существующее зло учением фарисея Павла.

Как сущность учения Христа (как всё истинно великое) проста, ясна, доступна всем и может быть выражена одним словом: человек — сын Бога, — так сущность учения Павла искусственна, темна и совершенно непонятна для всякого свободного от гипноза человека.

Сущность учения Христа в том, что истинное благо человека — в исполнении воли отца. Воля же отца — в единении людей. А потому и награда за исполнение воли отца есть само исполнение, слияние с отцом. Награда сейчас — в сознании единства с волей отца. Сознание это даёт высшую радость и свободу. Достигнуть этого можно только возвышением в себе духа, перенесением жизни в жизнь духовную.

Сущность учения Павла в том, что смерть Христа и его воскресение спасает людей от их грехов и жестоких наказаний, предназначенных Богом теперешним людям за грехи прародительские.

Как основа учения Христа в том, что главная и единственная обязанность человека есть исполнение воли Бога, то есть любви к людям, — единственная основа учения Павла та, что единственная обязанность человека — это вера в то, что Христос своей смертью искупил и искупает грехи людей.

Как, по учению Христа, награда за перенесение своей жизни в духовную сущность каждого человека есть радостная свобода этого сознания соединения с Богом, — так, по учению Павла, награда доброй жизни не здесь, а в будущем, посмертном состоянии. По учению Павла, жить доброй жизнью надо, главное, для того, чтобы получить за это награду «там». Со своей обычной нелогичностью он говорит, как бы в доказательство того, что должно быть блаженство будущей жизни: «Если мы не распутничаем и лишаем себя удовольствия делать гадости здесь, а награды в будущей жизни нет, то мы останемся в дураках»[3].

---

[1] Здесь и далее в приводимой статье Л.Н.Толстого в /косых скобках/ даны пояснения по контексту, отсутствующие в оригинальном тексте.

[2] Далеко не всё — «суеверные вставки». Многое и у Павла, и в других местах Нового завета — описание явлений Царствия Божиего на Землю. Высказанное в этом абзаце — одно из свидетельств определённого неверия Л.Н.Толстого в Царствие Божие на Земле, и соответственно выражение внутренней противоречивости его веры.

[3] Это не цитата из павловых писаний, а толкование Л.Н.Толстым его понимания вероучения Павла, во многом построенное на личной нравственно обусловленной неприязни лично к Павлу, который сам был жертвой обстоятельств и орудием закулисных сил вследствие его верований, так же обусловленных его нравственными мерилами.

Да, основа учения Христа — истина, смысл — назначение жизни. Основа учения Павла — расчёт и фантазия.

Из таких различных основ естественно вытекают и ещё более различные выводы.

Там, где Христос говорит, что люди не должны ждать наград и наказаний в будущем и должны, как работники у хозяина, понимать своё назначение, исполнять его, — всё учение Павла основано на страхе наказаний и на обещаниях наград, вознесения на небо или на самом безнравственном положении о том, что если ты веришь, то[1] избавишься от грехов, ты безгрешен.

Там, где в евангелии признаётся равенство всех людей и говорится, что то, что велико перед людьми, мерзость перед Богом, Павел учит повиновению властям, признавая их от Бога, так что противящийся власти противится Божию установлению.

Там, где Христос учит тому, что человек должен всегда прощать, Павел призывает анафему на тех, кто не делает то, что он велит, и советует напоить и накормить голодного врага с тем, чтобы этим поступком собрать на голову врагу горячие уголья, и просит Бога наказать за какие-то личные расчёты с ним Александра Медника.

Евангелие говорит, что люди все равны, Павел знает рабов и велит им повиноваться господам. Христос говорит: «Не клянись вовсе и кесарю отдавай только то, что кесарево, а то, что Богово — твоя душа — не отдавай никому». Павел говорит: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены», (Римл. XIII, 1, 2).

Христос говорит: «Взявшие меч от меча погибнут». Павел говорит: «Начальник есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч, он — божий слуга... отмститель в наказание делающему злое» (Римл. XIII, 4).

Христос[2] говорит: «Для сего вы и подати платите: ибо они божии служители, сим самым постоянно занятые. И потому отдавайте всякому должное; кому подать — подать; кому оброк — оброк, кому страх — страх, кому честь — честь» (Римл. XIII, 6, 7).

Но не одни эти противоположные учения Христа и Павла показывают несовместимость великого, всемирного учения, уясняющего то, что было высказано всеми величайшими мудрецами Греции, Рима и Востока, с мелкой, сектантской, случайной, задорной проповедью непросвещённого, самоуверенного и мелко-тщеславного, хвастливого и ловкого еврея. Несовместимость эта не может быть очевидна для всякого человека, воспринявшего сущность великого христианского учения.

А между тем целый ряд случайных причин сделали то, что это ничтожное и лживое учение заняло место великого вечного и истинного учения Христа и даже на много веков скрыло его от сознания большинства людей.

Правда, во все времена среди христианских народов были люди, понимавшие христианское учение в его истинном значении, но это были только исключения. Большинство же так называемых христиан, в особенности после того, как властью церкви писания Павла даже и его советы приятелям о том, чтобы пить вино для поправления желудка, были признаны непререкаемым произведением святого духа, — большинство верило, что именно это безнравственное и запутанное учение, поддающееся, вследствие этого, самым произвольным толкованиям, и есть настоящее учение самого Бога-Христа.

Причин такого заблуждении было много различных.

Первая та, что Павел, как и все самолюбивые, славолюбивые проповедники лжи, суетился, бегал из места в место, вербовал учеников, не брезгуя никакими средствами для приобретения их; люди же, понявшие истинное учение, жили им и не торопились проповедовать[3].

---

[1] Так в публикации в журнале “Слово”, хотя просится: «веришь, что избавишься, …»

[2] Так в публикации журнала “Слово”, хотя здесь явная опечатка, поскольку далее цитируются слова апостола Павла.

[3] Здесь Лев Николаевич ошибается: другие апостолы не могли ничего возразить Павлу, потому что для этого им необходимо было признать ложным пророчество Исаии и признать истинность пророчества Соломона. Но это требовало от них иной веры Богу, иной религии. Однако поскольку апостолы не молились с Христом в Гефсиманском саду, то размежеваться с Павлом они не могли, потому что они веровали, менее истово чем Павел, в ту же самую доктрину Второзакония-Исаии.

Тот факт, что Лев Николаевич обходит стороной вопрос о Гефсиманской молитве Христа и неучастии в ней апостолов, — одно из указаний того, что он не сумел вырваться из-под концептуальной власти Библии и она мешала ему веровать Богу по совести, к чему он искренне стремился, как можно понять из его произведений и жизни.

Библейски “православные” кичатся, что ни один из оптинских старцев не вышел ко Льву Николаевичу, когда он хотел побеседовать с ними для чего приехал в Оптину пустынь (Монастырь под Козельском в Калужской области), а сам Лев Николаевич не мог найти сил, чтобы встать и войти в монастырь: Чудо!!! Чудо!!!

→→→

Вторая причина была в том, что послания, проповедующие, под именем Иисуса Христа, учение Павла, известные прежде чем евангелия (это было в 50-х годах после рождения Христа. Евангелия же появились позднее).

Третья причина была в том, что грубо суеверное учение Павла было доступнее грубой толпе, охотно принявшей новое суеверие, заменявшее старое.

Четвёртая причина была та, что учение это (как ни ложно оно было по отношению тех основ, которые оно извращало), будучи всё-таки разумнее грубого исповедуемого[1] народами язычества, между тем не нарушало языческих форм жизни, как и язычество, допуская и оправдывая насилия, казни, рабство. Тогда как истинное учение Христа, отрицая всякое насилие, казни, войны, рабство, богатство, — в корне уничтожало весь склад языческой жизни[2].

Сущность дела была такая.

В Галилее и Иудее появился великий мудрец, учитель жизни, Иисус, прозванный Христом. Учение его слагалось из тех вечных истин о жизни человеческой, смутно предчувствуемых всеми людьми и более или менее ясно высказанных всеми великими учителями человечества: браминскими мудрецами, Конфуцием, Лао-Тзе[3], Буддой. Истины эти были восприняты окружавшими Христа простыми людьми и более или менее приурочены к еврейским верованиям того времени, из которых главное было ожидание пришествия мессии.

Появление Христа с его учением, изменявшим весь строй существующей жизни, было принято некоторыми как исполнение пророчества о мессии. Очень может быть, что и сам Христос более или менее приурочивал своё вечное, всемирное учение к случайным, временным религиозным формам того народа, среди которого он проповедовал. Но, как бы то ни было, учение Иисуса привлекло учеников, расшевелило народ и, всё более и более распространяясь, стало так неприятно еврейским властям, что они казнили Христа[4] и после его смерти гнали, мучили и казнили его последователей (Стефана и других). Казни, как всегда, только усиливали веру последователей.

Упорство и убеждённость этих последователей, вероятно, обратили на себя внимание и сильно поразили одного из фарисеев-гонителей, по имени Савла. И Савл этот, получив потом название Павла, человек очень славолюбивый, легкомысленный, горячий и ловкий, вдруг по каким-то внутренним причинам, о которых мы можем только догадываться, вместо прежней своей деятельности, направленной против учеников Иисуса, решился, воспользовавшись той силой убеждённости, которую он встретил в последователях Христа, сделаться основателем новой религиозной секты, в основы которой он положил те очень неопределённые и неясные понятия, которые он имел об учении Христа, все сросшиеся с ним еврейские фарисейские предания, а главное, свои измышления о действенности веры, которая должна спасать и оправдывать людей[5].

Это “чудо” — один из знаков антихристианства россиянского библейского “православия” и братии оптинского монастыря: Новый Завет показывает, что Христос никогда не отказывал и не препятствовал никому из тех, кто искал встречи с ним, чтобы разрешить свои сомнения в вере. Мухаммаду, когда он отказал во встрече одному пришедшему к нему слепому, прямо было указано свыше на недопустимость такого поведения для человека, которому дарована истина Свыше:

«1(1). Он нахмурился и отвернулся 2(2). от того, что подошёл к нему слепой. 3(3). А что дало тебе знать, — может быть, он очистится, 4(4). или станет поминать увещевание, и поможет ему воспоминание. 5(5). А вот тот, кто богат, 6(6). к нему ты поворачиваешься, 7(7). хотя и не на тебе лежит, что он не очищается. 8(8). А тот, кто приходит к тебе со тщанием 9(9). и испытывает страх, — 10(10). ты от него отвлекаешься» (Коран, сура 80 “Нахмурился”).

В том, что Льва Николаевича не приняли в Оптиной пустыне, — с одной стороны выразилась защита библейского эгрегора от неприемлемого для старцев собеседника, беседы с которым они могли бы и не выдержать; с другой стороны — в том, что ищущий истины человек не смог подняться со скамейки, чтобы идти в монастырь, был знак Божий, языческий: истину надо искать не в наставлениях монастырских отшельников, а в Языке Жизни и в глубинах своей души, ибо «Царствие Божие внутри вас есть».

[1] В подлиннике: исповедоваемого (сноска “Слова”).

[2] Это предложение показывает, что Л.Н.Толстой не смог преодолеть в себе извращённых церковью представлений о язычестве. Жизнь для него, как и для многих — не священный Язык, на котором Бог-Язычник говорит с каждым, и который может быть понятен каждому, кто того пожелает; а язычество для Л.Н.Толстого — слово, обозначающее ложные верования и образ жизни заблудших.

[3] Лао-цзы — в современной огласовке, основоположник даосизма (4 — 3 вв. до н.э.).

[4] Явно выраженное Л.Н.Толстым согласие с “пророчеством” Исаии и невнимательность к описанию событий в Гефсиманском саду. В этом выразились поиски пути к Богу и веры, но не свершившееся обретение *веры по совести непосредственно Богу, не помрачённой традициями неправедной библейской культуры.*

[5] Если же последовать тексту Нового Завета, то можно увидеть, что Павел в действительности метался между двумя верами: верой в спасение самопожертвованием Христа и верой в спасение делами праведной жизни в русле

→→→

С этого времени, с 50-х годов, после смерти Христа, и началась усиленная проповедь этого ложного христианства, и в эти 5—6 лет были написаны первые (признанные потом священными) псевдо-христианские письмена, именно послания. Послания первые определили для масс совершенно превратное значение христианства. Когда же было установлено среди большинства верующих именно это ложное понимание христианства, стали появляться и евангелия, которые, в особенности Матфея, были не цельные произведения одного лица, а соединение многих описаний о жизни и учении Христа. Сначала появилось /евангелие/ Марка, потом Матфея, Луки, потом Иоанна.

Все евангелия эти не представляют из себя цельных произведений, а все они суть соединения из различных писаний. Так, например, евангелие Матфея в основе своей имеет краткое евангелие евреев, заключающее в себе одну нагорную проповедь. Всё же евангелие составлено из прибавляемых к нему дополнений. То же и с другими евангелиями. Все евангелия эти (кроме главной части евангелия Иоанна), появившись позднее Павла, более или менее подгонялись под существовавшее уже павловское учение.

Так что истинное учение великого учителя, то, которое сделало то, что сам Христос и его последователи умирали за него, сделало и то, что Павел избрал это учение для своих славолюбивых целей: истинное учение, с первых шагов своих извращённое павловским извращением, всё более и более прикрывалось толстым слоем суеверий, искажений, лжепониманием, и кончилось тем, что истинное учение Христа стало неизвестно большинству и заменилось вполне тем странным церковным учением — с папами, митрополитами, таинствами, иконами, оправданиями верою и т.п., которое с истинным христианским учением почти ничего не имеет общего, кроме имени.

Таково отношение истинно-христианского учения к павловско-церковному учению, называемому христианским. Учение было ложное по отношению к тому, что им будто бы представлялось, но как ни ложно оно было, учение это всё-таки было шагом вперёд в сравнении с религиозными понятиями варваров времён Константина.

И потому Константан и окружающие его люди охотно приняли это учение, совершенно уверенные в том, что учение это есть учение Христа[1]. Попав в руки властвующих, учение это всё более и более огрубевало и приближалось к миросозерцанию народных масс. Явились иконы, статуи, обоготворённые существа, и народ искренно верил в это учение.

Так это было и в Византии, и в Риме. Так это было и все средние века, и часть новых — до конца 18 столетия, когда люди, так называемые христианские народы, дружно соединились во имя этой церковной павловской веры, которая давала им, хотя и очень низменное и ничего не имеющее общего с истинным христианством, объяснение смысла и назначения человеческой жизни.

У людей была религия, они верили в неё, и потому могли жить согласной жизнью, защищая общие интересы.

Так это продолжалось долго, продолжалось бы и теперь, если бы эта церковная вера была самостоятельное религиозное учение, как учение браманизма, буддизма, как учение шинто[2], в особенности как китайское учение Конфуция, и не была подделкой под учение христианства, не имеющей в самой себе никакого корня.

Чем дальше жило христианское человечество, чем больше распространялось образование и чем смелее и смелее становились на основании извращённой и признанной непогрешимой веры как светские, так и духовные властители, тем всё больше и больше изобличалась фальшь извращённой веры, вся неосновательность и внутренняя противоречивость учения, признающего основой жизни любовь и вместе с тем оправдывающего войны и всякого рода насилия.

Промысла Божиего, которые он пытался слить воедино. На наш взгляд, Лев Николаевич оценивал Павла как лицемерного фарисея, актёра, сознательно выполнявшего спецзадание синедриона, что нежизненно: если бы Савл, став Павлом, был неискренен, то его «раскусили» бы, но люди последовали именно за искренностью Павла, вследствие чего именно его учение и внесло во многом определяющий вклад в становление исторически реального христианства.

[1] Это не так: император Константин по совместительству был верховным служителем культа Непобедимого солнца, т.е. первоиерархом региональной корпорации "священнослужителей". Это означает, что в целом его деятельность лежала в русле сценария «мировой закулисы», Иными словами "жреческая" корпорация пораскинула мозгами, какое христианство отвергнуть, а какое принимать. То есть на никейском соборе, собранном Константином, чужих людей не было, а имело место то, о чём сам Л.Н.Толстой писал в начале своей статьи: целенаправленные "жреческие" искажения религиозных основ учения ради выгод "жрецов" и правящих классов — "элиты".

[2] Так тогда называли японский «синтоизм»: в разных вариантах транслитерации с японского «С» и «Ш» соответствуют одному и тому же звуку японской речи.

Люди всё меньше и меньше верили в учение, и кончилось тем, что всё огромное большинство христианских народов перестало верить не только в это извращённое учение, но и в какое бы то ни было общее большинству людей религиозное учение. Все разделились на бесчисленное количество, не вер, а мировоззрений; все, как пословица говорит, расползлись, как слепые щенята от матери, и все теперь люди нашего христианского мира с разными мировоззрениями и даже верами: монархисты, социалисты, республиканцы, анархисты, спиритисты, евангелисты и т.п., все боятся друг друга, ненавидят друг друга.

Не стану описывать бедственность, разделённость, озлобленность людей христианского человечества. Всякий знает это. Стоит только прочесть первую попавшуюся какую бы то ни было, самую консервативную или самую революционную газету. Всякий, живущий среди христианского мира, не может не видеть, что как ни плохо теперешнее положение христианского мира, то, что ожидает его, ещё хуже.

Взаимное озлобление растёт, и все заплатки, предлагаемые[1] как правительствами, так и революционерами, социалистами, анархистами, не могут привести людей, не имеющих перед собою никакого другого идеала, кроме личного благосостояния, и потому не могущих не завидовать друг другу и не ненавидеть друг друга, ни к чему другому, кроме /как/ ко всякого рода побоищам внешним и внутренним и к величайшим бедствиям.

Спасение не в мирных конференциях и пенсионных кассах[2], не в спиритизме, евангелизме, свободном протестантстве, социализме; спасение в одном: в признании одной такой веры, которая могла бы соединить людей нашего времени. И вера эта есть, и много есть людей уже теперь, которые знают её.

Вера эта есть то учение Христа, которое было скрыто от людей лживым учением Павла и церковью. Стоит только снять, эти покровы, скрывающие от нас истину, и нам откроется то учение Христа, которое объясняет людям смысл их жизни и указывает на проявление этого учения в жизни и даёт людям возможность мирной и разумной жизни.

Учение это просто, ясно, удобоисполнимо, одно для всех людей мира, и не только не расходится с учениями Кришны, Будды, Лао-Тзе, Конфуция в их неизвращённом виде, Сократа[3], Эпиктета[4], Марка Аврелия[5] и всех мудрецов, понимающих общее для всех людей одно назначение человека и общим всем, во всех учениях один и тот же закон, вытекающий из сознания этого назначения, — но подтверждает и уясняет их.

Казалось бы, так просто и легко страдающим людям освободиться от того грубого суеверия, извращённого христианства, в котором они жили и живут, усвоить то религиозное учение, которое было извращено и исполнение которого неизбежно даёт полное удовлетворение как телесной, так и духовной природе человека. Но на пути этого осуществления стоит много и много самых разнообразных препятствий: и то, что ложное учение это признано божественным; и то, что оно так переплелось с истинным учением, что отделить ложное от истинного особенно трудно; и то, что обман этот освящён преданием древности, и на основании его совершено много дел, считающихся хорошими, которые, признав истинное учение, надо было бы признать постыдными; и то, что на основании ложного учения сложилась жизнь господ и рабов, вследствие которой возможно было произвести все те мнимые блага материаль-

---

[1] В подлиннике: предполагаемые (сноска “Слова”).

[2] К сведению воздыхателей по монархии образца до 1917, а тем более до 1905 г.: в те времена пенсии по старости и инвалидности не были само собой разумеющейся частью социальной защиты личности. Рабочие боролись за 8 часовой рабочий день в 1905 г., а 12 — 14-часовой был повсеместной нормой.

[3] Древнегреческий философ (ок. 470 — 399 гг. до н.э.), «один из родоначальников диалектики, как метода отыскания истины путём постановки наводящих вопросов», «был обвинён в поклонении ложным богам и развращении молодёжи» и приговорён к смерти и отравлен во исполнение приговора (“Советский энциклопедический словарь”, 1986).

Здесь же внесём ясность. Сократ *в его понимании диалектики как метода постижения объективной истины путём постановки наводящих вопросов* — был прав. Но этот метод в его полноте и совершенстве реализуется только в жизненном диалоге с Богом по совести. Иными словами, «диалектика» — ставшее термином «научной философии» название “забытого”, но естественного способа и навыка постижения человеком объективной Правды-Истины в жизненном диалоге с Богом на основе осмысления и переосмысления даваемого Им в Различение.

[4] Римский философ-стоик, раб, позднее вольноотпущенник (ок. 50 — ок. 140).

[5] Император Римской империи со 169 г. (годы жизни 120 — 180), философ, язычник, оставил после себя книгу, название которой на русский переводится двояко “К самому себе” либо “Наедине с собой”. На наш взгляд, первый вариант перевода названия более соответствует сути. Одно из последних изданий на русском языке вышло в сборнике с письмами Луциллию Сенеки — в 1998 г. в Симферополе в издательстве «Реноме».

Конный памятник Марку Аврелию сохранился в Риме до наших дней потому, что в период средневекового искоренения наследия античной римской культуры были убеждены, что это памятник императору Константину, сделавшему библейское христианство государственной религией Римской империи.

ного прогресса, которым так гордится наше человечество; а при установлении истинного христианства вся наибольшая часть этих приспособлений должна будет погибнуть, так как без рабов некому будет их делать.

Препятствие особенно важное и то, что истинное учение невыгодно для людей властвующих. Властвующие же люди имеют возможность, посредством и ложного воспитания и подкупа, насилия и гипноза взрослых, распространять ложное учение, вполне скрывающее от людей то истинное учение, которое одно даст несомненное и неотъемлемое благо всем людям.

Главное препятствие /состоит/ в том, что именно вследствие того, что ложь извращения христианского учения слишком очевидна, в последнее время всё более и более распространялось и распространяется грубое суеверие, во много раз вреднейшее, чем все суеверия древности, суеверие в том, что религия вообще есть нечто ненужное, отжитое, что без религии человечество может жить разумной жизнью.

Суеверие это особенно свойственно людям ограниченным. А так как таковых большинство людей в наше время, то грубое суеверие это всё более и более распространяется. Люди эти, имея в виду самые извращения религии, воображают, что религия вообще есть нечто отсталое, пережитое человечеством, и что теперь люди узнали, что они могут жить без религии, то есть без ответа на вопрос: зачем живут люди, и чем им, как разумным существам, надо руководствоваться.

Грубое суеверие это распространяется преимущественно людьми, так называемыми учёными, то есть людьми особенно ограниченными и потерявшими способность самобытного, разумного мышления, вследствие постоянного изучения чужих мыслей и занятия самыми праздными и ненужными вопросами. Особенно же легко и охотно воспринимается это суеверие отупевшими от машинной работы городскими фабричными рабочими, количество которых становится всё больше и больше, в самых считающихся просвещёнными, то есть в сущности самых отсталых и извращённых людях нашего времени.

В этом всё более и более распространяющемся суеверии причина непринятия истинного учения Христа. Но в нём же, в этом распространяющемся суеверии, и причина того, что люди неизбежно будут приведены к пониманию того, что та религия, которую они отвергают, воображая, что это религия Христа, есть только извращение этой религий, а что истинная религия одна может спасти людей от тех бедствий, в которые они всё более и более впадают, живя без религии.

Люди самым опытом жизни будут приведены к необходимости понять то, что без религии люди никогда не жили и не могут жить, что если они живы теперь, то только потому, что среди них ещё живы остатки религии; поймут, что волки, зайцы могут жить без религии, человек (же), имеющий разум, такое орудие, которое даёт ему огромную силу, — если живёт без религии, подчинясь своим животным инстинктам, становится самым ужасным зверем, вредным особенно для себе подобных.

Вот это-то люди неизбежно поймут, и уже начинают понимать теперь, после тех ужасных бедствий, которые они причиняют и готовятся причинить себе. Люди поймут, что им нельзя жить в обществе без одного соединяющего их, общего понимания жизни. И это общее, соединяющее всех людей понимание жизни смутно носится в сознании всех людей христианского мира отчасти потому, что это сознание присуще человеку вообще, отчасти потому, что это понимание жизни выражено в том самом учении, которое было извращено, но сущность которого проникала и сквозь извращение.

Надо только понять, что всё, чем ещё держится наш мир, всё, что есть в нём доброго, всё единение людей, то, какое есть, все те идеалы, которые носятся перед людьми: социализм, анархизм, всё это — не что иное, как частные проявления той истинной религии, которая была скрыта от нас павловством и церковью (скрыта она была, вероятно, оттого, что сознание народов ещё не доросло до истинной) и до которой теперь доросло христианское человечество.

Людям нашего времени и мира не нужно, как это думают ограниченные и легкомысленные люди, так называемые учёные, придумывать какие-то новые основы жизни, могущие соединить всех людей, а нужно только откинуть все те извращения, которые скрывают от нас истинную веру, и эта вера, единая со всеми разумными основами вер всего человечества, откроется перед нами во всём своём не только величии, но всей обязательности своей для всякого человека, обладающего разумом.

Как готовая кристаллизироваться жидкость ожидает толчка для того, чтобы превратиться в кристаллы, так и христианское человечество ждало только толчка для того, чтобы все его смутные христианские стремления, заглушаемые ложными учениями и в особенности суеверием о возможности человечества жить без религии, /превратились в действительность/, и толчок этот почти одновременно дан нам пробуждением восточных народов и революцией среди русского народа, больше всех других удержавшего в себе дух истинного христианства, а не павловского христианства.

Причина, по которой христианские народы вообще и русский народ в особенности находятся теперь в бедственном положении, — та, что народы не только потеряли единственное условие для мирно-

го, согласного и счастливого сожительства людей: верования в одни и те же основы жизни и общие всем людям законы поступков, — не только лишены этого главного условия хорошей жизни, но ещё и коснеют в грубом суеверии о том, что люди могут жить хорошей жизнью без веры.

Спасение от этого положения в одном: в признании того, что если извращение христианской веры и было извращение веры и должно быть отвергнуто, то та вера, которая была извращена, есть единая, необходимейшая в наше время истина, сознаваемая всеми людьми не только христианского, но и восточного мира, и следование которой даёт людям, каждому отдельно и всем вместе, не бедственную, а согласную и добрую жизнь.

Спасение не в том, чтобы устроить придуманную нами для других людей жизнь, как понимают это спасение теперь люда, не имеющие веры — каждый по-своему: одни парламентаризм, другие республику, третьи социализм, четвёртые анархизм, а в том, чтобы всем людям в одном и том же понимать для каждого самого себя назначение жизни и закон её и жить на основании этого закона в любви с другими людьми, но без определения вперёд, какого-либо известного устройства людей.

Устройство жизни всех людей будет хорошо только тогда, когда люди не будут заботиться об этом устройстве, а будут заботиться только о том, чтобы каждому перед своей совестью исполнить требование своей веры. Только тогда и устройство жизни будет наилучшим, не такое, какое мы придумываем, а такое, какое должно быть соответственно той веры, которую исповедуют люди и законы которой они исполняют.

Вера же эта существует в чистом христианстве, совпадающем со всеми учениями мудрецов древности и востока.

И я думаю, что именно теперь настало время этой веры, и что лучшее, что может человек сделать в наше время, это то, чтобы в жизни своей следовать учению этой веры и содействовать распространению её в людях.

1907. 17 мая.

* * *

Л.Н.Толстой совершенно правильно указал на факт подмены **Благовестия (Евангелия) Царствия Божиего на Земле, каким было христианство в устах и делах Иисуса**, на *вероучение спасения верой в «самопожертвование, казнь и воскресение бога»,* которое было посеяно в души людей вместе с ветхонаветными пророчествами Исаии задолго до эпохи первого пришествия Христа и деятельности апостолов. Подменённое вероучение действительно распространилось при активнейшем участии Павла, на что указывает Л.Н.Толстой. Но при этом Савл-Павел не только орудие антихристианства, но и жертва обстоятельств, созданных «мировой закулисой» задолго до его рождения в пределах Божиего попущения ей. Однако, поскольку сам Л.Н.Толстой не размежевался с ветхонаветной доктриной Второзакония-Исаии, то и в явление Христом возможностей Царствия Божиего на Земле как волшебно-сказочной цивилизации (по меркам господствующего ныне мировоззрения) он не верит и относит это к суеверным вставкам-вымыслам. Соответственно и, давая оценку деятельности Павла, он многое извратил в ней, «подстригая Павла под свой горшок» по неприязненному своему предубеждению в отношении него, и не мог не знать этого. В этом отношении он не лучше Павла: история становления исторически реального христианства и его социологических доктрин была более многогранна, чем это представил Л.Н.Толстой в приведённой статье. Чтобы показать его однобокую трактовку, вспомним ранее упоминавшийся полигонный социальный эксперимент «Кумранская община Нового Завета» и приведём фрагмент из раздела “Ересь, Осуждённая на победу” нашей работы “Время: начинаю про Сталина рассказ…”.

* *
*

> «Хилиазм (от греч. chiliás — тысяча), миллинаризм (от лат. mille — тысяча), религиозное учение, согласно которому концу мира (т.е. Судному дню — наше пояснение при цитировании) будет предшествовать тысячелетнее “царство божье” на земле» (Большая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 28, стр. 252).

Хилиастические идеи *от момента их зарождения в среде трудящегося большинства* рассматриваются господствующими христианскими церквями как ересь, т.е. ложное, ошибочное учение. Ныне хилиастические течения в христианских церквях искоренены, а иерархи церквей не только терпимо относятся к власти сильных мира сего, но и ищут долю себе во всякой власти, толкуя Писание исключи-

тельно в том смысле, что общество должно поддерживать всякую власть, поскольку нет власти, кроме как от Бога:

«Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный» (К Ефесянам послание апостола Павла, 6:5—8)[1].

Они "забывают" продолжить слова апостола:

«И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия» (К Ефесянам послание апостола Павла, 6:9).

"Забывают" и про многое другое, прикрывая своё и чужое, личное и корпоративное сиюминутное земное своекорыстие ссылками на вечность, и отказываясь осуществлять Промысел, предписывающий искоренить своекорыстие земных культовых и светских властителей.

> Существует определённый режим — внутриобщественная власть — божеским попущением либо Божьей милостью? — на этот вопрос иерархи церквей большей частью при всяком меньшевистском режиме отвечали так, чтобы в их лояльности земная власть не сомневалась. Большевизм же всегда был под анафемой (Стенька Разин, Емелька Пугачёв — анафема-а-а!!! — из церковной традиции), когда была власть какого-то меньшевизма; когда большевизм был в силе, то церковь молчала или лебезила перед властью, не смея провозгласить ей анафему, но по-прежнему считая хилиазм-миллинаризм ересью, а не истинно христианской социологической доктриной, долженствующей быть идеологической опорой большевизму и его церкви и государственности.

Даже если говорить о периоде смутного времени, когда церковь в лице Гермогена выступила против польских захватчиков, то это была не только борьба за дальнейшее самобытное развитие цивилизации России, но и борьба паразита за собственное выживание: в случае победы поляков, пришлось бы подчиниться Риму, а часть вакансий передать католикам. Пока польский белый орел (или петух?) не клюнул в темечко, церковь паразитировала на народе: она не выступила заблаговременно против политики отечественной "элиты", действия которой и породили смутное время[2]. Но и смута не образумила

---

[1] Это ещё одно место в Новом Завете, которое, будучи вырванным из общего исторического контекста, о котором церкви всегда умалчивают, требует от "христианина", живущего церковной жизнью, подчиниться иудейскому расизму и ростовщическому господству над планетой.

[2] А дела "элиты", приведшие к смутному времени, были таковы: Борис Годунов указом о заповедных летах в 1580 — 90 гг. отменил Юрьев день (26 ноября юлианского календаря, один из двух церковных праздников в честь Георгия Победоносца), в который крестьяне могли беспрепятственно покинуть земли одного феодала и перейти на жительство на земли другого. Отмена Юрьева дня, поначалу временная, как видно из названия указа, стала постоянной и открыла дорогу барскому беспределу и становлению крепостного права как специфической российской формы работорговли соотечественниками. **Церковь не возражала**. Отмена Юрьева дня вызвала разочарование и озлобление крестьян против правящих верхов, которое вызрело в восстание Ивана Болотникова. После смерти Бориса Годунова "элита" допустила до царской власти интригана Василия Шуйского (Василий IV, на царстве с 1606 по 1612 г. Десница — правая рука, шуя — левая. Т.е. "элита" избрала царём субъекта с «левой резьбой»): ещё возглавляя боярскую оппозицию "выскочке" Борису Годунову, Шуйский поддержал Лжедмитрия I, хотя впоследствии и возглавил заговор против него. Став царём, подавил крестьянское восстание Ивана Болотникова. Борясь со Лжедмитрием II, заключил союз со Швецией, что привело и к шведской интервенции. Потом Шуйский был свергнут москвичами и умер в польском плену. Полезно вспомнить, что Москва присягнула Лжедмитрию, точно также как и в XX веке москвичи способствовали разрушению СССР более, нежели жители других областей. **Церковь не отказалась помазать интригана Шуйского на царство.**

А благословить борьбу с польской агрессией церкви пришлось под давлением обстоятельств: польская "элита" везде и всюду на захваченных ею землях с непольским населением проводила ополячивание и окатоличивание простонародья, передавая власть над ним от местной "элиты" пришлой польской "элите", искореняя прежнюю национальную "элиту" или ополячивая и её. Эта политика проводилась Польшей и в XX веке на землях Украины, Белоруссии, Литвы, отошедших к ней после распада Российской империи в ходе гражданской войны.

Польский шляхетский нацизм эпохи Пилсудского по своему отношению к захваченному не польскому населению и пленным был не мягче гитлеровского нацизма. В эпоху же смутного времени, когда польская шляхта грезила Польшей от моря (Балтийского) до моря (Чёрного — для начала), он был ещё более жесток, хотя и не идеологизирован подобно гитлеровскому нацизму в XX веке. Именно против польского нацизма восстала Украина во время Богдана Хмельницкого и царствования Алексея Михайловича и защитилась от него вступлением в состав России. Именно защитилась: не прими Алексей Михайлович Украину под защиту Российской государственности и окажись она в Польше, то пан Кравчуковский, пан Кучмовский, пан Черновиловский и прочие ныне видные украинские паны-политики были бы лояльными Варшаве полякам, если вообще были бы.

→→→

церковь: никто иной как её патриарх Никон, менее чем через пятьдесят лет после завершения смуты, из ритуального усердия и подражания породил церковный, а по существу народный раскол (1653 г.). Как народный раскол он был во многом преодолён опять же в эпоху сталинизма, но как церковный раскол русская православная церковь преодолеть его не способна.

При этом церковь прямо лжёт, заявляя о том, что Иисус не оставил никакой социологической доктрины. Раскрываем “Православный катехизис” епископа Александра Семенова-Тян-Шанского:

«1 — Промыслительное отсутствие догматов по общественным вопросам при наличии основных данных для их решения.

Жизнь отдельных христиан влияет на общественную жизнь. Отсюда может встать вопрос: какими должны быть, с христианской точки зрения, государство, экономика, социальная структура, и могут ли они быть христианскими? Церковь не имеет догматических решений этих вопросов, и христианские мыслители решают их по-разному.

Но отсутствие догматов в этой области предохраняет, в некоторой мере, людей от худшей формы тирании во имя Христа, не исключая, впрочем, некоторые бесспорные данные, помогающие находить верные решения» (Приложение 1 в упомянутом катехизисе, стр. 151)[1].

> Отсутствие у христианских церквей «догматов по общественным вопросам» — т.е. определённых мнений о нормальной организации жизни общества — открывает дорогу беспрепятственному проведению в жизнь ветхозаветно-талмудических догматов по тем же вопросам в единой библейской культуре.

Догматов по вопросам общественной жизни Христос действительно не оставлял. Не всё, оставленное им сохранено в каноне библейского писания, поскольку цензоры и редакторы библейского канона преследовали цель подпереть авторитетом Христа свой внутриобщественный меньшевизм разного рода и власть паразитирующей на общественном управлении “элиты”. Но не всё им неугодное было изъято из канона. Поэтому мы не будем обращаться к апокрифическим евангелиям, которые церкви не признают в качестве священных, а обратимся к общепризнанным церковным текстам, из которых встаёт вероучение и социология, отрицающие и символ веры, и рассуждения большинства церковников о нормах общественной жизни под диктатом “элитарного” разнородного меньшевизма.

«С сего времени Царствие Божие благовествуется и всякий усилием входит в него (Лука, 16:16). *Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, и это всё (по контексту благоденствие земное для всех людей) приложится вам* (Матфей, 6:33). *Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное* (Матфей, 5:20).

Господь Бог наш есть Господь единый (Марк, 12:29). *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Матфей, 22:37, 38). *Не всякий говорящий Мне “Господи! Господи!” войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Матфей, 7:21). *Просите, и дано будет вам; ищите и найдёте; стучите и отворят вам; ибо всякий просящий получает, ищущий находит, и стучащему отворят (...) Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него* (Лука, 11:9, 10, 13). *Когда же прúдет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину...* (Иоанн, 16:13)

Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: подымись и ввергнись в море, и не усомниться в сердце своём, но поверит, что сбудется по словам его — будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам (Марк, 11:23, 24). *Молитесь же так:*

“Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да прúдет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твоё

Но польская интервенция и внутренняя смута в России начала XVII века — порождение политики российской “элиты” и иерархии православной церкви, благословлявшей всю “элитарную” спесивую мерзость по первому требованию светских властей, а то и забегавшей впереди них.

[1] Епископ Александр Семенов-Тян-Шанский — иерарх зарубежной русской православной церкви. Но его катехизис был куплен в Александро-Невской лавре, в киоске которой он не мог продаваться без благословения иерархов отечественной православной церкви. Это означает, что прежде чем благословить его распространение среди мирян, отечественные иерархи согласились с изложением в нём православного вероучения, включая и вопросы социологии.

есть Царство и сила, и слава во веки!” (Матфей, 6:9 — 13). *Не при́дет Царствие Божие приметным образом (...) ибо вот Царствие Божие внутри вас есть* (Лука, 17:20, 21)».

Как видите, это совершенно отличается по смыслу от вырванного из общего исторического контекста поучения меньшевистской церкви:

«Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный» (К Ефесянам послание апостола Павла, 6:5—8).

Как можно понять из приведённого нами, Христос учил переустройству общественной жизни самими людьми по их доброй воле, а не поддержанию ими паразитической власти меньшевизма *бессмысленным* — по отношению к Промыслу — *страстотерпием* трудящегося большинства до тех пор, пока не свершится второе пришествие в известный Всевышнему срок. Речь прямо шла о преображении царствия земных владык по плоти в царствие Божие на Земле в эпоху, предшествующую Судному дню.

Только если эта доктрина деятельно проводится в жизнь уверовавшими Христу, имеет смысл поучение апостола Павла о терпении угнетёнными существующей в обществе вседозволенности ради образумления и спасения душ тех, кто принадлежит правящей “элите” и творит противную Промыслу вседозволенность в отношении других людей.

Если же доктрина преображения общества не проводится в жизнь, то повеление апостола Павла о повиновении рабов господам, не только никчёмно, но и вредно, поскольку никто не должен принимать над собой чьего-либо господства, кроме Божьего.

Мы привели Христову доктрину переустройства общественной жизни, но есть и прямые отрицания им противной Промыслу власти паразитического меньшевизма над трудящимся большинством, обращённые к христианам:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей, 20:25 — 28).

Однако для подавляющего большинства именующих себя христианами непреклонно следовать этой Христовой заповеди либо «слабó», либо нравственно неприемлемо (хочется, очень хочется быть вельможами и господами над другими людьми помимо Бога).

Христову доктрину преображения жизни общества в Царствие Божие на Земле, заповедь Божью (Матфей, 20:25 — 28) “православие”, как и другие христианские церкви (т.е. и иерархии, и покорная им паства), устраняет; устраняет на свой “великодержавный” лаодикийски-спесивый[1] лад преданием своих старцев о третьем Риме, “элитарно-великой” России, не внемля предупреждениям Евангелия об устранении заповедей Божьих преданиями старцев (Матфей, 15:1 — 11).

И если характерное свойство всех земных вельможных властей — эксплуатация человека человеком (либо открытая в рабовладельческих общественно-экономических формациях, либо опосредованная на основе монопольно высоких цен, в чём бы они ни выражались), то подразумевается, что в Царствии Божием паразитизму одних на жизни и труде других места не будет. Но это же — отсутствие паразитизма одних на труде других — жизненный идеал большевизма, который предлагалось осуществить в коммунистической общественно-экономической формации.

Теперь обратимся к истории становления исторически реального христианства, когда очевидцы проповедей Христовых твёрдо знали, что он учил преображению жизни общества в Царствие Божие на Земле, а не покорности осатаневшим властям земным неизвестно во имя чего:

«И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились всё Духа Святого, и говорили слово Божие с дерзновением.

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё было у них общее. Апостолы же с великой силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их; Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чём он имел нужду» (Деяния апостолов, 4:31—36).

---

[1] О Лаодикийской церкви см. Апокалипсис, гл. 3:14.

Как можно понять из приведённого, становлению исторически реального христианства сопутствовало установление коммунистических отношений собственности и коммунистический способ распределения — каждому по потребности. Потребности же были ограничены христианской нравственностью, совестью единой для всех («одно сердце и одна душа»), вследствие чего в общине все жизненные потребности каждого были удовлетворены («не было между ними никого нуждающегося»).

О производственной деятельности первохристиан в этот период не говорится ничего. Чуть ли не единственное место, где говорится о труде в христианских общинах, — у апостола Павла во втором его послании к Фессалоникийцам:

«…мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременять никого из вас, — не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы самих себя дать нам в образец для подражания вам. Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: **если кто не хочет трудиться, тот и не ешь** (выделено нами при цитировании). Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб» (Фессалоникийцам, гл. 3:10, 11).

О характере труда, собственности на средства производства ничего не говорится. Но если исходить из необходимости обеспечить общину всем, *ей необходимым в потреблении на принципах коммунизма,* то отношения собственности на средства производства должны обеспечивать наибольшую отдачу системы производства. При этом что-то может быть в общественной собственности, а что-то в единоличном или семейном пользовании или собственности, в колхозной собственности, но так, чтобы вся произведённая продукция так или иначе отчуждалась в пользу общины для последующего распределения среди нуждающихся в ней.

> Естественно, что функционирование такой производственно-потребительской системы требовало отказа от своекорыстия частнособственнической индивидуалистической нравственности и **труда по совести**, когда «никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1-е Коринфянам, 10:24), в результате чего каждый оказывается окружённым заботой и добродетельностью всех.
>
> То есть исторически реальное христианство времён апостолов было занято строительством коммунизма, а по своим социологическим воззрениям представляло собой хилиазм-миллинаризм.

Только после того, как руководство христианских общин “элитаризовалось” и стало видеть в членах общины «паству»-баранов, которых должно резать или стричь, уже в эпоху после ухода *истинных* апостолов в мир иной, христианство, проповедующее «рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу», было возведено в ранг государственной религии Рима и начало своё распространение в сопредельные страны. Миллинаризм-хилиазм — коммунистическое по своей идеологии вероучение — было объявлено “св. отцами” церкви ересью, а спустя какое-то время было выбито из сознания паствы, не умевшей в своём большинстве читать и писать, которой к тому же было запрещено читать самостоятельно Библию, но предписывалось внимать ей из уст пастырей. Так исторически реальное христианство победило язычество, предав Христа, сокрыв акт предательства, постаравшись забыть этот гнусный подлог одного вероучения и социологической доктрины им враждебными вероучением и социологической доктриной.

Вследствие такой подмены оставленной Христом *социологической доктрины большевизма и коммунизма в Царствии Божием на Земле* ещё в первые четыре века от Рождества Христова, на Руси, крещение которой состоялось только в конце X века, никогда в прошлом не было истинного христианства. Русское православие — обворожительная византийская ложь, липучая и дурманящая как отравленный мёд, предложенная правящей “элите” сионо-интернацистами, и принятая ею к насаждению на Руси с целью узаконить своё паразитирование на труде и жизни трудящегося большинства. И это качество православие, как и католицизм, хранит неотступно поныне во всех своих модификациях.

После 1917 г. этот библейский меньшевизм православной “элиты” оказался в конфликте как с российским большевизмом, внедрившимся в марксизм, так и с марксистским меньшевизмом, вторгшимся в Россию на смену библейскому меньшевизму. В этом конфликте библейски-“православного” церков-

ного меньшевизма[1] с марксистским меньшевизмом, светским по форме, выразился конфликт идеалистического и материалистического атеизма в культуре, развиваемой хозяевами библейского проекта. Одни злочестивые вкушали ярость других, а Бог помогал большевикам на пути к коммунизму-миллинаризму-хилиазму.

4 — 17 сентября 1999 г.

* * *

Мы не выгораживаем апостола Павла и не стремимся снять с него обвинения, высказанные Л.Н.Толстым, в том, что учение распространявшееся Павлом (не им придуманное) подменило собой учение Христа, но человеку не должно клеветать и на дьявола. Беда Павла, других апостолов и первохристиан, последующих поколений христиан, Л.Н.Толстого лично и многих, многих других состоит в том, что искренне желая Царствия Божиего на Земле, они не сумели найти в себе нравственных сил, чтобы отвергнуть доктрину Второзакония-Исаии и преодолеть в себе наваждение инсценировки «самопожертвования, казни и воскресения бога», вера во что подменила веру **Богу, который есть**, поскольку без веры по совести непосредственно Богу, без сокровенного искреннего диалога с Ним по совести Царствие Божие на Земле осуществить не удастся…

16 — 19 декабря 2000 г.

---

[1] Кулацкие нравы, поддерживались в простонародье церковным меньшевизмом, и потому никто иной, как русская православная церковь ответственна перед людьми, Христом и Богом за трагедию раскулачивания. Проповедуй она хилиазм-миллинаризм, как то делали апостолы, каждый царь, крепостник, кулак знал бы, что он глубоко порочен в своём отношении к жизни и другим людям, которых он старается подчинить своему произволу, подменяющему собой Божий Промысел.

Принять хилиазм-миллинаризм в качестве официальной церковной социологической доктрины во второй половине XIX века — значило избавить Россию от революций в начале XX века, но мерзостная российская "элита", в том числе и церковная, на это пойти не могла; не согласилось бы с этим и кулачество. За что и поплатились в первой половине XX века.

3. Истина о том, что болит голова?

Ниже приведено начало текста почти одноимённой статьи М.М.Дунаева “Истина о том, что болит голова”, взятой нами с одного из библейски-“православных” сайтов в Интернете: http://ouspenie.geralt.yaroslavl.su/ .

— Верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку? — спрашивает пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат у бродячего правдовозвестителя Иешуа Га-Ноцри. — У меня и осла-то никакого нет, игемон, — недоумённо отвечает тот. — Пришёл я в Ершалаим точно через Сузские ворота, но пешком, в сопровождении одного Левия Матвея, и никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал” (Михаил Булгаков. Романы. Л., 1978, с. 443).

Проделать бы эксперимент: попытаться растолковать смысл этого места в романе М.Булгакова "Мастер и Маргарита” — ну, хотя бы тем тихим старушкам, что стекаются на исходе шестой седмицы Великого Поста в Божьи храмы, держа в руках веточки, покрытые белыми барашками...

Уже первые критики, откликнувшиеся на роман, заметили, не могли не заметить, реплику Иешуа по поводу записей его ученика Левия Матвея: “Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И всё из-за того, что он неверно записывает за мной (...) ..Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал” (там же с. 439). Устами своего героя автор отверг истинность Евангелия.

Да и без реплики этой, — различия между Писанием и романом столь значительны, что нам помимо воли нашей навязывается выбор, ибо нельзя совместить в сознании и в душе оба текста. Всю силу своего дарования призвал на помощь писатель дабы заставить читателя поверить: истина в том, что составило содержание романа. Должно признать что наваждение правдоподобия, иллюзия достоверности — необычайно сильны у Булгакова. Бесспорно: роман “Мастер и Маргарита” — истинный литературный шедевр. И всегда так бывает: выдающиеся художественные достоинства произведения становятся сильнейшим аргументом в пользу того, что пытается внушить художник...

Не будем задерживать внимание на множестве бросающихся в глаза различий между рассказом о событиях у евангелистов и версией романиста. Сосредоточимся на главном: перед нами — иной образ Спасителя. Знаменательно, что персонаж этот несёт у Булгакова иное звучание своего имени: Иешуа. Но это именно Христос. Недаром Воланд, предваряя повествование Мастера, уверяет Берлиоза и Иванушку Бездомного: “Имейте в виду, что Иисус существовал” (с. 435). Да, Иешуа — это Христос, представленный в романе как единственно истинный, в противоположность евангельскому, измышленному якобы, порождённому нелепостью слухов и бестолковостью ученика. Миф о Иешуа начинает твориться на глазах читателя. Так, начальник тайной стражи Афраний сообщает Пилату сущий вымысел о поведении бродячего философа во время казни. Иешуа вовсе не твердил приписываемых ему Афранием слов о трусости, не отказывался от питья. Правда, те же слова о трусости имеются и на пергаменте Левия Матвея (на козлином пергаменте — что за деталь!), но доверие к записям ученика подорвано изначально самим учителем. Если не может быть веры свидетельствам явных очевидцев — что говорить тогда о позднейших писаниях? Да и откуда взяться правде, если ученик был всего один (остальные, стало быть, самозванцы?), да и того лишь с большой натяжкой можно отождествлять с евангелистом Матфеем. Следовательно, все последующие свидетельства — вымысел чистейшей воды.

Но Иешуа не только именем и событиями жизни отличается от Иисуса — он существенно иной, иной на всех уровнях: сакральном, богословском, философском, психологическом, физическом.

Он робок и слаб, простодушен, непрактичен, наивен до глупости. Он настолько слабое представление о жизни имеет, что не может в любопытствующем Иуде из Кириафа распознать заурядного провокатора-стукача (тут любой “простой советский человек” почувствует горделиво своё безусловное превосходство над нищим мудрецом). По простоте душевной Иешуа и сам становится добровольным доносчиком, ибо без всякого внешнего побуждения со стороны Пилата в самом же начале допроса “стучит”, того не подозревая, на верного ученика Левия Матвея, сваливая на него все недоразумения с толкованием собственных слов и дел. Тут уж поистине: простота хуже воровства. Лишь равнодушие Пилата, глубокое и презрительное, спасает, по сути, Левия от возможного преследования. Да и мудрец ли он, этот Иешуа, готовый в любой момент вести беседу с кем угодно и о чём угодно?

Его принцип: "правду говорить легко и приятно" (стр. 446). Никакие практические соображения не остановят его на том пути, к которому он считает себя призванным. Он не остережётся даже тогда, когда его правда становится угрозою для его же жизни. Но мы впали бы в заблуждение, когда отказали бы Иешуа на этом оснований хоть в какой-то мудрости. Тут-то как раз он достигает подлинной духовной высоты, ибо руководствуется не практическими соображениями рассудка, но стремлением более высоким. Иешуа возвещает свою правду вопреки так называемому "здравому смыслу", он проповедует как бы поверх всех конкретных обстоятельств, поверх времени — для вечности. Поэтому он не только надздравомысленно мудр, но и нравственно высок.

Иешуа высок, но высота его — человеческая по природе своей. Он высок по человеческим меркам. Он человек. В нём нет ничего от Сына Божия. Божественность Иешуа навязывается нам соотнесённостью, несмотря ни на что, его образа с личностью Христа. Однако если и сделать вынужденную уступку, вопреки всей очевидности, представленной в романе, то можно лишь признать условно, что перед нами не Богочеловек, а человекобог. Вот то главное новое, что вносит Булгаков, по сравнению с Новым Заветом, в своё "благовествование" о Христе.

Сын Божий явил нам высший образец смирения, истинно *смиряя* Свою Божественную силу. Он, Который одним взглядом мог бы разметать всех утеснителей и палачей, принял от них поругание и смерть по доброй воле и во исполнение воли Отца Своего Небесного. Иешуа явно положился на волю случая и не заглядывает далеко вперёд. Он смирения в себе не несёт, ибо нечего ему смирять. Он слаб, он находится в полной, вопреки своей воле, зависимости от последнего римского солдата, не способен, если бы и захотел, противиться внешней силе. Иешуа жертвенно несёт свою правду, но жертва его не более чем романтический порыв плохо представляющего своё будущее человека.

Христос знал, что Его ждёт. Иешуа такого знания лишён, он простодушно просит Пилата: "А ты бы меня отпустил, игемон" (с. 448) и верит, что это возможно. Пилат и впрямь готов был бы отпустить нищего проповедника, и лишь примитивная провокация Иуды из Кириафа решает исход дела к невыгоде Иешуа. Поэтому, по Истине, у Иешуа нет не только волевого смирения, но и подвига жертвенности.

У Иешуа нет и трезвой мудрости Христа. По свидетельству евангелистов, Сын Божий был немногословен перед лицом своих судий. Иешуа, напротив, чересчур говорлив. В необоримой наивности своей он готов каждого наградить званием доброго человека и договаривается под конец до абсурда, утверждая, что кентуриона Марка изуродовали именно "добрые люди". В подобных идеях нет ничего общего с истинной мудростью Христа, простившего Своим палачам их преступление. Иешуа же не может никому и ничего простить, ибо простить можно лишь вину, грех, а он не ведает о грехе. Он вообще как бы находится по другую сторону добра и зла.

Но и как проповедник Иешуа безнадёжно слаб, ибо не в состоянии дать людям главного — веры, которая может послужить им опорою в жизни. Что говорить о других, если не выдерживает первого же испытания даже ученик-"евангелист", в отчаянии рассылающий проклятия Богу при виде казни Иешуа.

Да и уже отбросивший человеческую природу, спустя без малого две тысячи лет после событий в Ершалаиме, Иешуа, ставший наконец Иисусом, не может одолеть в споре всё того же Понтия Пилата — и бесконечный диалог их теряется где-то в глубине необозримого грядущего на пути, сотканном из лунного суета. Или это христианство являет свою несостоятельность?

Иешуа слаб, потому что не ведает он Истины. То важнейший, центральный момент всей сцены между Иешуа и Пилатом в романе — диалог об Истине. — Что такое истина? — скептически вопрошает Пилат.

Христос здесь безмолвствовал. Всё уже было сказано, всё возвещено. Иешуа же многословен необычайно: — Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе даже трудно глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чём-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдёт (с. 441).

Христос безмолвствовал — и в том должно видеть глубокий смысл.

Но уж если заговорил — ответь же на величайший вопрос, какой только может задать человек Богу, ибо ты вещаешь для вечности, и не только прокуратор Иудеи ждёт ответа. Но всё сводится к примитивному сеансу психотерапии. Мудрец-проповедник на поверку оказался средней руки экстрасенсом (выразимся по-современному!). И нет никакой скрытой глубины за теми словами, никакого потаённого смысла, который заключался даже в молчании истинного

Сына Божия. А тут — Истина оказалась сведённой к тому незамысловатому факту, что у кого-то в данный момент болит голова.

Нет, это не принижение Истины до уровня бытового сознания. Всё гораздо серьёзнее. Истина, по сути, отрицается тут вовсе, она объявляется лишь отражением быстротекущего времени, неуловимых изменений реальности. Иешуа всё-таки философ. Слово Спасителя всегда собирало умы в единстве Истины. Слово Иешуа побуждает к отказу от такого единства, к дроблению сознания, к растворению Истины в хаосе мелких недоразумений, подобных головной боли. Он всё-таки философ, Иешуа. Но его философия, внешне противостоящая как будто суетности житейской мудрости, погружена в стихию "мудрости мира сего".

"Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их. И ещё: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны" (1 <послание> Кор<инфянам, гл.> 3, 19 — 20). Поэтому-то нищий философ сводит под конец все мудрствования не к прозрениям в тайны бытия, а к сомнительным идеям земного обустройства людей. Иешуа предстаёт носителем утопических идей социально-политической справедливости: "В числе прочего я говорил, — рассказывал арестант, — что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдёт в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть" (с. 447). Царство истины? "Но что есть истина?" — только и можно спросить вслед за Пилатом, наслушавшись подобных речей.

Ничего оригинального в такой интерпретации учения Христа нет. Ещё Белинский в пресловутом письме к Гоголю утверждал о Христе: "Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения" (В.Г.Белинский. Собр. соч. в трёх томах, т. 3, М., 1948, с. 709). Идея, на что и сам Белинский указал, восходит к материализму Просвещения, то есть к той самой эпохе, когда "мудрость мира сего" была обожествлена и возведена в абсолют. Стоило ли огород городить, чтобы возвратиться всё к тому же?

Можно угадать при этом возражение поклонников романа: главной целью автора было художественное истолкование характера Пилата как психологического и социального типа, эстетическое его исследование. Несомненно, Пилат — прежде всего привлекает романиста в той давней истории. Пилат вообще одна из центральных фигур всего романа. Он крупнее, значительнее как личность, нежели Иешуа. Образ его отличается большей цельностью и художественной завершённостью. Всё так. Но зачем ради того было перекорёживать Евангелие?

Но это большинством нашей читающей публики и вовсе как несущественное воспринимается. Литературные достоинства романа как бы искупают любое кощунство, делают его даже незаметным — тем более что публика настроена обычно если и не строго атеистически, то в духе религиозного либерализма, при котором за всякою точкою зрения на что угодно признаётся законное право существовать и числиться по разряду истины. Иешуа же, возводивший в ранг Истины головную боль пятого прокуратора Иудеи, давал тем самым своего рода идеологическое обоснование возможности сколь угодно многого числа идей-истин подобного уровня. Кроме того, булгаковский Иешуа предоставляет всякому, кто лишь пожелает, щекочущую воображение возможность отчасти свысока взглянуть на Того, перед Кем Церковь преклоняется как перед Сыном Божиим. Лёгкость вольного обращения с Самим Спасителем, которую обеспечивает роман "Мастер и Маргарита" согласимся, тоже чего-то стоит! Для релятивистски настроенного сознания тут и кощунства никакого нет.

Впечатление достоверности рассказа о событиях двухтысячелетней давности обеспечивается в романе Булгакова правдивостью критического освещения современной действительности, при всей гротескности авторских приёмов. Разоблачительный пафос романа признаётся как несомненная нравственно-художественная ценность его. Но тут нужно заметить что (как ни покажется то обидным и даже оскорбительным для позднейших исследователей Булгакова) сама тема эта, можно сказать открыта и закрыта одновременно уже первыми критическими отзывами на журнальную публикацию романа, и прежде всего обстоятельными статьями В.Лакшина (Роман М.Булгакова "Мастер и Маргарита". — Новый мир, 1968, № 6) и И.Виноградова (Завещание мастера. — Вопросы литературы, 1968, № 6). Без сомнения, здесь ещё многое можно выявить — количественно; однако качественно что-либо новое сказать вряд ли удастся. Да и что можно нового добавить к простой констатации факта: Булгаков в своём романе дал убийственную критику мира недолжного существования, разоблачил, высмеял, испепелил огнём язвительного негодования суетность и ничтожество нового советского культурного мещанства. Нет слов, задача до тонкости исследовать сами методы булгаковской разоблачительной критики — весьма увлекательна. Но отчасти хотя бы: не топтанием ли то будет на месте, повторением на разные лады одного и того же, одного и того же. Тут, пожалуй, благодатное поле деятельности для студентов-дипломников филологических факультетов — но уже не более того.

Оппозиционный по отношению к официальной культуре дух романа, а также трагическая судьба его автора, как и трагическая первоначальная судьба самого произведения, помогли вознесению созданного пером Михаила Булгакова на недосягаемую для любого критического суждения высоту. Всё курьезно осложнилось и тем, что для значительной части наших полуобразованных читателей роман "Мастер и Маргарита" долгое время оставался едва ли не единственным источником, откуда можно было черпать сведения о евангельских событиях. Достоверность булгаковского повествования поверялась им же самим — ситуация печально-забавная. Посягновение на святость Христа само превратилось в своего рода интеллигентскую святыню. Булгакову ныне прощается всё, его критиков ждёт остракизм.

Понять феномен шедевра Булгакова помогает мысль архиепископа Иоанна (Шаховского): "Одна из уловок духовного зла, это — смешать понятия, запутать в один клубок нити разных духовных крепостей и тем создать впечатление духовной органичности того, что не органично и даже антиорганично по отношению к человеческому духу" (Московский церковный вестник, 1991, № 1, с. 14). Правда обличения социального зла и правда собственного страдания создали защитную броню для кощунственной неправды романа "Мастер и Маргарита". Для неправды, объявившею себя единственною Истиною. Там всё неправда — как бы говорит автор, разумея Священное Писание. "Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время". Правда же открывает себя вдохновенными прозрениями Мастера, о чём свидетельствует с несомненностью претендующий на безусловное доверие наше — Сатана. (Скажут: это же условность. Возразим: всякая условность имеет свои границы, за которыми она безусловно отражает определённую идею).

Роман Булгакова посвящен вовсе не Иешуа, и даже не в первую очередь самому Мастеру с его Маргаритою, но — Сатане. Воланд есть несомненный главный герой произведения, его образ — своего рода энергетический узел всей сложной композиционной структуры романа. Главенство Воланда утверждается изначально эпиграфом к первой части: "Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо".

Слова Мефистофеля, вознесённые над текстом романа, призваны выявить своего рода диалектичность, а точнее, (употребим модное словечко) амбивалентность дьявольской природы, якобы направленной в конце концов на сотворение добра. Мысль, требующая осмысления. Сатана действует в мире лишь постольку, поскольку ему дозволяется то попущением Всевышнего. Но всё, совершающееся по воле Создателя, не может быть злом, направлено к благу Его творения, есть, какой мерою то ни меряй, выражение высшей справедливости Господней. "Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его" (Пс<алм>. 144, 9) . В этом смысл и содержание христианской веры. Поэтому зло, исходящее от дьявола, преобразуется во благо для человека, благодаря именно Божьему попущению, Господнему произволению. Но по природе своей, по дьявольскому изначальному намерению оно продолжает оставаться злом. Бог обращает его во благо — не Сатана. Поэтому, утверждая: "я творю добро", — служитель ада лжёт, присваивает себе то, что ему не принадлежит. И эта сатанинская претензия на исходящее от Бога — воспринимается автором "Мастера и Маргариты" как безусловная истина, и на основании веры в дьявольский обман Булгаков и выстраивает всю нравственно-философскую и эстетическую систему своего творения.

Воланд в романе — безусловный гарант справедливости, творец добра, праведный судия для людей, чем и привлекает к себе горячее сочувствие читателя. Воланд — самый обаятельный персонаж романа, гораздо более симпатичный, чем малахольный Иешуа. Он активно вмешивается во все события, и всегда действует во благо — от наставительных увещеваний вороватой Аннушки до спасения от небытия рукописи Мастера (не будем разделять действия самого Воланда и его подручных). Не от Бога — от Воланда изливается на мир справедливость. Недееспособный Иешуа (якобы Сын Божий) ничего не может дать людям, кроме абстрактных, духовно расслабляющих рассуждений о не вполне вразумительном добре, да кроме туманных обещаний грядущего царства истины, которое, по его же логике, может обернуться скорее всего лишь царством головной боли (вот напророчил!). Воланд твердою волею направляет деяния людей, руководствуясь понятиями вполне конкретной справедливости и одновременно испытывая к людям неподдельную симпатию, даже сочувствие: "Ну что же, они — люди как люди. (...) Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... (...) квартирный вопрос только испортил их..." (с. 541).

Под конец Воланд действует скорее как Ангел Господень, осуществляя волю Того, Кто на завершающих страницах романа начинает смутно угадываться за всеми событиями мировой истории. И вот важно: даже прямой посланник Христа, Левий Матвей, скорее просит (даже "моляще обращается"), нежели приказывает Воланду. Сознание своей правоты позволяет Воланду с долею высокомерия отнестись к неудавшемуся ученику "евангелисту", как бы незаслуженно присвоившему себе право быть рядом с Сыном Божиим. Воланд настойчиво под-

чёркивает с самого начала: именно он находился рядом с Иисусом в момент важнейших событий, “неправедно” отражённых в Евангелии.

Но зачем так настойчиво навязывает он свои свидетельские показания? И не он ли направлял вдохновенное прозрение Мастера, пусть и не подозревавшего о том? “Рукописи не горят” — эта дьявольская ложь привела когда-то в восторг почитателей булгаковского романа (ведь так хотелось в то верить!). Горят. Но что спасло эту?

Давно уже сказано, что дьяволу особенно желательно, чтобы все думали, будто его нет. Вот то-то и утверждается в романе. То есть не вообще его нет, а не выступает он в роли соблазнителя[1], сеятеля зла. Поборником же справедливости — кому не желательно, не лестно предстать в людском мнении?

Рассуждая об этой особенности Воланда, критик И.Виноградов сделал необычайно важный вывод относительно причины “странного” поведения Сатаны: он не вводит никого в соблазн, не насаждает зла, не утверждает активно неправду (что как будто должно быть свойственно дьяволу), ибо в том нет никакой нужды. Зло и без бесовских усилий действует в мире, оно имманентно миру, отчего Воланду остаётся лишь наблюдать естественный ход вещей. Трудно сказать, ориентировался ли критик сознательно на религиозную догматику, но объективно (хотя и смутно) он выявил важное: булгаковское понимание мира в лучшем случае основано на католическом учении о несовершенстве первозданной природы человека, требующей активного внешнего воздействия для её исправления. Таким внешним воздействием, собственно, и занимается Воланд, карая провинившихся грешников. Внесение же соблазна в мир от него и не требуется: мир и без того соблазнён изначально, или же несовершенен изначально. Кем соблазнён, если не Сатаною? Кто совершил ошибку, сотворив мир несовершенным? Или не ошибка то была, а сознательный изначальный расчёт? Роман Булгакова открыто провоцирует эти вопросы, хотя и не даёт на них ответа. Додумываться должен читатель — самостоятельно.

Критик В.Лакшин обратил внимание на иную сторону той же проблемы: “В прекрасной и человечной правде Иешуа не нашлось места для наказания зла, для идеи возмездия. Булгакову трудно с этим примириться, и оттого ему так нужен Воланд, изъятый из привычной ему стихии разрушения и зла и как бы получивший взамен от сил добра в свои руки меч карающий” (Новый мир, 1968, № 6, с. 299). Критики заметили сразу: Иешуа воспринял от своего евангельского Прототипа лишь слово, но не дело. Дело — прерогатива Воланда. Но тогда... сделаем вывод самостоятельно... Иешуа и Воланд — не что иное, как две ипостаси Христа? Да, в романе “Мастер и Маргарита” Воланд и Иешуа — это персонификации булгаковского осмысления двух сущностных начал, определивших земной путь Христа. Что это — тень манихейской ереси?

Но как бы там ни было, парадокс системы художественных образов романа “Мастер и Маргарита” выразился в том, что именно Воланд-Сатана воплотил в себе хоть какую-то религиозную идею бытия, тогда как Иешуа — и в том сошлись все критики и исследователи — есть характер исключительно социальный, отчасти философский, но не более. Можно лишь повторить вместе с В.Лакшиным: “Мы видим здесь человеческую драму и драму идей. (...) В необыкновенном и легендарном открывается по-человечески, понятное, реальное и доступное, но оттого не менее существенное не вера, но правда и красота” (там же с. 289).

....

И в том же смысле далее: Правда-Истина исключительно в библейской “православной” традиции при упорном нежелании соотнести её с жизнью и подумать над тем, что всё неприятие романа “Мастер и Маргарита” воцерковленными проистекает из того, что Бога в романе М.А.Булгакова они не увидели, а тот демонизм и сатанизм, которые с их точки зрения показаны в романе привлекательно, это — якобы не их демонизм и сатанизм, скрытый под покровом хитросплетений византийского ритуала и догматики…

Первая редакция завершена 19 декабря 2000 г.
Вторая редакция осуществлена 26 — 30 октября 2001 г.
Уточнения: 25 апреля 2003 г.
6 сентября, 8 октября 2004 г.

[1] Это напраслина: М.М.Дунаев по всей видимости в “православном” гневе запамятовал о том, как в сюжете романа Воланд заманивал доверчивых москвичей на сеанс чёрной магии с полным разоблачением.